

ЖИВАЯ СТАРИНА

ПЕРИОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ОТДЕЛЕНИЯ ЭТНОГРАФИИ

ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

подъ редакцію Предсѣдательствующаго въ Отдѣленіи Этнографіи

В. И. Ламанского

Выпускъ II

ГОДЪ ВТОРОЙ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Н. Худекова. Владимирскій пр. № 12
1892

Печатано съ разрѣшенія Совѣта Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОТДѢЛЪ I.

Очеркъ русской діалектологіи.

Б. Сѣверно-великорусское, или окающее поднарѣчіе.

Главная характеристическая черта сѣверно-великорусскихъ, или окающихихъ говоровъ—сохранение древняго (=ореографического) неударяемаго *о*. Разные изслѣдователи указываютъ большее или меньшее количество исключений, т. е. приводятъ случаи аканья. Но значительная часть словъ съ аканьемъ, находящихся въ окающихихъ говорахъ,—слова, заимствованныя изъ акающихихъ говоровъ, книжныя и новыя русскія или иностранныя: *карапь*, *парадуть*, *саждать*, *банвой*, *Расея*. Другія слова съ *а* вместо *о* имѣли это *а* еще въ древне-русскомъ языке: *манастырь*.

Другія черты окающихихъ говоровъ слѣдующія. Древнєе (=ореографическое) ударяемое и неударяемое *а* послѣ твердыхъ согласныхъ сохраняется: *баловать*, *пахать*. Разные изслѣдователи говорять о спорадическомъ произношениі окающими, вместо неударяемаго *а*,—неударяемаго *о*, но одни изъ указываемыхъ ими словъ имѣютъ древнєе *о* (вместо котораго мы пишемъ *а*): *робота*, *рокита*, *ровнять*, *поромъ*, *корманъ*, *стоканъ*, *олтарь*, *полата*, *тороканъ*, *Ондрей*, *Олёна* ф. родит. ед. доброво, другія—позднѣйшія заимствованія изъ акающихихъ говоровъ: *зомпада*, *корета*, *локей*, *тонцововать*¹).

Древнєе (=ореографическое) неударяемое *е* передъ твердыми согласными и въ концѣ словъ въ массѣ случаевъ, подобно ударяемому, звучить какъ *о* (т. е. *ё*): *сѣло*, *стѣкло*, *бѣдро*, *вылѣтать*, *човѣ*, *јово*, *торгүйтъ*, *сидѣтѣ*, *пойдѣмътѣ*; при чёмъ слышится рядомъ: *дѣрѣ* и *дери*, *помѣрлѣ* и *помѣрѣть*.

Древнєе неударяемое *е* въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при переходѣ его въ *о* не произошло, иногда звучить какъ *и*: *помирѣть*.

¹) Графъ Н. Толстой въ «Заволжскихъ Очеркахъ», М. 1837, приводя рѣчи крестьянъ заволжской части Макарьевскаго у. Нижегородской губ., пишетъ *кохись*, *нородъ*, *кохихъ*; но, вероятно, мы имѣемъ здесь дѣло съ ошибками человѣка, мало знакомаго съ народною рѣчью.

Древнее (=оноографическое) *о* и *о* образовавшееся изъ *е* (т. е. ё), ударяемое и неударяемое, звучить не открыто, какъ въ окающихъ говорахъ, а закрыто, ближе къ *у*. Многіе окающіе говоры имѣютъ *о* очень закрытое, которое иногда кажется намъ тождественнымъ съ *у* и которое производить на нашъ слухъ непріятное впечатлѣніе. Сѣверяне называютъ свою рѣчъ съ закрытымъ *о* и *изкою*.

Древнія группы *ae*, *oe* звучать обыкновенно (но не всегда) какъ *a*, *o*: дѣлать, играть=дѣлаеть, играетъ, мовб, мому=моего, моему.

Древніе мягкие согласные сохраняются передъ суффиксами *ск* и *ство* (особенно передъ первымъ): царьской, царство или царьство, причемъ иногда звучить мягко и съ суффикса: царьской.

Изъ формъ слѣдуетъ отмѣтить форму род. ед. прилагательныхъ, которая, вместо ожидаемаго окончанія *ово*, часто (но не всегда) можетъ имѣть окончаніе *оа*: дѣброва, слепдва (но ёвб, ковб и т. п.), формы имен.-вин. мн. моѣ, твоѣ, чѣ и т. п.=мои, твои, чьи, ф. род. мн. моѣхъ, твоѣхъ и т. п., ф. дат. мн. моѣмъ, твоѣмъ и т. д. Формы им. ед. прилагат. муж. р. всегда оканчиваются на *ой*: дѣброй, слепдой. Мѣстоименіе 3-го лица часто звучить ёнъ, ёнѣ, ёнб, множ. ч. оны, ёны. Формы 2-го лица ед.—даси (=дашь), юси (=ышь). Формы сравнительной степени—на ёе: скорѣе и т. п.

Окающіе говоры могутъ быть сведены въ двѣ большія группы: 1) группу не цокающу и 2) группу цокающую. Даль называетъ эти группы восточною и сѣверною, но его название едва ли вполнѣ удачно: говоры не цокающіе слышатся далеко на сѣверо-западѣ (около Тихвина и Бѣлаго озера), а цокающіе—на югѣ (въ Муромскомъ и Меленковскомъ у. Владимирской губ. ¹⁾)

Территорія, занимаемая не цокающими говорами, не обширна. Она состоитъ изъ юго-восточной части Тверской губ. (Колязинскій и Корчевскій уѣзды), большей части Владимирской (такъ что западъ ея почти не цкается, а востокъ, по Окѣ, по сосѣдству съ губ. Рязанской, Тамбовской и Нижегородской, имѣть болѣе или менѣе сплошное цоканье), большей части Ярославской (здѣсь цокаютъ по Шекснѣ, Сити и Мологѣ), западной части Костромской (восточная, лѣсная часть—уѣзды Ветлужскій, Варнавинскій, Кологривскій отчасти—цкаеть) сѣверо-западной части Нижегородской (въ части юго-восточной, пососѣдству съ Владимирской губ., есть селенія цокающія), Симбирской, большей части Казанской, части южнаго Пріуралья. Вообще цоканья не слышно въ предѣлахъ древ-

¹⁾ Объ окающихъ говорахъ и ихъ дѣленіи см. «Замѣтки о языке и народной поэзии въ области сѣверно-великорусского нарѣчія» (Записки Акад. Наукъ, томы 28, кн. 2, и 30, кн. 1). Авторъ, покойный Колосовъ, объѣхалъ рядъ селеній и сдѣлалъ хотя мимолотныя, но иерѣдко цѣнныя наблюденія въ губ. Владимирской, Ярославской, Повгородской, Олонецкой и Вятской.

ней Суздальской области и въ тѣхъ мѣстахъ, на востокѣ отъ нея (въ среднемъ Поволжье и далѣе), которые заняты въ XVI в. и позже переселенцами изъ Суздальщины.

Эта территорія не сплошь занята не цокающими говорами: между ними мѣстами, то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ, какъ бы вкраплены говоры цокающіе; они явились здѣсь вслѣдствіе разновременныхъ переселеній крестьянъ, какъ старыхъ, такъ и позднѣйшихъ.¹⁾ Колосовъ нашелъ цокающія деревни въ уѣздахъ Переславскомъ, Юрьевскомъ, Суздальскомъ, Владимирскомъ и Ковровскомъ Владимирской губ.; Шевыревъ—въ уѣздѣ Александровскомъ, по дорогѣ къ Александрову отъ Сергиевой Лавры²⁾.

1. Группа не цокающаѧ. Изъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія (скучныя) лишь о говорѣ г. Колязина. Наблюдатель такъ говоритъ о немъ. «Главную роль играетъ буква *о*. Вездѣ, гдѣ только стоитъ она въ словахъ, сохраняетъ свой чистый, неизмѣненный звукъ, и никогда, ни въ одномъ словѣ, не переходитъ въ *a*... Но эта буква не произносится никогда такъ крѣпко, какъ въ другихъ мѣстахъ, гдѣ она просто терзаетъ не привычный слухъ. Такъ, слово голова: въ селеніяхъ Колязинского уѣзда, прилежащихъ Суздальскому и Переславскому,—голова, съ самыми крѣпкими удареніемъ надъ обоями *o*...; въ Колязинѣ—голова. Буква *e* въ началѣ и въ срединѣ словъ произносится большою частью какъ *ë*:³⁾ еще—ещѣ, стекло—стѣло, ведро—вѣдро и т. п. Въ концѣ глаголовъ *ё* звучить крѣпче: сидѣтѣ, ходитѣ, торгуѣтъ, гуляїтъ, особенно, когда къ глаголу прибавляется *те*: пойдѣмъ-тѣ, сядѣмъ-тѣ». Форма дат. мн. «всегда, безъ исключенія», замѣняется формою твор. и на оборотъ: вотъ гостинецъ вашими дѣтьми,неситѣ євоими, какъ я рать вамъ, съ сыновьями, дочерями и со фсемъ гостямъ вашими⁴⁾.

Объ не цокающихъ говорахъ Владимирской губ. мы знаемъ тоже немного. Колосовъ сообщаетъ, что въ этой губерніи оканье сильнѣе къ югу

¹⁾ А иногда и горожанъ. О выводѣ Новгородцевъ въ центральные города московской Руси, между прочимъ въ Муромъ, въ XVI вѣкѣ, см. у Чечулии, Города московского государства, 184.

²⁾ «Что Владимирцы-то въ Александровѣ какъ говорятъ? по вашему?—Нѣть (отвѣчалъ изволникъ), тамъ говорять не такъ чисто, какъ у насъ. Бывалы въ Москвѣ, конечно, говорятъ почище, а тутъ-то въ Александровѣ присоказивають... Поводомъ къ этому разговору было село Слотино... Женщина, у которой мы спросили квасу, сильно ца вокаха. Вотъ вѣмъ цашечка, говорила она» (Шевыревъ, Поѣзданка въ Кирилло-Бѣлоzemерскій монастырь, М. 1850, I, 31—32).

³⁾ Авторъ пишетъ ёю.

⁴⁾ Калячовъ, Архивъ историч. и практич. свѣдѣній, относ. до Россіи, кн. 2-я, Сб. 1861 («Записка о г. Колязинѣ», стр. 75—76).

оть Владимира, слабѣе къ сѣверу. Онъ же отмѣчаетъ подслушанное имъ въ разныхъ мѣстахъ той же губ. бѣдѣ, пѣсокъ, рѣка (=бѣда, пѣсокъ, рѣка).

Въ говорѣ Ковровскаго у. о звучить очень закрыто и, можетъ быть, иногда переходить въ у. Во всякомъ случаѣ въ немъ отмѣчено буѣре, кувыль. Сверхъ того, въ немъ слышится вм. неударяемаго е—часто ё (даже трѣмѣ, тѣты=цвѣты) и изрѣдка и, послѣ ж и ш—ы (плачить, къ лапушки, скажи-ть) и встрѣчается стуженіе гласныхъ (кланетца=кланяется, слово, дѣбло, сву сторону=свою); впередъ у опускается: голдушка, дѣушка=голоушка, дѣв—. Изъ формъ замѣчательны ф. род. тѣй, сей=тебя, себя, дат. тѣё, соѣ, род. на ова, мѣстн. на солѣ, при фсѣмъ народе (не: фсѣмъ), З л. мн. носютъ, водятъ. Отдѣльные слова (немногія) имѣютъ и вм. ч: тысяча¹).

О говорѣ Переславскаго у. мы не знаемъ почти ничего (слово, дѣброва, сваѣнька==свахонька²).

Тѣ же должно сказать о говорахъ Юрьевскаго уѣзда, села Бережокъ (о умѣренно закрытое, въ отдѣльныхъ словахъ и вм. ч: чудно), и Гороховецкаго у. (ф. род. на ова, ф. твор. съ тремя дубинамъ, за кусочками³).

Говорѣ Вязниковскаго у. также имѣеть очень закрытое о («сильно замѣчается удареніе на о», говорить наблюдатель). Въ немъ отмѣчены: бизпирѣчь=безшеречь (безпрестанно), бать=баетъ, мому=моему, формы род. тѣй, дат. тѣё, род. на ова. Этотъ говорѣ, благодаря вліянію сосѣднихъ акающихъ говоровъ, имѣеть иногда въ концѣ словъ а вм. о безъ ударенія: блѣга=благо, близѣшенька, гѣжа=гоже⁴).

Говорѣ села Гудина, Александровскаго у. (близъ границы Московской губ., въ 15 верстахъ оть Сергиевой Лавры) принадлежитъ къ числу смыщанныхъ. Онъ строго сохраняетъ о передъ удареніемъ и замѣняетъ его черезъ а послѣ ударенія; такъ, обр. въ немъ слышится рядомъ: 1) кобыла, возить, корыто и 2) прокислай, дѣканъ, стѣкай, дѣбраха⁵).

Колосовъ такъ характеризуетъ «ярославское» о: оно «произносится звучнѣе, отчетливѣе, чѣмъ на сѣверѣ; это—рѣзко отчеканинныи звукъ».

¹) Смирновъ, Пѣсни крестьянъ Владимирской и Костромской губерній. Собранны и изданы съ сохраненіемъ мѣстнаго выговора. М. 1847. Сравни Даля.

²) Тихонравовъ, Владимирскій Сборникъ, М. 1857, стр. 36 слѣд.

³) Труды Владимирскаго Губ. Ст. К., III, 1864 (ст. «Свад. обряды въ Мордвиновской волости»).

⁴) Труды Владимирскаго Губ. Статист. Комитета, VII, 1868 года (ст. «Обычай хоронить Кострому»); Голышевъ, Богоявленская слобода Мстера, Владимиръ, 1865.—Вязниковскій говорѣ принадлежитъ къ числу пѣвущихъ (замѣчается «пѣвучесть голоса въ разговорѣ»).

⁵) Русск. Фил. В. 1879 г. № 2, 1880 г. № 1.

Изъ говоровъ Ярославской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія лишь объ одномъ— Ярославскаго у., на правой сторонѣ Волги (села Козьмодемьянское и Иваньково съ окрестностями). Оно принадлежитъ къ числу смѣшанныхъ. По словамъ наблюдателя, о въ немъ звучить «чисто и открыто, безъ наклонности перейти въ *a* или *u*», но въ 2-мъ слогѣ передъ ударяемымъ замѣняется черезъ краткое *a*: харошъ, залотой, а въ отдѣльныхъ словахъ, безъ ударенія, «произносится какъ *u*»: утопрѣй, укунусь; є изъ *e* безъ ударенія постоянно передъ слѣдующимъ твердымъ согласнымъ; встрѣчается *и* изъ *e* безъ ударенія: *илишъ*, *нихарошъ*, *сирѣда*, *бирѣжокъ*; иерѣдко *и* вм. *ъ* при слѣдующемъ мягкому согласномъ: обѣдна (при обѣдать), отвѣтить (при отвѣтъ); изрѣдка *е* изъ *я*, обыкновенно безъ ударенія: *айчко* (при опѣть, опрести, горѣчай); обычно стяженіе гласныхъ (въ ф. 2 и 3 л. ед., рѣже 1 л. мн.): знать, знать; груши *би* и *бо* звучатъ какъ *мм* и *сс*: омманъ, осинъчать; двойное *и* твердо: пушшай.

Изъ формъ отмѣчены: ф. род. на *ово*, ф. дат. вм. ф. твор. и на оборотъ: съ очкамъ, хъ госьмъ, ф. твор. ед., род., дат., твор., мѣстн. мн.: добрыемъ, добрыехъ и т. д., ф. неопр. накл. пежчи, ф. возвр. з. на *са*, сравнил. ст. на *яе*. Форма 3 л. ед. *ѣстї* (=есть). Остатки формъ члена: дорогу-*ту*, бабы-*те* и др. ¹⁾.

Сверхъ того, мы знаемъ, что въ самомъ Ярославлѣ употребляется ф. дат. мн. вмѣсто ф. твор.: онъ пошоль за свечамъ, съ вамъ ²⁾), что въ селѣ Давыдовѣ, Романо-Борисоглѣбскаго у., слышится (какъ часто?) *и* вм. *ъ*: свѣтѣть, свѣтитъ ³⁾), что въ Рыбинскомъ у. о звучить «тиично», есть *и* вм. *ъ*: *увичье* (послѣ *и*—*ы*: процѣжываю) и твердое двойное *и*: *роишытаю* ⁴⁾), что въ Ростовскомъ у. ф. дат. мн. употребляется вмѣсто ф. твор. и на оборотъ.

О не цокающихъ говорахъ Костромской губ. мы почти совсѣмъ не имѣемъ свѣдѣній. По Колесову, здѣсь *о* по «степени звучности» не отличается отъ *о* новгородского и случаи *и* вмѣсто *ъ* (даже въ Костромскомъ у.) чаще, чѣмъ въ Ярославской губ.; по Далю, здѣсь употребляются форму дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ, формы твор. ед., дат. мн. добрыемъ, ф. неопред. накл. сехчѣ и т. п.

¹⁾ Р. Филол. В. 1890 г. № 3. Описанный здѣсь говоръ—протяжный.

²⁾ Москвитинъ 1842 г., ч. 4, стр. 448.

³⁾ Ярославскій литеарат. Сборникъ, 1850 годъ, Яросл. 1851, стр. 155.

⁴⁾ Яросл. Губ. Вѣд. 1889 г. № 41.

Изъ не цокающихъ говоровъ Нижегородской губ.¹⁾ мы имѣемъ немного свѣдѣній объ говорѣ Арзамаса. Онъ «мало отличается» отъ нижегородскаго; о въ немъ «твердое», произношеніе «легкое», стяженіе гласныхъ: дѣлать, дѣлашь, мово. Другія его особенности принадлежать или цокающимъ говорамъ (*и* вм. *и*, вѣроятно, изрѣдка: *писни*), или акающимъ (холодна, жарка, вѣлена, гаварю, перитаскайшь, цырковникъ, свахынька). Послѣднія являются едва ли не спорадическими; по крайней мѣрѣ наблюдатель отрицаетъ существованіе замѣны *о* черезъ *а*²⁾.

Катунскій говоръ, Балахнинскаго у., имѣеть иногда (передъ *и*) съ вм. *и*: яйница, и употребляеть ф. дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: съ намъ, съ яблокамъ, къ нами, шью детьми рубашки³⁾.

Въ говорѣ села Павлова, Горбатовскаго у., отмѣчены: частое ё изъ *e*: євѣ, єму, зелено вино, сёло, жона, свиданьши, даже трёмы, дѣвать, твердны двойный *и* и же *пушшу*, *ишиш*, *ежжаль*, стяженіе гласныхъ: седлать (при узнаетъ), мово, сво востро юсьѣ, пымать (=поймать), формы род.-вин. у *ти*, на *ти*, тей, сей, дат. тѣё, сеё, возвр. з. на *са*: *ударимса*. Спорадическія черты акающихъ говоровъ въ большомъ количествѣ: онъ-жа, поднес-жа, двора-ть, чарычка, свахынька, далико⁴⁾.

Говорѣ Нижегородскаго у. «довольно правиленъ». Въ немъ есть случаи аканья: коня-ть⁵⁾. Говорѣ Васильскаго уѣзда, повидимому, богатъ случаями аканья: мнѣга, толька, постой жа, двояг, дискатъ, бирегофъ, биспримѣнна, вынисти (при човѣ, топѣрь и т. п.). Другія особенности: ф. З л. ед. бать, спрашивать, 2 л. мн. хвастати, двойное твердое *и*: выташишль, ф. род. тей, дат. тѣё, ф. дат. въ чувашкѣ деревни⁶⁾.

¹⁾ Жилы береговъ Волги въ предѣлахъ Нижегородской губ. жестоко смыются надъ говоромъ цокающихъ Вятчанъ. «Вятчанс-бурлаки всегда въ раздорѣ съ бурлаками-Нижегородцами... Вятчане цавокаютъ. Нижегородцы ихъ дразнятъ этимъ». Шевыревъ, Поѣздка въ Кир.-Бѣлоз. мон., II, 222.

²⁾ Москвитянинъ 1852 г., № 22, стр. 82—83 (ст. Терощенка).

³⁾ Нижегородскій Сборникъ III (Н. Новг. 1870), стр. 153.

⁴⁾ Памятники и образцы нар. языка и словесности (Изв. Акад. Н. И.). Здѣсь мы находимъ странное примѣченіе: «о безъ ударенія въ выговорѣ удерживается звукъ *а*». Еще кое-что о говорѣ Горбатовскаго у. (бать=басть, дат. тѣё, сеё) въ Нижегор. Сб. V, 171, 197.

⁵⁾ Нижегородскій Сборникъ V (1875), стр. 207, 216 (въ Нижегородскомъ у. лишь одна деревня, переселенная изъ Муромск. у., имѣеть ч. вм. *и*).

⁶⁾ «Сказки» А. А. Насѣева (1-ое изд., вып. 5). Гацисскій говоритъ: «до сихъ поръ сохранились въ нижегородскомъ Поволжье новгородскія преданія, новгородское обличье, новгородскій говоръ (особенно сильно въ Балахнинскомъ Усольѣ)»; но г. Г., повидимому, не знакомъ съ новгородскимъ говоромъ. Сборникъ въ память первого русскаго статистического съѣзда 1870 г. Составленъ А. М. Сементовскимъ, Спб. 1872, стр. 68.

Объ не щокающихъ говорахъ Казанской губ. у насъ нѣть свѣдѣній (о въ нихъ можетъ быть очень закрытое; отмѣчено: *удѣлло, бабучка*).

Щокающіе говоры Симбирской губ. принадлежать къ числу переходныхъ.

Въ говорѣ Курмышскаго у. (къ сѣверу отъ р. Пьяны) о послѣ ударенія замѣняется звукомъ приближающимся къ *а*: лѣдна, родимай. Передъ удареніемъ *о* всегда сохраняется, звуча однако слабѣе, чѣмъ въ Ярославлѣ: вѣзу, євѣ, тѣсть, даже: слѣпдѣй, бѣда. Формы род. тѣй, дат. тѣѣ¹).

Въ говорѣ Симбирскаго и Бузинскаго уѣздовъ о послѣ ударенія также замѣняется черезъ *а*: мѣла, мнучонакъ, крѣпкай, какъ жа (изрѣдка, послѣ шипящихъ, и передъ удареніемъ: фчарѣ, жана) въ другихъ случаяхъ оно сохраняется: вѣзѣ, євѣ, човѣ, жона (даже: дѣнёкъ, Олѣксѣй). Стаженіе гласныхъ обычно: гулѣть, знать, бать (рядомъ: гулитѣть), Микулѣфъ (=Николаевъ), хозяева, хозяѣфъ (=хозяева), мово, копекъ, скоре, Ондрѣвичъ, Гордѣфъ (=Гордеевъ), богаты (=богатыи). Форма дат. тїѣ. Остатки формъ членовъ: богаты-*те*, на концѣ-*те*, полѣ-*та*²).

Объ щокающемъ говорѣ Земли Уральскаго Войска мы ничего не знаемъ, кроме того, что въ немъ оканье слабо.

2. Группа щокающая состоять изъ ряда говоровъ болѣе или менѣе разнообразныхъ въ звукахъ и формахъ и пѣвучихъ. Главная черта, общая всѣмъ этимъ говорамъ, перешедшая въ нихъ отъ ихъ предка—древняго новгородскаго говора,—мѣна *и* и *ч*, т. е. употребленіе *и* вм. *ч* (щоканье): щорть, щоловѣкъ, рядомъ съ употребленіемъ *ч* вм. *и* (чаканьемъ): чарь, черква. Въ однихъ говорахъ она развита очень сильно, такъ что часто слышится и *и* вм. *ч*, и на оборотъ; другіе имѣютъ часто лишь *и* вм. *ч*³).

Эта главная черта обыкновенно сопровождается болѣе или менѣе частымъ употребленіемъ *и* вм. *ъ*, по преимуществу въ слогахъ передъ мягкими согласными, подъ удареніемъ и безъ ударенія: свѣчка, пѣсня, замѣною *а* послѣ *ј* и мягкихъ согласныхъ (т. е. *я*) черезъ *е* въ слогахъ передъ мягкими согласными: грѣсь (=гразь), опеть, а также иногда употребленіемъ формъ род. ед. на *ъ* вм. ф. дат.-мѣстн.: къ жонѣ, по избы, и формъ дат. мн. вм. ф. твор. и (иногда) на оборотъ: ходить ногамъ, съ вамъ, къ вами; сверхъ того, формы З. л., особенно ед. ч., не имѣютъ окончанія *тѣ* (болѣе или менѣе часто): идѣ, гуляѣ (рядомъ съ идѣтъ, гуляѣтъ, гулятъ)

¹) Archiv f. slav. Phil., X, стр. 350—351.

²) Мотовиловъ, Симбирская мольвь. Спб. 1888.

³) Колесовъ не встрѣтилъ ни одного щокающаго говора во Владимирской губ.

Взглянемъ прежде всего на говоры Новгородской губ.¹⁾.

Обитатели береговъ оз. Ильменя, Позёры (Новгородскій у.), произносятъ *о* «твѣрдо и грубо», т. е. сильно закрыто (отмѣчено: *мунахъ*, *дчуны*), *п* (спорадически?) «почти одинаково» съ *и*, *и* вм. ч и на оборотъ: отѣчъ, *очу* (=отцу) и т. п.; отмѣчены частое ё: *домишшо*, *вохрѣсеньё*, *хрѣсъянисво*, двойное твердое *иши*: *ишио*, *большущий*, *ин* вм. *ди*: *ланно*, *ронной*, стяженіе гласныхъ: испивамъ, мовѣ, другу (другую), царево небесно, ф. род. на *ова* (рядомъ тѣ же ф. на *ово*), дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. мн. на *мз*, З л. безъ *тъ*: *мѫжо*, *е* (=есть), *глѧдꙗ* (=глядѣть). Сверхъ того: форма род.-вин. *тъ* (=тебя), вин. ед. *ею* (=ее), сравнил. ст. на *яё*: скоряб. Кое-гдѣ, въ отдѣльныхъ словахъ, *а* вм. *о*, *е*: *цалковой*, *таперя*²⁾.

Деревня Ракома подъ Новгородомъ, рядомъ съ *и* вм. *п*: бѣлова днѧ, въ Новегороди, имѣтъ *и* вм. *е* (безъ ударенія): вѣчира, бѣлинькой (=бѣленійкѣ), даже *я* вм. *е*: радостянъ, мѣляньюкой, слѣдствіе близости Петербурга. Сверхъ того, отмѣчены ф. З л. роботать (есть ф. З л. также безъ *тъ*), род. на *ова*³⁾.

Въ дер. Ямокъ, Новгородскаго у., по Колосову, слышится *и* вм. *п* постоянно; въ 15 верстахъ отъ него—изрѣдка.

Въ с. Эстьяны, того же у., отмѣчено *ишио* (=еще), ф. дат.-мѣстн. на *ы*, творит. мн. на *мз*⁴⁾, твор. мн. на *мы*: людмы, З л. ед. *идѣта*, идѣ, естѣ (=есть).

Въ Боровичахъ *и* вм. *п* обычно: ийту хлѣба, никто не идѣ⁵⁾ (=ѣдетъ), сїѣ, деревенской, русской; формы З л. на *тъ*, возвр. зал. на *цъ*: бѣнчы; естѣ = есть.

Въ селѣ Зимогорье, подъ г. Валдаемъ, по Колосову, *п* звучить какъ *и*; въ 4-хъ верстахъ отъ него толькъ же *п* произносится какъ *е*, а 5 верстами далѣе—опять какъ *и*. Въ Зимогорѣ отмѣчены ф. З л. смекать, дат.-м. на *ы*⁶⁾. Въ самомъ Валдаѣ Колосовъ отмѣтилъ форму З л. ед. естѣ.

Говоръ пограничныхъ мѣстъ Крестецкаго и Тихвинскаго у. (Зaborовской и Боровенской волостей) имѣтъ *о* довольно закрытое, *и* вм. *п* (часто): бѣлой, полѣно, хлѣпъ, сникъ, копѣйкъ (род. мн.), на дворѣ, при:

¹⁾ Колосовъ говоритъ: «языкъ населения Новгор. губ. представляетъ немало диалектического разнообразія, но отвѣтить научнымъ образомъ на вопросъ: какіе именно говоры можно различить на пространствѣ этой губ., — а не вижу возможности».

²⁾ Новгородскій Сборн., вып. I (1865), ст. «Общій очеркъ образа жизни... жителей Новгород. губ.»—Отечеств. Зап., т. 197, ст. «Позёры въ Новгородѣ».

³⁾ Якушкинъ, Путевые письма изъ Новгородской губ., Спб. 1860, стр. 29, 30 (тоже въ «Сочиненіяхъ П. И. Якушкина», Спб. 1884).

⁴⁾ Новгородскій Сборникъ, вып. III и IV.

⁵⁾ Шевыревъ, Поѣздка въ Кирило-Бѣлоз. мон., II, 115.

⁶⁾ Новгор. Сб., II.

деть, стяженіе гласныхъ: гудѣть (и гудаѣтъ), мово (и моѣво), туча громова, твердое двойное *ш*, твердое двойное *ж*: дожжса, формы род. на ово, дат.-мѣстн. на ы, твор. мн. на *мз*, З л. безъ *тз*: пыё, блюё (съ *e*, не ё), ѿ (рядомъ съ ф. на *тз*: пыѣть, ѿсь=ѣсть), говорл, любля, возвр. з. на *си*: здѣшиси, окрутиси. Сверхъ того: бѣда, вѣхоръ (=вих-), шиць (=шесть), удола (и оедова=вдова), ноугороцкай, твердныя губныя: голунз голуба, цепъ цепи (=цѣль), любобѣ любови, остатки формъ члена: цену-*ту*, бабы-*те*, дѣвприч. на *е*: бравше, сказавше, ф. З л. ед. естѣ, естѣ (=есть) ¹⁾.

Относительно говора Устюжны мы знаемъ отъ Колосова лишь то, что въ немъ формы дат. мн. рѣдко употребляются вмѣсто формъ твор. и на оборотъ и что форма З л. ед. въ немъ звучить естѣ и естѣ (=есть).

Говоръ Кириллова и близайшихъ къ нему мѣстъ имѣеть много общаго съ говорами вологодскими. Онъ имѣеть и (мягкое) вмѣсто ч и на оборотъ: бобаѣсь, заплачию, сїнница (=сѣнница), частое є изъ *e*: воспоменѣшъ, поцѣлуй, и вмѣсто ъ передъ мягкими согласными: бѣлитьца (З л. ед.), пинѣ (=пѣнье), е вм. я также передъ мягкими согласными: пѣтница, мягкое къ: Паанька, прѣницкя (род.), у и въ (=ү?) вм. въ и лъ передъ согласными и въ концѣ словъ: дѣука, каутанъ, пиукъ, подвѣсъ, погонѣска, поено (=подвалъ), ф вм. хъ: фбодить, форошо. Сверхъ того, есть и изъ *e* безъ ударенія: сибѣ (дат.); форма род. можетъ оканчиваться на ова; формы возвр. з. имѣютъ ся; мѣстоименіе звучить що и што; остатки формъ члена: жону-*ту*, жоны-*те* ²⁾). Колосовъ отмѣтилъ въ кирилловскомъ говорѣ еще рѣдкость употребленія формы дат. мн. вмѣсто ф. твор. и на оборотъ.

О говорахъ Череповскаго у. мы имѣемъ рядъ данныхъ. Шевыревъ говорить, что говоръ Череповца и близкихъ къ нему мѣстъ похожъ на говоръ кирилловскій. Онъ указываетъ на и (иногда мягкое) вмѣсто ч и на оборотъ: човѣ, чаяль, ченѣ, курicha, на и вмѣсто ъ передъ мягкими согласными: писна, потклѣтье, на у и въ (т. е. ү?) вмѣсто въ и лъ: дѣука, поено, на мягкость жъ: Ваньжѣ, на мѣстоименіе що и што, на остатки формъ члена: чену-*ту*, бабы-*те* ³⁾). Въ текстахъ, записанныхъ Барсовымъ въ селѣ Логиновѣ, кроме мѣны и и ч и и изъ ъ передъ мягкими согласными: обѣдня,

¹⁾ На основаніи замѣтокъ В. Н. Перестца.

²⁾ Шевыревъ. Повадка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, 106—111. Въ Кириловѣ, говорить авторъ, «наиболѣе любопытное есть ого нарѣчіе, которымъ говорять самые грубые простолюдины. Оно имѣеть много сходства съ малороссийскимъ».

³⁾ Тамъ же, II, 113—114.

отмѣчены формы твор. мн. съ сѣстрамъ и т. п.¹). Въ одной мѣстности отмѣчены формы твор. ед. и дат. мн. на *мемъ*: бѣльемъ. Наконецъ наблюдатель, говорящій о Мороцкомъ приходѣ (близъ границы Ярославской губ.), упомянувъ о мѣнѣ *и* и *ч*, замѣчаетъ: «эта погрѣшность въ выговорѣ особенно разительна у жителей дер. Язина, такъ что съ первого раза можно отличить Язица по этому выговору». Имъ отмѣчены формы возвр. з.: здѣлалсы, ругаты²).

О бѣлозерскомъ говорѣ мы знаемъ, что въ немъ часто *и* вм. *ч*, нерѣдко *и* вм. *ъ*: вѣтеръ, вѣникъ, билѣ, человѣкъ, нерѣдко *е* вм. *я* (при слѣдующемъ мягкому согласномъ): петь (=пять), хресьнинъ, хозинъ; встрѣчается *и* вм. *е* безъ ударенія: ишшо, нидаля, тиба, тибѣ; *и* мягко: винѣй, брѣтецъ; двойное *и* твердо: ишио; *хв* замѣняется черезъ *ф*: фатать, фбрось (=хворость). Формы род. ед. муж. и ср. р. всегда на *ово* (на *ова* нѣть); тѣ же ф. женск. р. иногда на *ые* и *ie*: въ больные головы, ни единые пѣсни, нетъ сїніе краски, съ тыѣ стороны; формы неопред. накл. иногда сохраняютъ окончаніе *ти*: сїсти (=сѣсть); ф. повел. н.—суффиксъ *и*: сїди, сїдите; ф. возвр. зал. всегда оканчиваются на *ся* (нѣть окончанія *сь*); ф. сравнил. степени имѣютъ окончаніе *ле*. Наблюдатель замѣчаетъ: «грамматическая сторона бѣлозерского говора поражаетъ отчетливостью и ясностью окончаний»³).

Колосовъ въ говорѣ Бѣлозерска отмѣтилъ еще *мм* вм. *бм*: омманъ, и указалъ на рѣдкость употребленія ф. дат. мн. вмѣсто твор. и на оборотъ.

Говоры С.-Петербургской губ. принадлежать къ числу сильно доказающихъ.

Говоръ дер. Княжай горы, Лужскаго у., имѣть о очень закрытое (отмѣчено: мачуха, упять), *и* вм. *ъ* (спорадическое): свирѣпой, твердое двойное *и*, формы дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. на *мз* (рядомъ—отъ люд и—ф. дат. людъмъ), З л. безъ *тъ*: плывѣ, помахиваѣ. Сверхъ того: жд вм. жжж (вождѣтца). Звука *h* здѣсь нѣть⁴).

Говоръ Новоладожскаго у. при частомъ *и* вм. *ъ*: бѣлой, невѣска, нѣту, къ себѣ, имѣть стяженіе гласныхъ: гулять, сказывать, ф. дат. вм. ф.

¹) Барсовъ, Причитанія сѣверного края, I, №№ 3 и 5. Въ текстахъ, записанныхъ въ другомъ (ближкомъ) селѣ того же уѣзда отмѣчены еще: два избы, мина, тиба, формы род. на *ова*, род.-вин. *мы*=меня, возвр. зал. на *си*, *чи*, остатки члена: руки-*те*, дядьям-*те*, у *ямы-те*, плеча-*та* (Причит., II, стр. 84, 281).

²) Новгородск. Сборникъ, V, стр. 39, 161.

³) На основаніи рукописнаго труда г. Порошина.

⁴) Записки И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., IV, ст. Лиль-Адама.

твор., ф. З л. безъ тѣ (поижжѣ), а также е вм. я: горѣчъ (=горячъ) и е вм. и (въ отдельныхъ словахъ: завѣйте=завѣйтѣ ¹⁾).

Говорь приоятскій, на берегахъ р. Ояти, у Ладожскаго оз., на границѣ губ. Новгородской и Олонецкой, имѣть о очень закрытое (отмѣчено: чудовицъ), и вм. ю почти всегда: свѣть, листъ, тило, дви головы, сибѣ (=себѣ), ф. твор. на мѣ, З л. безъ тѣ (формъ на етѣ и ятѣ нѣть, всегда: несѣ, люби, но: несѣти; формъ на и и у также нѣть, всегда: любитъ, несутъ), возвр. з. на си (даласи, научилси). Отмѣчено и безъ ударенія вм. е: мани, тибѣ, сибѣ. Щоканье здѣсь не сильно ²⁾).

Говоры юго-восточнаго Пріонежья, Олонецкой губ., уѣздовъ Каргопольскаго и Вытегорскаго, по Колосову, одинаковы и имѣютъ и (отчетливое) вм. ч постоянно (ч вм. и не встрѣчено), ё изъ е часто, и вм. ю спорадически (передъ мягкими согласными): смѣю, линифъ, летить, е вм. я очень часто: зеть, чѣшша (=чаща), повенцѣлись, мягкое и, и вм. е безъ ударенія: рыбита, знамѣть, ф. дат.-мѣсти. на ы вм. ю (спорадически) и на е вм. и: по грязѣ, вин. ед. женск. р. ей и ю=её: схватилъ ей, неопред. и. сїкци=сѣчь (формъ дат. мн. вм. ф. твор. незамѣчено). Описаніе Колосова по отношенію къ вытегорскому говору можетъ быть нѣсколько пополнено указаніемъ на употребленіе въ немъ ч вмѣсто и: кормилечъ (изрѣдка), твердаго двойнаго и: къ тѣшины (спорадически: прощатисе), формъ твор. мн. на мѣ, мы, мѣ: трудамъ праведнымъ, съ намы, слѣзамъ горюцима, ф. неопред. накл. бережчи и т. п. ³⁾). Относительно говора въ г. Каргополѣ намъ известно, что въ немъ ю «выговаривается неправильно» (т. е. какъ и) только въ глаголѣ юсть, удерживая въ другихъ словахъ «правильный выговоръ» ⁴⁾.

Говорь окрестностей озеръ Выгозера и Водлозера (въ сѣв.-зап. Пріонежьѣ) отличается «наклонностью» и къ ч и ю къ и, но случаи, гдѣ вмѣсто и—чистое ч, а вм. ю—чистое и, рѣдки и непостоянны; обыкновенно слышатся средніе звуки, которые наблюдатель затрудняется передать графически. Такъ, очень рѣдко говорять молодечъ, билой свѣть; обыкновенно слышно что-то среднее между молодечъ и молодецъ, между свѣть и светъ. Здѣсь о—«чистое»; ё изъ е очень часто: славнѣ, коровище, здраствуетъ, прѣжочка, свателёвачъ; е изъ я (спорадически): нёнушка, полюбиласе; и можетъ быть

¹⁾ Одна пѣсня на этомъ говорѣ въ Новгородск. Сборн., II.

²⁾ Зап. И. Русск. Геогр. Общ. по отд. этнogr., II, ст. Хрущова.

³⁾ Памятники и образцы нар. яз. и слов. (Изв. Ак. Н. Ш); Олонецкій Сборн., I. Должно замѣтить, что Лабардинъ, доставившій материалы въ «Памятники», пишетъ форму род. съ окончаніемъ ю. Слѣдовательно, въ Вытегорскомъ у., какъ къ сѣверу отъ него, форма род. i сохраняется?

⁴⁾ Кораблевъ. Этнографич. и географич. очеркъ г. Каргополя, М. 1851, стр. 68.

мягко: *чюдо*, *личё*; есть стяжение гласныхъ: наказывать; формы: дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. существительныхъ и личныхъ мѣстоименій на *мы*: столами, намы (рядомъ на *ми*), тв. мн. прилагат. на *ма*: дубовыми, З л. безъ *тъ*: күшаё, любя (=любить), возвр. зал. на *си* и *со*: показалоси, закручинилоси. Сверхъ того, здѣсь есть *и* изъ *е* безъ ударенія: *мий*, и—что важно—*въ* ф. род. ед. доброго (не доброго). ¹⁾

Говорь Повѣнца и его уѣзда (сѣв. берегъ Онежскаго оз.) не имѣть важныхъ особенностей. Въ немъ отмѣчены частое *и* (мягкое) вм. *и*, частое *ё* изъ *e* (оружѣё, ё=есть), спорадическое *и* вм. *ъ*: свирипой, зди, гди, мни, стяжение гласныхъ: дѣлать; формы: род. на *ова*, дат.-мѣстн. на *ы*, твор. мн. существительныхъ на *мы*, прилагательныхъ на *ма*, З л. безъ *тъ*²⁾.

Говорь окрестностей оз. Кенозера и рѣки Моши (сѣв.-вост. Пріонежье) отличается «чистымъ» произношеніемъ *и* (т. е. нѣть ч вм. *и*, но *и* вм. ч обычно), *ъ=e* (*ъ* «весыма рѣдко принимаетъ оттенокъ звука *и*»), частымъ *ё* изъ *e*, изрѣдка *e* изъ *я* (свалиласе, рядомъ сть -ся), стяженіемъ гласныхъ, формами дат.-мѣстн. ед. на *ы*, твор. на *ма* (подъ *ним*=подъ *ими*), З л. безъ *тъ*³⁾.

Переходимъ къ Архангельской губ. Колосовъ говорить, что въ ней *ё* изъ *e* рѣже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ (между прочимъ, чѣмъ въ Вологодской губ.), что *и* изъ *ъ* рѣдко, что ф. род. можетъ оканчиваться на *ова*, а форма возвр. з.—на *сё*⁴⁾.

Говорь г. Онеги и его уѣзда имѣть частое *и* (мягкое) вм. *и* и на оборотъ: красавица, молотча (род. ед.), чена, частое *ё* изъ *e*: будё, полё, синёй, лёжть, *и* вм. *ъ* въ концѣ словъ: фъ сундуки, фъ Кіеви, частое *e* изъ *я*: внесъ, кнѣзя, боеринъ, перснѣми (твор.), срежеитсе, луцілосе, стяженіе гласныхъ: думатъ (рядомъ: думаетъ), смолѣ, метнѣ, скорѣ (сравн. ст., = смѣлѣ); твердый двойный *и* и *ж*, спорадическое *и* вм. *e* безъ ударенія: *мий*, формы твор. мн. существит. на *мы*: ушмы, и прилагательныхъ и мѣстоименій на *ма*: старыма, тома, З л. безъ *тъ*: будё (рядомъ: пекѣтъ), мѣстоименіе

¹⁾ Онежскія былины, собр. Гильфердингомъ (особенно введеніе, стр. XXXI). Въ текстѣ былинъ мы читаемъ: вистъ (вѣсть), на двори, въ шатри и т. п.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же. О говорахъ Олонецкой губ. см. еще у Рыбникова, «Шѣсли» (особенно ч. III, Петрозав. 1864, стр. 347 слѣд.), и у Барсова, «Прочитанія сѣверного края».

⁴⁾ «Вообще жители (Арханг. губ.) говорить нѣсколько противно, особенно на по-слѣднемъ слогѣ, удвоия гласные: новоой, говоришь». Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 66, стр. 134 (=Арханг. Губ. Вѣд. 1847 г. № 30). По Далю, «спѣвучесть говора на западѣ Архангельской губ. уменьшается; она сильнѣе по Печорѣ, Мезени, Двинѣ».

що. Сверхъ того, отмѣчено мягкое с вмѣсто и передъ и: зысьной голось, боролѣвсънья, плата гудбсънья, и остатки формъ члена: глаза-те¹).

О говорѣ большей части Шенкурскаго у. наши данные скучны. Въ немъ отмѣчены мягкое и вмѣсто ч: чиѣсть, чюдо, частое ё изъ е, е изъ я: преклонїлasse, устилаются, даже цѣдо (=чадо), стяженіе гласныхъ: думать, формы род. на ова, твор. мн. на ма: дѣткама, корѣньяма (по Колосову, даже орѣхима), мѣстн. ед. во путѣ (отъ путь)²), неопр. н. жекч, мѣстоименіе що. Говорь остальной, нижней части того же уѣзда—тотъ же, что въ сосѣдней части Вологодской губ.³.

. Сверхъ того, Колосовъ упоминаетъ, что въ Кемскомъ у. мѣстоименіе звучить чо и що, а въ Мезени формы возвратн. зал. могутъ оканчиваться на со; а Ф. М. Истоминъ сообщаетъ, что въ разныхъ мѣстахъ Архангельской губ. онъ слышалъ ф. род. на то: доброго (съ г) и что въ Кемскомъ у. и слышится на мѣстѣ资料 our, a ч на мѣстѣ资料 our, a ч на мѣстѣ资料 our, a ч на мѣстѣ資料 our.

Большая часть говоровъ Вологодской губ. (вмѣстѣ съ сосѣдними Архангельской, Костромской и Новгородской) составляютъ особую группу, съ говоромъ (по Далю) «очень низкимъ».

Говорь Вельска и его уѣзда употребляетъ и и, и ч, но не такъ, какъ нашъ, а на оборотъ: доць, течётъ, свица и лично, сончо, чвить (съ и мягкимъ); онъ имѣеть ё изъ е очень часто: ясноё, берйтё, даже: со службы пар-спѣѣ (род. ед.), ясныё (им. мн.), и вм. лъ почти всегда: дйло, нйту, свитъ, ко мни, е изъ я передъ мягкими согласными постоянно: сиѣть, зеть, засвицѣй (=заевѣчай), гледѣй (3 мн.), даже: выньёб, насижаютцё, стяженіе гласныхъ: думашь, приматъ, формы род. на ово (дѣброво) и ова, твор. мн. существуетъ и мѣстоим. на ма: съ ѡботамъ, съ вамъ. Сверхъ того, въ немъ си вм. и: пусци, частое и вм. е безъ ударенія: чилд (=чело), либѣдунка, полишю (=полечу), видѣй (=веди), миня, тиби, и ў въ концѣ словъ и передъ согласными вмѣсто в и л: стаў (=ставь), шоў (=шолъ), ходиў, мдѹвиў (=молвиль), воўна. Мѣстоименіе чмо звучить и што, и що.⁴). Савваитовъ, говоря о говорѣ какой-то мѣстности Вельскаго у., замѣчаетъ, что въ немъ «по большей части и вм. ч, а иногда и на оборотъ; послѣднее рѣже», и

¹) Корабловъ. Очеркъ нравоописательной этнографіи г. Онеги, М. 1853.—Памятники и образцы народн. языка и словесности (Изв. Ак. Н. Ш., IV).

²) «Пѣсни» Кирѣевскаго, вып. I, стр. 77—86.

³) Жителей нижней части сосѣди-сѣверяне дразнятъ словами: куда ходиѣть, куда пошоѣтъ? (Изв. И. Общ. любит. естествозн. при Моск. утѣ, XXX, вып. 2, стр. 251).

⁴) Этнографич. Сборн., V (ст. Воронова); Вѣстн. И. Р. Геогр. Общ., ч. 25 (1859 г., ст. Воронова).

что «*и* часто вмѣсто *и*». Имъ отмѣчены, кромѣ *e* изъ *я*, *u* вм. *я*, еще же въ поеждайтѣ и ф. сравн. степ. поскорѣа, побилѣа¹).

Говорь Яренска и его уѣзда, повидимому, тотъ же, что говорь Вельска. Отмѣчены: *и* вм. *и* («самая обыкновенная замѣна»); *и*—мягко; оно передается наблюдателемъ черезъ *ис*), *и* вм. *и*: по вѣничи їдемъ, Олексій, Ондрій (рядомъ: вмѣсте, въ горстѣ), *e* вм. *я*: пѣцѣль, неспѣсъе, двѣцѣть, вѣли; *e* передъ согласными, по словамъ наблюдателя, всегда произносится «такъ твердо, что болѣе похоже на *u*, только короче послѣдняго»; такъ же звучить *я* «въ концѣ словъ, особенно въ формахъ прош. вр.»: взяу деўку, вѣдеу; стаженіе гласныхъ часто: знашъ, збирасся, знатъ; двойное *и* твердо: училишио; мѣстоименіе звучить *иштѣ* и *ицо*; формы сравн. степ. на *яя*. Что замѣчательно въ яренскомъ говорѣ, это—сохраненіе звонкихъ (= звучныхъ): кадка, водка, родъ, взглѧдъ, рогъ²). Колосовъ указалъ въ яренскомъ говорѣ еще ф. род. на *ова*.

Говоры Сольвычегодска и Великаго Устюга съ ихъ уѣздами, судя по положенію ихъ между Вельскомъ и Яренскомъ и по сообщеніямъ Колосова и Бѣлоруссова, очень близки къ говорамъ вельскому и яренскому. Колосовъ отмѣтилъ въ сольвычегодскомъ говорѣ, кромѣ *и*=*и* и *e* изъ *я*,—мягкое *и* вмѣсто *и* или звукъ средній между *и* и *и*, *и* вм. *e* какъ безъ ударенія, такъ изрѣдка подъ удареніемъ: *видї* (=веди), тичотъ, силѣ, овичка, *в* (т. е. *ү?*)³ вм. *л*: то сковать, доеѣть, шоѣть, стаженіе гласныхъ только въ формѣ 2 л.: знать, ф. твор. мн. чашина, огородына, конина, краснына, ф. сравн. ст. на *яя*. Онъ же замѣтилъ относительно великоустюжского говора, что въ немъ нѣть *и* вм. *и*, что въ немъ ф. род. съ окончаніемъ *ова*. Въ устюжскихъ пѣсняхъ, записанныхъ Савваитовымъ, указаны только *и* вм. *и* (иногда мягкое: *и*ястой, мостоцыку, но: мостоцыѣ), *и* вм. *и*: грѣтъ, рицька, *e* вм. *я*: мѣсеть, мѣстоим. *ицо*. Шевыревъ упомянулъ, какъ обѣ устюжскихъ чертахъ,—обѣ стаженіи гласныхъ: бать, и *и* вм. *и*: ламмо⁴). Сверхъ того, эти говоры имѣютъ очень частое ё изъ *e*, мягкое *и*: отиа, отио, твердое двойное *и*, твердое *я* передъ *и* въ болной и т. п., формы возвр. зал. на *са*.

¹) Москвитинъ 1841 г., ч. 2, стр. 271—272 (смѣсь). Бѣлоруссовъ утверждаетъ: «во всѣхъ мѣстностяхъ Вологодской губ. звукъ *в*, произшедшій изъ *я*, произноситься одинаково какъ *в*, а не какъ *ү*» (Р. Фил. В. 1887 г. № 4, стр. 226).

²) Вологодскій Сборн., IV, стр. 85—92.

³) Колосовъ опредѣляетъ этотъ звукъ какъ средній между *в* и *и*.

⁴) Москвитинъ 1842 г., ч. 6, стр. 312, 333; Р. Филол. Вѣсти. 1887 г. № 4; Шевыревъ, Поѣзда въ Кир.-Бѣл. мон., II, 115. Авторъ статьи въ Ф. В. отмѣтилъ въ Городиши, Великоустюжск. у., мѣстоим. *счѣ*, чѣ ѿѣ (рядомъ съ *щѣ*, *штѣ*).

Объ говорѣ Тотемскаго и Кадниковскаго у. мы знаемъ отъ Ко-
лосова, что въ немъ о можетъ звучать (въ отдельныхъ словахъ?) какъ *уо*: труось
(= трость), что въ немъ обычны *и* вм. *ч* и *ч* вм. *и*, *е* изъ *е* (особенно въ
концѣ словъ: дѣбреѣ, руки бѣлыѣ, но: ходїте), *и* вм. *ъ* передъ мягкими со-
гласными: въ нѣгѣ, къ невѣсте (при: нѣга, невѣста), *е* изъ *я* также передъ
мягкими согл.: ейцѣ, сіѣть, стоѣть, твердое двойное *и*: еишѣд, с (изрѣдка)
изъ *и*: молѣсной (=молочной); твердое *л* передъ *и*: болїй; кое-гдѣ въ немъ
мягкое *и*: ручка, лѣгоныѣй; ф. род. на ово и на ова; ф. возвр. зал. на *ио*:
бятію; ф. сравн. ст. на *лѣ*; мѣстоименіе *што*, *штѣ*, *щѣ*. Нѣкоторыя мѣ-
стности (указано с. Вотча, Тотемск. у.) имѣютъ постоянно, передъ согласными и
въ концѣ словъ, в мѣсто *л*: довоѧ, колокоѧ, лиѡѧ, рѣдко стяженіе гласныхъ:
зидѣть; *и* вм. *и*: оммань; ф. им.-вин. мн. на *иѣ*; ф. дат.-мѣстн. на *е* вм. *и*:
къ матерѣ; ф. возвр. з. на *се*, *со*, *ио*: напивсё, дѣлаетсо, дѣлатцо¹⁾.

Въ говорѣ Грязовца Колосовъ отмѣтилъ *и* вм. *е* безъ ударенія въ тѣбѣ, частое стаженіе гласныхъ: знать, и сверхъ того, среднее *и* въ формахъ прошедшаго врем.: зналь.

Въ говорѣ Никольскаго у. тотъ же Колосовъ отмѣтилъ и вм. ч и ч
(ясное) вмѣсто и. Въ немъ извѣстно еще и вмѣсто ль и с вм. я передъ мяг-
кими согласными ²); мѣстоименіе штѣ.

Изъ покающихъ говоровъ Тверской губ. мы имѣемъ свѣдѣнія (скучныя) лишь о говорѣ Тверского у. (по сосѣдству съ Корчевскимъ у.). Онъ имѣть не только и вм. ч., но и дз вм. мягкаго д, и вм. мягкаго т: дзѣло. дзядѣй, чебѣй, у чѣй; о въ немъ звучить очень закрыто (отмѣчено: утопрѣй, съ палкуй, зъ досадуи); стаженіе гласныхъ обычно: дзѣлашь, дзѣлать, монъ, мому; ф. род. ци, цей³).

Одинъ изъ покающихъ говоровъ Ярославской губ., въ Песитьѣ (Моложскаго у.) и отчасти въ Пощеконѣ (Пощеконскаго у.), имѣть не только и вм. ч и ч вм. и, но и мягкое дз вм. мягкаго д, мягкое и вм. мягкаго т: дзэрѣвня, падзѣй, дзверь, цесци, цѣмнѣ; ё изъ е къ немъ очень часто: бесцацѣ

¹⁾ Р. Фил. В. 1887 г. № 4. Другой наблюдатель говорить о говорь с. Вотчи въ немъ
переходить въ и; ленка а въ е: сесь.

³⁾ «Сказки Аванасьева.

²⁾ Этнограф С.Б., Л Десканье, по Даю, слышится также в Корчевъ и въ Торжкѣ.—Бѣжецкіи, по тому же Даю, «говорятъ невыносимо на распѣвъ, отрывая коротко всѣ слоги, кроме послѣдняго, который растягиваются».—Объ одномъ изъ цокайщихъ говоровъ Бѣжецкаго уѣзда авторъ замѣтки: «О Бѣжецкомъ уѣзде и Теблишанахъ» (Москвита и. 1863 г., № 16) говоритъ: «интонація (у жителей с. Теблиши)—чижная; какъ чижъ чижасть чижаесть, за наконечъ и протягнеть, такъ и Теблишанинъ».

великоё, идзїцё, даже: песни весёлые (им. мн.); двойные *и* и *ж* твердые: *яшиу*, дожмы; формы дат. мн. вм. ф. твор. и на оборот: умываюсь горючими слёзами, звейцёса ясными соколами, по полями чистыми; ф. 3 л. безъ *тъ*: гуля (=гуляет); ф. род.-вин. *ця* (=тъ), *цэ*, дат. *цеё*; ф. возвр. 3. на *са*. Сверхъ того, здесь, какъ въ сильно акающихъ говорахъ, въ тѣхъ же слuchаяхъ, гдѣ въ этихъ послѣднихъ,—мягкое *к*: косынки, солнышкѣ, хорошенькѣ, горькая, горькою, синенькой; и въ концѣ словъ *ф* вм. *х*: во цюжыѣ людзяѣ, моефъ ясныѣ оцей, *идъ* (=ихъ)¹.

Въ другомъ говорѣ Поситья (села Захарына, Моложскаго у.) отмѣчены лишь частое *и* вм. *п*: билой, дитушки, вмисти, *е* изъ *я*: цюжёнинъ, провожётой, снарённой (=снарядный), мягкое *к*: бирёзынки,—*кю*, *ни* вм. *ди* и еще *и* вм. *е*, обыкновенно передъ мягкими согл., какъ безъ ударенія, такъ иногда и подъ удареніемъ: бирёза, бисёда, дирво (=дерево), динь, *иль* (=день, ель), ифти гости (=авти), двирий (род. мн.). Но *дз* и *и* вм. *д* и *т* нѣтъ²).

Въ одномъ изъ говоровъ пошехонского центра (с. Давшино), при мягккомъ *и* вм. *ч* (чиасъ) и частомъ ё изъ *е* (нашо, какъ жо, копіёкъ), отмѣчены *и* вм. *п* предъ мягкими согл.: свича, свитліе, горить (=горѣть), Тимофий, *е* вм. *я*: петь, стоять, *ф* вм. *х*: *фто* (=кто), тефъ, въ оконкаѣ, формы дат. мн. вм. ф. тв. и на оборотъ: съ намъ, съ етемъ подлымъ людьми, къ нами, гъ дворами (употребленіе ф. твор. вм. ф. дат.—признакъ вѣжливости), ф. род. тії, сїї, дат. тіё, сїё (рядомъ: тибѣ, тибѣ), возвратн. зал. на сы: занелсы, занимаѣты, мѣстоим. *ибо* (при *што*). Сверхъ того, остатки члена: конямъ-те и т. п.³).

Въ другомъ говорѣ того же центра (Дмитровскаго прихода, въ 10 verstахъ отъ г. Пошехонья) отмѣчены частое ё (кудри русыѣ), *и* вм. *п* (насїяла, замѣтите, стрича), *и* вм. *е* безъ удар. (тибѣ, минѣ, бисёда), твердое двойное *и*, мягкое *к* (маменьки, съ маменькой, поздѣхонькѣ, послушай-кѣ), ф. род. на ова⁴)

¹) Э тиogr. Сб. I; Памятн. и обр. народн. яз. и словесн. (Изв. Ак. Н. I): о Поситѣ.—Р. Фил. В. 1879 г. № 2: о Пошехонѣ. На этомъ говорѣ наложены «Аnekdotы древнихъ Пошехонцевъ». Соч. В. Березайскаго, Спб. 1798 (здесь можно отыскать спорадич. с вм. *и*: *наса*=наша, *ростъ*=розы, *съо*=что, *асъо*=еще).—И. И. Срезневскій говорить: «Ситкари отличны отъ другихъ Моложевъ говоромъ» (Изв. Ак. Н. I, 186).—Изъ словъ Даля можно заключить, что дзеканье слышится также въ Череповскомъ у.

²) Э тиogr. Сб. I; Р. Фил. В. 1879 г. № 2.

³) Э ти. Сб. II. Авторъ помѣщенной здесь статьи сообщаетъ, что описанный имъ говоръ слышится также на правомъ берегу Шексны (Моложск. у. Яросл. г.) и въ Череповскомъ у., а говоръ другихъ мѣстъ по соседству (въ Пошехонск. у. по р. Югу и, въ Вологодск. у.) отличается употребленіемъ не только *и* вм. *ч*, но и на обор.: *ибукъ* (излавѣкъ, церкви, а также *шт* вм. *и*: *штетина*, *ешто*, *штавель*).

⁴) Яросл. Губ. Вѣд. 1888 и 1889 гг.

О цокающихъ говорахъ Владимирской губ. мы знаемъ очень мало.

Колосовъ отмѣтилъ въ Муромскомъ у.: Бугородица, очонь; отъ другаго лица намъ известно, что въ говорѣ зарѣченской (на правомъ берегу Оки) части этого уѣзда (цоканье слышится лишь въ ней) распространено стаженіе гласныхъ: знашъ, знать, свово, сву сторону, форма род. ед. можетъ оканчиваться на ова, ф. род. и дат. звучать тѣй, сей, тебѣ, сеѣ. Въ слогахъ послѣ ударенія, мѣстами, болѣе или менѣе часто, а вм. неударяемаго о, но «больше о, чѣмъ а»; ч вм. и, повидимому, неизвѣстно¹).

Говорѣ Меленковскаго у. (въ сѣверо-восточной его части), повидимому, тотъ же, что въ Муромскомъ; только въ немъ, рядомъ съ и вм. ч, есть изрѣдка и ч вм. и: чалковой²).

Говорѣ Нижегородской губ., Княгининскаго у. имѣть, рядомъ съ очень закрытымъ о (удыхаць) и съ и (твердымъ) вм. ч и ч вм. и, — также дѣ вм. мягкаго ѣ и и (мягкое) вм. мягкаго т: отведэй, єдзеть, Мордзвинъ, башюшка, пушёмъ, несий. Стаженіе гласныхъ (знать, свово); ф. дат. цеѣ, цеѣ (=тебѣ); ии=иич (пушче); спорадическое а вм. о послѣ ударенія³).

Говорѣ Ардатовскаго у., повидимому, составляетъ одно цѣлое съ говоромъ княгининскимъ⁴).

Цокающій говорѣ Арзамасскаго у. имѣть только и вм. ч (часто). Въ немъ отмѣчены: ё изъ е безъ ударенія: цово, цолковой, стаженіе гласныхъ: знать, форма род. тѣй⁵).

Передъ нами Вятская губ. съ ближайшею къ ней заволжскою частыи Нижегородской, частыи Костромской, Казанской⁶), Уфимской.

Колосовъ по говору дѣлить Вятскую губ. на двѣ части — сѣверную и южную, и находить, что о сильнѣе въ первой и слабѣе во второй. По словамъ Колосова, въ вятскомъ краѣ о звучитъ сильнѣе къ сѣверу, слабѣе къ югу; въ его говорѣ ё изъ е неособенно часто, и вм. тъ спорадически, преимущественно передъ мягкими согласными: здѣсь, но: пать, причемъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ на мѣстѣ лъ могутъ быть и и, и е (въ концѣ слова всегда е); е вм. я: онѣть, забрещело; твердый двойный ж и ш (ошико); то твердѣ, то

¹) Труды Владив. Губ. Стат. Комисс. VII, IX, X; Ежегодникъ Вл. Г. Ст. К., I. Говорѣ зарѣченской части Муромскаго у. отличается растянутостью тутъ-туртии, болезнальностью. (Труды X, 76).

²) Труды IX; Ежегодникъ I, IV.

³) «Сказки Аезансьевъ», «Пѣсни Якъ-мѣниа.

⁴) Р. Филоз. В. 1979 г. № 2.

⁵) Тамъ же, стр. 102—103.

⁶) Городъ Махачкала, за что въ 1818 г. введенъ Казанскій уѣздъ Кавказск.

мягкое *и*; с изъ *и*: яисыница, дивисынкъ; формы дат. мн. вм. ф. твор. (съ плечамъ), дат. мн. имя, 3 л. безъ *и*, неопред. накл. на *ти*: сбяты (часто), также неопр. и. запрекчи; остатки формъ члена: дорогу-*ту*; мѣстоим. *штѣ*, *щѣ*, *що*.

По Васнецову, вятской край можетъ быть раздѣленъ на три части: сѣверную (сѣверные окраины Слободского и Глазовского у.), среднюю (южные части Слободского и Глазовского у., уѣзды Вятскій, Нолинскій, Котельническій и Орловскій) и южныя (южные половины Уржумскаго, Елабужскаго, Яранскаго, Малмыжскаго у.); изъ нихъ въ средней слышится собственно вятской говорь, а въ южной другой, замѣтно отличающійся отъ вятскаго и приближающійся, а часто даже сливающійся съ казанскимъ ¹⁾). Особенности собственно вятскаго говора: «грубо» *о*, иногда переходящее въ дифтонгъ *оу*: хуоруошо, поулѣ, поулъ (=полъ) и въ особое («какъ бы глухое») *у*: худули, нужникъ; частое ё изъ *e*: добрё, мдрё, пдлё, ёй, задвѣй; взаимная мѣна *и* и *ч* ²⁾; мягкое *и*: царь, отецъ; *е* вмѣсто *я*: баетъ, баель, фсечина (=всачина); формы неопред. накл. на *ти*: учити, роуботати; остатки формъ члена: баба-*та*, бабу-*ту*, бабы-*те*, бабы-*ти*, окно-*то*, окну-*ту* ³⁾.

Савиновъ указываетъ у Вятчанъ мѣну *и* и *ч* («замѣтное пристрастіе къ *ч*»), *е* вм. *я*: терѣть врѣме, я вм. *e* подъ удареніемъ (въ нѣсколькоихъ словахъ): лягче, крѣсло, ф. сравн. ст. на *ле* (теплѣе), мѣстоименіе *штѣ* и *що*. Онъ замѣчаетъ: «вообще вятское нарѣчіе такъ богато провинціализмами и особенностями выговора, различного въ сельскомъ и городскомъ населеніи, что заслуживаетъ вниманія нашихъ филологовъ» ⁴⁾.

¹⁾ «Для крестьянъ южныхъ уѣздовъ чисто вятской говорь страненъ и служить предметомъ ихъ ироніи».

²⁾ «Рѣчь какъ бы дѣлится на мужскую и женскую. Мужская рѣчь чокающая, а женская цокаяющая. Въ мужской рѣчи *и* произносится какъ *ч*, въ женской на оборотъ—*ч* произносится какъ *и*, а *и* произносится мягко. Чокающая рѣчь грубовата, а цокаяющая, напротивъ, отличается мягкостью».

³⁾ Календарь Вятской губерніи на 1892 г. Вятка, 1891.

⁴⁾ Вѣсты. И. Р. Геогр. Общ. 1858 г. ч. 24, стр. 118. «По мѣрѣ того, какъ вы углубляетесь во внутренность вятского края, вы замѣчаете въ рѣчи жителей больше и больше итальянской пѣвучести (протяженіе голоса на послѣднемъ слогѣ), которая чрезвычайно непріятно дѣйствуетъ на ваше непривычное ухо».—«Первое, чѣмъ отличается Вятчанинъ, это растянутость или пѣвучесть въ выговорѣ, которая замѣтна не только у простолюдиновъ, но и у всѣхъ, кто не выѣжалъ за предѣлы Вятской губ.» Журн. М. Нар. Пр. 1850 г., ч. 65, стр. 148 (=Вятск. Губ. Вѣд. 1847 г. № 39).—По Колосову, Вятчане мѣстами говорятъ съ растяженіемъ гласныхъ, пѣвучею рѣчью: ничевоо и тп.. Кажется, всѣ гласные могутъ имѣть долготу... Растяженіе гласныхъ не всегда совпадаетъ съ удареніемъ, а проявляется и независимо отъ него. Явление этой долготы довольно рѣдко. Оно, на сколько знаю, встрѣчается мѣстами только въ Вятскомъ и Слободскомъ уѣздахъ... Въ одномъ словѣ можетъ быть два долгихъ гласныхъ». Замѣтки, стр. 64—65. По Васнецову, въ собственно вятскомъ говорѣ «въ концѣ *о* растягимо: ну-коо, зерноо, худоо. Календ. Вятск. губ. на 1892 г., стр. 235.

Мартыновъ говоритьъ: «Говоромъ Вятчанинъ рѣзко отличается отъ своихъ сосѣдей, исключая, можетъ быть, только Костромичанъ. Вятчанинъ, если можно такъ выразиться, щокаетъ и цокаетъ». Онъ указываетъ на очень закрытое *о* (чуво=чего), на мѣну *и* и *ч*, на очень частое *е* вм. *я* (мѣхче, ейчѣ); на особенную мягкость *и* и *ч* (июдо и чюдо, чюль), на *и* = какъ-бы *хъ* (хюрохъ), на твердое двойное *ш*, на *и* вм. *ди* (ланно), на ф. возвр. з. на *си* (случили), на мѣстоим. *штѣ* и *щѣ*¹⁾.

Изъ говоровъ отдѣльныхъ мѣсть Вятской губ. мы знаемъ о слѣдующихъ.

Въ говорѣ Слободскаго у., кромѣ закрытаго *о* близкаго къ *у* (пушинъ == поликъ, булато), є изъ *е* «излюбленнаго здѣшнимъ нарѣчіемъ», переходящаго послѣ *и*, *и* даже въ *о*: мояшъ, моятъ, мояте (=можешь), «постояннаго» употребленія *ч* вмѣсто *и* и «нерѣдкаго» *и* вмѣсто *ч*, отмѣчены: долгое *и* изъ *ъ*: вѣсть, свѣчи, нить, *е* изъ *я*: тѣнѣть, петь, даже: езыкъ, везать, месной, твердое двойное *ш*: ошило, пешшора, откуда простое *ш*: шока == щека, формы род. на *ова*, формы дат. мн. вмѣсто ф. твор. и наоборотъ: ходить ногамъ, купиль сукно дѣтьми, подошоль къ намъ, формы твор. мн. *имя* (=ими), формы неопред. накл. на *ти*: сѣсти (=сѣсть), ф. неопред. накл. пекчи, ф. сравнил. степ. на *ле*, мѣстоименіе *штѣ* и *щѣ*. Сверхъ того: мягкое *и*: ию, с вмѣсто *и* передъ *и*: молосной, ми вм. бм: омманъ, иногда твердое *я* передъ *и*: колоколна, формы дат.-мѣстн. дочерѣ, матерѣ, лошадѣ, печѣ, ф. 1 л. ед. колотю, вредю, пустю, бросю, можу²⁾.

Въ говорѣ Кай города мѣстоименіе *что* звучитъ чо³⁾.

Говорь Глазовскаго у. (Ухтымскаго прихода и смежныхъ мѣсть) имѣть очень закрытое *о*: оционно, частую мѣну *и* и *ч* (ию, сцесье == счастье, молодича, лички == людски), частое *и* вм. *ъ* передъ мягкими согл. и въ концѣ словъ: дѣвки, вѣсть, сѣсь = сѣсть, нельзї, *е* изъ *я* передъ мягкими согласными: опѣть, бречать (но: брѣкнуть), цёю (= чаю), спорадическое *и* вм. *е* безъ ударенія: тибѣ, цивѣ, стяженіе гласныхъ: бать, ф. дат. мн. вм. ф. твор. и на оборотъ: зъ боронамъ, по лугамъ, ф. З л. бесь тъ, «если передъ тъ должны быть два гласныхъ»: тоекуб, цюб, мѣстоим. *штѣ* и *щѣ*. Сверхъ того, ф. З л. возвр. з. чуечча, любуючча и т. п.⁴⁾.

Говорь Котельнича и его уѣзда имѣть ч вм. *и* (*о* и вм. *ч* не упомянуто), ф. 2 л. ед. возвр. з. ругаешша, браишша и т. п., ф. неопред.

¹⁾ Братчина, Слб. 1859, стр. 277 езд.

²⁾ Календарь Вятской губ. на 1892 г.; Куропачевъ. Слободской уѣздъ Вятск. губ. въ географич. и статистич. отношеніяхъ. Вятка, 1881.

³⁾ Календарь Вятской губ. на 1892 г., стр. 211.

⁴⁾ Календарь Вятской губ. на 1890 г. Составилъ Н. Спасский.

и, на *ти*: говори*ти*, мѣстоим. итѣ. Замѣны *и* черезъ и, повидимому, нѣтъ¹).

Въ говорѣ Уржумскаго у. отмѣчены: рѣдкое употребленіе *и* вмѣсто *и* и наоборотъ, частое є изъ *e*: лѣгитѣ, поль, эдакіѣ воры, спорадическое *и* изъ *и*: здѣсь, сникъ (= снѣгъ), *e* изъ *a* (почти постоянно передъ мягкими, изрѣдка и передъ твердыми согл.): бречѣть, горѣть, дѣда, вѣзнутъ, грѣзной, дочке (изъ дочки; рядомъ, въ отдѣльныхъ словахъ, я вм. *e*: лѣхче), твердое двойное *и*, мягкое *и*: клюя, войскѣ, горжѣ, губерскѣй, тольжѣ, крючокъ, крючѣмъ, двойное *m* вм. *bm*: омморокъ, омменѣ (= обмынь), спорадическое с вмѣсто *и* и *u*: сарь (= царь), половиса, спись (= спишь), формы род. ед. менѣ, дат. мн. имѣ (= имъ), къ лошадямъ, мѣстн. ед. фъ костѣ, фъ грѣзѣ (= въ кости, въ грязи), неопред. и. дѣти, ходити и т. п., бежчѣ, жажчѣ, сравнилъ. ст. на *ле*, мѣстонименіе итѣ (рядомъ: по-и-то). Стаженіе гласныхъ рѣдко: дѣлаѣть, знаѣть, копеёкъ²).

О говорѣ Сарапульскаго у. мы знаемъ лишь то, что въ немъ есть *и* вм. *и*: вись (= вѣсть), *e* вм. *я* (кричеть), ф. дат. мн. вм. ф. твор., ф. имѣ = имъ³).

Говорѣ Малмыжскаго у. имѣть «нѣкоторыя особенности, довольно замѣтно отличающія его отъ другихъ великоруссенныхъ». Отмѣчено с вм. *и*: сѣрква, селовальникъ⁴).

О говорѣ ветлужского края наши свѣдѣнія крайне скучны. Мы знаемъ, что въ предѣлахъ Нижегородской губ. онъ таковъ же, какъ и во всемъ ветлужскомъ краѣ, что онъ отличается отъ говора горной стороны Волги, что въ немъ «всегда» *и* вм. *и*⁵), что ему свойственно стаженіе гласныхъ: знать, заинdevѣть (= вѣсть), така тростычка⁶). Въ говорѣ Варнавинскаго,

¹⁾ Этнограф. Сб., V, стр. 88—89. Авторъ (Глушковъ) замѣчаетъ: «языкъ—есть чисто русскій; произношеніе словъ вообще просто и твердо».

²⁾ Магницкій, Особенности русск. говора въ Уржумск. у. Вятск. губ. Казань, 1865. Тотъ же говоръ, по Магницкому, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Орловскаго уѣзда. Васнецовъ объ уржумскомъ говорѣ замѣчаетъ, что въ немъ о не только звучитъ «мягче», чѣмъ въ говорѣ вятскомъ, но даже переходитъ въ *a*: харомы, карова (?). К. а. Вятск. г. за 1892 г., 235.

³⁾ Календарь Вятской губ. на 1880 г., стр. 79.

⁴⁾ Современникъ, т. 59 (ст.: «Народн. бытъ въ сѣвер.-вост. Россіи»).

⁵⁾ Вѣсти. И. Р. Географ. Общ. 1858 г., ч. 23, стр. 164. Въ ветлужск. краѣ (Нижегор. губ.) были деревни, выселенные изъ Тульской губ., акающія (стр. 163). Рѣчь Ветлужанъ отличается «весьма растянутымъ произношеніемъ слоговъ, имѣющихъ на себѣ удареніе, и весьма краткимъ произношеніемъ прочихъ слоговъ, отчего происходить неровность въ рѣчи, весьма непрѣятная для слуха».

⁶⁾ Графъ Н. Толстой. Заволжские очерки. М. 1857. Даль указываетъ въ Марьяевскомъ уѣздѣ особенно сильную мягкость *и*: цирція.

Бетлужского и Кологривского у. Костромской губ. отмѣчены лишь *и* вм. *и* и *е* вм. *е*: *моечать*¹⁾.

Изъ говоровъ Пермской губ. мы имѣемъ болѣе подробныя свѣдѣнія лишь о немногихъ.

Въ говорѣ Шадринскаго у. часто слышится ё изъ *e* безъ ударенія: *вѣтѣръ*, *тоскѣть*, *вѣшо*, *куда же*, *и* вм. *и* передъ мягкими согл.: *сить*, *полетѣли*, *бездѣльникъ*, даже: *одолѣла*, *e* вм. *я* не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согл.: *петь*, *паметь*, *хозѣинъ*, *петнѣ*, *взелѣ*, стаженіе гласныхъ: *знашь*, *знать*, *знамъ*, твердое двойное *иши*: *ишокѣ*, ф. род. на *ово* и *ова*, ф. твор. *имѣ* (=ими). Сверхъ того: *и* вм. *e* безъ ударенія (спорадически): *нидиля*, *перевидѣте*, *тибѣ*; мягкое (иногда) *и*; ф. 2 л. ед. возвр. з. *берѣшиша* и т. п.; остатки формъ члена: *мужикѣ-то*, *мужикѣ-ту*, *музыки-те*, о *мужикѣхъ-ту*²⁾.

Говорѣ Чердынского у. очень близокъ къ шадринскому. Отмѣчены: *и* вм. *и*, *e* вм. *я*, стаженіе гласныхъ, твердое дв. *иши*, ф. род. на *ово*, ф. твор. мн. прилагат. и мѣстоименій на *мя*: *столами дубовымя*, *фсемѣ городами* (даже: *цветочкими аленькими*). Сверхъ того, *и* вм. *e* безъ ударенія (изрѣдка): *ишѣ* (=еще)³⁾.

То же можно сказать о говорѣ Кунгурскаго у. Колосовъ отмѣтилъ въ немъ (и въ говорѣ Пермскаго у.) формы сравн. степ. на *яя*: *добрѣя*, и мѣстоименіе *чо* или *ко*.

Въ говорѣ Верхотурья отмѣчены: *мѣна и* (мягкаго) и *и*: *вица* и *вича*, стаженіе гласныхъ: *бѣгать*, *бѣгамъ*, твердое двойное *иши*: *ишока*, формы дател. мн. вмѣсто ф. твор.: *за губамѣ*, формы дат. мн. *имѣ*, *емѣ*, *фсемѣ* (=имъ, всѣмъ), формы род. *фсѣмъ*, дат. *фсѣимъ* и т. д. (=всѣхъ, всѣмъ⁴⁾).

О говорахъ Соликамскаго и Ирбитскаго у. мы знаемъ лишь то, что *о* въ нихъ звучитъ очень закрыто (отмѣчено: *буддивая*, *клубукъ*), что *и* можетъ быть ва мѣстѣ *и*⁵⁾ и что съ въ ирбитскомъ говорѣ (по Колосову) иногда замѣняетъ *и*: *улиса*, *сарь*, а губный *и* и *ф* въ исходѣ словъ всегда звучатъ твердо: *корамъ*, *любофъ*⁶⁾.

¹⁾ Материалы для геогр. и статист. Россіи. Костромская губ. Сыб. 1861, стр. 498.

²⁾ Материалы для знакомства съ пермскими говорами въ Пермскомъ Сборнике, томы I и II, М. 1859—60, и въ «Сказкахъ» Аѳанасьевы.

³⁾ Даль отмѣщаетъ въ чердынскомъ говорѣ еще формы неопр. и. на *ии*: *ходили*.

⁴⁾ Вѣсти. И. Р. Географ. Общ., кн. X, 1854 г. (ст. архив. Макарія).

⁵⁾ Скудные материалы въ Запискахъ Уральскаго Общ. Любител. естествознанія, томы III и VII, Екатеринбургъ, 1875—83.

⁶⁾ Тотъ же даль сообщаетъ, что въ Екатеринбургѣ есть *и* вм. *и* и *еви*. *и* и *смышился* (равно какъ и въ Верхотурѣ) *ф* вм. *х*: *добрѣфъ*.

Въ говорѣ печорскаго края (с. Усть-цильмы) о «иногда какъ-бы приближается къ короткому *у*»: *пушоль думой*; ё изъ *е* безъ ударенія не-особенно часто: *сажонъ* (род. мн.), знаѣть, знаѣшъ, но: *беру*, *несу*, *бѣреќъ* (=берегъ); *и* (мягкое) вмѣсто *и* какъ-будто постоянно: *циша*, *цидо*, а *и* вмѣсто *и* или совсѣмъ не употребляется, или очень рѣдко; *и* вмѣсто *и* спорадически: *ми*, *тоби*, *на столи*, *фь гроди* (но: светъ, свѣцька, свѣтель); *е* изъ *я* не только передъ мягкими, но (иногда) и передъ твердыми согласными: *дѣда*, *зеть*, *фсяка фсецина*, благословлѣть, *светой*, *сѣдуть* (=сидутъ), требуются; стяженіе гласныхъ: знать (но: моего и т. п.); двойное *и* твердо: *ишии*, двойное *ж* также твердо: *дожжу*, *дожжомъ*; *и* въ конечныхъ слогахъ мягко: *цирица*, *отецъ*, *молодецъ*; *ф* въ концѣ словъ всегда твердо: *любофъ*, *крофъ*; формы твор. мн. существительныхъ на *мы*, прилагательныхъ на *ма*: *бѣлымъ рукамы*, *широкима рекамы*; ф. З л. ед. безъ *ти*: *несб* (рядомъ: *несѣтъ*); остатки формъ члена: *хлѣбо-ты*, *каша-та*, *масло-то*, *кашу-ту*, *вѣзбушки-ты*, *кони-ти*; мѣстоименіе *їё* (=что). Сверхъ того: *и* произносится «значительно мягче *е*»; формы род. ед. сохраняютъ древнѣе *и*: *доброго*, *твою*; ф. род.-вин. мѣстоименія иногда звучитъ *мня* (=меня ¹).

О цокающихъ говорахъ южнаго Пріуралья у насъ нѣтъ свѣдѣній.

Сибирь въ діалектическомъ отношеніи намъ почти совсѣмъ неизвѣстна.

Главная часть ея русскаго населенія состоитъ изъ переселенцевъ съ нашаго цокающаго сѣвера, прибывшихъ въ Сибирь въ XVII в. ²⁾) Понятно, ихъ говоры имѣютъ очень много общаго съ говорами Архангельской, Вологодской, Вятской ³⁾), Пермской губ. и разница между ними состоитъ по преимуществу

¹⁾ На основаніи свѣдѣній Ф. М. Истомина. Онъ замѣчаетъ: «рѣчь произносится довольно быстро, какъ бы говоркомъ, и вся сила ударенія сосредоточивается на самомъ концѣ реченія или фразы, очень часто на приставочномъ словцѣ *вѣдѣ* или *да*; при этомъ повышеніе голоса на удареніи можно измѣрить октавою (сравнительно съ остальной рѣчью). Примѣры: *масло-то* однако, *парень*, *и* и *позабыть* вѣть. Цишу-ту поть *кашу-ту* хошь взяль *ли*? Цишу-ту взяль *да*; *масла-то* набѣ было взять *да*. Цѣ инд! Инь правда твой.

²⁾ «Первое переселеніе (=древнѣйшіе переселенцы въ Тобольской губ.), тѣсниясь къ сѣверу и смѣшившись съ ордами чрезъ браки, много потерпѣло въ чертахъ наружнаго образованія и удерживаетъ благородство славянскаго происхожденія однимъ почти наричіемъ, которое по всей Сибири есть устюжское, или новгородское» (Словцовъ, Прогулки вокругъ Тобольска, М. 1834, стр. 25).

³⁾ Должно однако замѣтить, что Сибириаки смѣются надъ Вятчанами и ихъ говоромъ. Словцовъ пишетъ: «одинъ изъ здѣшнихъ Гасконцевъ (такъ понимаютъ въ Сибири Вятчанъ). Моск. Телегр. 1830 г., ч. 36, стр. 30.

въ словарномъ материалѣ¹). Лишь немногіе изъ нихъ выработали себѣ подъ влияниемъ иностранныхъ языковъ новые черты. Такъ, «выговоръ нѣкоторыхъ звуковъ и тонъ разговора, или повышенія и пониженія голоса въ рѣчи, характеръ вокализаціи у русскихъ туркменскихъ уроженцевъ отличаются почти тѣми же особенностями, какъ и у Остяковъ. Напримѣръ, подобно Остякамъ, они вмѣсто *ч*, *ж*, *ш*, *р* выговариваютъ *с*, *з* и *л* или *rl*: посолъ, осень, большой, зарко, мерла (=мѣра), альсынъ²). «Всѣ коренные жители Нижне-коныска картаватъ», замѣняя *r* и *л* черезъ *j* и мягкое *m* черезъ *ч*: иба = рыба, ёмъ = ромъ, юди = люди, тепей = теперь, шиехай = пріѣхали, чеё = тѣло. чебонокъ = теленокъ. Они «вставляютъ якутскія слова, употребляютъ якутскую фразировку и не совсѣмъ свойственное русской рѣчи построеніе»³).

Говорь, говоритъ наблюдатель,—одинъ и тотъ же во всей восточной Сибири: въ Иркутскѣ, въ низовыхъ Ангары, на Илимѣ, въ Верхнеудинскѣ, въ Нерчинскѣ, по Шилкѣ и Амуру, въ Камчаткѣ, у Охотскаго моря; все жители восточной Сибири «считаютъ его своимъ». Въ немъ, при мѣнѣ *и* и *ч*, *o* звучить очень закрыто (отмѣчено даже: нүги = ноги, на туй стороне, дүле доле, подгурье), первѣко *u* вм. *ю*: хлипъ, перѣхаль, и *e* вм. *я*: опеть; встрѣчается *u* вм. *e* и на оборотъ: симъ (=семь), шалѣть (=шалить). брѣца (=бриться); «повсемѣстно» *o* вм. твердаго *л*: была (=была), ѿшка (=ложка; въ нѣсколькоихъ словахъ?); *m* вм. мягкаго *к*: тину (=кину), рукавичти, речте (=рѣчѣ; въ нѣсколькоихъ словахъ?); *nn* вм. *dm*, *km*: ламно, три *nni* (=дни), сунно (=сукно); *ee* вм. *be*: овсодѣть, овсарнй; *c* вм. *sh*: дасна, сесть (=шесть), наси (въ нѣсколькоихъ словахъ?), *x* вм. *f* въ формахъ род. мн.: изъ мешкохъ, прутьёхъ; формы дат.-мѣсти. на *ы*, род.-дат. твор.-мѣсти. на *ей*: съ тей жоной (=тѣй?), съ какой стороны, въ одней шкуре, ф. дат. мн. вм. твор. и на оборотъ: съ рукамъ, по людьми, ф. дат.

¹) «Въ Туруханскѣ нѣкоторые казаки и мѣщане умѣютъ говорить по-остяцки и по-тунгусски. А на визу Енисея и за тундрой Русскіе почти вовсе и не говорить по-русски, а по большей части говорить на мѣстныхъ иностранныхъ языкахъ... Въ самомъ русскомъ туруханскомъ нарѣчіи изъ 66 словъ чисто мѣстныхъ, какія мы успѣли записать такъ сказать на лету, до 33 словъ чисто остыцкихъ и тунгусскихъ и словъ 8 финскихъ, употребляемыхъ и въ архангельскомъ русскомъ нарѣчіи». Изъ «Сибирской статистики» Сибирской отл. И. Русск. Географич. Общ., т. III (1872), стр. 189—190, ст. Щапова. (О «русско-сибирской народности» вообще и ся языкѣ въ частности см. еще «Этнографические очерки Сибири», Д. Н. Анучин, въ Ремесленной Газетѣ 1876 г.).

²) Тамъ-же, стр. 190.

³) Тамъ же, стр. 162. Сибирскій Сборникъ (Ядринцева) 1887 г. Спб. 1887 г.. стр. 16. Верхоянскій Сборникъ, составл. Худяковымъ (Труды Военно-Сибирск. отд. П. Р. Геогр. Общ.), Иркутскъ, 1890.

и тв. имъ, неопред. и. бежчи, можчи (=мочь), взясть (=взять), гнасть, до-
стать, сличча (=шляться), сравн. ст. на яе ¹⁾.

О говорѣ западной Сибири у насъ нѣть почти никакихъ свѣдѣній
(тобольск. летатъ, летамъ, дѣброва ²⁾), дат. мн. темя =тѣмъ). Едва ли
онъ не очень близокъ къ говору восточно-сибирскому. Мы можемъ сказать еще
лишь то, что великорусское населеніе Алтая имѣеть очень закрытое о (отмѣ-
чено упять, дуколь, утеболь), форму род. на ова и мѣстоименіе чо (=что) ³⁾.

A. Соболевский.

¹⁾ Извѣстія Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ., IV, Иркутскъ, 1873 г., ст.
Ровинскаго. Авдѣева говорить объ Иркутскѣ: «кто прѣдетъ прямо изъ Москвы или Пе-
тербурга,... его слухъ жестоко пострадаетъ отъ тамошняго выговора» (Записки и замѣ-
чанія о Сибири, М. 1873, стр. 10). «Самый языкъ и манера выражаться тамъ чисто рус-
сіе, и если бы но противная интонація, или аксанъ, какимъ отличается выговоръ иркут-
скихъ жителей, то у нихъ можно было бы искать истиннаго русскаго языка. Но эти воз-
вышенія и пониженія голоса, эти грубыя ударенія на о—чрезвычайно непріятны, осо-
бенно тому, кто не привыкъ къ нимъ или отвыкъ отъ нихъ. Надобно прибавить, что та-
ковъ выговоръ только простолюдиновъ. Въ разговорѣ другихъ только отзывается обла-
стная грубость аксана» (Отеч. Зап. 1848 года, т. 59, ст. «Воспоминанія объ Иркутскѣ»,
стр. 131).

²⁾ Московск. Вѣстникъ 1830 г., ч. 5, стр. 120. Въ Тобольскомъ у. «примено-
шеніе не тихое, не скорое, по нѣсколько отрывистое».

³⁾ Вѣсти. И. Р. Геогр. Общ. 1858 г., ч. 24, стр. 106—108. Гулляевъ о говорѣ на-
селенія алтайскаго Сузунскаго завода (Томской губ.) говоритъ: онъ «тотъ же, что въ сѣ-
веро-восточныхъ частяхъ европейской Россіи, грубый для непривыкшаго къ нему уха...
по самой интонаціи, похожей въ оживленномъ разговорѣ на речитативъ» (Шам. нар. яз.
и словесн. при Изв. Ак. Н. П.). Рядомъ съ великоруссами на Алтаѣ живутъ говорящіе
по-бѣлорусски раскольники изъ Вѣтки и Черниговской губ., известные у соседей подъ
названіемъ «Поляковъ»; другая часть ихъ, «семейскіе», живутъ за Байкаломъ (Записки
Зап.-Сибирск. отд. И. Р. Геогр. Общ., кн. II, Омскъ, 1880, стр. 79).

Путевые письма И. И. Срезневского
къ матери его Еленѣ Ивановнѣ Срезневской
(1839—1842).

IX.

№ 8. С.Петербургъ. 1-е Ноября 1839.

Вчера, милая Маменька, я началъ писать Вамъ письмо подъ этимъ Жемеромъ, и написалъ было почти три страницы; сегодня братъ возвращается изъ Академіи, приносить письмо отъ Васъ, и въ немъ нападку на меня, что дурно пишу: что дѣлать, посмотрѣвши на написанное, и увида, что и это написанное, написано также дурно, какъ и все прежнее, рѣшился разорвать листокъ и писать снова на другомъ. Что дѣлать! Виноватъ, душенька Маменька, право виноватъ, да вѣдь какъ начнешь писать, всегда забываешь, что пишешь, для того что-бы прочли. Вотъ и теперь чуть было не засуетился перомъ, чуть не началъ писать каракульками.

О чёмъ-же писать? Я не хочу не только переписывать, но и перечитывать того, что написалъ на листкѣ, обреченномъ на всесожженіе. О чёмъ-же писать? или лучше, съ чего начать? Многое, многое волнуется въ воспоминаніи даже противъ воли; но всего этого такъ много, что не находишь нигдѣ точки опоры, безпрерывно забываешь одно вместо другаго, забываешь наконецъ все, кроме того, что передъ глазами,—готовъ саженю растянуть руки, и сказать: нѣтъ-съ, ничего-съ не знаю-съ. Я уже не говорю, сколько мнѣ слѣдовало бы написать о Москвѣ, о Москвичахъ, или о пути изъ Москвы въ С.Петербургъ; о самомъ Петербургѣ, вѣроятно, очень многое останется въ тяжеломъ грузѣ недосказанаго. Мнѣ бы надо было вести журналъ и для памятки вписывать въ немъ хоть краткія замѣтки о томъ, что видѣлъ и слышалъ, но до сихъ поръ за журналъ и не принимался, а записывалъ на лоскуткахъ, изъ которыхъ половина уже, можетъ статься, затерялась.

Начну сегодняшнимъ числомъ. Утро прошло, свѣчи на столѣ, день кончень, я я могу писать о немъ, какъ о давно прошедшемъ припоминая по недавне-прошедшему и о давно-прошедшемъ. Съ утра, послѣ чаю, я занялся сниманіемъ карты, на которой Шафарикъ означилъ во всей подроб-

ности народонаселеніе Австрійской Имперіи по племенамъ. Эту карту сообщилъ мнѣ Сербиновичъ. Чрезвычайно любопытная карта: глядя на нее, видишь, какъ могущественно разширилось по Австрії. Имперія наше родное племя Славянъ, какъ примкнуло къ нему съ Юга племя Римское, какъ врѣзались, ворвались въ ихъ средину съ Запада Нѣмцы, съ Востока Маджары, врѣзались, и разбросались клочками. Другую карту Шафарикову о типографіяхъ Славянскихъ я уже снялъ. Эту не такъ легко: иногда бѣшся, бѣшся, да и бросишь. Кстати о Сербиновичѣ: онъ—воспитаникъ іезуитовъ, перекрестившійся въ нашу вѣру, обходителенъ со всѣми, обходителенъ и со мною, даже очень обходителенъ. Онъ обѣщался между прочимъ помѣщать мои статьи, находящіяся у него, однѣ за другою, просилъ, что-бы я доставлялъ ему статьи изъ за границы, и сказалъ, что будетъ доставлять мнѣ деньги. Деньги: вотъ это очень хорошо. Я у него бываю довольно часто.—Просидѣвши за картою до $\frac{1}{2}$ одинадцатаго, отправился на Лиговку въ домъ Смирдина, думаль тамъ найти Полеваго, узналъ, что перемѣнилъ квартиру, поѣхалъ къ Башуцкому¹⁾, узналъ то-же,—и воротился къ Фонтанкѣ къ дому Долгорукова, гдѣ живетъ Князь Одоевскій... «Дома Князь?»—«Дома». И я вошелъ въ предкабинетіе. Чрезъ нѣсколько минутъ входить Княгиня, нѣчто въ родѣ смуглого папошника, и просить извиненія, что Князь заставляетъ ждать, что Князь, принявши ванну, приметъ и меня. Выбѣгаетъ на конецъ и Князь: въ бархатномъ черномъ шлаф-сюртукѣ, въ колпакѣ темномъ, изъ подъ которого видѣнъ другой бѣлый, и во всемъ прочемъ, онъ очень похожъ на Нѣмецкаго калбасника,—и также худъ, и также хомяковатъ, и также простѣ; лицо впрочемъ миленькое, добренъкое, умненькое. Узнавши мою фамилію, онъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки и потащилъ въ кабинетъ, говоря, что радъ и моему пріѣзду въ Пбургъ, и встрѣчѣ со мною; потомъ посадилъ въ кресло, спросилъ имя и отчество, спросилъ, хочу-ли чаю, или цигару, подалъ цигару, и началъ разспрашивать обѣ Українѣ, о Харьковѣ, о моемъ путешествіи, и т. д. Жалѣть, что я не запасся свѣденіями музыкальными, что этого рода свѣденія не вошли у насъ въ обычай; просилъ сообщить ему мое собраніе Малорос. голосовъ проиграть и исправить ошибки переписки: видно, что страстный музыкантъ. Онъ впрочемъ и правитель дѣлъ по Комитету о Пріютахъ,—и разговоръ своротился на пріюты. Ихъ въ Пбургѣ семь, и въ семи до 1000 дѣтей отъ 3 до 9 лѣтъ: цѣлый день они въ пріютахъ, обуты, одѣты, учатся читать, писать, считать, пѣть, играются—все это подъ присмотромъ добропорядочныхъ женщинъ, между тѣмъ какъ дома только бы

¹⁾ Алекс. Павл. Башуцкій—литераторъ; въ это время издавалъ Журналъ Общеполезн. свѣдѣній.

дурчались. Князь просилъ меня заѣхать въ одинъ изъ пріютовъ, что бы увидѣть, какъ полезны этого рода заведенія: «у васъ навернутся слезы отъ чувства при видѣ этихъ дѣтей, извлеченныхъ изъ грязи, и воспитаніе которыхъ имѣть благодѣтельное дѣйствіе и на родителей». Говорили и о промышленности Русской, о надеждахъ нашихъ въ будущемъ въ этомъ отношеніи. О литературѣ почти не говорили. Я успѣлъ однако осмотрѣть кабинетъ, увидѣть, что у Князя все, что нужно ему, есть подъ рукою, и все съ большимъ удобствомъ: не говорю о богатой мебели, о журналахъ,—у него и библиотека очень богатая, очень разнообразная, очень правильно расположенная, и богатое собраніе картинъ, и прошать и нѣть, и прекрасный рояль. Я просидѣлъ у него до двухъ часовъ, получилъ приглашеніе на субботу—по субботамъ у него литературные вечера,—и отправился въ Александровскій пріютъ. Въ самомъ дѣлѣ нельзя не любоваться этимъ множествомъ дѣтей, чисто одѣтыхъ, веселыхъ, шутя учащихся. Они пропѣли мнѣ «Боже царя храни», показали свои работы, свои передники, свои башмаки, плетеные изъ рѣзаныхъ покромовъ, свое писаніе, а при выходѣ моемъ возгласили мнѣ «прощайте».—Не далеко оставалось до Лавры,—и я поѣхалъ въ Лавру. Главный храмъ похожъ фигурую на Казанскій соборъ, только не такъ богатъ; въ немъ справа гробница Александра Невскаго, серебряная, въ 95 пудовъ, изумительно богата и изящная; въ немъ же слѣва двѣ гигантскія картины Рубенса—снятіе со креста и воскресеніе,—и я не могъ не любоваться выраженіемъ лицъ въ первой изъ нихъ, въ алтарѣ, надъ горнимъ мѣстомъ, виситъ такая же гигантская картина Рафаеля—благовѣщеніе,—но я грѣшилъ—сколько ни всматривался въ нее, не высмотрѣлъ такого, что бы тронуло мою душу. Въ Малой церкви подъ кладбища, весь полъ и все стѣны исписаны надписями на память о погребенныхъ тутъ знаменитостяхъ. Прежде всего я поклонился передъ гробомъ Суворова, потомъ стала читать надписи, которые попадались подъ глазами и подъ ногами. Чего тутъ нѣть: тутъ и царевны дочери покойника Александра, и Грузинская Царевна, и Голицыны, и Строгановы, и Куракины, и Бецкій, и вся знать. Коегдѣ въ стѣнахъ вѣланы памятники, блестящіе золотомъ, серебромъ, мраморомъ. Я зашелъ и на кладбище: груда мраморовъ между которыми трудно пробираться,—и того, передъ чѣмъ-бы въ другомъ мѣстѣ простоялъ полчаса, считаясь тутъ десятками. Грустно было ходить по этому кладбищу, куда спесено и много изъ тѣхъ, кто двигалъ Россіей, кто оставилъ по себѣ долгій слѣдъ и долгую память... Тутъ и Державинъ, и Карамзинъ... Многіе памятники покрылись мохомъ, другіе разрушаются, и между ними светятся юные, прекрасные, а иѣкоторые благородными владѣльцами покрыты отъ ударовъ времени шелевочными колпаками—очень кстати! Возвращаясь домой, я заѣхалъ къ откупщику Бенардаки, съ порученіемъ отъ Погодина,

принять очень ласково, прошептъ и на обѣдъ, и на вечеръ, и хоть каждый день, у порога встрѣтился съ бывшей моей ученицей Ваффеевой,—и домой.— Вотъ и все утро. Теперь мы пообѣдали, попили кофе, собираемся пить чай; а я, просмотрѣвши, что написалъ, вѣдомъ, что надоѣно же сказать нѣсколько словъ и о Казанскомъ соборѣ, гдѣ я былъ уже два раза, и лучше чего я еще ничего не видаль въ Пбургѣ. Полукруглою колоннадою развертывается онъ на Невскій проспектъ, образуя площадь, на которой стоять памятники Кутузову и Барклаю. Колоннъ что-то очень много, цвѣту желтобураго, какъ и весь храмъ снаружи. Въ серединѣ надъ колоннадой возвышается величественный куполь, покрытый серебреною кровлей. Вонедши въ храмъ, не знаешь, чему удивляться—огромности, богатству или величию. Вы видите громадныя цѣльныя колонны изъ темносѣраго гранита съ бронзовыми пьедесталами и капителями, видите огромную площадь храма, развернувшуюся длиннымъ крестомъ,—и сами себѣ кажеться такъ малыми, что одного этого довольно для пробужденія чувства. Храмъ пустъ, кое гдѣ только по угламъ стоять и сидѣть пришедши поклониться святыму образу Казанскому,—и все молчитъ, такъ что вы слышите, какъ ноги ваши скользятъ по мрамору, и какъ эти звуки повторяются на сводахъ,—и сердце ваше начинаетъ сильно биться. А вонъ стоять на колѣнахъ передъ образомъ Казанскимъ тошій старикъ, можетъ быть, изстрадавшій всю жизнь, слышится и гортанный полузвукъ его «Господи!»—и слеза скатывается по лицу,—и вы уже не можете не молитися. Сюда, кто пришелъ, пришелъ молиться, а если пришелъ и не съ тѣмъ, выходитъ помолившись.—Иконостасъ, и рѣшетка передъ нимъ изъ литаго серебра. На пиластрахъ, поддерживающихъ куполь со стороны паперти, развѣшены ключи разныхъ городовъ; на колоннахъ паперти висятъ знамена, отнятыя во время послѣднихъ войнъ; въ углу за колоннами гробница Кутузова. Но зачѣмъ этотъ храмъ не въ Бѣлгородѣ, или лучше зачѣмъ этотъ Петровскій Бѣлый городъ не такъ-же близко отъ Харькова, какъ тотъ другой? То-то бы хорошо! И мы были бы съ вами въ немъ, и я теперь хоть на денёкъ уѣжалъ-бы изъ него къ Вамъ въ Харьковъ, гдѣ я оставилъ такъ много незамѣнимаго, незабвеннаго, отнятаго у меня уже можетъ статья на всегда. Ахъ, Харьковъ, Харьковъ! Ворочусь въ него, если Богъ дастъ воротиться, уже не такимъ; да и люди, которыхъ встрѣчу тамъ, развѣ не измѣнятся! Какъ же не жалѣть увидѣть его еще разъ, увидѣть безъ перемѣны тѣхъ, кого привыкъ любить или уважать такъ, какъ они есть, не иными.

2-е Ноября.

Вчерашній вечеръ до полуночи я просидѣлъ въ кругу товарищей однокаменниковъ: Хозяиномъ былъ Гамалея—не товарищъ, но хохоль, и сѣдо-

зательно свой братъ.—Съ Штигоцкимъ мы малоились, съ Джуниковскимъ бралились, съ Лыганимъ хохотали,—и Лыгина же слушали. Онъ имѣть го-
лость, имѣть большія музыкальныя способности, и притомъносѣщалъ каждую оперу по крайней мѣрѣ по десяти разъ. Онъ пѣть намъ мотивы изъ Роберта, изъ Фенеллы, изъ Жизни за Цари и пр. Мы наслаждались. Ахъ, Боже мой, я и забыть вамъ сказать, что былъ въ театрѣ уже два раза—
въ прошлую Пятницу на Сильфидѣ, а третьаго дни, во Вторникъ, на Робертѣ. Я видѣлъ въ Сильфидѣ Тальони,—видѣлъ Сильфиду. Я не вообра-
жалъ, чтобы балетъ могъ имѣть на меня какое нибудь сильное вліяніе, кромѣ развѣ самаго непріятнаго, не воображалъ потому, что не могъ себѣ представить, чтобы мнѣ могла понравиться искусственность, почти совершенно отрѣшенная отъ естественности,—и... Занавѣсь поднимается, великолѣпная му-
зыка отдаетъ звуки за звуками, душа сотрясается,—передо мною комната Нѣ-
мецкаго рыцаря съ очагомъ, въ которомъ чуть тлѣтъ огонь. Оруженосецъ спитъ у дверей, рыцарь спить ближе на креслѣ. У ногъ рыцаря, на колѣнахъ,
оперши руку о ручку кресель и головку о руку, и устремивши глаза на ры-
царя, стоитъ что-то недвижно-прекрасное. Музыка развертывается, сгущается,
волнуется,—недвижимо-прекрасное остается безъ движеній, какъ мраморная статуя,
чувствуешь жизнь только въ глазахъ, все всматривающіхся въ рыцаря. Ждешь,
наслаждаешься, теряешь понятіе о времени. И вдругъ Сильфида вспархиваетъ
какъ тѣнь, и начинаетъ облакомъ виться около спящаго рыцаря, вѣтая, обхо-
дить, отходить, приходить, облетаетъ разъ, другой, третій, становится на колѣни передъ рыцаремъ, взлетаетъ сзади и, сложивши ручки, опустивши го-
ловку, снова недвижимо всматривается въ рыцаря, недвижимо стоя на воздухѣ,
опять летить, опять прилетаетъ, цѣлуя рыцаря въ лобъ, летить прочь. Ры-
царь проснулся, вскочилъ, очнулся, припомнинетъ, видитъ Сильфиду, къ ней,
за нею; но она неуловима, летить къ очагу, въ очагъ, и улетаетъ въ трубу.
Рыцарь будить оруженосца, разсказываетъ ему (разумѣется тѣловѣженіями)
что видѣлъ; оба ищутъ Сильфиду въ очагѣ,—и потомъ видѣть, сквозь обна,
какъ она летить по полямъ и лѣсамъ, освѣщенными зарею, все далѣе, далѣе...
Эта первая сцена, наслаждаясь которойю, и любишь вмѣстѣ съ Сильфидой, и
грустишь о Сильфидѣ за рыцаря, такъ очаровала меня, что я готовъ быть
себя проклинать, какъ могъ я не постигать возможности выразить въ балетѣ
все, что можетъ быть изящнаго и высокаго въ чувствѣ. Впрочемъ слѣдующія
сцены гораздо хуже; кромѣ послѣдней, гдѣ Сильфида, уже лишенная незем-
ности, умираетъ какъ человѣкъ. Вмѣстѣ съ музыкою плакаль и я. Музыка
и декорація въ Робертѣ превосходны, но актеры — гадость, — и эффектъ
потерянъ.

— Не худо ли я сдѣлалъ, что оставилъ при себѣ только 200 рублей для брата. Мы разщѣтивали съ нимъ, и нашли, что нынѣшній годъ ему надобно дать еще 200. Извѣ своихъ я боюсь дать, изѣ вашихъ — но гдѣ вами ваять? Я что-то худо помню состояніе финансъ вашихъ. Если Вамъ недѣла, то я изѣ за границы пришлю статью къ Сербиновичу, и буду просить, чтобы деньги отдалъ брату.

— Я вѣсъ увѣдомлю, куда поѣду и куда адресовать мнѣ письма за границу; а покамѣстъ пишите къ брату: онъ мнѣ перешлетъ.

— Удивительно, что съ почтою дѣлается: я писаль отъ 6 Октября и Вы до 20 не получили: а я ращѣтивалъ, что вы получите 16-го¹.

X.

№ 9. С.Петербургъ 1839. Ноября 10.

Вчера былъ четвергъ, по четвергамъ получаемъ мы письма отъ Васъ, милая Маменька, — и вчера я съ нетерпѣніемъ ждалъ возврата брата изъ Академіи, надѣясь, что онъ принесетъ письмо Ваше; но онъ не принесъ, — избалованный Вашъ Измайлуха невольно грустить. Онъ увѣряеть себя, чѣмъ недолго придется ему получать письма Ваши такъ часто, какъ теперь получаетъ, что скоро за счастіе будетъ считать получить письмо Ваше черезъ два мѣсяца: напрасно: не легче ему отъ того, даже тяжелѣ. Нѣть, еще не привыкъ я странствовать, одиночествовать. Чѣмъ далѣе отъ Харькова, тѣмъ болѣе грушу по немъ: вотъ такъ бы и поворотилъ оглобли къ нему, помчался-бы не оглядываясь, ни о чѣмъ не думая... И мечта уже рисуетъ передо мною очаровательные образы той милой жизни, которую велъ я съ Вами, въ добромъ кругѣ знакомыхъ, друзей, — рисуетъ образы Вашей любви ко мнѣ и попечительности обо мнѣ, а тутъ и картинку кружка друзей, собравшихся вокругъ Вашего чайного столика, и картинку изъ поѣздки въ Бѣлгородъ, и пр., и пр. Такъ много было таокъ съ чѣмъ бы не разстался никогда, — и разстался... не безъ надеждъ, но могу въ ихъ рядъ поставить и надежду — встрѣтить, возвратясь, все по прежнему зажить, какъ жилось? Обстоятельства такъ быстро измѣняются!.. Измѣнитъ можетъ быть и меня, сдѣлаютъ неспособнымъ сочувствовать тому, чemu сотуствоватъ еще недавно такъ меня счастливило. О, не дай Боже! — Горы глотокъ грусти заѣдаю конфетой душевной увѣренности, что я такъ живъ, и переворачиваю листокъ. Авось, говоря съ Вами о Петербургѣ, забуду горѣ хоть на минуту.

Начну съ того, что въ Петербургѣ менѣе нежели гдѣ имѣю право превратить. Я у родного, и часто вижусь съ старыми друзьями: этого уже слиш-

¹) Приписки на поляхъ.

много для странника. Душа можетъ говорить какъ хочетъ.—Брата я васталъ какимъ желать застать: каждый день и весь день онъ занимается—утромъ оть 8 до 2 или оть 9 до 3 часовъ въ Академіи, послѣ обѣда до 12, а иногда и до 2 дома; нѣть другихъ книгъ, ни другихъ мыслей, ни другихъ разговоровъ, кромѣ военно-ученыхъ; его познанія во многомъ такъ основательны, такъ велики, что иногда изумляешься—особенно, что для меня болѣе другаго понятно, въ Географіи Европы и Россіи, которую онъ изучилъ съ такой подробностію и съ такою сознательною отчетливостію, что дай Богъ и профессору Географії знать не хуже его; желаніе и стараніе становиться все лучше, все благоразумнѣе и благороднѣе—занимаетъ его по прежнему; и—что-бы сказать обо всемъ—окопированъ онъ прекрасно, чисто, даже богато (не богатъ только бѣльемъ). Онъ ухаживаетъ за мною, какъ добрый братъ и другъ, и живемъ мы съ нимъ и съ его товарищемъ, прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, Андр. Лавр. Барковскимъ, славно. Можетъ быть я имъ и наскучу, но они сами не захотѣли, что-бы я взялъ квартиру отдѣльную, стѣна обѣ стѣнъ съ ихъ комнатами, когда былъ случай. Что до моихъ прежнихъ старинныхъ друзей, то я засталъ тутъ двухъ изъ нихъ—Шпигоцкаго и Джунковскаго¹): одинъ—чиновникъ вполнѣ, работаетъ днемъ весь день, работаетъ часто и ночью, приобрелъ о себѣ хорошее мнѣніе начальства, и скоро будетъ Надворнымъ, добрь, милъ, гостепріименъ, словомъ—какъ прежде; другой остается Коллежескимъ Секретаремъ, служить нерадиво, за то все читаетъ книги, учится, и приобрелъ гигантское количество познаній, такъ что иногда странно становится, какъ можетъ голова его сдерживать такую массу фактовъ и не терять способности соображать, пользоваться фактами,—и добрь, благороденъ, чуденъ по прежнему. Я и забылъ было о Булычовѣ²): милый юноша, высшаго круга, служить поѣтольку часовъ въ недѣлю въ Комитетѣ Министровъ, время проводить ст. Министершами и т. п., добрый товарищ по прежнему. Съ нимъ впрочемъ вижусь не часто; за то часто съ Шпигоцкимъ и Джунковскимъ, и время бѣжитъ.

Вотъ уже и три недѣли (безъ одного дня), какъ я живу въ Петербургѣ, а доброго сдѣлалъ мало. Обстоятельства заставляютъ остататься еще на недѣлю. 21-го єду непремѣнно. Иностранный паспортъ уже получилъ, и би-дѣть на място въ дилижансѣ также взять, остается только получить подорожную; но обстоятельства заставляютъ остататься до 21, на 21-е взято и място въ дилижансѣ. Ёду въ Ригу; оттуда не знаю куда—въ Варшаву, если рѣко будетьѣхать покойно, въ Кёнигсбергъ, если не найду попутчика въ

¹) Іос. Абр. Джунковскій и Ае. Григ. Шпигоцкій—товарищи И.И. С—го по университету.

²) Ив. Демьян. Булычовъ—товарищъ И. И. Срезневск. по университету; впослѣдствіи дѣйств. членъ Имп. Географ. общ., путешественникъ по Сибири; имъ издано «Путешествіе по Восточной Сибири»—роскошный сборникъ видовъ Сибири и бытовыхъ картинъ изъ жизни ея населенія.

Варшаву, и кажется всего въроятнѣе въ Кёнигсбергъ, что-бы оттуда въ Берлинъ и Прагу. Изъ Риги уведомлю.

Между тѣмъ нельзѧ же не сказать хоть нѣсколькихъ словъ о томъ, что былъ я и еще разъ въ театрѣ. Въ этотъ третій разъ былъ я въ Александрийскомъ театрѣ, когда давали Велисарія, новую драму, передѣланную съ Нѣмецкаго Ободовскаго, и имѣющу необыкновенный успѣхъ. При мнѣ давали ее уже разъ шесть, и театръ всегда полонъ, биткомъ набитъ. Велисарій возвращается побѣдителемъ изъ похода противъ Вандаловъ, когда составляется противъ него заговоръ. Лѣтъ за 20 у Велисарія родился первенецъ-сынъ, и Велисарій готовъ былъ любить его; но зловѣщій сонъ, представившій ему, что этотъ сынъ его вооружится противъ Имперіи и Императора, превращаетъ его любовь въ ненависть, и Велисарій поручаетъ вѣрному рабу своему утопить младенца. Воля его исполняется такъ, что никто, ни тѣмъ болѣе жена, этого не знаетъ. Знаетъ только рабъ, исполнившій волю. Передъ возвратомъ Велисарія изъ Вандаліи рабъ заболѣлъ, почуялъ смерть, и покаялся женѣ Велисарія. Пылая мщеніемъ, жена принимаетъ участіе въ заговорѣ—на гибель Велисарія. Сегодня Юстиніанъ Императоръ награждаетъ его тріумфомъ и лавровымъ вѣнкомъ; завтра онъ подъ судомъ: призываются въ Сенатъ, обвиняется врагами и женою въ злоумышленіи противъ Сената и Императора, заключается въ тюрьму, осуждается на смерть Сенаторомъ, осуждается на изгнаніе и ослѣпленіе Императоромъ. У Велисарія есть дочь: она, узнавши объ осужденіи отца на изгнаніе и ослѣпленіе, покидаетъ мать, и становится вожатаемъ слѣпаго отца, вожатаемъ, какимъ только можетъ быть дочь. Велисарій привезъ изъ Вандаліи между прочимъ одного пленника и усыновилъ его. Этотъ пленникъ, рѣшаясь мстить Имперіи за Велисарія, идетъ къ Аламамъ, вооружаетъ ихъ противъ Константиноополя, ведеть ихъ... Случайно встрѣчается этотъ юноша Аламиръ съ бродячимъ Велисаріемъ и обязывается покинуть свое намѣреніе; но Аланско продолжаютъ путь къ Цареграду, разбиваются Императорское войско. Велисарій также идетъ въ Цареградъ, встрѣчается съ Греческимъ войскомъ, узнаетъ, что Аламиръ не кто иной какъ его сынъ первенецъ, случайно спасенный, принимаетъ начальство надъ войсками, разбивается Алановъ, получаетъ рану... Жена Велисарія между тѣмъ покаялась, обезумѣла отъ горя. Понятна послѣдняя сцена: Велисарія вносятъ на носилкахъ, едва дышащаго, дѣти и Императоръ и войско плачутъ надъ нимъ, вѣбгааетъ жена, молитъ мужа о прощеніи, получаетъ его и умираетъ; потомъ умираетъ и Велисарій.—Драма сама по себѣ не высокаго смысла; но въ ней есть много положеній, много мыслей и чувствъ, понятныхъ для души Русскаго,—и публика хлопаетъ и топаетъ, плачетъ, забываетъ. Въ одномъ мѣстѣ Юстиніанъ говоритъ, что счастлива страна, гдѣ Царь говорить съ народомъ какъ съ дѣтьми отецъ: хлопанье,

топанье, крик радости продолжались минуту послѣ этихъ словъ, и гремѣли такъ, что страшно становилось. Не громче было бы ура народа, въ первый разъ встрѣчающаго Царя. Надобно сознаться, что и нѣкоторые изъ актеровъ, если не всегда, то во многихъ сценахъ, исполняли роли свои прекрасно. Ка-ратыгинъ 1-й въ ролѣ Велисарія былъ почти всегда превосходенъ; Ка-ратыгина, въ ролѣ жены, также; Брянскій—Юстиніанъ—также. Елену, дочь Ве-лисарія, играла Асенкова, милочка собою и актриса съ высокимъ дарованіемъ, съ глубокимъ сочувствіемъ къ дочериему чувству,—и какая милочка... Не подумайте, Маменька, что я въ нее влюбился; но, право, она такъ мила—переодѣтая въ мальчика, такъ любить отца, такъ понимаетъ его, такъ угадываетъ всякое чувство его, всакое желаніе, что, взглянувши на нее, не хочешь вспоминать о Тальони, а все бы на нее смотрѣлъ. Вся душа моя наслаждалась чувствомъ изящнаго и высокаго, небеснаго. Не женщину видѣлъ я въ неѣ, а дочь, которой и въ раѣ не будетъ лучшей. Я плакалъ, я забывалъ и присутствіе толпы людей вокругъ меня, и содержаніе драмы, и игру Ка-ратыгиной, Брянскаго и другихъ, и самаго себя наконецъ,—все глядѣлъ на отца и на дочь, на дочь и на отца. Мнѣ наконецъ совсѣмъ стало, что я сижу въ креслѣ между 500 подобныхъ и подъ 5-ю ярусами ложъ, будто у себя въ одиночку, и закрылъ глаза лорнетомъ; стало совсѣмъ, не надолго однако: скорѣе совсѣмъ должно быть тотъ, которому не понятно чувство, воз-буждаемое этой драмой, кто можетъ смотрѣть на Асенкову какъ на красавицу, забывая, что она дочь Велисарія. Не могу пересказать всѣхъ сценъ, меня поражавшихъ, но вотъ нѣкоторыя:—Велисарія выводятъ за городъ, снимаютъ цѣпи съ него, говорятъ, что есть юноша, готовый быть его вождатемъ; по-отдалъ стоять мальчикъ, сердце его сильно бьется, онъ жметъ его руками, и то молится, то глядитъ на старца—слѣпца, а слезы градомъ по лицу. Вели-сарій начинаетъ распрашививать юношу (онъ могъ не узнать голоса, потому что долго былъ въ походахъ и только вчера возвратился съ нихъ); юношѣ не хотѣлось бы раскрыть свою тайну, но чувство побѣждается... Елена падаетъ къ ногамъ отца, цѣлуя полу его тоги, его сандалію, изъ глубины сердца восклицаетъ: «родитель!» Публика захлопала—я зарыдалъ.—Близъ одного селенія, мужики собрались около Велисарія, не зная кто онъ, и поютъ о немъ пѣснь (Малютка, шлемъ нося, просилъ для Бога—пиши лишь дневныя слѣпцу, котораго водилъ, кѣмъ славны Римъ и Византія): малютка Елена прижалась къ отцу, ласкаетъ его, и въ ея движеніяхъ отражается смыслъ пѣсни—и совершенно естественно, и вполнѣ. Мнѣ опять захотѣлось плакать,—и я за-крылъ глаза лорнетомъ.—Велисарій возвращается въ Константинополь, уже онъ близко, уже виденъ. Велисарій надѣется, съ нимъ надѣется и Елена; молится, съ нимъ молится и она: опять удивительная сцена, которой я не могъ

не сочувствовать... Впрочемъ довольно о Еленѣ и Велисаріи. Я уже говорилъ и о публикѣ. Скажу еще, что публика здѣшняя, сколько ни любить вызывать хорошихъ актеровъ, но хлопаетъ, топаетъ болѣе въ пользу автора, т. е. когда ей понравится та или друная сцена, та или другая мысль или выраженіе. Ей какъ будто не хочется отличать сцены отъ дѣйствительной жизни, хочется жить на сценѣ, по крайней мѣрѣ принимать участіе въ жизни¹⁾ живущихъ на ней.

Братъ воротился изъ академіи, и принесъ письмо отъ Вась, душенька Маменька. Слава Богу, Вы здоровы, Вы не скучаете, Вы спокойны...²⁾ И во весь вечеръ только и было нами сдѣлано, что написана эта страничка. Барковскаго не было дома; мы ждали его возвращенія и болтали. Между прочимъ, какъ люди, и о деньгахъ. Брату больно, что онъ долженъ отягощать Вась своими просьбами, больно, что онъ до сихъ поръ не сладится такъ, что-бы пріобрѣтать по крайней мѣрѣ столько, чтобы жить безнуждно,—и онъ рѣшаются отдать часть времени что бы его посвящать на литературные подряды—для денегъ. Впрочемъ, что скрывать, занятій у него много, чѣмъ больше будетъ заниматься, тѣмъ для него-же лучше,—и безъ помощи Вашей ему не обойдется. Я уже писалъ Вамъ объ этомъ въ прошломъ письмѣ, и повторю: если не 200, то хоть 150 въ этотъ годъ ему необходимы въ добавокъ къ 200, уже полученнымъ. Я бы не поскупился ему оставить если не вѣсъ 200, то хоть 100, если-бы зналъ, что со мною не можетъ случиться ничего непріятнаго, что эта первая третья испытаній пройдетъ удачно, что деньги слѣдующая за слѣдующую третью получу акуратно; но теперь ничего не знаю, что будетъ со мною—и скуплюсь противъ желанія сердца. Я хоть и получилъ отъ Министерства за статью о Персидской и Египетской религії³⁾, но это мнѣ не станетъ и на проѣздъ отсюда до Риги, потому что только за мѣсто въ дилижансѣ я заплатилъ уже 100 (что получилъ), надо же прибавить на сѣѣстнія издержки и т. п.; за то казна мнѣ ничего не дала за проѣздъ изъ Харькова до сюда, а мнѣ еще жить два мѣсяца и пути около 2000 верстъ. Я не стану лѣниться, и надѣюсь получить чтонибудь за статьи, но теперь все это еще будущее. Вы мнѣ напишите о Вашихъ финансахъ, а я Вась уведомлю о моихъ—и Богъ дастъ, дѣло сладится. Что до банковыхъ билетовъ, я сдѣлалъ бы подло, если-бы сдѣлалъ иначе: протягивай ножку по одежкѣ, у меня же нога не длинна, не высокаго я росту,—собьюсь,—достанетъ на все и даже на то, что-бы посмотреть разъ-другой на какую-нибудь Асенкову. Лишь бы непредвидѣнности не сражали; а я для нихъ только и скуплюсь.

¹⁾ Въ подл.: въ жизни.

²⁾ Далѣе на томъ-же листкѣ слѣдуетъ письмо Ник. Иван. Срезновскаго; его мы опускаемъ.

³⁾ Сближеніе религій Персидской съ Египетской (Журн. Мин. Нар. Пр. 1839, ч. XXII, отд. II, стр. 188).

Сегодня, т. е. 11-го Ноября, я проснулся, Академиковъ уже нѣть: они съ 8-ми часовъ отправились. Я сѣлъ за письмо, написалъ страницу, перечель Ваше письмо, опять пишу,—и прежде всего извиняюсь, что дурно пишу. Что мнѣ дѣлать, душечка Маменька: и рука скользить, и хочется больше написать, вѣтъ и пишется дурно. Я и принуждаю себя, да проку нѣть. Когда я жилъ при Вась, то иногда, и довольно часто, не находилъ, что новенькаго сказать Вамъ; а теперь все-бы, все-бы рассказывалъ Вамъ, а въ то время, когда хочется мнѣ говорить, Вы знаете, я болтунъ, и юрза: отъ этого я лѣплю букву на букву, и спѣшу. Да что таить: и писать не умѣю. Простите меня, душенька Маменька.

Засвидѣтельствуйте мое искреннее почтеніе и душевную благодарность Марѣ Ивановнѣ¹⁾) она учила меня быть добрымъ сыномъ въ Харьковѣ,— и того я никогда не забуду; она и теперь заставляетъ меня благодарить Бога.— Обращаюсь къ Миссъ Фанни²⁾): Если Вы не помните меня лихомъ, то будьте добры, поцѣлуйте за меня ручку у Марѣ Ивановны. Вы передадите мое почтеніе и благодарность и доброй Маменькѣ Вашей.

Поклонитесь, Маменька, Ивану Петровичу и его супругѣ, и всѣмъ, кто меня не забылъ и кто забылъ.

Вамъ, добрые незабвенные друзья мои, общій поклонъ. Да извинить меня тотъ изъ Вась, передъ кѣмъ я виноватъ. Тебѣ, frate Ambrosio³⁾), спасибо за второе письмо: оно хоть и сильно огорчило меня, за то и утѣшило. Слава Богу, слава Богу, и да расточатся врази. Отвѣтъ на него начать, но дописать не успѣю. Посылаю листокъ только Александру Петровичу⁴⁾ съ Семеномъ Семеновичемъ⁵⁾). Прощайте! Цѣлую Вась.

По моему расчету, я напишу еще два письма изъ Россіи: одно отсюда, другое изъ Риги... и потомъ.

Цѣлую ручки ваши, душенька Маменька. Прощайте... Да подкрѣпить Господь Ваше здоровье.

Вашъ поганый, но крѣпко любящій Вась сынъ И. Срезневскій.

XI.

№ 10. С.-П.бургъ. 1839. Ноября 14. Вторникъ.

Вамъ не вѣрится, милая Маменька, что я до сихъ поръ въ Пбургѣ. Не вѣрится и мнѣ самому,— и между тѣмъ еще недѣлю, ровно недѣлю я

¹⁾ Фидлеръ.

²⁾ Сестра проф. А. С. Питры, бывшаго впосл. проф. и ректоромъ Харьк. унив.

³⁾ Амвросій Лук. Метлинскій.

⁴⁾ Рославскій-Петровскій.

⁵⁾ Лукьяновичъ.

буду въ Петербургъ. Выѣжаю только 21-го: на это число взять и билетъ въ дилижансъ. Одна изъ главныхъ причинъ такого замедленія вотъ какая: дилижансъ въ Ригу ходить только по вторникамъ; думая выѣхать въ прошлый еще вторникъ, я зашелъ въ контору съ тѣмъ что-бы записаться дніи за три,—и что же—всѣ мѣста не только на тотъ вторникъ, но и на сегодняшній, были заняты. Что было дѣлать? Я было хотѣлъ искать другихъ средствъ для выѣзда въ Ригу, но когда въ теченіи нѣсколькоихъ дней ничто не подавало надежды, я побоялся потерять мѣсто въ дилижансъ и на 21 число, и рѣшился записаться не медля. Теперь живу въ СПбургѣ и жду 21. Уже и казенная подорожная до Таурагена взята, и все готово: остается только выѣхать. Вы думали, душенька Маменька, что я поскучлюсь взять шубу? Нѣть, сотню разъ благодарили я Васъ за то, что Вы вели мнѣ взять ее съ собою. Не знаю, какъ-бы и быть мнѣ въ поѣздкѣ изъ Москвы сюда, если-бы не было со мною шубы; не зналъ-бы и тутъ, что дѣлать безъ нея. Я ни шагу безъ нея, и въ Ригу и далѣе поѣду не иначе какъ въ ней. Воротника отпарывать не буду, потому что не стоитъ покупать другаго, да и не хочется тратить денегъ на эту покупку. И такъ шубу я беру съ собою. За то многое другое, многое оставляю. Угадайте, Маменька, что?—большой чамайданъ съ книгами, или, лучше сказать, все, кромѣ Берлинскаго чамайдана, наполнившіи его сколько можно болѣе. Не дорого было-бы переслать большой чамайданъ пароходомъ въ Любекъ и оттуда въ Прагу; но пароходы уже не ходятъ, а пересыпать транспортомъ дорого. По этому пусть остается онъ до времени у брата. Пріѣхавши въ Прагу и разузнавши обстоятельства, какъ сдѣлать, я напишу къ брату, а онъ обѣщается распорядиться какъ слѣдуетъ. Если-же найду ненужнымъ пересылку ¹⁾, то братъ привезетъ его въ Вамъ... А между тѣмъ собираюсь, собираюсь—и вотъ уже скоро...

Сегодня я бродилъ по Петербургу. Вышелъ въ 10, воротился къ 4-мъ, былъ только у Сербиновича, въ Редакціи Ж. М. Н. П., на почтѣ (относить письмо къ издателю Галатеи ²⁾), у Гординскаго (издателя Очерковъ Россіи) и въ Канцеляріи г. Губернатора,—все остальное время бродилъ. Началось Англійскою набережною: я ходилъ на нее къ Анастасевичу, не засталъ, и отъ Румянцевскаго Музеума (гдѣ онъ живеть) шелъ тихо. Время было только что за полдень, солнце свѣтило роскошно, легенький туманъ поднимался и опускался серебренной пылью; высокопраздный народъ высыпалъ отовсюду на гулянье. Я шелъ и встрѣчался... Прекрасно ходить между людьми, которыхъ не знаешь, сколько и имъ неизвѣстенъ. Вотъ идетъ парочка: розовый капотъ съ длиннымъ розовымъ мантеле, обшитымъ блондой, то-же розо-

¹⁾ Въ подл. «пересылки».

²⁾ Ранчу.

вой, розовая шляпка съ розовымъ перомъ, и все это розовое оттѣнено только чернымъ собольимъ хвостомъ, обвившимъ шейку, да чернобурой муфтой, да черненькими крошечными сапожками, да черненькими.... т. е... глазками,— такова одна дама; другая—удобоочтенная старушка вся въ коричневомъ, вся коричневая, не исключая и лица. Шарочка эта идетъ, за нею идетъ ливрейный лакей. Идутъ онъ ко мнѣ на встрѣчу. Я смотрю на нихъ, онъ смотрять на меня; чѣмъ ближе, тѣмъ болѣе мы всматриваемся другъ въ друга,—и проходимъ мимо. Не прошедши трехъ шаговъ, я любопытствую посмотреть на моихъ незнакомыхъ сзади, оборачиваюсь, гляжу — онъ смотрять на меня, также оборотившись задомъ къ своему переду. Это меня изумило и вмѣстѣ разсвѣтило: я притворяюсь, что смотрю не (на) нихъ, а на Неву. Она-же такъ прекрасна подъ ледяною корою, кое гдѣ гладкою какъ стекло, кое гдѣ бѣлою, будто вспѣненою, такъ прекрасна подъ дымкою полупрозрачнаго тумана. Я смотрю на Неву, на людей, пробирающихся透过 нее тамъ и здѣсь. Вдругъ подходитъ ко мнѣ ливрейный лакей моихъ незнакомокъ, и спрашиваетъ, какъ моя фамилія; а дамы между тѣмъ все смотрять на меня. Что мнѣ дѣлать? Свою фамилію цуказать по вѣтру не захотѣлось; я вздумалъ притвориться иностранцемъ, и вновь изобрѣтаемыми словами, поясняя ихъ тѣлодвиженіями, даю знать, что я не понимаю, что ему нужно. Дамы прислушиваются, полуулыбаются,—я подхожу къ нимъ, и по французски, ломанымъ произношеніемъ, говорю, что я не Русскій: Мэ тамъ, ше не зви па Рюсъ! Удобоочтенная старушка извиняется, спрашиваетъ, откуда я, кто я, а между тѣмъ оборачивается, идеть и заставляетъ идти за собою. Вотъ еще новость! Но я иду за дамами, объясняю, что я Армянинъ изъ Вѣны, и пр. Дамы доходятъ до моста, что за Воен. Академіей, ворочаются... Я иду съ ними рядомъ, разговариваю о Вѣнѣ, о Германіи, о Петербургѣ, объ Арапатѣ, какъ моей родинѣ... Между тѣмъ мимо насъ проходятъ дамы, дѣти, юноши въ 20, 30, 40 и далѣе лѣтъ, военные и статскіе, тутъ же и попъ, и салопница, и продавецъ винограда, и грязетка съ коробомъ изъ моднаго магазина, и т. д. Еще прошли мы не болѣе полуверсты, еще только что перебѣжали透过 Исаакіевскій мостъ, а уже были очень хорошо знакомы. Мы прошли на Адмиралтейскій бульварь, обошли все Адмиралтейство, повернули на Дворцовую набережную, мимо Зимняго Дворца, любовались имъ,шли довольно далеко за него, повернули въ какую то уличку на право, подошли къ богатому подъѣзду. Лакей дернулъ звонокъ, дверь отворилась. Я сталъ раскланиваться; дамы попросили меня войти съ ними... Но куда же я войду съ ними? Не произойдетъ ли со мною что-нибудь болѣе нежели занимателное? Да и что они скажутъ, увида мои пуговицы съ орлами? Я извинился, попросилъ позволенія имѣть удовольствіе быть у нихъ въ домѣ въ другое время,—раскланялся, и пошелъ. Простившися съ дамами—кто

онѣ, я не знаю, какъ не знаю и того, зачѣмъ изволили онѣ обратить на меня свое милостивое вниманіе—я пошелъ назадъ, мимо Зимнаго Дворца, мимо Александровской колонны, на которую скажу, мимоходомъ, надобно смотрѣть изблизи, что-бы любоваться ея величествомъ и громадностью, на Малую Морскую, на Невскій проспектъ... Смотрю кто-то идетъ знакомый, всматриваюсь—Роберти ¹⁾ Мы поговорили съ нимъ нѣсколько секундъ, обѣщались видѣтъся, и простилисъ. Тутъ проѣхала по Невскому Марія Николаевна ²⁾ съ супругомъ,—и я снялъ шляпу вмѣстѣ съ другими. Невскій былъ уже полонъ, полонъ какъ наша Никольская площадь во время ярмарки, только не возами, а экипажами и гуляющими. Тутъ я видѣлъ не одну Пѣтуржскую красавицу, и признаюсь, нигдѣ не случалось мнѣ видѣть столько хорошенъкіхъ. Въ одномъ мѣстѣ я ждалъ минутъ до пяти, что-бы перебѣжать черезъ Невскій: такъ много вѣхало. Я завернула въ Казанскій, оттуда въ лавки, книжныя, оттуда взялъ извѣшика въ театръ, что-бы взять билетъ на Дѣву Дуная, и домой..... ³⁾

Посылаю Вамъ, маменька, видъ лагеря при Красномъ селѣ ⁴⁾ и три другихъ вида окрестностей Пѣтурга: очень рады будемъ, если онѣ понравятся Еще посылаемъ ноты. Вы, Маменька, не найдете между ними трудныхъ, но за то все модныя.

Вчера я былъ у Роберти, просидѣлъ у него часа два, говорилъ съ нимъ объ Амвросіи Лукіановичѣ, объ Иванѣ Петровичѣ. Можно обоихъ поздравить,—и я съ наслажденіемъ представляю себѣ, что словесность отечественная будетъ въ нашихъ рукахъ, будетъ преподаваема двумя друзьями, которые будутъ совѣтываться, какъ что сдѣлать, какъ преподавать, какъ упражнять слушателей ⁵⁾). Объ обѣщавшемъ, данномъ Ив. Петр., я не забылъ, и исполнилъ; впрочемъ теперь нѣкогда.

Мы собирались пить кофе, когда пришелъ Ив. Федоровичъ ⁶⁾. Онъ просидѣлъ съ нами до тѣхъ поръ, пока мнѣ идти въ театръ, вышелъ вмѣстѣ со мною и проводилъ до театра. По дорогѣ, просилъ онъ у меня денегъ, рублей 50. Я извинился, что не могу дать,—и могъ-ли я иначе сдѣлать? Не нуждаюсь, но боясь нуждаться, и мнѣ, страннику, нѣтъ ничего легче, Богъ знаетъ, что еще грядетъ.

Я вошелъ въ театръ, когда занавѣсь былъ уже поднята, музыка гремѣла, со сцены раздавался хоръ. Давали Фрейндца первое дѣйствіе. Жалъ,

¹⁾ Александръ Адольфъ де-Роберти, сынъ содержателя пансіона въ Харьковѣ, въ которомъ И. И. Срѣй давалъ уроки.

²⁾ Великая княгиня, герцогиня Лейхтенбергская.

³⁾ Слѣдуетъ письмо Ник. Ив. Срезневскаго.

⁴⁾ Этими словами обрывается письмо Н. И. С—го; далѣе идетъ письмо И. И. Срезневскаго.

⁵⁾ А. А. Метчинскій былъ избранъ словеснымъ факультетомъ Харьк. ун. въ адъюнкты (письмо его къ И. И. С—му 27 окт. 1839 г.). Въ декабрѣ 1839 г. это избраніе получило утвержденіе.

⁶⁾ Леоновъ докторъ медицины, и хирургіи, адъюнктъ-профессоръ Виленской медико-хирург. акад.; впосл. былъ орд. проф. ун. св. Владимира по каѳедрѣ государственного врача болновѣдѣнія.

что не удалось слышать увертюры. Впрочемъ я все таки успѣхъ пасладиться музыкой Вебера. Потомъ занавѣсъ опустился, долго не поднимался, поднялся наконецъ... Раскрылся видъ истоковъ Дуная, окруженный лѣсами, между которыми, коегдѣ мелькаютъ хижины поселеній. Поселяне, девушки... между ihnen одна, чарующая всѣхъ, это Цвѣтокъ Долины. Она найдена одною старушкою у истока Дуная, и воспитана ею какъ дочь; а кто она—никто не знаетъ. Былъ себѣ баронъ, богатый, знатный. Онъ имѣлъ брата, несчастнаго въ дѣлахъ супружества: три раза былъ онъ женатъ, и три раза новобрачная умирала на другой день брака; умеръ наконецъ и онъ самъ. Пошла мольба, что такъ ужъ на роду написано этимъ баронамъ, что и брату не сдобривать. Брать хотѣлъ доказать противное, и вместо того чтобы выбирать супругу изъ баронессы, вздумалъ искать невѣstu изъ поселенокъ—долины истоковъ Дуная. Черезъ герольда онъ далъ имъ знать обѣ этомъ, приглашая ихъ къ себѣ въ замокъ. Узналъ обѣ томъ и Цвѣтокъ долины, и мать ея, и ея милый Рудольфъ, оруженосецъ барона. Старушка въ радости, молодые въ горѣ. Надобно знать, что они уже сосватаны, а сосватала ихъ Наяда, въ то время когда онѣ отдохнули на берегу Дуная, надѣвшіи перстни на ихъ руки. Невинные, они проснулись, бросились другъ другу въ объятія... и теперь ихъ мучить мысль, что баронъ ихъ разлучить. Наконецъ они придумываютъ средство избавиться отъ барона: Цвѣтокъ Долины постарается представиться барону глупою, безобразною, неловкою мужичкою. Сцена перемѣняется, мы въ галерее замка баронова, обращенной однимъ своимъ концомъ къ Дунаю, къ его глубинѣ. Являются воины, пажи, поселенки, поселене, баронессы, бароны, самъ баронъ... тутъ и Рудольфъ, и Цвѣтокъ Долины. Рудольфъ предлагаетъ барону и ту, и другую изъ поселенокъ,—не нравится барону ни одна. Онъ указываетъ на Цвѣтокъ Долины. Рудольфъ, хотѣть обмануть, снова предлагаетъ другую; но баронъ требуетъ знать чего. Мать велитъ Цвѣтку Долины выйти къ барону, она не хочетъ, Рудольфъ мучится, она то-же, наконецъ повинуется, выходить мужичкой,—и все таки нравится барону. Горе... Цвѣтокъ Долины не можетъ скрыть его, начинаетъ вмѣстѣ съ Рудольфомъ умолять мать, барона... все напрасно. Тогда Цвѣтокъ Долины взлетаетъ на перила конца галереи, доказываетъ, что она неизмѣнить Рудольфу,—и бросается въ Дунай. Утонула. Всѣ бѣгутъ туда... утонула. Когда поднялся занавѣсъ втораго акта, намъ представлялся берегъ Дуная, и на противоположной горѣ великолѣпный замокъ барона. Рудольфъ терзается, и бросается въ Дунай... Музыка вдругъ измѣняетъ тонъ и сцена вся медленно поднимается вверхъ съ Дунаемъ, съ замкомъ барона, словомъ—всѧ, поднимается все выше,—и потомъ раскрывается подземное подводное царство Дуная, которому небо почва земли, переплетенная корнями, золотыми травами... и чудное царство, влажное, туманное. И вонъ Рудольфъ.

падаетъ, вглубь упадаетъ на цвѣты. Являются ондины, волнуются, рѣзвятся исчезаютъ. Рудольфъ пробуждается, встаетъ, въ изумлениі осматривается, не понимаетъ ничего. Ондины снова волнуются вокругъ него, между ними и Цвѣткою Долины. Онъ ищетъ се между ними, долго не можетъ найти, потому что она хочетъ его испытать, наконецъ находитъ... Они супруги... Они будутъ жить на землѣ. И снова подводное царство опускается вглубь, снова прежний разливъ Дуная,—и на раковинѣ выплыvаетъ изъ водъ юная чета... Поселяне, поселянки, баронъ видятъ это, изумляются... Занавѣсь опускается. Тальони была восхитительна. Жаль, что нѣгдѣ сказать болѣе.

Цѣлую ручку вашу, милая Маменька. Прощайте.

Из. Срезн.

XII.

№ 11.

19-е Ноября 1839. Спб.

Высоко ты гнѣздо поставилъ,
Славянъ полуночный орель,
Широко крылья ты расправилъ,
Глубоко въ небо ты ушелъ!
Летай!... но въ вольномъ морѣ свѣта,
Гдѣ силой дышаща грудь
Разгульемъ вольности согрѣта,
Ты младшихъ братьевъ не забудь;
На степь полуденного края,
На дальний Западъ оглянись...
Ихъ много тамъ, гдѣ шумъ Дуная,
Гдѣ Альпы тучей обвились,
Въ ущелахъ скаль, въ Карпатахъ темныхъ,
Въ Балканскихъ дебрахъ и лѣсахъ,
Въ сѣтяхъ Тевтоновъ вѣроломныхъ,
Въ стальныхъ Татарина цѣпяхъ...
И ждуть окованные братья
Когда-то зовъ услышать твой,
Когда-то крылья, какъ объятья,
Прострешь надъ слабой ихъ главой!
О, вспомни ихъ, орель полночи,
Пошли имъ звонкій свой привѣтъ:
Пусть ихъ утѣшить въ рабской ночи
Твоей свободы яркій свѣтъ.
Питай ихъ пищей силъ духовныхъ,
Питай надежной лущихъ дней!

И хладъ сердецъ единокровныхъ
Любовью жаркою содрѣй!..
Ихъ часъ придетъ. Окрылинутъ крылья,
Младые когти отростуть,
Вскричать орлы—и цѣль насилья
Желѣзнымъ клювомъ раскроютъ.

Какъ-жс Вамъ нравятся, милая Маменька, эти стихи? Не правда-ли, хороши? Они—Хомякова—и послѣдняя новость въ литературѣ, тѣмъ болѣе занимательная, что нигдѣ не напечатаны и не будутъ¹⁾). Царю не угодно было этого позволить. И къ чему? Кто захочетъ ихъ помнить, будеть помнить; а иначе—вѣроломные Тевтоны и Богъ знаетъ что подумають. Я было хотѣлъ Вамъ выписать и еще одни стихи Давыдова изъ Утренней Зари на 1840, но теперь этого альманаха у меня нѣть подъ рукою. Альманахъ этотъ только что изданъ и украшенъ великолѣпными картинками, изъ которыхъ на первой портреты Вел. Княженъ Маріи Николаевны и Ольги Николаевны. Другихъ литературныхъ новостей мало. Отечественныхъ Записокъ готовится 12-й номеръ, первые 11-ть у меня подъ руками, и я безпощадно рву изъ нихъ статьи, которые могутъ быть особенно занимательны за-границей. Сына Отечества вышелъ только № 8-й, Библіотеки для чтенія не вышелъ еще 11-й за тѣмъ, что идеть споръ между Сенковскимъ и Цензурой: выдѣть вѣроятно вмѣстѣ съ 12-мъ. Изъ книгъ нѣть ничего особенно важнаго. Что до зѣлицъ, то во 1-хъ) въ Павловскѣ пріѣхали плясать и пѣть Московскіе Цыганы, стоять взять мѣсто на паровозѣ—и въ 25 минутъ тамъ; но мнѣ не придется съѣздить;—во 2-хъ) въ Среду Тальони на сценѣ въ новомъ балетѣ «Тѣнь»,—и я опять не успѣю, потому что ёду во Вторникъ. Можетъ быть есть и еще что нибудь новое, но не припомню, или не знаю.

Мои личныя новости, которыя, для Васъ, душенька Маменька, лучше всѣхъ новостей, вотъ какія: былъ два раза у графа Головкина²⁾ и у Министра. Первый разъ былъ у Головкина съ визитомъ и обласканъ какъ не ожидалъ. Онъ спрашивалъ меня, что я сдѣлалъ уже, что готовлюсь дѣлать, вникалъ во всѣ подробности, и потомъ просилъ меня зайти къ нему проститься. Сегодня я простился съ нимъ: онъ пожелалъ мнѣ счастливаго пути, и велѣлъ относиться къ себѣ обо всемъ, что нужно будетъ. Добрый старикъ. Душевно благодаренъ ему. «Можетъ быть уже меня на свѣтѣ не будетъ, когда вы

¹⁾ Въ изданіи стихотвореній А. С. Хомякова эта пьеса, помѣщеннай подъ назв. «Орель», подписанна 1832 г. (издатель, впрочемъ, не увѣренъ въ правильности даты); кстати замѣтимъ, что списокъ приведенный здѣсь нѣсколько отличается отъ напечатанного въ собраний стихотвореній А. С. Х. (М. 1861, М. 1881).

²⁾ Попечитель Харьковскаго учебнаго округа.

воротитесь!» сказал онъ мнѣ, пожимая мнѣ руку. «Позволяю себѣ надѣяться, что буду имѣть счастье поднести Вамъ отчетъ о моемъ путешествіи и посильнѣо оправдать предъ Вами довѣріе Ваше!» Онъ пожалъ еще мнѣ руку, и прибавилъ: «Во всякомъ случаѣ помните, что вы трудитесь для отечества, и все будетъ хорошо».—У Министра, т. е. у С. С. Уварова я былъ третьаго дни, только что воротившагося изъ Польши. Узнавши, что я здѣсь, онъ велѣлъ мнѣ сказать, что желаетъ меня видѣть, но что теперь очень занятъ, а свободнѣе будетъ на слѣдующей недѣлѣ. Я однако добился быть у него на этой недѣлѣ. И принять былъ прекрасно. Онъ распрашивалъ меня подробно, что я уже успѣлъ сдѣлать касательно Южной Руси и Славянщины, что намѣренъ дѣлать, какъ предполагаю заниматься, и т. п. Даль нѣсколько совѣтовъ, кое-что замѣтилъ, какъ я долженъ вести себя передъ Нѣмцами, предложилъ рекомен-дательныя письма въ Прагу, велѣлъ относиться къ себѣ въ случаѣ нужды Замѣчательно для меня и начало нашего свиданія: когда я вошелъ въ каби-нетъ и поклонился, онъ медленно подошелъ ко мнѣ, сталъ въ меня всма-триваться и потомъ протяжно сказалъ: «Такъ это вы—г-нъ Срезневскій! Очень радъ, что вижу васъ наконецъ». Пока не дошло до «очень радъ», я ничего не понималъ, и чуть-чуть не струсилъ: онъ смотрѣлъ на меня такъ, какъ будто хотѣлъ всего меня сѣсть или по крайней мѣрѣ высмотрѣть. Прощаясь, онъ положилъ обѣ свои руки на мою руку, и сказалъ «Работайте, молодой человѣкъ! Знайте, что каждый вашъ шагъ не только можетъ, но и долженъ имѣть вліяніе на будущее поколѣніе—вліяніе благо-дѣтельное и слѣдовательно производимое строго-совѣстливо».

Еще я былъ у Бенардаки, и везу отъ него въ Чехію тысячу рублей. Тутъ я видѣлся... съ милымъ существомъ—Вы не угадаете какимъ. Была когда-то въ пансіонѣ Нагель¹) дѣвица Ваффей (Катинька). Она теперь замужемъ, и уже болѣе году въ Ібургѣ. Бывши въ первый разъ у Бенардаки (откупщика), я встрѣтился съ нею на порогѣ. Мы узнали другъ друга, но уже разминувшись. Бывши сегодня, я слышалъ отъ Бенардаки, что она узнала меня, каждый день спрашивала былъ ли я, буду ли я, просила послать за нею, лишь только я пріѣду,—и слушаю угодно было, что-бы мы встрѣтились наконецъ. Не смотря на присутствіе чужихъ, мы не могли не обрадоваться этой встрѣчѣ. А потомъ—и простились, какъ слѣдуетъ прощаться учителю и ученицѣ, умѣющими уважать другъ друга взаимно. Она была прекрасная дѣвица,—теперь прекрасная женщина—жена и мать, предпочитающая домашній уголъ всему блеску свѣта. Да, она должна была быть такою.

¹) И. И. С—ій былъ преподавателемъ въ пансіонѣ г-жи Нагель въ Харьковѣ; здѣсь онъ между прочимъ преподавалъ Географію, (изъ письма воспитанницъ этого пансіона, сохранившагося въ архивѣ И. И. С—го).

Однако я опять пишу дурно,—скоро и не разборчиво. Что будешь делать! Въчно забуду. Впрочемъ уже и поздно: скоро 4 часа утра. Пора спать. Завтра допишу этот листокъ, послѣдній изъ Петербурга. Же 12-й будетъ уже изъ Риги или изъ Митавы. Покойная ночь.

20 Ноября 1839.

8-й часъ вечера. Пью чай. Чамоданъ мой уже уложенъ; портфель то-же. Остается немногое кончить—и баста. Что оставляю у брата, о томъ онъ самъ напишетъ. Многое бы надобно было еще сдѣлать въ Пбургѣ, но я не безъ надежды воротиться въ Пбургъ изъ-за границы, и следовательно надѣюсь успѣть додѣлать черезъ два года, что не додѣлалъ теперь. Уѣду даже не простившись со всѣми. Впрочемъ завтра буду еще у Роберта простиаться: многимъ я обязанъ ему, и грѣхъ мнѣ забыть его. Кстати: онъ скоро воротится въ Харьковъ—Предсѣдателемъ Казенной Палаты, вместо Крылова¹). Кое-когда напишу къ Вамъ письмо и черезъ него... Завтра еще прибавлю г҃ко-лько словъ, если успѣю. Жду завтра въ 10 часовъ утра.

21.

Прощайте, Маменька! Черезъ 50 минутъ жду²).

XIII³).

Янишекъ, въ 44 вер. отъ Митавы и въ 40 отъ Шавли.

Вторникъ, 28-е Нояб. 1839.

Вотъ гдѣ я теперь, милый братъ. Не спрашивай, что это такое: не скажу ничего, потому что ничего не знаю, потому что уже вечеръ, и такъ холодно, что я изъ коляски выпрыгнулъ въ комнату какъ бравое ядро. Скорѣе могу расказать, какъ я наконецъ добрался до сюда—съ надеждою послѣ завтра быть въ Тильзитѣ. Кое-что объ этомъ я писалъ Маменькѣ въ Ж 12-мъ⁴); кое-что могу написать и тебѣ съ прибавлениемъ того, о чёмъ не могъ написать Маменькѣ: ты прочтешь это письмо, и, прибавя къ нему отъ себя еще полулистокъ, перешлешь къ Маменькѣ.

Путь мой отъ СПбурга до Риги былъ очень гладокъ, хотя и не такъ быстръ, какъ я ожидалъ, или какъ можно было ожидать судя по разстоянію. Въ 11-мъ часу утра 21-го числа, какъ ты знаешь, коробъ нашъ двинулъся

¹) Дмитр. Серг. Крыловъ.

²) Дальше на томъ же листкѣ идеть письмо Ник. Ив. Срезневскаго.

³) Письмо Николаю Ив. Срезневскому. Хотя это письмо адресовано ис Еленѣ П. Срезневской, мы рѣшаемся включить его въ печатаемое собраніе писемъ; думаемъ, что оно не только не нарушитъ единства этого собранія, но, какъ предназначавшееся для пересылки Еленѣ Ив. Ср—ой, даже явится необходимымъ его дополненіемъ.

⁴) Письмо это не сохранилось.

съ мѣста и только въ 4-мъ часу по полудни 25-го числа вдвинулся въ лабиринтъ Рижскихъ канавокъ—я хотѣлъ сказать—улицъ: выходить, что онъ подвигался менѣе пяти verstъ въ часъ. Впрочемъ это зависѣло отчасти и отъ самихъ нась, пассажировъ: кого холодъ, кого голодъ, кого скуча неподвижности сидѣнія въ клѣткѣ заставлялъ выходить изъ нее при каждой перепряжкѣ лошадей, и выходили всѣ, и разбалтывались на станціи, и съ сожалѣніемъ выходили изъ комнаты и съ неудовольствіемъ садились въ клѣтку,—а время между тѣмъ уходило. Разумѣется этого-бы не могло быть, если бы мы не были довольны другъ другомъ. И вотъ кто были эти мы, кромѣ меня: моимъ сосѣдомъ былъ Поручикъ Артиллеріи (отставной), Николай Ивановичъ Соймоновъ, премилый и довольно образованный человѣкъ (онъ будетъ у тебя, и раскажеть подробно о нашемъ странствіи, а ты, конечно, примешь его ласково, какъ онъ того стоить); № 3-й и 4-й Полковникъ отставной и молодой архитекторъ, Корсини¹⁾ (тотъ самый, который строилъ рѣшетку передъ домомъ Г. Шереметева, и украшалъ внутренность этого дома), отправляющійся теперь въ путешествіе за границу, и до сихъ поръ сопутствующій мнѣ; № 5 и 6—Рижскій купецъ съ женою—христіяне, но вѣроятно изъ Жидовъ; № 7 и 8 Майоръ отставной и актеръ Спбургской Нѣмецкой труппы, переѣзжающій за славою и деньгами въ Ригу. Мы всѣ сблизились такъ хорошо, что составили изъ себя члеъ *soci t  de voyage*: подробности разскажеть тебѣ Соймоновъ.—Что до путевыхъ моихъ наблюденій, я ихъ сдѣлалъ очень-очень мало: едва-ли достанетъ и на поль-страницы. Путь лежитъ между лѣсами, черезъ разные разливы водъ, и для проѣзжающаго лѣтомъ представляеть, я думаю, много хорошихъ видовъ: лучшіе—у Финскаго залива, у Шейпуса, у рѣки Аа. Станціи почти всѣ устроены очень чопорно и содержатся Нѣмецкими хозяйствами: на станціи находишь двѣ—три, а иногда и болѣе чистыхъ комнатъ, изрядно меблированныхъ, фортецько, двухъ—трехъ служанокъ съ прекрасными таліями, чисто поданное кушанье, прекрасно-приготовленный кофѣ, и т. п. Русскаго встрѣчаешь все меньшее и меньшее; вместо Русскаго языка слышишь сначала Нѣмецкій и Чухонскій, потомъ Нѣмецкій и Латышскій,—даже Русскіе многіе говорять лучше по-Нѣмецки нежели по-Русски. Языки Чухонскій и Латышскій очень сладкозвучны. На самихъ Латышахъ я не замѣтилъ ничего особенно оригинального; а Чухны очень милы въ своихъ полу-Нѣмецкихъ курткахъ, съ длинными рыжими волосами, съ глупымъ своимъ, но очень добрымъ взглядомъ. Города по дорогѣ—Ямбургъ, Нарва, Дерптъ, Валеъ, Вольмаръ—промелькнули мимо, такъ что я объ нихъ сохранилъ самое темное, понятіе: Ямбургъ еще Русскій городъ; Нарва уже въ половину Нѣмецкій, всѣ другіе почти чисто Нѣмецкіе; болѣе всѣхъ Нѣмецъ—Дерптъ, и Нѣмецъ старый—

¹⁾ Еронимъ Доминикъ Корсини (1811—1886), впоелѣдствіи (1849) академикъ архитектуры.

улицы кривы, узки, кирка чисто Нѣмецкая съ башнею, дома высоки и покрыты черепицей и т. д. Рига есть не только Нѣмецкій, но и старый Нѣмецкій городъ: передъ нею Дерптъ франтъ, хоть и бѣднѣе ея въ 10 разъ: въ ней улицы уже Невскихъ тротуаровъ, дома иные пережили 3 или 4 вѣка и выдвигаются одинъ изъ за другаго мебелью въ мебельной лавкѣ, кирхи почертнѣли и напоминаютъ своими шпицами 15-й вѣкъ. Что-же еще сказать... что-то ничего въ голову неидеть. Крѣпости въ Нарвѣ и Ригѣ могутъ быть крѣпостями, и Рижская даже обведена каналомъ, а Нарвская даже сохраняетъ обликъ старины. Двина въ Ригѣ лучше Невы, шире, величественнѣе. Въ Ригѣ я останавливался, вмѣстѣ съ Соймоновымъ и Корсини въ одной квартирѣ, въ Митавскомъ форштадтѣ, въ гостинице Чернаго Орла,—и квартира была чисто-Нѣмецкая: дѣвушки прислуживали, кровати были покрыты свѣжимъ бѣльемъ, самъ хозяинъ топилъ печь и т. п. То-же было и въ Митавѣ, куда мы поѣхали въ прошлое воскресеніе вечеромъ въ 5 часовъ, т. е. 26 числа (дѣлигансъ отъ Риги до Митавы идеть два раза въ день—въ 8 и въ 5). Сегодня утромъ мы наняли съ Корсини коляску съ четверкой лошадей у Нѣмца фурмана за 28 цѣлковыхъ до Тильзита и, простиившись съ добрымъ Соймоновымъ, поѣхали. Вотъ уже 44 версты проѣхали, и теперь ждемъ пока кормятъ лошадей и оба пишемъ письма. Фурмана нельзя было нанять дешевле, а почтовые для меня одного пришлись бы дороже 14 цѣлк. Но крайней мѣрѣ теперь мы ёдемъ покойно, и не будемъ хлопотать ни о чёмъ до тѣхъ поръ пока опять будетъ возможность сѣсть въ дилигансъ. Съ Корсини мы ёдемъ до Кёнигсберга: оттуда я въ Берлинъ, онъ въ Варшаву. Коляска у насъ большая, четверомѣстная, съ зонтикомъ: она напоминаетъ мнѣ своимъ устройствомъ одну, въ которой когда-то сидѣлъ и я вмѣстѣ съ другими, когда она ёхала въ Бѣлгородъ и обратно въ Харьковъ. Давно прошедшее! Теперь мы сидимъ вдвоею и ищемъ носами въ воздухѣ того фокуса, который можетъ насть навести на сладкій сонъ.—Спать уже хочется. Завтра напишу еще что нибудь.

29-е Ноября. 3 часа утра. Въ пяти верстахъ отъ Шавля; Жидовскій постоянный дворъ.

Нечистота, вонь, холодъ. Если бы не вѣтеръ, то лучше бы въ коляскѣ высидѣть эти два часа. Знать, что мы въ центрѣ Виленской губерніи. Вмѣсто Нѣмцевъ и Латышей тутъ Поляки и Литовцы, и Жидовъ пропасть. Корсини укался кое-какъ на кровати, а я развернулъ портфель; впрочемъ не знаю буду-ли, т. е. будутъ-ли мои пальцы въ состояніи писать... Покамѣстъ они еще коломъ стоять.

Таурогенъ. 30-е Ноября. 1839. 8 часовъ утра.

(7 верстъ отъ Рус. границы)

Мои пальцы не въ состояніи были писать. Я усѣлся на чѣмъ-то, носящемъ название софы, укутался, и заснулъ. Потомъ подѣхали, потомъѣхали безъ малаго цѣлыхъ сутки, и ещеѣхали, и въ 5-мъ часу утра сегодня прїѣхали въ Таурогенъ, пограничное таможенное мѣстечко Русское. Напившись чаю, Корсина пошелъ визировать паспорты наши, а я принялъ за этотъ листокъ, что-бы написать хоть еще нѣсколько строчекъ изъ Россіи.

Что-же написать? На умѣ у меня теперь только одно, какъ-бы перѣѣхать черезъ границу... а что стараюсь забыть, и что впрочемъ до сихъ поръ напоминаетъ о себѣ, это—Виленская губернія. Жалкая сторона! Мыѣхали черезъ нее по прекрасному шоссе; но только въ ней это и хорошее. Простой народъ—Литвины—народъ полудикий, грубый и невѣжественный; Жиды попадаются на каждомъ шагу—и Жиды факторы, и Жиды трактирщики, и Жиды купцы, и Жиды нищіе, и даже Жиды земледѣльцы,—а гдѣ они, тамъ нечистота, гадость, вонь, обманы и т. д.; Нѣмцы—не тѣ Нѣмцы, съ которыми весело встрѣтиться въ Лифляндіи или Курляндіи; Поляки наконецъ, занимая мѣсто высшаго сословія, нерѣдко носятъ на себѣ отпечатокъ и Литвы, и Нѣмеціи Литовской, и Жидовіи вмѣстѣ, имѣя впрочемъ очень часто физиognомію прекрасную, благородную или миловидную. Вчера послѣ обѣда мы остановились въ Жидовскомъ городкѣ Кельмѣ,—и насмотрѣлись на всякаго рода здѣшнихъ людей. Городокъ не бѣдный, торговый, есть и порядочные домики, но грязь и нечистота ужасны. Въ Таурогенѣ гостинницу содержать также Жидъ, и хоть въ комнатѣ полъ усыпанъ ельникомъ по Нѣмецкому обычай, и все довольно чисто, но Жидовія отзываются во всемъ, начиная съ чайника съ надбитымъ горышкомъ до конѣчныхъ обчетовъ при размѣрѣ денегъ.

Перевертываю страницу только съ тѣмъ, что-бы сказать, что черезъ полчаса мыѣдемъ въ Тильзитъ, до котораго отсюда 4 мили, т. е. 28 верстъ. Прощай, душа братъ! Прощай, будь счастливъ, не забывай чаще писать къ Маменькѣ. Поцалуй за меня доброго Андрея Лаврентьевича¹), поблагодари его за вниманіе ко мнѣ. Не забудь также исполнить мои порученія: отдать Аркадію Ивановичу Мартынову письмо съ посылкой и попросить, что-бы онъ приказалъ послать деньги мои въ Прагу не позже Января 1840, послать ко мнѣ карту Россіи, спросивши прежде можно-ли переслать (деньги за карту и пересылку ея получишь отъ Маменьки).

Предоставляю тебѣ дополнить для Маменьки этотъ листокъ, и послать къ Маменькѣ.

¹) Барковскій—товарищъ Ник. Ив. Срезневскаго.

Еще разъ прощай! Прощайте и вы, Маменька, и вы, добрые мои знакомые и друзья! Черезъ $\frac{1}{2}$ часа въ путь, и черезъ часъ съ небольшимъ уже въ Пруссіи.

Прощайте.

И. Сревневскій.

XIV.

№ 1. Берлинъ. 1839 Декабря $^{10}/_{21}$.

Вотъ уже 19 дней, какъ я не писалъ къ Вамъ ни строчки, милая Маменька, и мнѣ становится совсѣмъ, даже грустно. Хотѣлъ написать изъ Тильзита—не успѣлъ, хотѣлъ написать изъ Кёнигсберга—опять не успѣлъ... Изъ Берлина уже грѣхъ не написать—по крайней мѣрѣ одно письмо. И вчера я началъ писать, написалъ двѣ страницы, но такъ дурно, что тотчасъ же разорвалъ,—и вотъ теперь, вставши довольно рано, принимаюсь опять писать.

И такъ, Маменька, я за границей—за 750 верстъ отъ границы Русской, за 3000 верстъ слишкомъ отъ Харькова, если считать тою дорогой, по которой яѣхалъ. И грустно, грустно было разставаться съ Россіей. Ехавши такъ долго,—и по времени—и по пространству—все по Россіи, я забывалъ, чтоѣду изъ Россіи, что и для нея, безпредѣльной, есть предѣлы,—и вдругъ... коляска остановилась, Русскій чиновникъ вышелъ, записалъ наши паспорты, вѣрѣлъ поднять рогатку, фурманъ хлопнулъ по лошадамъ... я былъ уже въ Россіи. Вздрогнуло мое сердце; мнѣ хотѣлось заплакать; мнѣ хотѣлось, что-бы лошади повернули назадъ—и прямо въ Харьковъ, гдѣ мнѣ было такъ хорошо, такъ уютно-покойно, такъ мирно-весело, такъ сѣмейно-счастливо. Нѣтъ! Прощай, Харьковъ! Прощайте, душенька Маменька! И вы, съ которыми ссыпало меня безкорыстное чувство взаимнаго уваженія, можетъ быть даже взаимной любви! И вы, которыхъ я не могъ не почитать, зная, что и самъ я, будучи вами понять, не буду по крайней мѣрѣ презираемъ. Всѣ—прощайте—на долго,—и по крайней мѣрѣ не забудьте помнящаго и часто о васъ вспоминающаго странника.

Я выѣхалъ за границу 30 ноября, въ Четвергъ, въ 11-мъ часу утра. Съ тѣхъ порь прошло 10 дней. Перескажу Вамъ, милая Маменька, хоть братко, какъ прошли эти 10 дней.

Въ первомъ часу по полудни мы прїѣхали въ Тильзитъ (мы, т. е. я да Корсаки, съ которыми мы єдемъ вмѣстѣ до Кёнигсберга). По дорогѣ до Тильзита (20 верстъ съ небольшимъ отъ Таурогена), я замѣтилъ только, что Прускіе шоссе уже и хуже нашего, что тамъ, гдѣ оно поднято надъ низкими щѣстами, нѣтъ барьеръ, такъ что когда лошади вѣбѣются, можно будетъ

полетѣть кувыркомъ въ какое нибудь болото,—и болѣе ничего не замѣтилъ, все думалъ о томъ, что оставилъ въ Россіи и чего могу ожидать за границей, грустилъ, утѣшалъ себя, и опять тосковалъ....

Въ Тильзитѣ мы перѣѣзжали черезъ Мемель по льду, и остановились въ Hotel de SPburg, въ прекрасной холодной и сырой комнатѣ. Изъ оконъ можно было видѣть часть города, а походивши по городу $\frac{1}{4}$ часа можно было познакомиться съ нимъ вполнѣ. Городъ небольшой, имѣющій 12,000 жителей, довольно старый, слѣдовательно довольно тѣсный, не то что Рига, гдѣ вместо улицъ какія-то канавы, оббитыя шкафами, но что-то въ томъ-же родѣ, и улицы кривы и узки, и дома въ нѣсколько этажей, все каменные, и все самыхъ дивныхъ формъ, напр:

и т. д. Нѣкоторые выстроены изъ кирпича, другіе изъ дерева и кирпича вмѣстѣ, такъ что въ деревянныя перекладины вкладывается кирпичъ, иные изъ дикаго необтесаннаго камня природныхъ формъ, такъ что кирпичемъ выложены только окна и двери и пр. Улицы сходятся напр.

вотъ этакъ:

или вотъ такъ:

или какъ нибудь еще затѣйливѣе. И таковы то всѣ старые Нѣмецкіе города и городки.

Взявши мѣсто въ Personen-Post, въ 6 часовъ вечера я выѣхалъ изъ Тильзита, а въ 6 часовъ слѣдующаго утра былъ уже въ Кёнигсбергѣ. Всю ночь я спалъ, слѣдовательно—ничего не видалъ. Знаю только, что передъ выѣздомъ изъ Тильзита, передъ каждой шоссейной заставой, передъ прїѣздомъ на станцію и передъ выѣздомъ изъ нее, почтальонъ трубилъ въ трубу, и что лошадей перемѣняли не болѣе какъ въ 5 минутъ. Естѣнко сказать, что и дилижансы, называемые Personen-Post, и другіе—Eil-Post содержатся въ Пруссіи отъ казны, и что вообще все почтовое вѣдомство устроено превосходно: экипажи хуже нашихъ дилижансовыхъ, но зато дошли гораздо лучше и везутъ

акуратно ни болѣе, ни менѣе времени какъ опредѣлено. Personen-Post дешевле Eil-Post и ъдетъ очень немногимъ медленнѣе.

Въ Кёнигсбергѣ я пробылъ 5 дней: нельзя было не познакомиться и съ городомъ, и съ учеными. Городъ старый, слѣдовательно, какъ Вамъ уже известно, состоящій изъ канавъ, обставленныхъ шкафами, и не смотря на то, что имѣеть 70,000 жителей, занимаетъ очень небольшое пространство, гораздо меныше нежели Харьковъ. Заблудившись разъ, я могъ ужѣ смѣло бродить по городу изъ конца въ конецъ, и потому нанималъ лондинера (за 2 рубли въ день) только на первый день, а объ извозчикѣ (тутъ есть и сани, и дрожки) и не думалъ. Въ Кёнигсбергѣ я видѣлъ все, что стоить вниманія—и Соборъ, и Музей, и Библіотеку, и Замокъ, и Университетъ, и домъ Канта, и театръ, и обсерваторію. Соборъ великъ, но хуже Рижскаго; въ Соборѣ погребены разные маркграфы и пр. Съ сѣверной его стороны есть галлерея, называемая Stoa Kantiana, и въ глубинѣ ея, въ чуланѣ, за желѣзной рѣшеткой гробница Канта, надъ которой на черной стѣнѣ какой-нибудь вѣрно студентъ написалъ «думай, дѣйствуй» (Denke, wirke!). Соборъ есть вмѣстѣ и Университетская церковь. Университетскія зданія тутъ-же подлѣ: старые, дрянные дома, грязные, по крайней мѣрѣ нечистые. На аудиторіи страхъ взглянуть: въ уѣздномъ училишѣ у насъ во 100 разъ лучше, даже въ приходской школѣ лучше, потому-что это нечистыя комнатки, уставленныя гадкими столами и скамьями, а кафедры, такія же гадкія, годились-бы развѣ для Миргородской базарной торговки, и самая лучшая аудиторія только-что поболѣе другихъ, впрочемъ то-же не велика, и самая наконецъ торжественная зала похожа скорѣе на корридоръ. Обсерваторія, гдѣ командиромъ Бессель, одинъ изъ первыхъ современныхъ астрономовъ, очень богата инструментами. Театръ порядочный, но актеры напоминаютъ труппу Млатковскаго. Замокъ—обширное зданіе съ большою площадью внутри и съ башнями. Главная башня очень высока и представляетъ съ себя прекрасную панораму разновидныхъ крышъ и канавъ города. Домъ Канта — вотъ онъ, сколько помню:

Надъ входомъ есть надпись, по черному полю золотыми буквами, что въ немъ жилъ и училъ Кантъ съ 1784 по 1804. Кажется я и еще что-то видѣлъ въ Кёнигсбергѣ, но теперь не припомню.

Да! Въ Замкѣ я видѣлъ Московитеръ-зааль: большая, низкая, и никто не знаетъ, почему такъ названа. Еще видѣлъ старинную Польскую церковь: мрачная. Въ Кёнигсбергѣ многие умѣютъ жить: прекрасная мѣbelь, чистота, хорошее кушанье, наряды и пр. это доказываютъ. И профессора живуть очень хорошо. Даже моя комнатка въ Deutsches Haus была съ мебелью краснаго дерева, съ кисейною драпри, украшенною бронзой на окнахъ, съ голландскимъ бѣльемъ на постели, съ фарфоромъ въ умывальниѣ. Остается еще сказать о Профессорахъ:

я познакомился съ 5-ю и у двухъ былъ на лекціи. Первое мое знакомство было съ Шубертомъ, профессоромъ Политическихъ наукъ. Онъ полюбиль меня, я его, и мы видались почти каждый день. Очень добрый, очень милый, хотя и честолюбивый человѣкъ. Жена его также очень добрая женщина, дѣти—милые нѣмчурки. Два раза я у него обѣдалъ и провелъ время до вечера. Я подарилъ Шуберту экземпляръ своей диссертаци¹⁾), пересказалъ содержаніе,—и, вы повѣрите, Маменька, какъ обрадовался, когда узналъ, что Шубертъ не только одобряетъ мои мысли, но и почти вполнѣ согласенъ съ ними. Съ тѣхъ поръ предметомъ нашихъ разговоровъ большею частью была Статистика, и какъ можно ее усовершенствовать какъ науку. Мы разстались добрыми пріятелями, обѣщаю другъ другу продолжать знакомство перепиской²⁾). Розенкранцъ³⁾), профессоръ философіи, пылкая, нѣжная, мечтательная душа, напоминавшая мнѣ Вельтмана, былъ также въ моемъ вкусѣ: нѣсколько часовъ провелъ я съ нимъ въ разговорѣ о народной поэзіи, которую онъ страстно любить,—и этотъ разговоръ сблизилъ насъ какъ давно знакомыхъ⁴⁾). У него и у Шуберта я былъ на лекціи: оба читаются прекрасно. Кромѣ того я познакомился съ Мозеромъ⁵⁾ и Фохтомъ⁶⁾ и наконецъ—съ кѣмъ-бы Вы думали?—съ Швейкартромъ. Добрый старикъ помнить папеньку, вась, меня, Харьковъ и приказалъ передать Вамъ свой душевный поклонъ⁷⁾). Сверхъ того я видался каждый день по нѣсколько разъ съ Прейсомъ, который посланъ путеш-

1) Докторская диссертаци^я И. И. Ср—скаго (Опытъ о предметѣ и элементахъ Статистики и Политической экономіи сравнительно. Харьковъ. 1839), не допущенная совѣтомъ Харьковскаго университета къ публичной защите вслѣдствіе новизны взглядовъ, высказанныхъ въ ней авторомъ.

2) Считаемъ не лишнимъ привести нѣсколько словъ о Шуберть изъ отрывочныхъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С—скаго: «Шубертъ обнадѣлъ меня сообщеніемъ статистико-топографическихъ свѣденій о Славянскомъ народонаселеніи не только Пруссіи, но и Австрійской Имперіи, и первый указалъ мнѣ на необходимость личныхъ наблюденій въ этомъ отношеніи, основываясь на томъ, что какъ въ Пруссіи, такъ отчасти и въ Австріи, многое видѣть Славянъ только тамъ, гдѣ народъ остается чисто Славянскимъ безъ знанія Нѣмецкаго языка. Съ его помощью началъ я составленіе этнографической карты Славянской части Европы».

3) Karl Rosenkranz—извѣстный послѣдователь Гегеля, докторъ философіи; бывъ профессоромъ сначала въ Галле потомъ Кёнигсбергѣ (1799—1868).

4) «Розенкранцъ, занимаясь народной поэзіей въ отношеніи эстетическомъ и миѳологическомъ, сообщилъ мнѣ много любопытныхъ замѣчаній касательно народной поэзіи Германской, примѣняемыхъ къ миру Славянскому». (Изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С—го).

5) Проф. физики въ Кёнигсбергскомъ университѣтѣ.

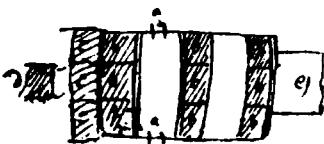
6) Johannes Voigt (1786—1863), проф. исторіи и директоръ Кёнигсбергскаго архива.

7) Ferdinand Karl Schweikart; въ 1813—1816 г. былъ профес. въ Харьковѣ. О его службѣ въ Харьковѣ есть нѣсколько словъ въ воспоминаніяхъ Роммеля (Пять лѣтъ изъ исторіи Харьк. унив.); «Украшеніемъ университета и юридико-политического факультета, пишетъ Роммель, былъ мой другъ благородный философъ Швейкартъ... Въ 1817 г. мнѣ посчастливилось перезвать его въ Марбургъ; оттуда съ титуломъ профессора и члена суда онъ перешелъ въ Кёнигсбергъ, а въ 1844 г. вызванъ былъ въ Берлинскій синодъ.

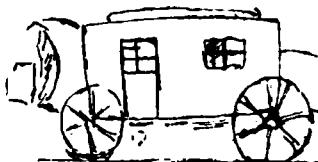
шествовать отъ Петерб. Университета, съ тою-же цѣлію какъ и я, и теперь живеть въ Кёнигсбергѣ для изученія Литовскаго языка¹).—Вообщѣ я провелъ въ Кёнигсбергѣ время очень, очень пріятно: Дай Богъ, что-бы и всегда такъ. Ко-что успѣль я прочесть и даже досталъ одну старинную Слав. грамоту (отъ Фохта).

5-го числа декабря я выѣхалъ изъ Кёнигсберга въ $6\frac{1}{2}$ часовъ вечера, и 8-го въ 3-мъ часу послѣ обѣда былъ уже въ Берлинѣ. Скажу нѣсколько словъ о дорогѣ.—Мое мѣсто въ Personen-Post случилось угольное (это лучшія мѣста) я задомъ къ движенію экипажа: въ ногахъ бурка, подъ бокомъ подушка, на головѣ шапка, на мнѣ самомъ шуба и шинель, — мнѣ было тепло и покойно. Вотъ кстати и

расположеніе кареты:

а вотъ и видъ:

а) входъ въ карету. б) мѣста: 9 мѣстъ въ каретѣ. с) три мѣста въ кабріолетѣ, изъ нихъ одно для кондуктора. Что-бы пройти въ заднія мѣста, надобно перелѣзть черезъ подушку средняго ряда. Мое мѣсто означенено крестикомъ. Первый рядъ и средній рядъ сидѣтъ ногами другъ къ другу. д) мѣсто для почтальона. е) ящикъ для багажа. Сверху кареты другой.—На каждой станціи останавливались не болѣе 5 минутъ, исключая завтрака, обѣда и ужина, на что употреблялось по 20 или по 30 минутъ. Прѣѣзжая на станцію, гдѣ можно кушать, все находишь готовымъ, и плата очень недорогая. Пассажиры замѣнились безпрерывно одними другими, и только четверо доѣхали изъ Кёнигсберга до Берлина, другие пристали или отстали на полудорогѣ. Люди были большою частію не занимательные. — Дорога отъ К. до Б. лѣтомъ должна быть во многихъ мѣстахъ прелестна: почти безпрерывно тянется аллея раинъ, осинъ, липъ; часто идетъ боромъ или березовой рощей, и дорога вѣтается, и то поднимается, то спускается внизъ; часто видишь прекрасные сельскіе домики, рѣдко лачужки. Прелестно. Фрауенбургъ мы проѣхали ночью: жаль, потому

¹) Въ одной изъ путевыхъ замѣтокъ И. И. С—ій такъ пишетъ обѣ этомъ первомъ личномъ знакомствѣ съ Петромъ Ив. Прейсомъ: «Первый мой визитъ былъ Петру Павловичу Прейсу, какъ сотоварышу по пути, мню избранному. Онъ живеть съ мѣсяцъ и пробудеть еще съ мѣсяцъ въ Кёнигсбергѣ для изученія Литовскаго языка подъ руководствомъ профессора Резы. Милый молодой человѣкъ, отъ которого многаго можно надѣяться. Съ нимъ я провелъ очень весело почти все утро и до 4-хъ часовъ пополудни. Онъ проводилъ меня къ квартирѣ профессора Шуберта...» (Кёнигсбергъ. 1839. Дек. 1).

что здѣсь погребенъ Коперникъ, а гробу этого Славянина нужно было бы поклониться. Эльбингъ—миленький городъ съ 25,000 жителей, и довольно новый, слѣдовательно не богатый старонѣмецкими вычурами: его мы тоже проѣзжали ночью, но луна свѣтила и наружность города можно было хорошо видѣть. Въ Маріенбургѣ останавливались на 20 минутъ. Это время я употребилъ, что-бы обѣгать замокъ. Огромное и великолѣпное зданіе. Не знаю впрочемъ жалѣть-ли или радоваться, что и наружность и внутренность его подновлены. Я бѣгалъ по коридорамъ, лѣстницамъ и заламъ, представляя себя жильцемъ 15-го вѣка: чудное состояніе. Стоило бы остановиться во многихъ мѣстахъ, но время не позволяло. Стрѣльчатые своды, разноцвѣтныя окна, мозаиковые полы, коридоры кольцами, витыя лѣстницы, статуи, образа гигантскаго размѣра, и всего много: живешь въ четверо тише, потому что впечатлѣній вчетверо больше. Передъ Диршау перѣѣзжалъ черезъ Вислу: прекрасная рѣка. Штаргардъ хорошенъкій городъ съ прекрасною площадью, что въ городахъ Германскихъ очень рѣдко, такъ что въ Кенигсбергѣ есть нѣсколько площадей величиною не болѣе и даже менѣе перекрестка передъ домомъ Генріеты Федоровны¹⁾, и называются торжественно площадями. Кюстринъ городъ съ 5,000 жителей на стрѣлкѣ соединенія Варты съ Одеромъ и вооруженъ болѣшою крѣпостію, о которой я бы рассказалъ многое, если-бы пожилъ съ братомъ въ Пбургѣ по болѣе. Отъ Кюстрина до Берлина только $11\frac{1}{2}$ миль.—Чѣмъ ближе подѣѣзжаешь къ Берлину, тѣмъ жизни болѣе, и болѣе населенія, и болѣе движенія странниковъ пѣшихъ и въ экипажахъ,—и за $2\frac{1}{2}$ мили показался Берлинъ. А вотъ ѿдуть и фуры длиною и вышиною аршинъ по 5, вотъ и молочницы идутъ съ тѣлежками, въ которыхъ запряжены собаки, вотъ и почты обгоняютъ одна другую, вонъ дымятся и высокія трубы фабрикъ, вонъ и ворота Берлина. Я и забылъ сказать, что еще вечеромъ наканунѣ пересѣлъ я съ своего мѣста въ кабролетъ, уступивши мѣсто моє одной больной дамѣ, которую беспокоилъ вѣтеръ: ночью было ходно, за то, вѣзжая въ Берлинъ, я видѣлъ его очень хорошо. Пріятно было вѣзжать въ широкую, прямую, прекрасно обстроеннную улицу, въ городъ, на которомъ всюду отпечатокъ нашего вѣка: невольно веселѣе становится сердцу, будто принимаешь участіе, будто становишься членомъ въ этой кипучей дѣятельности. Полмили ($3\frac{1}{2}$ версты) ѿхали мы по улицамъ Берлина до Почтоваго двора. Пріѣхали наконецъ; всякий отбиралъ свои вещи и отправился съ ними въ свою сторону. Я, по совѣту Шуберта, отправился въ Hotel de Brandenburg на Площадь Жандармовъ. Тутъ отвели мнѣ въ верхнемъ этажѣ маленькую комнату по 15 сѣребр. гривей въ день (по 1,80 коп.),—и я зажилъ.

¹⁾ Г. Ф. Юнкеръ; въ си домѣ, въ Харьковѣ, жили Е. И. и И. И. Срезневскіе.

Впрочемъ остаюсь въ моемъ отелѣ не на долго. Найму мѣсячную квартиру: это будетъ дешевле и даже выгоднѣе. Предполагаю остататься въ Берлинѣ по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, потому что считаю необходимымъ послушать лекціи Боппа ¹⁾ и нѣкоторыхъ другихъ профессоровъ. Не могу жить долго, потому что у меня только 125 талеровъ (около 400 рублей); поживу сколько можно.

23 Декабря, по нашему 11-е.—Вотъ уже скоро трое сутокъ какъ я живу въ Берлинѣ и до сихъ порь не устроилсѧ. За то время летитъ. Первый вечеръ я провелъ въ театрѣ: виртуозъ-скрипачъ Прюмъ давалъ концертъ, дѣвица Шульце пѣла, и потомъ былъ данъ балетъ „Морской Разбойникъ“. Прюмъ играетъ превосходно, Шульце поетъ громко, балетъ поставленъ хоть и хуже Петербургскаго, но все хорошо. На другой день, побродивши утромъ по городу, я нашелъ квартиру нашего священника Доримедонта Васильевича Соколова, попалъ какъ разъ на имянину его жены Анны Сергеевны, и воротился отъ него во 2-мъ часу ночи. Тутъ были почти все Русскіе: Чолковній Юни съ женой и 2 дочерьми, два брата Джонсены, два брата Маленины ²⁾, семейство полунѣмца Барту ³⁾, Нѣмецкій купецъ съ женой, и еще кто-то. Танцевали подъ фортепіано, пѣли, веселились отъ души, — просто, какъ у насъ. Юни просилъ меня на другой день къ себѣ, и я вчера опять воротился во 2-мъ часу: было тоже, и кромѣ прежнихъ я познакомился съ Свиридовымъ ⁴⁾, Калиновскимъ ⁵⁾, Адъютантомъ Принца Ольберхомъ ⁶⁾, двумя

¹⁾ Подъ руководствомъ Боппа И. И. С-кій занимался Санскритскимъ языкомъ; вотъ что онъ пишетъ объ этихъ занятіяхъ (2 янв. 1840 г.) своему брату: «Познакомился я съ шелася съ Боппомъ, у которого слушаю Санскр. грамматику; выучу этимологію, да и пойду изъ Берлина. Боппъ помогаетъ мнѣ отъ души и на лекціяхъ, где бываю не болѣе 4-хъ человѣкъ, особенное вниманіе обращаетъ на меня, стараясь передать мнѣ, я то, что говорилъ онъ на прежніхъ лекціяхъ». Ниже въ томъ же письмѣ читаемъ: «Остаюсь въ Берлинѣ еще на 3 недѣлы. Надобно дочтить Санскр. склоненія, выучить спряженія и лучше понять формы произведенія словъ. Боппъ мнѣ сказалъ, что въ полѣда можно отлично узнатъ Санскр. языкъ, занимаясь по 3 часа въ день; но полѣда я не могу посвятить на это, да мнѣ и не нужно отличнно знать Санскр. языкъ: хочу только понять его, и, если важнѣе для меня, понять, какъ понимаютъ Герм. ученики сравнительность языковъ».

²⁾ Маленины, Александръ и Василий, окончившіе юрид. фак. Сіб. ун. изъ 1839 г.

³⁾ Семейство живописца Барду, какъ видимъ изъ сдѣлавшаго письма; вероятно это отецъ и сынъ — Барль и Алекс. Барду (Bardou), картины которыхъ бывали на Берлинскихъ выставкахъ конца 1830-хъ и началѣ 1840-хъ гг. (см. Verzeichniss der Werke deutscher Künstler, welche in den Sälen des Akademie-Gebäude... öffentlich aufgestellt sind. 1837. XXX. Kunstausstellung der Königl. Ak. d. Kunst.; также Verzeichniss 1840. I-12 тт.).

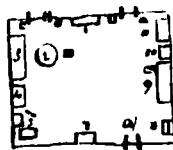
⁴⁾ Ил. Алекс. Свиридовъ, въ это время лекарь, всеславленій ординар. проф. Сурд. Медиціи въ Медицинскій коллежіи въ Харк. унів.; посланный Харковскимъ ун. для усовершенствованія въ исторіи медицины, въ 1839 г. онъ уже былъ на обратномъ пути изъ Россіи. (Изъ пис. зам. И. И. С-го).

⁵⁾ Як. Ник. Калиновскій, втояя проф. Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Московскому университетѣ.

⁶⁾ Ольбергъ, адъютантъ принца Карага изъ писемъ къ И. И. Свиридову И. И. С-й говоритьъ, что Ольбергъ говорилъ въ письме изъ 1840 г., что онъ изъ Ильинки (Письмо изъ Берлина, 2 янв. 1840 г.). Это первое письмо въ письмахъ Ильинки (Gedichte von A. Poschkin übersetzt von E. v. O. Bergg.). Въ нихъ 1-47. Можж. Рѣдакція за 214). Вероятно Ольбергу же принадлежатъ изъ второго письма Ильинки (Gedichte von A. Poschkin übersetzt von E. v. O. Berlin, 1-40. №. 210).

Русскими офицерами. Русский этот кружокъ мнѣ очень нравится, и Богъ дастъ я съ нимъ сживусь. Поминали не разъ обѣ Александръ Ивановичъ¹), о Семенѣ Семеновичѣ²), о Мишиникѣ Касторскомъ³), и т. д. Русскіе тутъ любятъ другъ друга, и сживаются хорошо. Свиридовъ предлагаетъ мнѣ свои услуги для квартиры и портнаго, даже деньги: спасибо ему: онъ придется ко мнѣ въ 10 часовъ, и пойдемъ по Берлину. Священникъ—превосходный человѣкъ. Да и мало ли хорошихъ людей въ этомъ небольшомъ кругу. И всѣхъ Русскихъ въ Берлинѣ до 60 человѣкъ. — Послѣднюю страницу напишу уже на новой квартирѣ.

10 часовъ вечера.—Наконецъ я переселился на постоянное жительство. Вотъ мое жилище:

1) комодъ, на(дъ) нимъ большое зеркало, а на немъ часы, лампа и экранъ; 2) столъ передъ софою, за которымъ на креслѣ я сижу теперь и пишу; 3) софа; 4) шкафъ для платья; 5) умывальный столикъ; 6) печь; 7) другой комодъ; 8) чамоданъ; 9) постель, передъ которой стоитъ маленький столикъ; 10) столъ для книгъ; 11) секретеръ. На приличныхъ мѣстахъ стулья. Мебель почти вся красного дерева. На окнахъ (b) кисейное драппра.

Жилище мое—Подъ Липами, т. е. въ лучшей части города и на лучшей улицѣ, № 69. Подниматься надоно на четвертый этажъ, 52 ступени. Плачу 7 талеровъ въ мѣсяцъ; на отопку выдетъ талера два. Я нахожу мою квартиру выгодною. Обѣдать буду въ одномъ съѣстномъ домѣ и уже абонировался на полмѣсяца за 3 талера. Чай и кофе дома. Такъ что всего выдетъ на квартиру и пищу талеровъ 20 въ мѣсяцъ.

Я заказалъ себѣ и платье: пару фрачную, сюртуку и жилетъ за 53 талера. Пара завтра будетъ готова. Сегодня я былъ въ театрѣ, и видѣлъ лучшихъ комиковъ Берлина за 15 серебр. грошей (т. е. 1, 60 к.).

Завтра отправлю письмо, буду у Посланника, и еще у кого нибудь.

Прощайте, Маменька. Никому не пишу, потому что спать хочется: да извинять. Прощайте.

Вашъ люб. сынъ Из. Срез.

Поздравляю Васъ и всѣхъ съ наступающимъ Новымъ годомъ.

¹) Покорскій (?).

²) Лукьяновичъ.

³) Мих. Ив. Касторскій, впослѣдствіи докторъ философіи и проф. С.-П.-Б. унів.; во время заграничного путешествія онъ (1836—1837) долго жилъ въ Берлинѣ. (В. В. Григорьевъ. Имп. С.-П.-Б. Ун.)

XV.

М 3. Берлинъ, 1840. Янв. 1.
1840. Янв. 13.

Цѣлую Вашу ручку, милая Маменька, и поздравляю съ Новымъ годомъ.

Сегодня я всталъ поздно, и только нѣсколько строчекъ успѣю написать до обѣдни, можетъ быть — только о томъ почему всталъ поздно и почему напишу только нѣсколько строкъ. Вотъ почему: — вчера я приглашенъ былъ на вечеръ къ Полковнику Юни, и пробылъ тамъ до 3-го часу утра. Общество было обыкновенное: хозяева — Полковникъ съ женой и двумя дочерьми — дѣвушками; священникъ нашъ съ женой; живописецъ Барду съ женой, сыномъ и дочерью; Нѣмецкій книгопродавецъ съ женой; наконецъ одинъ, два, трое, четверо, пятеро, шестero, семеро, восьмеро молодыхъ людей. Это общество помѣщалось въ двухъ небольшихъ комнатахъ: въ одной играли въ бостонъ или въ висть — не знаю; въ другой танцевали подъ фортопьянно, и должность музыканта исполняла или одна изъ дѣвушекъ, или хозяйка. Я... я... танцевала! Приказали, потянули, стали учить: повиновался. Потомъ разохотился, — и весь вечеръ прописалъ. Изъ того, что танцевала и я можете судить, Маменька, что дѣло обходилось безъ претензій. Напротивъ того, всякий изобреталъ разныя штуки, что-бы заставить хохотать, и хохотали у кого сколько силъ доставало. Играли немнога и въ фанты, лили и свинецъ. И я, грызинка, во весь вечеръ не вспоминала о Вась; за то когда стукнуло 12-ть, когда стали поздравлять другъ друга съ новымъ годомъ и пить шампанское, мнѣ стало вдругъ такъ грустно, что я отказалася я отъ вина, и отъ ужина, и готовъ былъ хоть плакать. За однимъ туромъ вальса послѣ ужина мнѣ стало легче, но только на минуту. Оставался до самаго конца только потому, что недовѣрие было уйтти прежде. Мнѣ все думалось о Вась, хотѣлось узнать, гдѣ Вы, что Вы дѣлаете, весели-ли Вы, и представлялось, что Вы одѣтъ, скучаете, грустите, и не съ кѣмъ Вамъ слова сказать. Не лази было не вспоминать и о томъ, что вотъ уже полтора мѣсяца, какъ я не знаю, что съ вами, не имѣю ни строчекъ отъ Вась. Мнѣ обѣ этомъ я думалось, мнѣ это и снижало, — и склоня, всташи, я вспоминала прежде всего за письмо къ Вамъ. Напишу имъ тоже къ Вамъ, и скажу брату и къ кому-нибудь еще изъ Петербургскихъ знакомыхъ и постараюсь отправить завтра. Братъ успѣть мнѣ отѣчь, и уѣхать меня, чтъ съ Вами. — Нѣтъ, я не прикиньте страшнѣвать: все болѣе и болѣе ижу, что дома лучше, гораздо лучше.

Теперь пора обираться къ обѣдни. Помолчу я съ, поговорю и за Вась, можетъ быть въ одно время съ Вами, когда Вы будете жалеть о насъ съ братомъ.

Помолился и воротился. Въ обѣдни было человѣкъ до 40, можетъ и болѣе. Вмѣсто пѣвчихъ пѣли Потсдамскіе солдаты. Быть и посланикъ, было и болѣе 10 дамъ. Доримедонтъ Васильевичъ служить обѣдни прекрасно: время это проходить незамѣтно и пріятно. Въ часъ обѣдня окончилась. Шедши домой вмѣстѣ съ старухой Барду и дочерью, я званъ былъ къ нимъ вмѣстѣ съ Калиновскимъ, оттуда пошли въ нашу ресторaciю къ Чеху, оттуда кофе пить къ Свиридову, оттуда домой, велѣль топить печь, и сѣлъ писать письмо.

Печь! Это слово подираетъ меня морозомъ по кожѣ. Слава Богу, сегодня теплѣе. Вчера-же, третьяго дня и четвертаго дня было нестерпимо холодно: болѣе 15 градусовъ! Вы смѣетесь, Маменька; а я право не шучу. До сихъ поръ съ самаго прїѣзда въ Германію я еще не согрѣлся. Очень пріятенъ морозъ на воздухѣ, но въ комнатѣ—это другое дѣло. Представьте же себѣ, что у меня въ комнатѣ никогда не было теплѣе, какъ бывало въ дѣвичьей нашей въ домѣ Юнкерть. Истопать печьку, не льзя къ ней притронуться; отойдешь шагъ отъ нея—паръ изо рта, еще шагъ—трясешься какъ рыба, а за письменнымъ столомъ сижу я не иначе какъ въ шубѣ, и то холодно. То-пится же у меня два раза въ день. Запляшешь иногда по неволѣ. И это не у одного меня, а всюду: потому что и двойныхъ оконъ нѣтъ, и дѣвушка, прибирая комнату, всегда растворяетъ окошко, потому что и печи прегадко устроены. Развѣ лѣтомъ хорошо въ этой хваленой Германіи, а зимою — мерзко, несносно. И что же думать объ этихъ Нѣмцахъ, которыхъ ужасаются наши зимы: почти ни у одной дамы нѣтъ манто съ мѣховымъ воротникомъ, не говоря уже о пѣлахъ, а молодые люди, напримѣръ студенты, бѣгаютъ въ однихъ сертучкахъ, и нѣкоторые — безъ галстуковъ, раскрывши шею и грудь. Нечистый ихъ знаетъ, гдѣ они набираютъ тепла, гдѣ отогрѣваются.

Теперь надобно отдохнуть—руки отогрѣть: окоченѣли. Закурю трубку и сяду подлѣ печки, т. е. подлѣ небольшаго кафельного шкафа, называемаго тутъ печкой.

Вотъ и въ третій разъ принимаюсь за письмо. Теперь уже 12-й часъ.

Сѣвши подлѣ печки за Санскритскую грамматику, я вспомнилъ о самоварѣ своемъ, котораго до сихъ поръ не пробовалъ. Развернуть его не долго, угли есть; вздумано и сдѣлано. Черезъ двѣ минуты самоваръ былъ поставленъ, и я, въ ожиданіи шока онъ будетъ готовъ, продолжалъ твердить склоненія. Пришелъ Калиновскій: «Пойдемъ къ Аннѣ Сергеевнѣ» (священницѣ нашей).—«Пойдемъ, а прежде напьемся чаю».—Приготовили чай, напились, пошли. Тамъ застали, что Анна Сергеевна съ Mlle Барду и меньшимъ Малленнымъ играютъ въ дураки: пристали и стали играть въ пятерыхъ. Пришла

мать Барду: игралъ въ шестерыхъ. Анна Сергеевна послала за дочерьми Юни,—и когда онѣ пришли, пошли къ фортепьяно, и давай плясать: три пары танцевали, а четвертая дама играла. Не танцевали, а дурачились. Такъ да сакъ прошло до 11-го часу. Воротившись домой я зашелъ къ хозяйкѣ своей, поболтать съ нею; а теперь къ столу, да за письмо.

И спать уже хочется: вчера мало спалъ. Покойную ночь!

2-е января.

О чёмъ же написать на этой осталной полустраницѣ? Право не придумаю.

Развѣ написать о томъ, что можетъ молодой человѣкъ проживать въ Берлинѣ въ мѣсяцъ, думая беречь деньги:

За квартиру довольно порядочную около 8 талер. (я плчу 7); на дрова не менѣе 3 талер.; мѣсячный абонемантъ на обѣдъ—6 талер. да прибавка къ этому 2 талера; на кофе и чай съ сахаромъ, хлѣбомъ и сливками 5 талеровъ, можетъ быть и менѣе; за чистку платья и сапогъ 1 талеръ; на театръ, гулянья и пр.—вдоволь—3 талера; на раз. мелочи 3 талера. Итого 30 талеровъ—около 100 рублей. Впрочемъ я уже издержалъ въ Берлинѣ по сей день—104 талера: изъ этихъ денегъ 54 пошло на платье, болѣе 15 на книги, около 5 на раз. разности, напр. на бумагу, перья. Слѣдовательно издержалъ 30 на кушанье и гулянья: плохо, да вѣдь это первое время.

Прощайте, душенька Маменька.

И. Срезневскій.

XVI¹⁾.

Галле. 1840. ^{29 янв.} _{10 февр.} Понедѣльникъ.

Пора идти за билетомъ для отѣзда въ Лейпцигъ; а между тѣмъ надоно написать нѣсколько строкъ на память о Галле. 7-го февраля во 2-мъ часу по полудни прїхалъ я въ Галле. За двѣ станціи до Галле въ Биттерфельдѣ я разстался съ моими спутниками изъ Потсдама, и поѣхалъ въ небольшой коляскѣ съ однимъ Потсдамскимъ купцомъ. Добрый человѣкъ, онъѣхалъ въ Галле только для того, чтобы навѣстить одного своего друга, который просилъ его осмотрѣть его заведенія. Подѣважная къ Галле, начинаешь чувствовать близость Саксоніи: єдешь уже между холмами и по холмамъ, ви-

¹⁾ Это письмо осталось недописаннымъ и, вѣроятно, не было послано по назначению.

дишь вдали передъ собою чуть не горы. Вправо отъ Галле возвышается Petersberg съ развалинами старинного замка на вершинѣ; влѣво вскрывается кое гдѣ Сала съ побережными скалами¹⁾.

Лейпцигъ, 1840. — ^{30 янв.}
_{11 февр.}

Занивши вчера мѣсто въ Personenpost съ тѣмъ, что-бы въ 12-ть часовъ ночи вхать въ Лейпцигъ, заблаговременно пришелъ я въ Passagier Zimmer, и ожидалъ прѣѣзда дилижанса. Около полуночи прѣѣжаютъ въ Галле два дилижанса: одинъ изъ Лейпцига въ Магдебургъ, другой изъ Магдебурга въ Лейпцигъ. Съ послѣднимъ долженъ былъ я отправиться. Ровно въ 12 часовъ прїѣхалъ Лейпцигскій дилижансъ, немного позже Магдебургскій. Пока отправили далѣе первый и приготовили лошадей для втораго, прошелъ часъ, такъ что мы, пассажиры въ Лейпцигъ могли выѣхать изъ Галле только во 2-мъ часу. Отъ Галле до Лейпцига только ²⁾ миль, одна перепряжка. Вовсе не занимательная болтовня моихъ сосѣдѣй—двухъ Жидовъ, Гамбургскаго прикащика и двухъ торговокъ изъ Хемница (станція между Галле и Лейпцигомъ) усыпила меня, такъ что я проснулся только тогда, когда у вѣза въ Лейпцигъ таможенный чиновникъ отворилъ двери и потребовалъ паспорты. Вместо паспорта мнѣ дали бумажку съ тѣмъ, что-бы я написалъ на ней фа-

¹⁾ Слѣдуютъ 1½ бѣлыхъ страницы. Такъ какъ о посѣщеніи И. И. С—го Галле не сохранилось ни замѣтокъ, ни писемъ, рѣшаемся восполнить этотъ пробѣлъ сообщеніемъ г. Любовица о встрѣчѣ И. И. С—го въ Галле съ извѣстн. впослѣдствіи историкомъ проф. Реппелемъ (Р. Стар. 1882. Іюль). Г. Любовичъ посѣтилъ Реппеля въ Бреславль въ 1880 г. «Зашла рѣчь о нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, и г. Реппель сталъ вспоминать тѣхъ, съ которыми ему приходилось встрѣчаться. Между прочимъ, онъ освѣдомился у меня о Измаилѣ Ивановичѣ Срезневскомъ. Извѣстіе о смерти И. И. было новостью для г. Реппеля. На мой вопросъ, где онъ познакомился съ И. И., г. Реппель рассказалъ мнѣ объ ихъ встрѣчѣ слѣдующее. Въ 1840 году прїѣхалъ покойный Срезневский въ Галле, гдѣ находился Реппель, бывшій въ то время приват-доцентомъ. Тутъ-то они познакомились и, по-видимому, подружились. Съ тѣхъ поръ, однако, они болѣе не встрѣчались. Не смотря на то, что со времени этого знакомства протекло такъ много времени, г. Реппель живо помнить И. И., произведшаго на него сильное впечатлѣніе своимъ умомъ, энергіею и живостью характера. Уѣзжая изъ Галле, И. И. оставилъ на память г. Реппелю на ключѣ сїрой бумаги, трехстишіе, которое онъ сохраняетъ до сихъ поръ. Вотъ это трехстишіе:

Ой піишовъ козакъ межъ чужіи люди,
Чи не лучше на чужини якъ межъ своими буде.
Ой що буде, то и буде, козакъ добра не забуде.

И. Срезневскій.

1840. Февраля 10».

Кромѣ Реппеля въ Галле И. И. С—кій познакомился съ Поттомъ и М. Дункемъ; замѣтки ихъ, данныя ими на память И. И. С—му сохранились въ собраніи автографовъ архива И. И. Ср—го.

²⁾ Цифра пропущена.

шлю, чинъ, мѣсто и цѣль странствія, и т. д. По этой бумажкѣ, сказавъ мнѣ чиновникъ, могу я получить обратно мой паспортъ. Другое не дали паспортъ: одни сказали, что они жители Лейпцига, другое, что они изъ Хемницца и завтра пойдутъ обратно, и т. д. впрочемъ изъ словъ ихъ видно было, что они враны. Такъ одинъ жилъ на вопросъ чиновника отвѣчая, что онъ житель Лейпцига. «Какъ прозываетесь?» Шульце. «Купецъ?» Да! «Аа!» — и чиновникъ затворилъ дверцы, а жилъ захотелъ. Было 6 часовъ, когда мыѣхали по Лейпцигу. Почтовый дворъ, въ которомъ остановился дилижансъ — прекрасное, богатое строеніе. Одинъ изъ служителей предложилъ мнѣ услуги, и за 4 гут. снесъ мои вещи въ Hotel de Robi re, гдѣ мнѣ советовали остановиться. Комнатка, которую мнѣ отвели, довольно мала, но кажется будеть покойна. Вмѣстѣ съ кофе мнѣ принесли Fremde Buch, въ которомъ я долженъ быть написать отвѣты на тѣ же вопросы, какъ въ тамож. бумажкѣ. Кофе прекрасный, служители вѣжливые. — Пора выйти смотрѣть на городъ.

Wam is dann dar Hund do? — Ha? — Wam dar Hund do is? — Wos? — Nu, wam dar Hund do is? — War? — Nu, dar Hund do? — Dar Hund do? Dos is main Hund. — Ah so!

Wor m sieht dann dar Hund so treech aus? — Ha? — Wor m dar Hund so treech aussitt? — War? — Dar Hund do! — Dar Hund do? nu dar sieht nischt!

Wor m frisst dann dar Hund nischt? — Ha? Wor m dar Hund nischt frisst? — War? — Nu dar Hund do! — Nu mer ga'n nischt. — Wor m g tt er dann dam Hund nischt? — Ha? — Wor m g tt er dam Hunde nischt? — Wos? — Wor m er dam Hunde nischt g t? — Wam? — Nu dam Hunde do. — Nu, mer hann nischt. — A, su! —

Сцена: Zwei Bauern sitzen in der Schenke, der eine den Kopf auf den Arm gest tzt, in Gedanken versunken, der Andre unruhig, begierig ein Gespr ch anzukn pfen.

1. — Ist er verheirathet (женатъ)? 2. — Wer (кто)? 1. — Er (онъ).
2. — Wer (кто же)? 1. — Er (ну онъ). 2. — As wie ichi (я напримѣръ)? Ja (да). 2. — Ne (нетъ). 1. — Eh (гмъ)! 2. — Aber er (а онъ)? 1. — Wer (кто)? 2. — Er (онъ). 1. — Wer (кто)? 2. — Er (ну да онъ).
1. — Als wie ichi (я что-ли)? 2. — Ja (да). 1. — Ja (да). 2. — Ah (ахъ)! ¹⁾

¹⁾ Эти разговоры, пѣроятно слышанные во время пути, записаны на отдельный листокъ, вложенный въ письмо.

XVII.

№ 5. Прага. 1840 $\frac{4}{16}$ Февр. Воскресенье.

Наконецъ, душенька Маменька, я въ Прагѣ.—Напишу Вамъ хоть нѣсколько строчекъ, пока мнѣ вычистятъ платье. Вечеромъ буду имѣть, вѣроятно, болѣе времени; а теперь—хоть нѣсколько строкъ.

Вчера въ 11 часовъ утра я оставилъ Дрезденъ. Мнѣ расхвалили его до того, что онъ мнѣ во все не понравился. Притомъ-же всѣ драгоценныя собранія открыты бываютъ только лѣтомъ; следовательно не многимъ было и любоваться. Я обѣгалъ городъ, осмотрѣлъ главныя церкви, посѣтилъ театръ; два Kafe-haus'a, пересчиталъ до сотни сапожныхъ лавокъ, полюбовался Эльбою и окрестностями города съ Эльбскаго моста,—и въ дорогу. Когда буду въ Дрезденѣ въ другой разъ, тогда осмотрю и собранія, и Саксонскую Швейцарию; а теперь лучше всего былоѣхать скорѣе въ Прагу.

Дорога отъ Дрездена до Праги очаровательна. Идетъ между горъ и по горамъ, и безпрестанно раскрываетъ новые очаровательные виды. Чѣмъ ближе къ Австрійской границѣ, чѣмъ высота горъ чувствительнѣе, виды красивѣе. Въ Петерсальдѣ—на границѣ—снѣгъ и холодъ, точно зима, между тѣмъ какъ въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ я гулялъ во одномъ сюртукѣ и вокругъ все уже начинаетъ зеленѣть. Точно зима,—и какъ хороши эти горы и ели, покрыты густымъ пластомъ инея, какъ пріятно глядѣть на нихъ изъ долины. Въ Петерсальдѣ Австрійская таможня: записали наши паспорты, и осмотрѣли вещи. Мнѣ говорили, что этотъ осмотръ бываетъ не безъ непріятностей для проѣзжихъ; кажется, это неправда: всѣ мои вещи были уложены въ 2-хъ Reisesack'ахъ, и если-бы захотѣли осмотрѣть ихъ подробнѣ и проворно, то бѣднымъ книгамъ навѣрно-бы досталось, да и платье могли порвать. Ничего этого не было: на вопросъ чиновника, что я везу съ собою, я отвѣчалъ: «Платье, бѣлье, книги, тетради,—и если вамъ угодно осмотрѣть, то я выну все,—мнѣ бы только желалось, что-бы я вынималъ самъ, потому что незнающій можетъ что-нибудь испортить.—«Вы путешествуете»? спросилъ меня чиновникъ. «Да». «Писемъ у васъ нѣть»?—«Есть письма, которые я получалъ отъ знакомыхъ и родныхъ». —«А запечатанныхъ писемъ къ кому-нибудь нѣть»?—«Нѣть».—«Ну, я не буду трогать Вашихъ вещей: увѣренъ, что Вы говорите правду». Я поблагодарилъ чиновника словами, — и оставилъ свои вещи на произволъ кондуктора, побѣжалъ обѣдать, потому что очень проголодался. Къ 5-ти часамъ все было готово къ отѣзду,—и по звуку трубы мы уѣхали въ карету. Карета была уже не Саксонская, а Австрійская, порядочная, но не столько покойная. То-ли дѣло наши Русскіе дилижансы! Впрочемъ и Австрійскіе имѣютъ свое доброе: несмотря на гористую дорогу, мы

ѣхали очень скоро, по Руски, не такъ какъ въ Пруссіи, гдѣ иногда не знаешь, за что и считать себя—за гуся ли, котораго везутъ въ городъ на продажу, или за какой другой товарь. Мало-по-малу стемнѣло, и мѣсяца было не видно за туманомъ; но я не переставалъ глядѣть и смотрѣть. Я былъ въ Богеміи: могъ ли я спать? Подлѣ Кульма, я выскакивалъ изъ дилижанса, чтобы лучше видѣть поле сраженія и три памятника въ память этого сраженія. Далѣе любовался Тѣпллицемъ, еще далѣе Лауномъ; еще далѣе всякой деревушкой, потому что всякая хатка напоминала мнѣ Русь. Въ 7-мъ часу утра мы подѣхали къ горамъ, окружающимъ Прагу, въ 8-мъ были въ Прагѣ. Когда-то сердце мое трепетало, когда я подѣхалъ къ Москвѣ: теперь оно также трепетало. И въ самомъ дѣлѣ, Прага имѣть сходство съ Москвою. Чудный городъ! Не знаю, какимъ я найду его, когда осмотрю лучше; а теперь онъ для меня лучше не только Дрездена и Лейпцига, но и самаго Берлина. А чего стоитъ одно то, что, проходя по улицѣ, слышишь Славянскіе звуки и даже Московскій напѣвъ.

⁵ ¹⁾ Февр. Понедѣльникъ.

Не спавши поза-прошедшую ночь въ дорогѣ, я не могъ не хотѣть спать, и воротившись домой (въ Гостиницу Голубой Звѣзды, гдѣ я остановился), легъ. За то всталъ сегодня рано и здоровый, хоть опять не спать цѣлую ночь. Вотъ какъ провелъ я вчерашній день: одѣвшись, я поѣхалъ къ Шафарику, былъ имъ обласканъ, и проговорилъ съ нимъ часа два. Я понимаю, когда онъ говорить по Чешски; онъ понимаетъ, когда я говорю по Руски; слѣдовательно можемъ разговаривать безъ труда. Отъ него я получилъ письмо, писанное Вами 31 Декабря (1 Января): прежняго онъ не получалъ. Сказавши, что-бы я приходилъ къ нему въ 3 часа, что-бы вмѣстѣ идти въ Чешскій театръ, онъ далъ мнѣ своего сынка, что-бы онъ проводилъ меня домой. Дома я пообѣдалъ, потомъ пошелъ бродить, зашелъ въ кофейню и выпилъ чашку шоколаду, и къ 3 часамъ поспѣлъ къ Шафарiku. Онъ видѣлъ меня изъ окна, и вышелъ на встрѣчу: добрѣйший человѣкъ, онъ обращается со мною какъ родной. Вышла потомъ жена съ дочуршкою, и въ 4-хъ мы пошли въ театръ. Чешскій театръ бываетъ только по воскресеньямъ и то отъ 4 до 6 часовъ, потому что въ 6 начинается Нѣмецкій. На этотъ разъ былъ данъ Quodlibet: пѣли куски изъ оперъ, кое-что танцевали и пр. Стракатый, Подгорска, Генерова и Бекъ поютъ прекрасно; танцовщицы плохи. Театръ былъ биткомъ набитъ. Изъ театра пошли опять къ Шафарiku, и пили чай, приготовленный по Руски. Пришелъ Докторъ Станекъ²⁾). Говорили о квартирѣ для меня: изъ разговора я увидѣлъ, что Шафарикъ былъ у Станка утромъ, и что Стан-

¹⁾ Въ водѣ.

²⁾ Станекъ, Карлъ, изъ Праги, въ 1863 г. избранъ въ члены академии наукъ въ Париже.

некъ пріскакъ уже для меня комнату. Теперь я жду его, и пойдемъ смотрѣть. Я просидѣлъ у Шафарика до 8 часовъ, и, воротившись домой, легъ спать. Многое снилось и многое бы хотѣлъ я пересказать Вамъ; но словъ нѣтъ...

О вьюгахъ Харьковскихъ я читалъ еще въ Берлинѣ, и добрая Анна Сергеевна¹⁾ утѣшала меня.—О недостаткѣ денегъ, душенька Маменька, не беспокойтесь: еще учусь экономничать; но и, учившись, не имѣлъ недостатка. Денегъ, которыхъ повезъ изъ Харькова, еще остается можетъ быть мѣсяца на два... а вотъ позвольте перечту... Безъ малаго 200 рублей. Кажется на два мѣсяца не должно стать. [Впрочемъ не беспокойтесь: деньги будутъ у меня. Можетъ быть уже и лежать на почтѣ]²⁾.—За письма ко мнѣ платите только до границы; а за мои письма Вамъ придется платить не болѣе 2-хъ рублей асс. даже менѣе. Для полученія процентовъ точно надобно посыпать въ банкъ самый вексель. На всякий случай не мѣшааетъ написать письмо къ Андрею Львовичу Цвѣтаеву (въ Москвѣ, въ приходѣ Николы на Драчахъ, въ собств. домѣ): онъ служить по этой части, и помогалъ мнѣ получить вексель.—Ивану Петровичу напишу можетъ быть съ этимъ письмомъ, а если не этимъ, то съ слѣдующимъ.—

Цѣлую ручки Ваши, милая Маменька. Прощайте до слѣдующаго письма.

— Вотъ я и съ квартирой. Станокъ пришелъ ко мнѣ; съ нимъ попили мы на квартиру,—и кончили. За большую комнату съ отопленіемъ, прислугою и мытьемъ бѣлья плачу—12 гульденовъ, т. е. около 24 рубл. И адресъ мой: In Prag. Roszmarkt. № 834, Chahrhaus. 3 Tterren hoch. bey dem Kaufmann Klinkaček.—Оттуда ходили въ Полицію, и взяли Aufenthaltsschein на 3 мѣсяца. Завтра перѣду на квартиру,—и стану заниматься. Благословите, Маменька!

Пожалуйста номеруйте, Маменька, Ваши письма, что-бы я зналъ, буду ли всѣ получать: полученное мною буду считать № 1-мъ³⁾.

При вѣзда въ Прагу взяли у насъ паспорты, и дали такую бумажку.

N-ro. 114 Pasz-Rezepisse fü r Eilwagen. Angekommen den¹⁶ 1840.

Jedermann hat nicht nur sogleich bei der Ankunft an dem Stadtthore seinen Pasz abzugeben, sondern auch binnen 24 Stunden wegen des vorgeschriebenen Aufenthaltscheines sich bei der k. k. Stadthauptmannschaft ganz unfehlbar gegen Vorweisung dieses Zettels, unter der dieszfalls bestehenden Ahndung zu melden.

(Тоже по Чешски, Франц. и Итальян.)

¹⁾ Соколова, жена Берлинск. свящ. Д. В. Соколова.

²⁾ Помѣщенное въ скобкахъ [ ]—приписка на полѣ.

³⁾ Приписка на полѣ. Слѣдующее послѣ этого записано на отдельномъ листкѣ, вложенномъ въ письмо.

(На другой сторонѣ)
Aufenthaltsschein
für
Ismail Sreznewski
gebürtig aus Jaroslaw im Russland
versetzen mit Pasz von
wohnhaft in
gültig auf
Bei jeder Veränderung der Wohnung, wie auch bei Ausgang der Aufenthaltsfrist, ist dies hierorts zu melden

Von der k. k. Stadthauptmannschaft
Prag den 1840

По пріездѣ къ Почтов. двору, вновь осмотрѣли наши вещи.
Остановившись въ Гастигаузѣ подъ вывѣскою blauen Stern отъ меня потребовали отвѣтъ на записку слѣд:

Meldzettel   Billet d'Annonce
(на Фр. и Нѣм. яз.)

Bei mir Gestadverlasser (?) ist heute eingekehrt:

Stadtviertel   Haus   N   ro   Hausschild

Nennet sich Ismail Sreznewski.

Charakter oder Nahrung Adjunct professor

Geburtsort und Vaterland Jaroslaw in Russland

Alt 27

Religion Grieç.—Catholique

Stand (ledig, verheirathet, verwittwet) ledig.

Kommt von Dresden

Gedenket hier zu bleiben 1 Monath

Allein oder mit Allein

Hat Pasz oder Urkunde von Hat Pasz

Reiset von hier nach Wien.

Prag den 1840.

XVIII.

№ 6. Praga, 1840. Август

Вотъ я пишу письмо къ Гартѣ. я здѣшн. место не могу пропустить въ мой дѣлѣ моихъ писемъ. письма мое. письма, письма, письма, письма, письма, письма, письма, я не могу съ ними сблизиться. я не могу съ ними сблизиться.

Встаю рано—въ 7-омъ часу. По голосу моего звонка дѣвушка приходитъ топить печь (топится въ моей комнатѣ по 2 раза въ день по немногу, потому что очень холодно—доходить, можетъ быть до 10°, такъ холодно, что Молдава, передъ моямъ пріѣздомъ совершенно растаявша, опять покрылась по берегамъ довольно толстою корою льда; время впрочемъ стоитъ ясное). Между тѣмъ какъ я умываюсь, мнѣ готовить кофе, и черезъ пять минутъ приходить старушка няня, точный портретъ нашихъ русскихъ нянъ, съ кофе, а съ нею приходятъ и два милыхъ мальчика, сыновья моего хозяина, поздороваться со мною. Потомъ я остаюсь одинъ и занимаюсь. Почти всегда до самаго обѣда я дома. Обѣдать мнѣ ходить недалеко: стоять спуститься по тремъ лестницамъ внизъ: тутъ за очень умѣренную плату имѣю три кушанья, довольно чисто приготовленныхъ. Послѣ обѣда или иду домой спать или изъ дома гулять. Въ три часа приходитъ ко мнѣ И. Франта Шумавскій¹⁾, съ которыми занимаемся мы по Чешски и по Русски. Вечеромъ рѣдко оставаюсь дома; иду или къ Шафарику или къ Станьку или куданибудь со Станькомъ. Въ половинѣ 9-го я опять дома, и прямо къ хозяину, болтаю съ нимъ и его женою, играю съ дѣтьми. Потомъ, въ половинѣ 10-го, отправляюсь въ свою комнату заниматься—и въ 12-мъ часу гашу свѣчку. Изъ Чеховъ ученыхъ болѣе всего сошелся я съ докторомъ Станькомъ: хоть на короткое время, а непремѣнно видимся съ нимъ каждый день, никакъ не думая считаться визитами. Дома я—точно дома: дверь изъ моей комнаты въ хозяйственную не запирается, а выходя изъ дома запираю только дверь въ переднюю; хозяйка сама смотрить за чистотою въ моей комнатѣ; вечеромъ иногда безъ церемоніи и ужинаю съ ними или пью пиво, впрочемъ пиво мнѣ не нравится, а ужинать я совершенно отвыкъ; когда въ это время я сижу въ хозяйственной комнатѣ, то маленькую дочьку хозяйственную убаюкивають въ моей комнатѣ, и т. д. Если что мнѣ нужно, стоять только слово сказать хозяину или Станьку, какъ все готово.

Вчера вечеромъ я былъ у Станька. Чтобы познакомить меня съ молодыми Чешскими литераторами, онъ созывалъ ихъ всѣхъ къ себѣ. Пили чай по Русски. Сестра жены Станька, миленькая дѣвушка, прекрасно играющая на фортепіано и прекрасно поющая, пѣла старинныя Чешскія пѣсни, потомъ Соловья Дельвига и «Сладко пѣть душа соловушко» Лажечникова (видите, я не напрасно повезъ съ собою ноты). Послѣ сѣль за фортепіано одинъ изъ литераторовъ и подъ его аккомпанеманѣ все общество стало пѣть народныя Чешскія пѣсни: чудный хоръ, человѣкъ 12 басовъ и теноровъ. И такъ далѣе,

1) Йос. Фр. Шумавскій (1796—1857) — филологъ и литераторъ; имъ составленъ Deutsch-böhmisches Wörterbuch (1843) и начато изданіе большого словаря Славянскихъ нарѣчий «Wörterbuch der Slawisch. Sprach. in den sechs Hauptdialekten.»

и такъ далѣе. Всѣ рады были знакомиться со мной, всѣ говорили отъ души. Литературное братство Славянъ могущественное братство: я это испытываю на себѣ, и душевно благодарю ихъ за пріязнь. Особенно нравится Чехамъ моя терпимость, мое правило «почитать и власть политическую, оставаясь вѣрными подданными отечества, почитать и народность». Въ политическомъ отношеніи мы всѣ Европейцы, въ народномъ—Славяне. Въ обществѣ нашемъ есть и Поляки,—и, повѣрите ли, Маменька, рука въ руку съ каждымъ изъ нихъ, я остаюсь Русскимъ, онъ Полякомъ, и друзья. «Мы Славяне»: это слово примиряетъ враговъ... я это испытываю уже не первый разъ: въ Лейпцигѣ сошелся я такъ же съ Поляками, и мы были друзьями, разстались друзьями... Германцы не составляютъ вѣдь одного государства, а могутъ быть Германцами-братьями одной крови: такъ могутъ быть братьями и Славяне; а что до Поляковъ, то, Богъ дастъ, они будутъ со временемъ и болѣе нежели братьями Русскихъ.

—
 $\frac{11}{24}$ Февраля.

Вчера вечеромъ... опять вечеромъ! Нѣть лучше начину съ утра. Вчера утромъ я отправился съ хозяиномъ бродить по церквамъ. Заходили во многія, пока дошли до собора св. Вита. Церквей въ Прагѣ еще много. Прежде было еще больше, и почти столько же монастырей; но уничтожены, и превращены въ казармы или въ больницы, или въ присутственныхъ мѣста, или во что нибудь подобное. Многія изъ церквей очень велики и хорошо украшены. Впрочемъ ни одна изъ нихъ не можетъ быть сравнена съ соборомъ св. Вита. Подобного храма за границей я еще не видалъ. Онъ построенъ въ готическомъ вкусѣ, и изумителенъ смѣлостью и легкостью архитектуры и богатствомъ украшений. Вотъ его форма... ¹⁾.

Колонны какъ будто изъ гигантскихъ тростниковъ поддерживаютъ середину храма и второй этажъ, опирающійся на этихъ колоннахъ весь прозраченъ и отдѣланъ какъ игрушка. За колоннами ходъ довольно широкій и вдоль по всему ходу кругомъ множество капелль, посвященныхъ разнымъ святымъ. Во время проповѣди мы ходили по церкви и осматривали ее. Потомъ началась обѣдня, и мы заняли мѣсто на первой лавкѣ. Я молился съ благоговѣніемъ, величественные звуки огромнаго органа, сопровождаемые прекраснымъ оркестромъ и хоромъ, не могутъ не внушать благоговѣнія. Постараюсь посѣщать св. Вита довольно часто. Жаль только, что далеко: отъ Конскаго торга, гдѣ я живу, надоѣно идти различными улицами и уличками довольно далеко до мосту, потомъ длиннымъ, длиннымъ мостомъ (что на картинѣ у Ив. Петр.), потомъ улицами

¹⁾ Въ подлинникѣ слѣдуетъ рисунокъ.

до горы, гдѣ замокъ, сходцами въ 220 ступеней на гору и по горѣ различными извортами. За мостъ, т. е. на малую страну, я хожу очень рѣдко. Видѣсь замковой горы на городѣ превосходенъ; видѣсь съ моста на гору таковъ же. — Послѣ обѣда я былъ въ Чешскомъ театрѣ: давали мелодраму «Саломоновъ судъ»; музыка очень хороша, но пьеса и игра актеровъ прежалкая, такъ, въ родѣ Харьковской. Изъ театра пошелъ къ Шафарику. Потомъ домой, прежде къ хозяину потому къ себѣ, и довольно рано легъ спать. За то сегодня рано всталъ...

Пожалуйста, милая Маменька, пришлите мнѣ слова «Сладко пѣль душа соловушко»: я не взялъ съ собою Новика, жалѣю, да нечего дѣлать, а теперь эта пѣсенька нужна. Кто нибудь изъ нашихъ знакомыхъ перепишетъ ее.

Поклонитесь отъ меня всѣмъ, кто меня не забылъ. Цѣлую ручку вашу.

Из. Срезневскій.

XIX.

№ 6. Прага, 23 Февр.
7 марта 1840.

Живется кое-какъ, мало-по-малу; день за днемъ, недѣли за недѣлями идутъ, пройдутъ и мѣсяцы. Не бываетъ очень весело, не бываетъ и скучно. Утро безвыходно дома; послѣ обѣда хожу гулять по стѣнамъ города, потомъ опять домой, и вечеромъ, если не у Шафарика или Станька, то всетаки дома: большею частію дома. Многое, многое надоѣло перечесть, многое записать; да и безъ того нѣтъ охоты шляться.

Не безъ исключеній впрочемъ. За недѣлю былъ я на одномъ масличномъ вечерьѣ. Масленица или мясопустъ католическій продолжался до прошлой среды, чуть-ли не семь недѣль, и въ послѣдніе дни заставилъ по обычаю шумѣть, пѣть, плясать, всячески веселиться, и особенно плясать, всю Прагу. Съ пятнадцати, даже съ 4-хъ часовъ по полудни начинались эти танцы, и продолжались—безпрестанно—вы не угадаете, милая Маменька, до какихъ поръ... до ночи? нѣтъ; до утра? чуть-чуть не до полудня. Въ улицахъ тихо, души не видно и не слышно; а пройдите по этой заглохшей улицѣ и изо всякаго дому услышите музыку или пѣсни. Неутомимость здѣшнихъ плясуновъ и плясуней невѣроююна всякому, кто не изъ ихъ числа. Такъ и я былъ приглашенъ на одинъ изъ такихъ вечеровъ-сутокъ. Гдѣ-то въ концѣ города подъ Вышеградской скалою живетъ тотъ мѣщанинъ, у которого собралось это общество: въ комнатѣ верхняго этажа плясали, въ комнатѣ нижняго этажа курили, пили пиво, пѣли. Общество было незавидное, хоть отчасти и изъ литераторовъ здѣшнихъ; но для меня любопытное. Пѣли большею частію пѣсни народныя, нерѣдко глупыя по содержанію, но вообще прекраснаго напѣва: сходство съ Малороссійскими удивительное, и напѣвы еще музыкальнѣе. И таинствовали

большою частію народные танцы—разнаго рода вальсы въ^{2/4}, напр. польку, ре́йдовакъ, ре́йдовачку, фуріантъ и т. п. Дамы всѣ вообще ловки, и следовательно смотрѣть было весело. Въ антрактахъ подавали кофе, чай, кобличи или крапфены (что-то въ родѣ аладій съ вареньемъ, обыкновенное здѣшнее пирожное или какъ тутъ называютъ мучное кушанье мэльшпенз) и т. д. Гостепріимство истинно Славянское; простота и безцеремонность даже болѣе нежели Славянская, мѣщанская. И я пробылъ тамъ, хоть и не танцевалъ, до... до 4-хъ часовъ утра, пока нашелъ себѣ провожатаго домой, потому что самъ не сумѣлъ бы найти путь домой. Мне бы и веселѣе было, если бы я лучше могъ заставлять себя понимать; а то ломаю, ломаю языки, мѣшаю слова и грамматическая формы всѣхъ возможныхъ нарѣчий, а на Чешскій ладъ попадаю развѣ случайно или въ веселую минуту. Впрочемъ я не могу бранить Чешскаго языка только потому что еще не могу выражаться на немъ сколько нибудь прилично: это языкъ очень нѣжный, очень музыкальный.

Въ тотъ же день передъ вечеромъ былъ на Чешскомъ дивадлѣ, т. е. театрѣ; на другой день то-же. Теперь во всѣ великий постъ Чешскаго дивадла не будетъ, потому что съ 7-ми часовъ Нѣмецкій театръ, а до 7-ми по костѣламъ читаются казани, т. е. проповѣди.

Третьаго дня ходилъ въ Замокъ и осматривалъ залы сейма, королевскія—императорскія комнаты, комнаты, гдѣ жилъ Король Французскій Карлъ 10-й, и пр. Порядочно; но великолѣпнаго почти ничего нѣть. Коронаціонная зала съ готическими сводами и убранная народнымъ Чешскимъ цвѣтомъ краснымъ+блѣдымъ, хороша, только узка; Испанская зала съ 35 люстрами также хороша; впрочемъ наши Харьковскія залы (Университетская и Дворянская) гораздо лучше: больше, красивѣе, правильнѣе, проще, благороднѣе. Изъ Замка пошелъ въ Страховъ монастырь. Монастырей въ Прагѣ много; было въ четверо больше, но уничтожены и обращены въ разныя заведенія. Страховъ имѣетъ богатую библиотеку и картинную галерею. Осмотрѣлъ картины, кое-что изъ книгъ, записалъ имя свое по Русски и получиль надежду бывать лѣтомъ: теперь еще холодно. Кстати: и въ самомъ дѣлѣ холодно, такъ что Молдава кое-гдѣ покрыта еще льдомъ,— и утромъ и вечеромъ бываетъ градусовъ до 8-ми. Въ серединѣ дня тепло, такъ что окно у меня теперь отворено. Дни чудесные: солнце и тихо; франтихи гуляютъ въ легенькихъ сюртучкахъ съ открытыми шеями; франтихи въ шатышахъ, впрочемъ съ муфтами на рубахъ. А ужъ франтихи тутъ, франтихи! Живучи на конскомъ рынке, лучшей площади въ Прагѣ, по которой ежедневно гуляютъ толпы ихъ около полудня я любуюсь и дивлюсь: если бы прямо изъ Харькова въ Прагу, тарь не зналъ бы, что и подумать объ этомъ множествѣ дамъ, изящно, блестяще одѣтыхъ. Славянки,

домовой-бы ихъ не взялъ, все Славянки: знать и по поступи, знать и по взглду, и по вкусу. Это уже не чета Берлину, гдѣ всѣ хотятъ быть радугами: тутъ всѣ вмѣстѣ—одна радуга.

Пора однако закрыть окно (уже 5 часовъ), и перейти къ другому предмету. Въ Берлинѣ слышалъ я Дрейшока, родомъ Чеха, и считающагося теперь членомъ тріумвирата, гдѣ два другіе члена—Тальбергъ и Листъ. И этого Листа, Юля Цезаря въ этомъ тріумвиратѣ, я слышалъ въ то-же утро. Дайтс, расскажу порядочно. Недѣли за полторы объявили, что будетъ концертъ имѣющаго пріѣхать Листа, и что желающіе имѣть билетъ на 1-е мѣсто за 2 гульдена и на 2-е мѣсто (въ галерѣ) за 1 гульденъ могутъ получить въ музыкальномъ магазинѣ—забыть чьемъ. По всѣмъ угламъ, по обычаю, прибито было это объявленіе, гдѣ Листъ написанъ былъ буквами вышиною вершковъ въ 5. Я прочелъ, я побѣжалъ въ магазинъ; я записался на 1-е мѣсто съ правомъ получить билетъ, когда пріѣдетъ Листъ, я ждалъ съ нетерпѣніемъ—и дождался. Къ несчастію, я не привыкъ еще помнить, что тутъ нѣть нумерациіи мѣстъ, и что надоѣно за нѣсколько часовъ ранѣе приходить, чтобы занять порядочное мѣсто; забылъ, пришелъ тогда, когда зала была уже биткомъ набита. Я догадался однако, пошелъ на 2-е мѣсто, на галерею, добылъ, яко иностранецъ, стулъ, всталъ на него—и увидѣлъ не только все общество нижнее и верхнее, но и самого себя—въ зеркало, висящее на противоположномъ концѣ залы. Зала небольшая, кругомъ ея галерея: пестрий людѣй—сельдей такая, что иной бы и вздигнулъ плечами, да соѣдѣ мѣшастъ. Ждали, ждали: пришелъ блѣдный, худой, довольно высокій полу-молодой человѣкъ, 2-й экземпляръ Вас. Ник. Гана¹), раскланился подъ прямымъ угломъ—и я началъ слушать. Листъ игралъ увертюру Бетховена, свои вариаціи на пѣсню Шуберта (они у васъ есть) и еще что-то. Я слушалъ. Емда! чортъ, возьми! лучше меня. Такъ мягко дьяволъ играетъ, что когда уже слухъ отказывается слушать, все еще есть что слышать; такое molle, такое rіapo, такое sotto voce, и тутъ же такие пассажи и лѣвой и правой, такое выраженіе, что мнѣ—даже стало завидно, даже перестало быть завидно. Хлопали ему такъ что ушамъ больно было. За то онъ сыгралъ еще двѣ пьесы на прибавокъ, и сыгралъ лучше, нежели то, что сыгралъ по обѣщанію. Съ нимъ пѣла Пани Подгорска и Чантъ Стракаты, хорошо, мило; но не то ужъ.—Ну Листъ!—

Цѣлую Вашу ручку, душенька Маменька. Дай Богъ Вамъ здоровья и покою.

Из. Срезневскій.

¹⁾ В. Н. Ганъ—одинъ изъ учениковъ пансиона Роберти (?) или Зимницкаго (?), гдѣ преподавалъ И. И. Срезневскій.

Троицна,

Кадниковского уезда.

Бытовой очеркъ.

Подъ именемъ «Троицна» известна мѣстность въ Кадниковскомъ уѣздѣ, Вологодской губерніи, заключающая въ себѣ слѣдующія волости: Давыдовскую, Кремлевскую, Кумзарскую, Азлецкую, Зубовскую, Троицко-Ешальскую, Ухтомскую, Вотчинскую, Нижеслободскую, Ембскую, Митюковскую и Вальгскую, составляющихъ сѣверную часть уѣзда. Объ этой мѣстности мы и намѣрены говорить въ настоящемъ очеркѣ.

Начнемъ съ климата. Климатъ въ данной мѣстности, впрочемъ, какъ и во всей Вологодской губерніи, очень суровый. Разливъ рѣкъ у насъ бываетъ въ концѣ Апрѣля или даже въ началѣ Мая мѣсяцевъ, но и послѣ этого иногда морозъ стоитъ вплоть до Июня, и за это время нерѣдко выпадаетъ снѣгъ. Въ концѣ Июля уже пахнетъ осенью: ночи становятся темныя и ходныя, листъ на деревьяхъ начинаетъ желтѣть и падать, все указываетъ на приближеніе осени, когда въ другихъ мѣстахъ Россіи лѣто еще въполномъ такъ сказать разгарѣ. Зимою же температура доходитъ до 40° , а 20° считается обыкновенною погодою, «морозцомъ» — и только.

Обратимся къ статистикѣ: къ числу жителей, населяющихъ эту мѣстность, числу селеній, дворовъ и земель, какъ надѣльныхъ, такъ и крѣпостныхъ, находящихся во владѣніи крестьянъ.

По свѣдѣніямъ г. Шляпина¹), составленнымъ по офиціальнымъ даннымъ, какъ свидѣтельствуется имъ, видно, что во всѣхъ этихъ 12-ти волостяхъ находится ревизскихъ м. п. душъ 12781.

Наличныхъ муж.	.	.	.	.	.	14859
»	жен.	"	"	"	"	15496
»	обоего	"	"	"	"	30755

¹) 3-й т. Вологодского Статистического Сборника, глава IV. Г. Шляпин; «Статистическое свѣдѣніе о состояніи нынѣшней Вологодской губерніи».

Селеній	394
Дворовъ	5383
Число надѣльной земли	95160 дес.
Крѣпостной земли	138028 »
А всего »	233188 »

Изъ тѣхъ же свѣдѣній видно, что число владѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 25 дес. крѣпостной земли, въ данной мѣстности 411 человѣкъ. Но мы увѣрены, что въ дѣйствительности крѣпостной земли, находящейся во владѣніи крестьянъ, гораздо болѣе 138 тыс. десятинъ, что же касается цифры (411) числа владѣльцевъ, имѣющихъ не менѣе 25-ти дес., то она поразительно мала. Впрочемъ тутъ статистика не виновата. Крестьяне вообще покупаютъ по-занадѣльную землю цѣлымъ селеніемъ или обществомъ, но совершаютъ купчую, во избѣжаніе лишнихъ нотаріальныхъ расходовъ, на 2—3-хъ лицъ своего селенія или общества. Такъ напр. въ томъ обществѣ, къ числу которого принадлежитъ пишущій эти строки, куплено крестьянами по-занадѣльной земли отъ одного помѣщика 1725 дес., да и отъ другаго еще около 1000 дес., но купчія совершены только на 4-хъ человѣкъ. Понятно, статистики и берутъ только цифру 4, а на самомъ дѣлѣ владѣльцевъ здѣсь 65, и каждый имѣть болѣе 25 дес. этой земли. Это фактъ повсемѣстный.

1. Средства къ жизни населенія.

Главнѣйшими изъ средствъ къ жизни и уплатѣ повинностей мѣстнаго населенія являются: хлѣбопашество, подсѣчное хозяйство, рубка и возка лѣса, дегтекуреніе и смолокуреніе, льноводство, скотоводство, огородничество, луговодство, охота, рыболовство, заводская промышленность и отхожіе промыслы.

а) Хлѣбопашество. Хлѣбопашество занимаетъ первое мѣсто въ ряду промысловъ всего мѣстнаго крестьянскаго населенія. Сѣется рожь, овесъ, ячмень, частью горохъ и пшеница. Рожь и овесъ въ совокупности занимаютъ $\frac{8}{10}$ всего посѣва. Почва въ данной мѣстности дурная, требующая хорошаго удобренія, безъ чего хлѣбъ или вовсе не родится, или родится самъ 3—4-й, а на хорошо удобренной землѣ онъ бываетъ самъ 7—8-й, нерѣдко и самъ десятый. Посѣвъ яроваго происходитъ съ 20-го Апрѣля по 10-е Мая, озимаго — съ 10-го по 20-е Июля, а иногда и позже, до 1-го Августа. Жатва хлѣба бываетъ съ 1-го по 20—25-е Августа. Уборка хлѣба начинается съ самаго начала жатвы и оканчивается въ первыхъ числахъ Сентября. Молоченіе производится въ разное время: кто смолачиваетъ весь свой хлѣбъ еще въ Октябрѣ мѣсяцѣ, а кто уже зимою, бываетъ даже и весною, особенно рожь съ новинъ, которую раньше зимы иногда нельзя и достать оттуда.

Мелютъ муку тотчасъ же, по окончаніи молоченія и притомъ на ближайшихъ водяныхъ мельницахъ, въ которыхъ недостатка здѣсь не ощущается. Система хозяйства, какъ и всюду на сѣверѣ, трехпольная, иныхъ системъ веденія сельского хозяйства крестьяне не знаютъ. Обработка земли производится сохами чуть-ли не доопоточной конструкціи, въ боронахъ же въ послѣднее время замѣчается прогрессъ: зубья стали дѣлать желѣзныя. Были попытки единичныхъ личностей изъ мѣстной интелигенціи ввести въ употребленіе маленькие плужки производства фірмы «Работникъ» и для новей — шведскіе № 29-й по пропагандѣ г. Энгельгарда, но, по неумѣнію крестьянъ обращаться съ ними, пришлось отказаться предпринимателямъ отъ осуществленія своей мысли.

Вообще можно сказать, что Троицина хлѣбомъ не изобилуетъ, и почти весь урожай его уходитъ для своего пропитанія, нерѣдко бываетъ и недостатокъ, кромѣ овса, излишокъ которого ежегодно продается мѣстнымъ скучищамъ, а послѣдними отправляется по веснамъ на судахъ въ Петербургъ.

б) Кромѣ того здѣсь громадное значеніе имѣть подсѣчное хозяйство, или новины по мѣстному выраженію, и мы были бы не точны, не сказавши объ этомъ.

Новины служить настолько важнымъ подспорьемъ къ сельскому хозяйству, что мы здѣсь считаемъ нужнымъ остановиться подольше. Прежде въ новинахъ сѣялась только одна рожь, въ послѣднее же время въ этомъ дѣлѣ замѣчается прогрессъ — новины стали заставаться, рожью съ тимофеевкой и культура сѣянія послѣдней настолько выгодна для крестьянъ, и такъ быстро развивается на всемъ сѣверѣ, что мы не лишнимъ считаемъ привести здѣсь цѣлкомъ нашу статью: «Культура сѣянія тимофеевской травы съ коммерческими цѣлями въ Кадниковскомъ уѣздѣ», помещенную въ № 17-мъ «Сельскаго Хозяина» за 1889 годъ.

«Когда и вѣмъ впервые былъ введенъ въ нашемъ (Кадниковскомъ) уѣздѣ посѣвъ тимофеевской травы — неизвѣстно, но это введеніе очень недавняго происхожденія, не болѣе 15—20 лѣтъ. Еще десять лѣтъ тому назадъ тимофеевка неизвѣстна была значительному большинству населенія, и воздѣльваніемъ ея занимались лишь одинокія личности. Въ настоящее время рѣдко встрѣтить у насть деревню, въ которой бы неизвѣстно было о «сѣянкѣ», по мѣстному названію. Если еще не всюду занимаются посѣвомъ тимофеевки, то лишь по неимѣнію вблизи удобныхъ лѣсныхъ участковъ земли, или же вслѣдствіе того, что такие участки принадлежать казенному вѣдомству, гдѣ рубка подсѣкъ не дозволяется ни за какія деньги. Особенно распространенъ посѣвъ тимофеевки въ сѣверной части уѣзда, въ мѣстности, извѣстной подъ именемъ «Троицина». Здѣсь занимаются этимъ дѣломъ цѣлымъ деревни, даже волости, потому что труда по воздѣльванію сѣянія тимофеевки вознаграждается из-

столько, что даетъ хороший доходъ и землевладѣльцу, еще лучшій заработка крестьянамъ. Воздѣлываніе здѣсь тимоѳеевки производится исключительно для сѣмянъ, съ промышленною цѣлью. По обилію лѣсовъ, по сравнительной дешевизнѣ арендной платы за пользованіе чащами (лѣсныя поросли), подобный промыселъ является весьма полезнымъ и какъ бы естественнымъ. Крупный лѣсъ всегда находить и находить сбыть за приличное вознагражденіе для землевладѣльца; на вырубленныхъ же мѣстахъ оставалось мелколѣсье, не дававшее прежде никакого доходу владѣльцу. Но вотъ является новый промыселъ — тимоѳеевка, и мелколѣсье дѣлается источникомъ хорошаго дохода и такого же заработка для крестьянъ. Неудивительно посѣвъ этого, что воздѣлываніе сѣмянъ тимоѳеевки годъ отъ году захватываетъ все большій и большій районъ мѣстности. Сбывается тимоѳеевка непремѣнно на новинахъ, т. е. на вырубленныхъ и выжженныхъ лѣсныхъ поросляхъ, посѣвъ же на пашнѣ для насъ неизвѣстенъ. Лучшимъ мѣстомъ для посѣва служитъ мягкая съ перегноемъ земля, густо поросшая еловымъ, березовымъ и осиновымъ лѣсомъ. На такихъ мѣстахъ тимоѳеевка даетъ хороший урожай сѣмянъ въ продолженіи 5-ти лѣтъ.

Облюбованное крестьяниномъ-тимоѳеевчикомъ мѣсто, прежде всего, вырубается, чтѣ бываетъ въ Маѣ маѣцѣ, затѣмъ, на слѣдующій годъ, приблизительно около 1-го Июля, такая новина выжигается и тщательно очищается, т. е. весь несгорѣвшій лѣсъ убирается частью на изгородь, частью въ отдѣльную кучу. Когда все это бываетъ готово, новину сначала проборонуютъ особо для того сдѣланными узкими деревянными боронами («смыками») и засѣваютъ рожью съ тимоѳеевкой. Наиболѣе разсчетливые крестьяне сѣютъ иногда сѣмена тимоѳеевки не вмѣстѣ съ рожью, а по озимы, въ Мартѣ, прямо на снѣгъ, съ тою цѣллю, чтобъ она въ первый годъ, во ржи, только бы успѣла отродиться и не препятствовала бы росту послѣдней. Посѣвъ производить въ такой пропорціи, что на каждый пудъ высѣянной ржи кладется отъ $\frac{1}{2}$ до 1 ф. тимоѳеевки, такъ что на десятину придется отъ 4 $\frac{1}{2}$, до 9 фунтовъ. Количества сѣмянъ, впрочемъ, зависятъ отъ мѣста; если оно очень удобное, то сѣмянъ выбрасывается очень, очень мало, такъ какъ здѣсь тимоѳеевка разрастается удивительно, и потому лишній фунтъ сѣмянъ, высѣянный на десятину, можетъ совсѣмъ испортить урожай — тимоѳеевка будетъ мелка, польется и не созрѣеть во-время (не говоря уже о ржи, которая еще болѣе боится густоты посѣва). На худыхъ мѣстахъ сѣмянъ требуется, наоборотъ, иѣсколько болѣе, но и то ни какъ не болѣе 9 фунт. на десятину, такъ-что общепринятое для другихъ мѣстностей Россіи положеніе высѣвать на десятину отъ 30 до 50 фунт., для насъ кажется крайне преувеличеннымъ. По окончаніи посѣва, новина снова боронуется.

Въ первый годъ съ такой новиной получаются одну лишь рожь, такъ

бакъ тимофеевка во ржи бываетъ очень мелка и идеть вмѣстѣ со ржаною соломою коровамъ на подстилку (впрочемъ, бываютъ исключенія: если посѣвъ во ржи этой самой тимофеевки «загустятъ», то она «заѣдаетъ», такъ сказать, рожь, и родится ея болѣе, нежели ржи; тогда, конечно, выдѣляютъ ее изо ржи). Въ послѣдующіе года ее жнутъ уже одну, что бываетъ около «Успенія», т. е. 15 Августа. Жнутъ и молотятъ тѣми же орудіями, какъ и хлѣбныя растенія. Вѣютъ тимофеевку на тихомъ вѣтру, потомъ просѣваютъ сквозь рѣшето, а затѣмъ еще разъ или два — сквозь мелкое сито, послѣ чего сѣмена дѣлаются уже чистыми и въ такомъ видѣ поступаютъ въ продажу. Въ первые два года, при благопріятной для роста погодѣ, получается тимофеевки отъ 10 до 20 пудовъ съ десятины, а затѣмъ еще въ теченіи 2 — 3 лѣтъ нѣсколько менѣе. Такимъ образомъ съ одной десятины, въ теченіи 5 лѣтъ, снимается иногда отъ 30 до 50 пудовъ сѣмянъ. Переведя это на деньги, по мѣстнымъ цѣнамъ — 2 руб. за пудъ — доходъ составить 60 — 100 руб. Ну, какая заѣянная чѣмъ-либо другимъ десятина земли дасть такой доходъ, особенно у насъ, на сѣверѣ? Положимъ, мною принять въ расчетъ такой участокъ земли, который считается наиболѣе пригоднымъ для посѣва этого растенія, и урожай показанъ въ благопріятный годъ, что не всегда, конечно, бываетъ. Въ сухое, напр., лѣто урожай бываетъ гораздо менѣе. Но и въ этомъ случаѣ доходность мало понижается по той причинѣ, что при маломъ количественно урожаѣ, сѣмена возвышаются въ цѣнѣ и доходъ до 3 р. 50 к. за пудъ, вмѣсто обычныхъ 2 р. Если же принять еще во вниманіе, что арендная плата за землю у насъ пока не высока, не дороже 5 р. за десятину, и что въ первый годъ получается недурной урожай ржи, нерѣдко окупавшій трудъ и самую аренду, то такое новшество въ сельскомъ хозяйствѣ нашего сѣвера является чистымъ благодѣяніемъ и неудивительно, поэтому, что развиціе его идетъ у насъ гигантскими шагами. И дай Богъ!

Всѣ собираемыя здѣсь сѣмена скучаются мѣстными купцами и отправляются частію гужомъ, въ Москву, частію на судахъ — въ Петербургъ, где и продаются по весьма выгоднымъ цѣнамъ. Насколько намъ известно, въ Кадниковскомъ уѣздѣ (преимущественно въ данной мѣстности) собирается ежегодно сѣмянъ тимофеевки до 20 тыс. пудовъ, что приноситъ почтеннуя цифру рублей. Въ прошломъ (въ 1888 году), урожай тимофеевки былъ блестящій и, по всей вѣроятности, количество сѣмянъ по всему уѣзду значительно увеличилось, если не удвоилось. Намъ могутъ замѣтить нѣкоторые читатели, незнакомые съ нашимъ сѣверомъ, что такая система хозяйства, какъ подсѣчная, хищническая, грозящая обезлѣсеніемъ мѣстности. На это я могу отвѣтить отрицательно. Хотя лѣсу вырубается при этомъ дѣйствительно много, но это не грозить лѣсонастrebленіемъ, и вотъ почему: во 1-хъ, потому, что весьма незна-

чительная площадь вырубается ежегодно подсъками, сравнительно со всему площадью, занятую лѣсами; во 2-хъ, потому, что вырубленные и выжженныя мѣста быстро заростаютъ лѣсомъ снова и черезъ 15 лѣтъ опять бывають годны для подсѣкъ. Быстрое заростаніе новымъ лѣсомъ и служить главною причиной того, что тимоѳеевка вся идетъ на сѣмена, Даже на 4—5-й годъ послѣ посѣва ея, выгоднѣе бы было уже косить на траву, потому что сѣмянъ въ эти годы получается мало. Но если ея не косать, то потому что нельзя, ибо на новинѣ выростаетъ уже большой лѣсъ, и тогда косою тутъ ничего уже не подѣлаешь».

в) Рубка и возка лѣса. Благодаря изобилію лѣсовъ, лѣсной заработка относится здѣсь къ числу тоже главныхъ, дающій почти всему населенію средства къ жизни и уплатѣ повинностей. Рубка лѣса и вывозка его на берега рѣкъ начинается съ Ноября и оканчивается въ началѣ Апрѣля мѣсяца. Мелкіе землевладѣльцы-крестьяне вырубленный изъ своихъ дачъ лѣсъ обыкновенно продаютъ мѣстнымъ лѣсоторговцамъ на мѣстахъ свалки (склада бревенъ), на берегу какойнибудь рѣки или рѣчки, рѣдко съ доставкою куда либо въ иное мѣсто. Нѣкоторые изъ крестьянъ, наиболѣе зажиточные, сами сплавляютъ свой лѣсъ въ Ананинскую лѣсную ярмарку, чтобъ при устьѣ рѣки Кубены, гдѣ тотъ лѣсъ и продаютъ приходящимъ туда за покупкою лѣсовъ и лѣсныхъ матеріаловъ крестьянамъ Вологодскаго уѣзда, какъ ближайшей безлѣсной мѣстности, но такихъ крестьянъ — продавцевъ лѣса, очень немного.

Самый главный способъ рубки и возки лѣса, это—по условіямъ на гг. лѣсоторговцевъ, какъ изъ своей среды, такъ на Петербургскихъ и Московскихъ, послѣдніе, нужно еще сказать, имѣютъ при устьѣ р. Кубены свои лѣсопильные заводы громадныхъ размѣровъ, отправляющіе всѣ эти лѣса, въ видѣ досокъ, черезъ Кронштадтъ въ Англію. Рубка лѣса въ этомъ случаѣ производится болѣшею частію изъ дачъ, принадлежащихъ самимъ лѣсоторговцамъ, или взятыхъ ими въ арендное содержаніе—на срубъ.

Подряды, обыкновенно, происходятъ такъ: въ началѣ Ноября прѣѣзжаетъ въ какуюнибудь деревню лѣсоторговецъ или довѣренный его, собираетъ крестьянъ и объявляетъ имъ свое желаніе подрядить ихъ вырубить изъ такой-то дачи, столько-то деревьевъ и такихъ-то размѣровъ лѣсу, съ вывозкою ихъ на такое-то мѣсто. Тѣ конечно изъявляютъ свое желаніе работать и освѣдомляются о цѣнѣ за трудъ. Начинается торгъ. (Цѣна бываетъ различная, смотря по расширенію возки, объему, длины самаго дерева, т. е. бревна). Сторговавшись цѣною, крестьяне отправляются всѣ, гурьбой, осматривать ту дачу, въ которой назначена рубка — много ли лѣса (чѣмъ болѣе въ дачѣ лѣса, тѣмъ удобнѣе для вывозки его оттуда), и такое ли дѣйствительно разстояніе до мѣста свалки, какъ говорилъ имъ подрядчикъ? Если все это

окажется върнымъ (въ противномъ случаѣ бываетъ переторжка) и подходящимъ по цѣнѣ, то они отправляются къ подрядчику для заключенія условія за общею круговою порукою и получаютъ задатки (условленную сумму денегъ). Заключивши условіе, опять идутъ въ ту дачу, гдѣ пролагаютъ до мѣста свалки дороги, дѣлаютъ себѣ жилища—истопки (родъ шалаша) и затѣмъ уже приступаютъ къ работѣ. Работа эта между членами семьи распредѣляется такъ: болѣе мужественный рубить лѣсъ, а слабый или малолѣтній — возить его. Поэтому юношками бываютъ большою частію дѣти—мальчики 10—12 лѣтъ, нерѣдко и женщины, рубщиками же—непремѣнно тѣ изъ семьи, которые физически сильнѣ. Одиночкѣ, т. е. неимѣющіе дѣтей, или имѣющіе, но не въ этомъ возрастѣ, а малолѣтнихъ, — приглашаются къ себѣ такого же, какъ и онъ, одиночного, и такимъ образомъ устраивается компанія. По окончаніи работы лѣсъ этотъ обмѣривается лѣсоторговцами, и крестьяне получаютъ окончательный расчетъ. Компаньоны дѣлать заработокъ по числу лошадей, участвовавшихъ въ работѣ, среднимъ числомъ приходится около 35 руб. на каждого человѣка съ лошадью въ зиму. Такимъ образомъ, семейство имѣющее 2-хъ лошадей, зарабатываетъ 70 руб. Изъ этого числа нужно еще отбросить рублей 10 на покупку (т. е. стоимость) овса для лошадей, котораго безъ возки лѣса, при всякой другой работѣ, не принято давать лошадямъ, хотя бы иная работа была даже тяжелѣ для лошади этой. Кромѣ того надо упомянуть еще о томъ, что окончательный расчетъ крестьяне получаютъ не всегда и не отъ всѣхъ лѣсоторговцевъ наличными деньгами. Нѣкоторые изъ послѣднихъ, за неимѣніемъ въ ту пору денегъ, выдаютъ только квитанціи, за полученіемъ денегъ, по которымъ нерѣдко крестьяне ходятъ въ ту контору или къ тому лицу, который выдалъ ихъ, цѣлый мѣсяцъ, да еще хорошо, если такое хожденіе увѣличивается успѣхомъ. Бываетъ и такъ, что кончается это хожденіе тѣмъ, что крестьяне вынуждены бывать продать такія квитанціи какому нибудь «богачу», съ уступкою, конечно, 10—20% съ рубля.

Но какъ бы то не было, а лѣсной заработка крестьянами считается здѣсь очень выгоднымъ. Лѣсоторговцы изъ своей среды лѣсъ свой продаютъ лѣсоторговцамъ— заводчикамъ, или сплавляютъ его въ Ананинскую ярмарку, или же въ г. Вологду. Вологда является большою частію конечнымъ пунктомъ сбыта. Правда, въ послѣднее время, благодаря высокой таксѣ на казенные лѣса въ Архангельской губерніи, часть лѣса пошла отсюда въ Архангельскъ, но въ этомъ случаѣ доставку до Архангельска принимаютъ уже архангельскія конторы на свой счетъ.

Лѣса сплавляютъ заводчики по р. Кубенѣ молѣмъ, т. е. розсыпью, а мѣстные лѣсоторговцы—въ плотахъ, 25—100 шт. въ каждомъ. Сплавщиками бываютъ у мѣстныхъ лѣсоторговцевъ — крестьяне данной мѣстности, а

у заводчиковъ частію тоже, частію крестьяне Онежскаго уѣзда, Архангельской губерніи. Труды онежанъ, какъ болѣе специальныхъ по лѣсо-сплавной части, оплачиваются дороже: онежанину платится отъ 20 до 25 руб. въ мѣсяцъ, на хозяйствъ, конечно, харчахъ; мѣстнымъ же крестьянамъ только 10—15 руб. Сплав лѣса молѣмъ продолжается отъ 1 до 2-хъ мѣсяцевъ, а въ плотахъ не болѣе 5—7 дней, и не смотря на это, послѣдній способъ сплава стѣть гораздо дороже первого. Плата за сплавъ лѣса до устья р. Кубенъ въ плотахъ, въ плёнкахъ¹⁾), съ вязкою его въ плоты и плёнки, бываетъ отъ 10 до 20 коп. за каждое бревно, смотря по толщинѣ и длини послѣдняго, тогда какъ заводчику, сплавляющему лѣсъ молѣмъ, при многотысячномъ количествѣ его, обходится не дороже 7 коп. за то-же бревно въ сложности. Общее количество ежегодно вырубленного въ данной мѣстности лѣса достигаетъ громадной цифры — около 500 тыс. бревенъ, что даетъ возможность зарабатывать до 100 тыс. рублей однимъ мѣстнымъ крестьянамъ, (не говоря о тѣхъ, которые привозятъ сюда на заработки извѣй, напримѣръ съ Ваги).

Изъ лѣса дѣлаются еще суда — барки и каюки. Суда эти идутъ подъ нагрузъ дегтя, смолы, тесу, полѣнныхъ дровъ, овса, костей, тряпки, складару, сажи и проч. товаровъ. Всѣ эти товары отправляются, большою частію, въ Петербургъ. Строятся ежегодно въ данной только мѣстности такихъ судовъ до 100 шт., что даетъ ежегодно заработка мѣстному населенію до 20 тыс. руб.

Мастерами судовъ бывають мѣстные крестьяне. Какъ по количеству, такъ и по искусству строенія судовъ, первое мѣсто принадлежитъ Ембской волости: въ ней ежегодно строится до 70 шт., что и даетъ ей пальму первенства, остальными же 30 шт. выстраиваются частью на пристани при дер. Хмѣлевской (Бережокъ тоже), Нижеслободской волости, частію на пристаняхъ Троицко-Енальской и Зубовской волостей. Суда сплавляются по р. Кубенѣ, а изъ Ембской волости сначала по р. Ембѣ, потомъ также по р. Кубенѣ, къ Кубенскому озеру, гдѣ простоявъ нѣсколько дней, плавятся далѣе. — Близь Кубенского озера, при сс. Чирковѣ и Устьѣ, товары, нагруженные въ суда, повѣряются полиціею, а такъ-же догружаются, почему и останавливаются тутъ на нѣсколько дней, а иногда и недѣль.

Благодѣяніе для населенія отъ изобилия лѣсовъ простирается еще далѣе — изъ лѣсныхъ материаловъ выкуриивается деготь и смола, рубятся дрова, жерди и т. п.

¹⁾ Пленки — тѣ же плоты, только въ нихъ связываются бревна въ одинъ рядъ, а не плотятся въ нѣсколько рядовъ, какъ въ плотахъ.

Ежегодно вырубается дровъ и жердей до 6 тыс. куб. саженъ, что даетъ населенію возможность заработать до 15 тыс. рублей. Дрова и жерди эти сплавляются въ плотахъ и баркахъ въ Ананинскую ярмарку и въ Вологду. А всего, эксплуатируя лѣса, населеніе ежегодно получаетъ до 135 тыс. руб., исключая дегтекуренія и смолокуренія, равно и новинъ.

г) Дегтекуреніе и смолокуреніе. Промышленность эта годъ отъ году все болѣе падаетъ, какъ въ количествѣ выдѣлываемыхъ продуктовъ, такъ и въ ихъ цѣности. Лѣть 10—12 тому назадъ, дегтя и смолы ежегодно выкуривалось въ Троицінѣ, до 200 тыс. пудовъ, что давало населенію дохода до 40 тыс. руб. въ годъ, или, вѣрнѣе, въ зиму, такъ какъ эта работа, т. е. выкурка дегтя и смолы, производится только въ зимнее время. Теперь же выкуривается дегтя и смолы не болѣе 80 тыс. пудовъ, а доходъ населения не превышаетъ 10-ти тыс. рублей. Такой быстрый упадокъ этого рода промышленности объясняется тѣмъ во 1-хъ, что въ настоящее время всюду въ Россіи проведены желѣзныя дороги и слѣдовательно на смазку волость, по упадку извозчика промысла, дегтя и смолы требовать не стало, а во 2-хъ—открытие на Кавказѣ громаднаго количества нефти, замѣнившей собою нашъ деготь. До этого же времени нашъ деготь, какъ наиболѣй, шелъ исключительно на Кавказъ, откуда для закупки его ежегодно прѣѣзжали покупщики изъ Царицына (Саратовской губ.) и Ставрополя — Кавказскаго.

Считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о способѣ производства этой промышленности, пока еще существующей. Деготь добывается изъ бересовой коры, называемой просто «бересто», а смола изъ сосновыхъ осмольныхъ пин. Сдирка бересты происходитъ съ 10-го по 30-е Июня, но большою частью бересты привозятся сюда изъ Вельского уѣзда, каковыя мѣстными крестьянами и покупаются. Корченіе пинъ происходитъ весною, какъ только оттаетъ земля, выкорченные пинъ въ то время складываются въ кучу, гдѣнибудь вблизи дороги, увозятся же эти пинъ на заводы уже осенью, когда выпадетъ снѣгъ, и когда слѣдовательно явится возможностьѣздить на саняхъ, какъ наиболѣе годномъ экипажѣ дляѣзды по узкимъ и кочковатымъ лѣснымъ дорожкамъ.

Устройство завода очень несложное, не требующее большаго труда и большихъ затратъ и потому для каждого доступное. Устраивается родъ сараѣ, изъ какого нибудь старого или нового тонкаго лѣса, затѣмъ въ этомъ сараѣ сбиваются изъ глины печи, на верхъ каждой печи вдѣлываются 4 глиняныхъ куба, выдѣлываемые преимущественно въ Маныловской волости, изъ находимой тамъ огнеупорной глины, въ одинъ конецъ такого куба вдѣлываются трубы, для дегтя—изъ листового жалѣза, а для смолы—изъ основного дерева. Трубы изъ кубовъ проходять черезъ холодильникъ (чанъ на-

полненный льдомъ или снѣгомъ) въ ушаты. Въ каждомъ заводѣ находится 2—3 и даже 4 печи, съ 4-мя кубами на каждой. Вотъ и все устройство завода.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о процессѣ превращенія берѣста въ деготь, а сосновыхъ пней въ смолу. Прежде всего кладется въ кубъ, если желаютъ получить деготь, — около 3-хъ шудовъ берѣста, — если смолу — около $\frac{1}{5}$ части куба. сажени сосновыхъ пней, расколотыхъ на мелкія полѣнья, затѣмъ кубы наглухо закупориваются и обмазываются глиной. Печи, конечно, топятся. Отъ дѣйствія огня, матеріалы, закупоренные въ кубахъ, разлагаются, смола или деготь, выдѣляясь въ видѣ паровъ, идутъ по трубамъ чрезъ ходильникъ, гдѣ охлаждаются и стекаютъ уже въ жидкому состояніи въ ушаты. Ушаты подъ деготь становятся тутъ же, за печками, а подъ смолу — въ особо устраиваемомъ, для устраненія той горечи, которой сопровождается ходъ смолы, пріямкѣ, онъ выстраивается всегда рядомъ съ заводомъ.

Всѣ полученные за сутки продукты сливаются въ бочки, а смола, для отдѣленія находящагося въ ней нѣкотораго количества воды, предварительно еще нагревается раскаленными каменьями и затѣмъ уже сливается тоже въ бочки. Бочки подъ наливъ этихъ продуктовъ дѣлаются крестьянами дер. Игнатовой, Нижеслободской волости, и деревень Даниловской и Блиновской, Ембской волости, въ Кремлевской же волости бочки подъ наливъ оказанныхъ продуктовъ, по отдаленности растоянія отъ этихъ деревень, — дѣлаютъ сами, но гораздо меньшей вмѣстимости и худшаго качества.

Изъ каждого куба, наполненнаго достаточнымъ количествомъ матеріаловъ, получается въ сутки чистой смолы около 1 пуда, а дегтя около 30 фун. Процессъ добыванія дегтя, съ укладкою берѣста въ кубы и съ укупоркою ихъ, продолжается менѣе 20-ти часовъ, а смола около 15-ти час.

Хотя мы не имѣемъ точныхъ статистическихъ данныхъ о числѣ дегтярныхъ и смоляныхъ заводовъ въ данной мѣстности, но едва-ли мы ошибемся сказавъ, что ихъ не менѣе 200, и всѣ они принадлежать крестьянамъ дегте-и смолокурамъ.

д) Льноводство. Добываніе льна производится здѣсь болѣею частію также посредствомъ эксплуатациі лѣса. Разводится снь, какъ и всюду на Сѣверѣ, новинной каткой. (Ленъ, впрочемъ, съется и въ поляхъ, вмѣстѣ съ яровымъ, но очень рѣдко). Льноводство въ данной мѣстности пока еще не имѣетъ промышленного характера, въ полномъ смыслѣ этого слова. Каждый домъ успѣваетъ изготовить никакъ не болѣе 5-ти пудовъ чистаго льна въ годъ; продается же изъ этого числа 1 — 2 пуда не болѣе, а остальное количество его идетъ для себя, на изготавленіе одежды и проч. Родится ленъ плохаго качества, а потому и цѣна на него бываетъ не высокая —

3—4 руб. за пудъ. Деньги, вырученныя продажею льна, большою частию, идут на наряды женщинамъ, на покупку «приданаго» дочерямъ и т. п. такъ какъ и вся работа разведенія льна совершаются болѣе женщинами, нежели мужчинами: мужчины вырубаютъ новинку, обнесутъ ее изгородью, вотъ и все, и дальнѣйшее, какъ-то жженіе дровъ, посѣвъ, уборка и очистка льна — дѣло рукъ женщинъ.

Не смотря на малодоходность этого промысла въ настоящее время, думается, въ недалекомъ будущемъ, когда вырубятся крупные сорта лѣса, (а это, вѣроятно, будетъ скоро) льноводство займетъ такое же мѣсто въ ряду промысловъ мѣстнаго населения, какъ и тимофеевка.

е) Скотоводство. Разводится здѣсь лошади, коровы, овцы и частью свиньи. Количество лошадей и коровъ — мѣрило крестьянскаго благосостоянія мѣстности: чѣмъ болѣе у крестьянина лошадей, тѣмъ, значитъ, онъ болѣе можетъ зарабатывать денегъ лѣснымъ промысломъ, чѣмъ болѣе у него коровъ, тѣмъ лучше у него удабривается пахотная земля, а слѣдовательно и болѣе рождаются хлѣба. Но вслѣдствіе-ли плохихъ сѣнныхъ покосовъ или вслѣдствіе другихъ причинъ, скотъ здѣсь очень плохо, лѣтомъ еще туда-сюда, а зимою, живя почти исключительно на одной соломѣ, въ плохонькомъ хлѣвишкѣ, коровенки доходятъ до того, что буквально еле ноги передвигаютъ. Молока отъ такого скота, разумѣется, много ждать нечего, а слѣдовательно и масла (отъ 10—15 коровъ масла получается въ годъ всего 3—4 пуда, изъ этого числа продаются 1—2 пуда, на сумму 8.—16 руб. самое большее, остальное же количество потребляется самими хозяевами). Овецъ стригутъ два раза въ годъ, шерсть съ нихъ идетъ только для себя на «катаники» (зимняя обувь, известная подъ именемъ валенокъ), на сарафаны и юбки женщинамъ и понитки мужчинамъ. Овецъ у каждого домохозяина имѣется отъ 5 до 15 штукъ. Свиней очень мало, — по 1 шт. и то у рѣдкаго крестьянина, а лошадей держать по числу работниковъ въ семье и по ея средствамъ, примѣрно отъ 1 до 5 шт., коровъ же отъ 3 до 15 шт. Средняя стоимость лошади 40 руб., коровы 15 руб., овцы 4 руб. и свиньи 6 руб. Скотъ здѣсь чрезвычайно тонкій и мелкорослый, впрочемъ и держать его здѣсь главнымъ образомъ (коровъ) для удобрѣнія, быть можетъ исторически выработался и самый типъ такого рода скота.

ж) Огородничество. Огородъ, или «садъ» по мѣстному выражению, имѣеть здѣсь каждый для себя, около своего дома и садить въ немъ преимущественно картофель, капусту и лукъ, а иногда голландку (брюкву) и рѣпку, (послѣднія, впрочемъ, сѣется болѣею частію въ полѣ, въ озимы), огурцовъ же и проч. овощей на садить вовсе, да пожалуй, немногие и съ-

хали объ нихъ. Первое мѣсто изъ овощей принадлежитъ картофелю, его больше и садится, да и родится онъ лучше, прибыльне и вкуснѣе, по мнѣнию крестьянъ, къ тому же онъ — и «замѣна хлѣбу».

Вообще, надо сказать, огородничество здѣсь, вслѣдствіи суровыхъ климатическихъ условій, находится въ очень плачевномъ состояніи, да и огорода малы: 5 — 6 грядъ, не болѣе 1 саж. ширины, 4-хъ саж. длины, — вотъ наиболѣшій и наиболѣшій огородъ.

3) Луговодство. Безъ луговъ или пожни — не мыслимо хозяйство, въ особенности по отношенію къ данной мѣстности, гдѣ урожай хлѣба всецѣло зависитъ отъ удобренія почвы (за исключеніемъ, конечно, климатическихъ условій), а безъ сѣна нельзѧ имѣть скота, слѣдовательно нельзѧ имѣть и удобренія, такъ какъ другаго рода удобреній, кромѣ навознаго, не существуетъ здѣсь. Луга, или пожни, по мѣстному народу, здѣсь большую частію естественная — травосѣянія не существуетъ. Правда, сѣется тимофеевка, но не для получения сѣна, а исключительно для сѣманія, какъ мы уже говорили объ этомъ ранѣе.

Всякій, мало-мальски зажиточный крестьянинъ, старается всѣми возможными мѣрами пріобрѣсти какъ можно больши сѣнокосной земли въ свою собственность, зная хорошо, что безъ этого нельзѧ вести хозяйства въ исправности. Поэтому и цѣна на сѣнокосную землю стоитъ здѣсь очень высокою, сравнительно съ землями другаго качества. Напримѣръ, земля со строевымъ лѣсомъ цѣнится отъ 5 до 10 руб. за десятину, съ дровяннымъ отъ 2 до 3-хъ руб., съ кустарникомъ или болотами отъ 50 к. до 1 руб. за дес., да и то послѣдняя покупается только для служебнаго цензу кѣмъ либо, тогда какъ за пожню платится отъ 25 до 150 руб. за десятину!... Пріобрѣвшіи какую либо пожню въ собственность крестьянинъ всѣми силами старается ее во 1-хъ расчистить, т. е. убрать съ нея кусты, во 2-хъ прорыть на сырыхъ мѣстахъ канавы, въ 3-хъ устроить сараи для сѣна, называемые «сѣновалами». Трудъ въ данномъ случаѣ такого крестьянина-рачителя вознаграждается сторицею: сѣна на расчищенныхъ и устроенныхъ пожняхъ родится не только вдвое, а втрое и вчетверо противъ прежняго.

и) Охота. На югѣ и въ центральныхъ губерніяхъ Россіи, охота, какъ извѣстно, служить только развлечениемъ, не тѣмъ является она у насть на Сѣверѣ. У насть охота такой же промыселъ, какъ дегtekуреніе, какъ льноводство и т. п., и промыселъ этотъ, надо сказать, довольно выгодный.

Самое слово «охота» рѣдко употребляется крестьянами, оно замѣняется словомъ «лѣсованіе», «лѣшня». Если приходится встрѣтить у насть мужика съ ружьемъ и спросить: куда и зачѣмъ онъ пошелъ или ходилъ?, то получите отвѣтъ: «въ лѣсъ полѣсоватъ», или «за лѣшней», что будеть равнозначеніемъ.

значуше: «на охоту поохотится». Лѣсуютъ большую частью въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ года — Сентябрь, Октябрь и Ноябрь, — но некоторыми видами лѣсованія въ Кадниковскомъ уѣздѣ занимаются и цѣлый годъ. Предметы лѣсованія: бѣлка (векша тоже¹⁾), рабчикъ, поленикъ (тетеревъ), утка, лебедь, заяцъ, лисица, куница, медведь, волкъ, олень, выдра, рысь и норка. За болотной дичью, какъ-то: куликами, бекасами, вальдшнепами, дупелями и т. п. ве лѣсуютъ во 1-хъ потому, что нѣть такихъ собакъ, которая бы шла за этой дичью, а во 2-хъ по неумѣнію стрѣлять въ-лѣтъ.

Разсмотримъ прежде всего всѣ способы добыванія лѣсникомъ каждого звѣра и птицы въ отдѣльности, — и начнемъ съ лѣсованія на бѣлку. Этого маленькаго и красиваго звѣрька водится у насъ во всякое время много, въ особенности же въ августѣ мѣсяцѣ, такъ какъ къ этому времени наростаетъ уже новое поколѣніе. У крестьянъ, между прочимъ, существуетъ повѣрье, что если много въ лѣсахъ бѣлки, то значитъ: нашъ лѣшій выигралъ ее у другаго, если же мало,— проигралъ-де.

Лѣсованіе на бѣлку производится всегда съ собаками мѣстной волчьей породы. Безъ этихъ собакъ, лѣсованіе на бѣлку считается совершенно бесполезнымъ. И действительно порода эта замѣчательно принаровилась къ разысканію бѣлки и чутье свое довела до совершенства. Нерѣдко бываетъ, что лѣсникъ едва выйдетъ изъ деревни, какъ его «сѣрко» летить, поднявши хвостъ и рыло, къ тому дереву, где сидитъ бѣлка и начинаетъ лайть — значитъ бѣлка тутъ, это называется «верховую взялъ», т. е. безъ спровождѣнія о слѣдѣ, прямо чутьемъ дошелъ до бѣлки. Заслышивъ лай своего сѣрка, лѣсникъ идетъ къ дереву, тщательно осматриваетъ его и если бѣлки не видать, то колотить топоромъ по дереву. Если бѣлка тутъ, то она какимъ нибудь движеніемъ непремѣнно дастъ знать о своемъ присутствіи, чтѣ, конечно, не ускользнетъ отъ опытныхъ глазъ лѣсника. Замѣтивъ движеніе бѣлки или увидавъ ее, лѣсникъ стрѣляетъ, предварительно положивъ дуло ружья на вѣтку какого нибудь ближайшаго дерева, чтобы «не стряхнутся». Хорошій лѣсникъ рѣдко дѣлаетъ по бѣлкѣ несколько выстрѣловъ, а всегда бьетъ ее съ одного, не смотря на плохія ружья, какими обладаютъ мѣстные охотники. Кроме экономического разсчета дѣлать менѣе промаховъ, есть и другая причина: «товарищи, моль, засмѣютъ», котъ почему и стрѣляютъ бѣлку «съ прикладу», а не «съ руки». Когда бѣлка упада, лѣсникъ отрѣзаетъ отъ нея лапки и отдаетъ ихъ своему сѣрку въ видѣ поощренія. Возвратясь домой, лѣсникъ «дѣвраетъ съ убитыхъ бѣлокъ шкурки и просушиваетъ ихъ на особо-приспо-

¹⁾ Векша у насъ имѣеть двоякое название: хѣтомъ, когда на ней шерсть бываетъ желтою, называютъ векшай, а осенью, когда шерсть сѣрая, а кожа, напротивъ, бѣлая, — «ѣмкою». Начинаютъ охотиться, когда она бываетъ въ посѣдѣніи видѣ.

собленныхъ для того пальцахъ, а мясо поступаетъ опять «съркѣ». Просушенныи шкурки поступаютъ въ продажу безъ дальнѣйшей обработки. Охота на бѣлку считается наиболѣе выгодною, а потому этотъ родъ лѣсованія наиболѣе распространенъ между мѣстными крестьянами.

Лѣсованію на рыбчика и поленика хотя и начинается съ юля мѣсяца, но въ началѣ ловятъ и бьютъ эту дичь только, такъ сказать, мимо идучи, потому что въ это время она идеть лишь на собственную потребу. Какъ промыселъ, лѣсованію начинается съ сентября, т. е. съ наступленія морозовъ, когда лѣсникъ уже имѣетъ возможность сохранить дичь до прихода скучниковъ, что бываетъ въ декабрѣ и январѣ мѣсяцахъ.

Добываніе этой дичи производится нѣсколькими способами. Наиболѣе распространены слѣдующіе: ловля въ силышка (сило), приманка на пищикъ, на тока и на чучела.

Каждый лѣсникъ имѣть свою тропу, на которой и выставляетъ до 200 силковъ. Силки большою частію ставятся на землѣ (хотя ставятся также они и на деревьяхъ съ ягодами, напримѣръ, на рябинѣ) въ томъ мѣстѣ, гдѣ болѣе водится птицы. Опытному лѣснику это, конечно, извѣстно. Въ ясную и теплую погоду рыбчикъ любить мелкій березовый лѣсъ съ примѣсью сосны, а подъ зиму улетаетъ въ большиѣ еловые лѣса; поленикъ же въ началѣ осени водится въ сыромъ съ густою травою мѣстѣ, въ концѣ осени въ пенникахъ, поросшихъ мелкой елкою и верескомъ. Вотъ на такихъ-то мѣстахъ и ставятся силышки, устройство которыхъ очень не хитро: лѣсникъ дѣлаетъ отъ одного дерева до другаго на двухъ-саженномъ разстояніи засѣку, т. е. иѣчто въ родѣ изгороди, по срединѣ которой оставляется маленькое отверстіе, куда и ставится петля, конецъ которой прикрѣпляется къ вѣткѣ какого нибудь деревца. Птица, объѣвши ягоды (вереса и др.) по одну сторону засѣкъ и видя ихъ по другую, лѣзетъ въ отверстіе и затягивается петлей. Охота на пищикъ бываетъ только на рыбчиковъ. При этомъ родѣ лѣсованія требуется отъ охотника главнымъ образомъ поддѣлываться подъ голосъ рабца. Коль скоро лѣсникъ въ этомъ силенъ, то убить рыбчика уже не трудно:—онъ подлетитъ и сядетъ на дерево-чуть не рядомъ съ охотникомъ.

Способы лѣсованія на тока и чучела общеизвѣстны, поэтому мы и не будемъ объ нихъ говорить.

Изъ всѣхъ видовъ лѣсованія по разнообразію способовъ первое мѣсто занимаетъ охота на зайца. Бывать ихъ, бѣдныхъ, изъ ружья, ловить въ нитки, клещы (канканы) и кряжи. Лѣсуютъ на него лѣтомъ, осенью и зимою. Изъ ружей бывать только лѣтомъ и осенью, когда зайцы по вечерамъ выбѣгаютъ на гладкія мѣста: пенники, пожни и новины съ озимью. Въ нитки ловить такъ: замѣтить лѣсника, что въ какую либо новину ходить заяцъ и, найдя

его лазь, т. е. то мѣсто въ изгороди, гдѣ онъ пролѣзаетъ, ставить нитку, т. е. петлю, прикрепленную къ длинной жерди, имѣющей положеніе и видъ баланса у десятичныхъ вѣсовъ; какъ только заяцъ попадаетъ въ петлю, жерда своимъ длиннымъ концемъ опускается на землю, а короткій съ прикрепленной къ нему петлей, поднимаясь къ верху на цѣлую сажень, затягиваетъ свою жертву.—Заяцъ поздней осенью и зимою бѣгаеть за ъдой или за питьемъ въ одно и то же излюбленное имъ мѣсто и всегда по одной тропѣ, и если лѣсникъ замѣтить заячью тропу, то ставить на ней нитки. Зимою же на такихъ тропахъ ставятся клещи и чтобы заяцъ не замѣтилъ клещи, лѣсникъ засыпаетъ его снѣгомъ и на поверхности снѣга поддѣлываетъ особой лопаткой заячыя слѣды. Зимою заяцъ питается большою частью осиновой корой съ молодыхъ вѣтокъ осины. По оглоданнымъ осинамъ, конечно, не трудно замѣтить постоянное мѣстопребываніе зайца. Замѣтивъ его, лѣсникъ срубаетъ два не очень толстыхъ дерева; сажени $1\frac{1}{2}$ длиною, называемыхъ кражами. Одинъ изъ такихъ кражей кладется на землю, а другой, конецъ которого приподнимается на $1-1\frac{1}{2}$ аршина, кладется вдоль первого; подъ него подставляется нѣсколькою молодыхъ осиновыхъ вѣтокъ и съ такимъ разсчетомъ, чтобы при малѣйшемъ къ немъ прикосновеніи кражъ падаль и своею тяжестью придавилъ бы зайца. Такой способъ ловли зайца называется «ловлей въ кражи».

Лисицу ловятъ только зимою—въ клещи, которые стягиваются на такія же тропки, какъ и заячи. Но, лисицъ, вообще ловятъ очень не много, такъ это животное настолько хитро, что нерѣдко подойда къ самому клещу, на которомъ лежитъ слой снѣга въ 10 вершковъ,—заслышишь запахъ желѣза—вернется и обойдется клещецъ.

Лѣсованіе на куницу бываетъ случайное, тогда, когда лѣсникъ случайно наткнется на ея слѣды или узнаетъ о томъ у людей. Тогда лѣсникъ съ ружьемъ и съ собакою отправляется по слѣдамъ куницы и гонится за нею по два, по три дня, пока куница не пристанетъ и не засядетъ на какомънибудь деревѣ.

Лѣсованіе на медвѣдя производится только специалистами-лѣсниками. Кромѣ умѣнія стрѣлять, при этой охотѣ нужна еще значительная доля храбрости, а главное самообладаніе, безъ чего и лучшій стрѣлокъ не попадеть въ цѣль. Лѣсованіе это начинается при слѣдующихъ обстоятельствахъ: узнать лѣсникъ, что у кого либо изъ крестьянъ не вернулась съ настыбы корова, идѣть на поиски и затѣмъ, если окажется, что корова забылена медвѣдемъ, то лѣсникъ близъ ушиби дѣлаетъ лабазъ ¹⁾), и къ вечеру садится на него, въ ожиданіи

¹⁾ Лабазъ дѣлается такъ: между двумя деревьями кладутся на нѣкоторое дѣлъ жерди и скрѣпляются веревкой, или прутьями березы. Высота лабаза около 1 сажени.

модвѣдя, притаивъ дыханіе и взявъ ружье на прицѣль. Мѣткій выстрѣль кладеть большою частью звѣра на мѣстѣ. Подкарауливаютъ медвѣда и на овсанныхъ полянкахъ, куда онъ ходить по ночамъ бѣть овесь. Въ такихъ случаѣахъ лѣсникъ тоже дѣлаетъ лабазъ, хотя есть смѣльчаки, чтѣ садятся и прямо на землю. Кромѣ этого, медвѣдей ловятъ въ клещы и кражи. Клещы ставить около убитаго медвѣдемъ животнаго. Этотъ способъ практикуется во время полевыхъ работъ, когда лѣсникъ не имѣть свободнаго времени для караули съ лабазомъ. Крахи ставятся весною, и между ними кладется часть трупа какого нибудь павшаго животнаго, верхній крахъ въ данномъ случаѣ держится надъ подставленныхъ подъ него жердочкахъ, которая при присоединеніи падаютъ. Крахъ дѣлается изъ трехъ сплоченныхъ между собою бревенъ, какъ вънизу, такъ и въверху. Въ берлогахъ бываютъ медвѣдей въ марта мѣсяца, но отправляются на эту лѣщину всегда по нѣсколько человекъ, предварительно запасшись ружьями, топорами и рогатинами, въ виду рискованнаго положенія при этого рода лѣсованіи.

Волковъ бываютъ изъ ружей, развязажая по ночамъ съ собакой, которая служить приманкой. Ловятъ ихъ и въ клещы, какъ медвѣдя, а также и въ ямы. Ямы устраиваются такъ: выкалывается гдѣ нибудь въ лѣсу большая яма, шириной до 3-хъ сажень и на столько глубокая, чтобы попавшій туда волкъ не могъ выпрыгнуть; по срединѣ ямы ставится довольно высокій столбъ, и къ нему прикладываются примостики. Отъ примостиокъ къ краямъ ямы параллельно кладутъ жерди, но рѣдко, и сверху настилается солома. Къ ночи на примостиокахъ привязываются къ столбу собаку, которая, конечно, по уходѣ хозяина подымается невыносимый вой и лай. Волки, засыпавъ лай собаки, прибѣгаютъ, бросаются къ ней, желая разтерзать, но не доскочивъ до примостиковъ проваливаются въ яму, гдѣ на-утро и доколачиваются ихъ. Нерѣдко такимъ образомъ попадаетъ цѣлая стая волковъ.

Въ послѣднее время истребляютъ волковъ посредствомъ отравы. Этотъ способъ истребленія вреднаго звѣра поощряется земскими субсидіями.

Оленей бываютъ изъ ружей и ловятъ въ нитки, устраиваемыя нѣсколько иначе, чѣмъ подъ зайца. Лѣсуютъ за ними всегда зимою, по снѣгу и чѣмъ глубже послѣдній, тѣмъ лучше для охотника. Лѣсникъ узнавъ, что въ извѣстномъ мѣстѣ (всегда въ болотѣ) появились олени, отправляется туда и прослѣдуетъ ихъ до тѣхъ поръ, пока олени, вслѣдствіе изнеможенія, не допустятъ его на выстрѣль. Нерѣдко при этомъ лѣсникъ не выходитъ изъ лѣсу по нѣсколько дней, ночуя тамъ подъ елкой или въ лучшемъ случаѣ подъ зародомъ сѣна, при морозѣ иногда 30—40°.

Лѣсованіе на выдру, рысь и норку бываетъ также случайное, какъ и

на куницу. Быть ихъ изъ ружей и не въ какія ловушки не ловятъ. Водится ихъ въ Кадниковскомъ уѣздѣ, надо сказать, вообще немногого.

Для выясненія ежегодной прибыли, получаемой лѣсникомъ отъ своего промысла, мы приводимъ свѣдѣнія о количествѣ убитыхъ и изловленныхъ предметовъ лѣши, однимъ изъ знакомыхъ намъ лѣсниковъ, въ теченіи прошлаго года (это было писано нами въ 1887 г.), равно приводимъ и мѣстныя продажныя цѣны:

Бѣлокъ . . .	200	штукъ по —	р. 10 к.	20	р. — к.
Рабчиковъ . . .	110	паръ — »	22 »	24	» 20 »
Тетеревей . . .	12	» — »	30 »	3	» 60 »
Зайцевъ . . .	36	штуки » — »	10 »	8	» 10 »
Куницъ . . .	2	штуки » 4 » — »	— »	8	» — »
Лисицъ . . .	2	» » 3 » — »	— »	6	» — »
Медвѣдей . . .	1			20	» — »
Оленей . . .	1			2	» — »

Итого. . . . . 87 р. 40 к.

Исключивъ изъ того числа расходъ:

Пороху.	6	фунт. по 80 коп.	4	р. 80	к.
Дроби	1	пудъ » 12 » ф.	4	» 80	»
Пистоновъ	2	кор. » 30 »	— »	60	»
Содержаніе собаки въ годъ			5	»	— »

Итого. . . . . 15 р. 20 к.

Получилось чистой прибыли за годъ 72 руб. 20 к.

Правда, этотъ лѣсникъ «вастоящій», т. е. занимающійся специально охотничимъ промысломъ въ круглый годъ, какихъ немногого.—Въ большинствѣ случаевъ охотится, какъ выше было уже замѣчено, только въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ года и зарабатываютъ въ послѣднемъ случаѣ отъ 15 до 45 руб. Но какъ бы то ни было, а все-таки прибыль отъ лѣсованія является для мѣстныхъ крестьянъ весьма значительной.

Къ сожалѣнію охотничій промыселъ годъ отъ году падаетъ, такъ какъ по случаю истребленія крупныхъ лѣсовъ, дачи и звѣра становится все меньше и меньше.

i) Рыболовство. Рыболовство въ данной мѣстности не составляетъ промысла въ буквальномъ смыслѣ этого слова; здѣсь каждый ловить рыбу для себя и продаетъ только излишокъ отъ своей потребы.

Ловить большую частію слѣдующую рыбу, водящуюся въ р. Кубенѣ и ее притокахъ: щуку, окуня, карпа, нельму, сагу, азя, сорогу, ельца и ерша. Ловушками общеприняты слѣдующія: морды, мережи (сѣти), неводъ, уда, ко-

лотье «съ лучемъ», бредникъ и крюки. Невода принадлежать всегда артели изъ 10—15 человѣкъ, такъ какъ они во 1-хъ дороги для одного крестьянина, а во 2-хъ одному, хотя бы и съ семью, тутъ ничего не подѣлать: при этой ловлѣ нужно 10—15 человѣкъ совершенно взрослыхъ да штукъ 5 лодокъ. Остальной же ловушки имѣютъ каждый отдельно. Мерѣжи или сѣти, колотье рыбы съ лучемъ, равно уженіе и крюки—общезвѣтны ловушки, а потому обѣихъ нечего и говорить. Относительно же ловли въ морды, въ бредникъ, не лишнимъ считаемъ сказать нѣсколько словъ.

Ловля въ морды бываетъ такъ: замѣтить крестьянинъ, что около такого-то мѣста въ рѣкѣ или рѣчкѣ бываетъ въ извѣстное время переходъ рыбы, дѣлаетъ тутъ «зайдокъ», т. е. нѣчто въ родѣ плотины (вбиваются поперекъ рѣки колы, между ними кладутся еловые и сосновые прутья, которые заваливаются камнями), устраиваетъ въ этомъ зайдѣкѣ одни или двои ворота, т. е. проходъ для воды, гдѣ и ставить морды (верши). Рыба, желая пройти внизъ по течению рѣки, не находя другаго перехода, идетъ въ эти ворота и попадаетъ въ морды, откуда выходъ уже невозможенъ. Морды дѣлаются изъ ивовыхъ прутьевъ и имѣютъ форму конуса. Въ такія морды особенно много попадаетъ налимовъ въ зимнее время.

Бредникъ или бредень шьется изъ холста, но такого, что вода въ немъ не держалась, а удерживалась бы и самая маленькая рыбка, и имѣть этотъ бредникъ форму тоже конуса, когда раздуется водою, къ широкой сторонѣ котораго, по бокамъ, прикрѣпляются шесты, (жерди или колы, смотря по глубинѣ рѣки или рѣчки), и отъ нихъ идуть веревки. Сдѣлавши такой бредникъ, семья изъ 5—7 человѣкъ, отправляется на то мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ предполагается быть рыбѣ, распускаютъ тамъ бредникъ и бредутъ рѣкою (отчего получила, вѣроятно, и самое название эта ловушка). Взрослые идутъ стороною къ рѣкѣ, а женщины и дѣти—къ берегу, и таинуть этотъ бредникъ внизъ по течению рѣки. Идущіе стороною къ рѣкѣ, какъ наилглубокою, запасаются шестами, чтѣдѣлается для того, чтобы, зайдя въ такое мѣсто въ рѣкѣ, гдѣ не встанутъ ноги, т. е. не будетъ возможности идти по землѣ ногами, можно было продолжать этотъ путь на шестахъ и таинуть за собою бредникъ. Хожденіе на шестахъ здѣсь такъ развито, что хорошему ходоку ничего не стоитъ пройти по водѣ какое угодное разстояніе, лишь шесть его касался бы до земли, т. е. до dna рѣки или рѣчки. Пройдя такимъ образомъ извѣстное мѣсто въ рѣкѣ, ловцы начинаютъ «сгруживать» рыбу, т. е. этотъ бредникъ направляютъ къ берегу и, ежеминутно болтая ногами и руками, по обѣимъ сторонамъ бредника, воду, вытаскиваютъ его на берегъ, гдѣ и вынимаютъ изъ него попавшуюся рыбу. Бываетъ, что такимъ образомъ добываются 2—3 пуда рыбы въ одинъ день, даже въ 2—3 часа.

Почему рыболовство въ данной мѣстности не развило ся до того, чтобы стать промысломъ,—рѣшить трудно, но во всякомъ случаѣ не потому, что бы не было въ рѣкѣ Кубенѣ рыбы, напротивъ ея очень довольно, при устьи рѣки цѣлая мѣстность занимается этимъ дѣломъ, какъ промысломъ. Вѣроятнѣе всего объясняется это тѣмъ, что по отдаленности города некуда сбывать ее...

к) Заводская промышленность. Заводская промышленность въ данной мѣстности гораздо болѣе развита, нежели въ другихъ частяхъ уѣзда, за исключеніемъ с. Устья. Заводы имѣются здѣсь слѣдующіе: дегтярные, смолокурные, кожевенные, сыроваренные и одинъ стеклянный. О дегтярныхъ и смолокурныхъ мы уже говорили, а потому начнемъ съ кожевенныхъ. Кожевенные заводы имѣются здѣсь почти въ каждой волости, даже по нѣсколько, и носятъ характеръ кустарныхъ промысловъ, такъ какъ все дѣло по выдѣлкѣ кожи исполняется одной своею кожевникомъ.

Устройство завода тоже несложное, какъ и дегтярныхъ заводовъ: устраивается тоже плохонкій сарайчикъ, ставится печка, 2—3 чана и нѣкоторыя орудія для выдѣлки кожи—вотъ и все. Выдѣлывается на такихъ заводахъ кожа за одинъ разъ около 100 шт., а въ годъ 200 шт., такъ какъ въ теченіи года бываютъ два «передѣла». Кожи обыкновенно берутся заводчиками «на выдѣлку», т. е. приносить крестьянинъ къ заводчику одну или двѣ кожи и просить его выдѣлать ихъ; тотъ конечно съ удовольствіемъ соглашается (для получения кожи на выдѣлку даже нарочноѣздятъ передъ передѣломъ по деревнямъ), принимаетъ кожи и дѣлаетъ значки изъ дерева, называемые «жеребьями», половину которыхъ отдаетъ заказчику, другую привѣшиваетъ къ кожѣ. По выходѣ кожи изъ передѣла готовыми къ употребленію, такой заводчикъ по жеребьямъ выдаетъ ихъ заказчикамъ, получая при этомъ отъ 80 к. до 1 руб. за каждую выдѣланную имъ кожу.

Наиболѣе состоятельные изъ кожевниковъ приобрѣтаютъ отъ 50 до 100 шт. кожи въ собственность и, по выдѣлкѣ ихъ, продаютъ на мѣстныхъ торжкахъ и ярмаркахъ, а также и въ Евдокіевской ярмаркѣ (1 марта), въ Архангельской губерніи, чтѣ кажется при селѣ Преображенскомъ. Продажа бываетъ на наличныя деньги и на мѣну (въ большинствѣ случаевъ на мѣну) выдѣланныхъ кожъ на сырья. Заработокъ такого крестьянина—кожевника бываетъ отъ 100 до 150 руб. въ годъ, а тѣхъ же, которые выдѣлываютъ исключительно одни заказы, на половину менѣе.

Сыроваренныхъ заводовъ въ мѣстности—3, и всѣ они принадлежатъ ученику извѣстнаго г. Верещагина И. М. Розыщному. Сыра выдѣлывается на всѣхъ этихъ заводахъ до 2 тыс. пудовъ ежегодно. Сыры дѣлаются подъ названіемъ: «честеръ» и «голландскій», и сбываются въ Москву, въ извѣстный торговый домъ братьевъ Бландовыхъ. Молоко же покупается у мѣстныхъ

крестьянъ и цѣною по 30—33 коп. за пудъ, но и по такой цѣнѣ крестьяне считаются гораздо выгоднѣе для себя продавать молокомъ, нежели масломъ, такъ какъ изъ опыта убѣдились, что изъ пуда молока выходитъ не болѣе 1 фунта масла, цѣна которому всего 15—20 копѣекъ; тогда какъ продавши молокомъ, они получаютъ, какъ сказано, 30—33 копѣекъ! Понятно, каждый здравомыслящій крестьянинъ постарается продать произведеніе своихъ коровъ молокомъ, а не масломъ.

Стеклянный заводъ находится въ Митюковской волости и существуетъ онъ уже болѣе 30-ти лѣтъ. Сначала былъ построенъ и открыты онъ известнымъ московскимъ купцомъ А. И. Поповымъ и затѣмъ часто переходилъ изъ рукъ въ руки разныемъ лицамъ, но всѣ владѣльцы этого завода или разорялись или, по бездоходности, продавали его другимъ, которые тоже въ свою очередь разорялись. Въ послѣднее время этотъ заводъ уже лѣтъ 5 стоялъ совершенно въ бездѣствіи и строенія начали рушиться. Наконецъ достался онъ крестьянину с. Устья И. Н. Никуличеву (нынѣшнему владѣльцу), человѣку очень энергическому и богатому, который сразу поставилъ это дѣло на ноги, и заводъ пошелъ блестательно: стекла не могутъ паработаться, до того сильно требование на него. Заводъ имѣетъ два громадныхъ зданія (гута и разводная), припасные, гончарные и т. п. зданія. Кромѣ того находится 12 домовъ для рабочихъ, въ которыхъ обыкновенно живутъ по двѣ семьи мастеровыхъ, контора, домъ управляющаго, такъ-что въ общемъ заводъ выглядываетъ хорошимъ сельцомъ. Ежегодно вырабатывается на немъ стекла до 2-хъ тыс. ящиковъ, исключая посуды.

Мастеровъ 10 человѣкъ, получающихъ отъ 35 до 50 руб. въ мѣсяцъ жалованья при готовой квартирѣ. Баночниковъ¹⁾—тоже 10, получающихъ жалованья 15 руб. въ мѣсяцъ. Разводчиковъ 6 чel., подкладчиковъ 1 и составщиковъ 1, получающихъ 30—40 руб. въ мѣсяцъ.

Всѣ эти люди, впрочемъ, пришлые, большую частію безземельные крестьяне Новгородской и Тверской губерніи, исконы занимающіеся этимъ ремесломъ. Баночниками же бываются большую частію ихъ дѣти, которые въ послѣдствіи то же поступаютъ въ мастера. Есть семейства, имѣющія 2-хъ мастеровъ и одного баночника и слѣдовательно имѣющихъ возможность зарабатывать до 100 руб. въ мѣсяцъ.

Этотъ заводъ оказываетъ благодѣяніе не однимъ только «фабричнымъ», какъ называютъ ихъ народъ, но и мѣстнымъ жителямъ. Мѣстные жители нарубаютъ ежегодно для завода 1½ тыс. куб. сажень дровъ, подвозить ихъ къ заводу, чтѣ даѣтъ изрядный заработокъ; кромѣ того перевозятъ въ с. Устье и въ Вологду, а равно и обратно разнаго товару, въ томъ числѣ и стекла,

¹⁾ Баночникъ—подмастеръ.

до 50 тыс. пудовъ, подвозять стекло съ завода на пристань близъ дер. Хмѣлевской (Бережокъ—тожь), тоже до 30 тыс. пудовъ, продаютъ песку до 20 тыс. пуд., выпиливаютъ до 20 тыс. досокъ тесу для устройства ящиковъ подъ стекло, выдѣлываютъ кирпичъ и т. п. Все это вмѣстѣ взятое, даетъ такой заработокъ крестьянамъ, что вся Митюковская волость живеть почти исключительно заводомъ, да множество крестьянъ работаетъ тутъ извнѣ, изъ другихъ волостей, даже и другаго уѣзда.

3) Отхожіе промыслы. Отхожіе промыслы въ данной мѣстности не играютъ особоважной роли въ дѣлѣ приобрѣтенія средствъ къ существованію, сравнительно съ другими мѣстностями Россіи, но все-же они существуютъ. Главный изъ нихъ является по обыкновенію опять лѣсной заработокъ—это нутка и разборка ихъ въ запані, при устьи Кубены, бревенъ лѣсоторговцевъ— заводчиковъ. Подражаются на эту работу съ самой весны, мѣсяца на 2—3, получая отъ 10 до 15 руб. въ мѣсяцъ на хозяйственныхъ харчахъ. Затѣмъ слѣдуетъ промыселъ — плотничество, практикуемый въ Кумзерской и Азлецкой волостяхъ. Здѣсь почти $\frac{2}{3}$ всего взрослаго населенія идутъ на заработки. Обыкновенно идутъ по подрядамъ кого либо изъ своей среды, наиболѣе зажиточного крестьянина. Подрядчикъ набираетъ 20—30 человѣкъ артель плотниковъ и отправляется съ ними въ Петербургъ, Ладогу и др. города, предварительно условившись съ ними въ цѣнѣ, выдавши задатки и заключивъ условія. Цѣна бываетъ смотря по искусству и трудолюбію подражающагося, примерно отъ 60 до 20 руб., за время съ 25-го марта по 1-е ноября, на харчахъ хозяйственныхъ. Инструменты же, какъ-то: топоръ, пила, стамеска, долото и т. п. должны быть у каждого рабочаго свои, за исключеніемъ чего либо изъ упомянутыхъ вещей, подрядчикъ, въ силу договора, имѣть право купить ихъ за счетъ рабочаго. Прогулльные дни рабочаго высчитываются въ двойной суммѣ противъ условленной платы, но за болѣзни, — рабочій не получаетъ только своего жалованія за время болѣзни. Есть въ этихъ волостяхъ и такие плотники, которые ходятъ на заработки компаніями, артельно; въ этомъ случаѣ деньги, заработанные ими, дѣлятся по-ровну. Изъ своей среды такая артель выбираетъ «старшаго» (подрядчика), который и подражается по своему уму-разуму сдѣлать у кого либо то или иное дѣло за условленную плату, и дешево или дорого радиѣ такой старшій,—остальные должны безпрекословно выполнять подрядъ. Деньги же, по окончаніи подряда, дѣлятся по-ровну, какъ уже нами сказано выше; старшему кромѣ почета, власти братъ подряды и заключать отъ имени артели договоры, да еще развѣ угощенія отъ своихъ компаніоновъ за удачный подрядъ,—ничего «сверхшонка» не полагается.

A. Шустиковъ.

(Оконч. с. 91).

ОТДѢЛЪ II.

Остяцкая былина про богатырей города Эмдера.

(Записана и переведена въ Шумиловскихъ юртахъ М. Кондинской волости Тоб. окр. и губ.)

На незамерзающихъ берегахъ пнейшаго Эмдера, въ богатырскомъ городѣ¹⁾, мы проживали.

Какой мужъ съ крѣпкими колѣнами въ ногахъ родился у меня на краю того города?

Хү-сасылтәи тав-дан чен јутай ўрт²⁾, мой братъ, (здесь) родился.

Имя носящій богатырь, какъ онъ добыть себѣ славное имя?

Когда на полномъ собраніи князей, вслѣдствіе ихъ хвастовства, возникъ великий споръ, (что,)

Если бы какого-нибудь мужа сынъ, хотя бы и полный мужчина, и положили на свои два колѣна (конское бедро),

То гдѣ бы ему удалось разломать его быстро на 7 частей?

Хү-сасылтәи тав-дан чен јутай ўрт, мой братъ,

Свирипымъ рукъ [и ногъ] суставами онъ его схватиль,

Въ середину хорошаго обхвата своихъ обѣихъ рукъ онъ его взяль

И быстро раздробилъ на семь кусковъ.

Подобно дятламъ и щелкуньямъ они разлетѣлись на (цѣлый) день въ четыре угла дома.

Черезъ это мой братъ, имя носящій богатырь, пріобрѣлъ свое славное имя.

Послѣ него, какой мужъ съ крѣпкими колѣнами ногъ родился у меня на другомъ концѣ города?

Онѣт сot негеп тѣт атта ўрт³⁾, мой братъ, (здесь) родился:

Послѣ него, кто у меня родился?

Н'ilek туi ковдай тѣт атта ўрт⁴⁾, мой братъ, (здесь) родился.

Послѣ него, кто у меня родился?

Пус-тейенареп тоих⁵⁾, мой братъ, здесь родился.

Послѣ него разносится мое имя:

Хобрум курпе ніт-сot ўрт кудіва піріjіdem, сёвет патем севей Яаг⁶⁾.

1) Слѣды городка Эмдера находятся на берегу рѣчки Эмдеръ, въ юго-западн. части Березовск. округа.

2) Переводъ прозвища: «Долго сушеное конское бедро раздробившій богатырь».

3) Переводъ: «Кольчугу съ сотней торчапыхъ рожковъ носящій богатырь».

4) Пер.: «Звенящую кольчугу изъ блестящихъ колецъ носящій богатырь».

5) Пер.: «Богатырь съ остроконечнымъ мечемъ».

6) Пер.: «Изъ среды 80 богатырей съ оленями погами избранный, съ опущенными плюсами, косатый Яагъ».

Едва свѣтаетъ утро ¹⁾), какъ встаютъ незамужнія дѣвицы; такъ (рано) и я встаю ²⁾.

Когда ночь, расположавшая къ бесѣдамъ и разговорамъ, затихла свѣть,
Подъ вліяніемъ быстрой потребности крѣпкаго желудка я вышелъ на улицу.
Къ сѣверной сторонѣ, къ славному краю, я прислушался.

Съ сѣверной стороны звенищій голосъ я слышу.

Это приближается филинъ съ человѣческимъ лицомъ ³⁾, я знаю.

Посреди города стоитъ обломанная вѣтромъ кожурисгая лиственница съ то-
стымъ стволомъ.

На ея славной вершинѣ едва уцѣльть сукъ толщиной въ ручку скобеля.

Сѣть на эту вѣгву, онъ повернулся къ сѣверу и, какъ будто бы онъ собирался
сѣсть человѣка, такъ онъ здесь раздулъ свое горло.

Обратившись ко мнѣ, онъ такъ сталъ говорить:

«Сѣвет патнѣм сѣвой Яг!

До какихъ порь ты будешь такъ (рано) вставать, какъ встаютъ незамужнія
дѣвицы?».

— «Красавица ⁴⁾, дѣвица, которую бы я выбралъ, еще не родилась!».

Но филинъ сказалъ: «про красавицу по твоему выбору я своимъ долгомъ ухомъ
хорошую вѣсть слышалъ».

Я сказалъ: «Гдѣ же ты слышалъ про красавицу по моему выбору?».

Онъ отвѣчалъ: «Потекли впередъ богатырскія воды и иеннаго Эидер'a съ незамѣрзающими берегами ⁵⁾.

«Въ усѣянной мелкой галькой чистой Оби обширныя воды ⁶⁾
онѣ пали.

«Усѣянной мелкой галькой чистой Оби обширныя воды впередъ потекли.

«Въ священные воды потока, раздвоенного на подобіе раз-
бѣгающихся песцовъ ⁷⁾, онѣ пали.

«Раздвоенного потока священные воды впередъ потекли.

«Въ красноводныя богатырскія воды мужа Кѣвер-хуш'a ⁸⁾ онѣ
пали.

«Красноводныя богатырскія воды мужа Кѣвер-хуш'a впередъ потекли.

«Въ священный соръ, на который опускается божественный
туманъ, ⁹⁾ онѣ пали.

«Священный соръ, на который опускается божественный туманъ, простирается
къ югу, къ славной сторонѣ.

«Кары поспат'у, богатырскому городу ¹⁰⁾, здѣсь принадлежитъ гос-
подство.

«Старый князь Худей сѣт от тетідеи лулей-мох, тохтей-мох
ки и ей ўрт-іга ¹¹⁾ строгаетъ (здѣсь) черенъ стрѣлы.

¹⁾ Здѣсь пропущено неясно выраженіе: и'от порай ѡбгот хар. Изъ этихъ 4 словъ мнѣ непонятно лишь слово порай.

²⁾ Эта фраза должна показывать, что упомянутый богатырь и авторъ былины были
холосты.

³⁾ Видъ филина видѣлся принцессѣ остицкой книжнѣ изъ города Карыпоспат'a.

⁴⁾ Эпитетъ красавицы ѹдот ўх сіводым на і но вполнѣ понятенъ, почему
и выпущенъ.

⁵⁾ Каждая значительная река имѣть свой постоянный эпитетъ. Приведенный здѣсь
эпитетъ р. Эидера будстъ: Поб'от поттai пожай Эидер урдат јинк.

⁶⁾ Эпитетъ Оби: Саг-кесу підом тері Ас хумыт јинк.

⁷⁾ Эпитетъ Цртыша Каи'ван'ем сагыттаі хопын сап-хойомый јинк.

⁸⁾ Эпитетъ Конды: Вырден јинкпо Кѣвер-хуш-хой ўрдай јинк.

⁹⁾ Эпитетъ: Тоихъ чїв підом ѡемый тбр. Слово: тбр, но русски «соръ», означающее сѣверъ Тобольской губ. плоскіе освра, а также низменныя мыса по берегамъ рекъ, которые востной затопляются, а Ѵтотъ служатъ лугами. Здѣсь подъ словомъ «тбр» подразумѣвается Б. Кондинский соръ (Ж. С. 1891, вып. IV, стр. 91, прим. 4).

¹⁰⁾ Кары поспат ўрдат вош.

¹¹⁾ Переводъ см. Ж. С. 1891 III вып. на стр. 95.

«Въ пѣсенномъ домѣ сѣмь сыновей тутъ укачивали.

«Главы дома—старшіе три сына, имя имъ дано:

«Жінка вѣгетта і жінк-хут' тахпей ўрга¹⁾ три сына.

«Среднему сыну имя дано:

«Дені јѣготтai іт моje сїметтубаі хѣг'еñ нарпуйдеп тоих.²⁾.

«Послѣ сїми сыновей въ берестиной зыбкѣ съ красивой спинкой, кого пинали³⁾,

«Златоглавую бровастую красавицу полуденной страны⁴⁾,
се (здѣсь) пинали.

«Здѣсь я своимъ долгимъ ухомъ слышалъ про красавицу по твоему выбору хороший слухъ.

«Отправляйтесь (туда), если у васъ есть намѣреніе.

«На военную ногу, на сватовскую ногу снаряжайся!»

Старый филинъ повернулся къ полудню, къ славной сторонѣ,

Взмахнулъ три раза своими дорогими крыльями, только его и видѣли.

Когда стала свѣтать слѣдующій день,

На военную ногу, на сватовскую ногу мы снарядились.

Мы все Ѳхали, Ѳхали. Когда мы достигли священнаго сора, на который опускается божественный туманъ,

— Подъ помостками, пощерекъ сора, былъ протянутъ золотой шнуръ⁵⁾ толщиной
въ мясистый палецъ—

Мой братъ быстро разсѣкъ золотой шнуръ на семь частей.

Туть Хѣ сасылте и тав-да-нчай јуттай фрт паль въ сани

И пестрое одѣяло, узорчатый коврикъ, набросилъ на себя.

Какъ мы только добрались до воротъ города,

Іден јѣготтai⁶⁾ спустился изъ за (вала) города.

Хотя онъ и взмахнулъ мечемъ на оленей,

Олени рванулись впередъ,

И только привязанные къ животнымъ занавѣсли ремни онъ разсѣкъ.

Назадъ онъ обернулся.

Хѣ сасылте, мой братъ, (туть) вскочилъ,

Схватилъ мечъ, взмахнулъ,

Подобно двумъ чашамъ съ пѣняющимся отверстiemъ онъ распался на двѣ части.

Послѣ этого насть впустили въ городъ.

Мой братъ выставилъ трехъ пословъ съ посохами въ рукѣ.

Когда пришелъ первый посолъ,

Тесть, (сидя) за занавѣсомъ, не открылъ своего полаго рта съ 20 зубами.

Хоть и пришелъ второй посолъ,

Тесть, (сидя) за занавѣсомъ, не открылъ своего полаго рта съ 20 зубами.

Когда прибылъ третій посолъ,

Онъ спросилъ цѣну 100 рабовъ, 100 рабынь,

Онъ спросилъ цѣну 100 кольчугъ и 100 мечей,

Онъ спросилъ цѣну 100 скіпъ и 100 котловъ.

Въ видѣ платы за 100 рабовъ и 100 рабынь,

Хорошій камъ, состоящий изъ массы товара, ему выложили.

¹⁾ Перев.: «Въ воду входящіе и рыбу крючащиі богатыри».

²⁾ Въ этомъ эпитетѣ слова іт мојес сїметтубаі но понятны; ідсн јѣготтai значить «поздно приходящій»; хѣг'еñ нарпуйдеп тоих означаетъ: «богатырь съ мочемъ на боку».

³⁾ Слово «пинать» означаетъ въ Сибири качать люльку ногой.

⁴⁾ Эпитетъ красавицы: Морда-мыг-хой сорнї сѣи хут'мст (или хут'май) наї. Слово хой въ выраженіи Морда-мыг-хой и въ иѣкоторыхъ др. мы пропустили въ переводѣ, потому что оно затемняетъ смыслъ.

⁵⁾ О подобныхъ же сигнальныхъ «струнахъ» упоминается и въ русскихъ сказкахъ.

⁶⁾ Здѣсь и ниже мы приводимъ ради краткости лишь начало прозвища.

Въ видѣ платы за 100 кольчугъ и 100 мечей,
Хорошій калымъ изъ большой суммы денегъ ему выложили.

Въ видѣ платы за 100 сѣкиръ и 100 котловъ,
Хорошій калымъ изъ массы товара ему выложили.

Свѣтъ стала ликоватъ радостнымъ гордомъ.
Послѣ этого жениха отвели къ невѣстѣ¹⁾.

Трехъ мужей Іинка вѣгетта і дома не было.

Въ полуденной странѣ, ко славныхъ водамъ, они отправились.

Когда они вернулись съ южной стороны, со славныхъ водъ,
Они привезли съ собою славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны.

Трехъ златоглазыхъ, бровастыхъ красавицъ полуденной страны они привезли.

(Мои) три брата стали на этихъ трехъ дѣвицъ зариться.

— (Когда) женщина плохо шила, исплотный шовъ изъ пряжи распарывается.

(Такъ) возгорѣлась²⁾ у насть двойственная Тарнъ съ однинъ липомъ³⁾.

Когда мы такъ воевали,
Моего брата Пус-тепе нареп тонхъ

Одинъ мужъ сразилъ,
И, подобно крышкѣ лукошка или кузова,

На томъ же мѣстѣ его совершенно растоптили.

Напрасно онъ, мужъ съ силой въ славныхъ суставахъ рукъ, (только) родился!

Послѣ этого мы четверо богатырей, четверо братьевъ, въ своеемъ бѣгствѣ заняли

золотливую дорогу.

Когда мы добрались до высокаго мыса Сакарской горы⁴⁾

И моего брата Хус-сасылте⁵⁾

Два оленя, подобно тому, какъ карабкаются лѣтнія бѣлки, взирались вверхъ,
(Богатыри), догнавъ (насть) на славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны,
Окровавленного мужа двѣ половины тутъ положили.

Когда мы достигли высокаго мыса Сарайской горы

И бѣт сѣтъ, моего брата,

Два оленя, подобно тому, какъ карабкаются лѣтнія бѣлки, взирались вверхъ,
(Они), подоспѣвъ на славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны,
Окровавленного мужа двѣ части тамъ положили.

Когда мы добрались до высокаго мыса горы Тунка,

И моего брата Нілек туїа

Два оленя взирались вверхъ, подобно тому, какъ карабкаются лѣтнія бѣлки,
Они, подоспѣвъ на славныхъ крылоногихъ животныхъ полуденной страны,
Окровавленного мужа двѣ половины тамъ положили.

Чтобы мой городъ не остался безъ отцовскаго имени, безъ главы, меня оставили.
Я все продолжалъ путь. Два мужа попадаются мнѣ на встрѣчу.

Они меня спрашивали: «Куда ты увелъ нашихъ отцевъ?»

Я сказалъ: «(чтобы видѣть) глаза вашихъ отцевъ, смотрите въ мон».

Старший мужъ схватилъ мечъ, хотѣлъ меня ударить,

Младший мужъ сталъ ловить его мечъ.

Въ то время, какъ они оспаривали его другъ у друга,

Ручка меча упала мнѣ на голову

¹⁾ По мнѣнию рассказчика, послѣ свадьбы слѣдуетъ перерывъ въ нѣсколько лѣтъ.

²⁾ Букв.: «начала вестись».

³⁾ Описательное название слова «война». См. «Жив. Стар.» 1891, кн. III, стр. 93.

⁴⁾ Подъ словомъ «гора» здесь подразумѣвается правый, нагорный, берегъ Иртыша и Оби. Самарский мысъ находится по правому берегу Иртыша, 25 вер. отъ его устья, около с. Самарова.

И свѣтъ мой померкъ¹⁾.

По узкой тропинкѣ, усыпанной листочками и былинками, я пошелъ,
На 300 ступенную лѣстницу я стала снизу взбираться.

Я все взбирался и взбирался.

Когда до неба осталось всего три ступени,

Идугъ мнѣ на встрѣчу три бѣлки съ красными бедрами²⁾:

«Старшій братъ, куда ты идешь?» — «Я къ вамъ иду!» —

«Мы вотъ что скажемъ: мы пищу єдимъ съ человѣческой кровью,

«Воду пьемъ мы съ человѣческой кровью.

«Вернись назадъ!»

Я вернулся, спустился внизъ, достигъ земли

И обратно пошелъ по узкой тропинкѣ, усыпанной листочками и былинками,
Сѣль на свои сани и пробудился.

Мои племянники стоять по обѣ стороны саней,

Плачутъ обо мнѣ. Они говорятъ:

«Когда древесные листья достигнутъ величины сусликова уха,

«Тогда нась жди. Если мы не придемъ,

«То, когда листья деревьевъ пріобрѣтутъ темный цвѣтъ гиппой рыбы,

«Жди нась тогда. Если мы не придемъ,

«То, когда отмирающіе древесные листья падутъ на кожистую землю³⁾,

«Тогда жди души отъ нась мужей, обладающихъ руками и ногами⁴⁾.

Мы простились и направились въ разныя стороны⁵⁾.

Хотя оба мужа и добрались до богатырского города Кары поспать-воща. (Онъ былъ пустъ). Дорогу вдоль Конды, по которой бѣжали Худем съ бѣгомъ отъ тетідемъ, они выслѣживали подобно собакамъ, пріученнымъ къ соболиной охотѣ. Въпередъ яими городъ Харда, высотою въ 7 лиственницъ; туда тѣ бѣжали. Въ этомъ городѣ, въ мѣдной крѣпости, оставлено лишь одно отверстіе, достаточное, чтобы пролѣтѣть воину въ кольчугѣ. Въ мѣдной крыщѣ было оставлено окно для свѣта. Въ этотъ Харда-городъ взошелъ народъ и Жѣвръ-богатырь заперъ городъ. Всѣдѣствіе недостатка въ пищѣ голодъ одолѣлъ населеніе двухъ⁶⁾ городовъ. У этихъ же двухъ мужей рѣка Жѣвра кишѣла рыбой. Въ то время, какъ воронъ, заклонувъ рыбку, несъ ее черезъ городъ, его замѣтили внутри города. Народъ изъ двухъ городовъ вывалилъ наружу. Эти оба мужа лежали въ видѣ эмѣй по обѣимъ сторонамъ городскихъ воротъ. Когда они посмотрѣли на трехъ братьевъ Іинка вѣгеттai, на солнцѣ видно было сквозь, какъ (у нихъ) лежать желчь и кишкы. Жѣвра-богатыри, хотя они и осматривали и снизу и сверху, онъ какъ будто состоялъ изъ доброй лигой глыбы золота и серебра. Тѣ начали черпать краснoperаго язя. Много кучъ, величиною съ землянку, они начерпали. Богатырь Жѣвръ сказалъ: «Вы, три брата, дѣлите!» Три брата сказали въ отвѣтъ: «мы не станемъ возиться со склизкою, хорошо икряною рыбой». Послѣ этого богатырь Жѣвръ началъ дѣлить. Онъ дѣлилъ, дѣлилъ и своимъ людямъ бросалъ промежъ ногъ краснoperаго язя. Богатырю Жѣвру стало жарко, онъ снялъ кольчугу и передалъ ее пяти мужамъ: «Не оставляйте моей кольчуги далѣе чѣмъ на разстояніи двухъ-трехъ человѣкъ». Этимъ мужамъ смотрѣть: кольчуга осталась далѣе, чѣмъ на разстояніи трехъ мужей. Тогда

1) Т. е. онъ впалъ въ беззапамятство, во время которого ему показалось, что онъ совершаѣтъ путь на небо. Придя въ себя, онъ привинаетъ видѣнійный вимъ сонъ за дѣятельность и передаетъ ого въ своею разсказѣ объ этомъ путешествіи.

2) Бѣлки — души его убитыхъ братьевъ.

3) Довольно точною обозначеніе времени весны, лѣта и осени, когда они намѣреваются воротиться, отомстивъ за смерть отцевъ.

4) По вѣрованіямъ прежнихъ Остяковъ, души умершихъ иногда навѣщали своимъ родныхъ.

5) Отсюда былина многими излагается прозою; другими, напротивъ, она поется до словъ «Двое мужей...»

6) Кроме своего населенія въ этомъ городѣ укрылись жители Кары поспать-воща.

старший мужъ спустилъ стрѣлу. Какъ раздался шумъ тетивы лука, богатырь Іёвъръ присѣлъ. Хотя второй мужъ и выстрѣлилъ, Іёвъръ-богатырь прыгнулъ вверхъ. Воть къ богатырю Іёвру принесли его кольчугу. Какъ онъ ее одѣвалъ, старший мужъ выстрѣлилъ: кольчуга совсѣмъ закрыла его уши, онъ не слышитъ шума тетивы. Тутъ въ него (стрѣла) и попала. Когда въ него попало, онъ сдернулъ кольчугу вверхъ и бросилъ ее тѣмъ двумъ мужамъ и сказалъ тремъ братьямъ: «Изъ за вашего обжорливаго брюха меня убили».

Двое мужей начали съ тремя братьями вести одноликую двойственную Тарнъ (т. е. войну). Они воевали, воевали. Воть у трехъ братьевъ кольчуги сдѣлались негодными. Когда кольчуги сдѣлались негодными, израсходывались стрѣлы. Тогда они стали поражать другъ друга еловыми и лиственничными дубниками. Они дрались и дрались. Старшій Эндерскій мужъ, схватившись со старшимъ изъ трехъ братьевъ, началъ бороться. Они упали поперекъ рѣки Катыма¹⁾. Эндерскій мужъ упалъ съ верхней стороны рѣки, тотъ мужъ—съ нижней. Они, обнявшись, лежатъ. Тотъ спрашиваетъ Эндерскаго мужа: «Ты вотъ лежишь, каково тебѣ лежать?» Онъ отвѣчаетъ: «Въ то время, какъ меня прижимаетъ быстрѣть спльного теченія, у меня отнимается добрая спинная сила». Тотъ мужъ встрепенулъся (и принялъ) образъ ерша, Эндерскій мужъ встрепенулъся, (принявъ) видъ щуки, гонится за ершомъ. Какъ онъ его хочетъ клюнуть, ершъ поворачиваетъ къ нему хвостъ и взъерошивается. Они выходятъ на сушу. Три брата просятъ у Бога желѣзную, металлическую, плоть. Старшіе два братабросили желѣзной, металлической, плотью. Когда же у младшаго брата желѣзная, металлическая, плоть дошла до середины (тѣла), Эндерскій мужъ ударилъ его мечемъ, и онъ засѣлъ, какъ бы спущенная на землю кочка. Тогда тѣ мужи, послѣ того какъ убили ихъ брата, вознеслись къ Золотому Свѣту, своему отцу²⁾, и оба Эндерскихъ мужа были поражены спущенными на нихъ въ видѣ грома каменными стрѣлами.

С. Паткановъ.

¹⁾ Р. Катымъ—притокъ Конды съ правой стороны.

²⁾ Нынѣ они оба чествуются Остяками, какъ святые. Ихъ называютъ Іега тайгойс («Ж. С.» 1891 IV вып. стр. 108).

Мордовская свадьба.

I.

Сватовство.

(ладямо - замирение).

Остановившись выборомъ на извѣстной дѣвушкѣ, родители жениха въ однѣ изъ легкихъ дней (воскресенье, вторникъ, четвергъ) приглашаютъ къ себѣ родственниковъ и объявляютъ пмъ о своемъ выборѣ невѣсты своему сыну; спрашиваютъ родныхъ—не знаетъ ли кто изъ нихъ какихъ либо недостатковъ и пороковъ за этой дѣвушкой. Тщательно обсудятъ всѣ обстоятельства выбора и, по одобрениіи его всѣми родственниками, начинаютъ молиться—просить помощи въ задуманномъ дѣлѣ у Бога небеснаго (верешки Пазъ), у бога домашняго (кудонь кирди сіянка хранитель дома серебряный) и усопшихъ предковъ (покштять—бабать). Во время моленія предъ иконами зажигается свѣча, на столь, накрытый бѣлой скатертью, ставится каравай хлѣба и солонка съ солью. Во время моленія наблюдается, чтобы дверь, окна, труба и даже печь непремѣнно были закрыты, иначе нечистая сила можетъ проникнуть въ избу и помѣшать начатому дѣлу. По окончаніи моленія, хлѣбъ и соль кладутъ въ кошель и потомъ берутъ ихъ съ собой въ домъ невѣсты; въ случаѣ удачныхъ переговоровъ и рукобитья, эти хлѣбъ и соль мѣняются на такие же хлѣбъ-соль изъ дома невѣсты. Сыдаются они на слѣдующій день послѣ пропоя: собираются снова всѣ родственники жениховыхъ—въ домѣ жениха, невѣстинъ—въ домѣ невѣсты; помолятся всѣ вмѣстѣ о присоединеніи новыхъ родственниковъ, и молитвенный хлѣбъ дѣлится по кусочку между всѣми родственниками и сыдается. Послѣ этого, отступленіе съ которой либо стороны считается невозможнымъ.

Для предварительныхъ переговоровъ съ родными невѣсты посылается сначала одинъ болѣе ловкій и почтенный изъ родственниковъ жениха (икельтсѧ—якітсѧ впередъ ходящій). Временемъ для такихъ переговоровъ выбирается поздній вечеръ, когда всѣ люди успокоются, чтобы меньше людей могли видѣть его и чтобы никто не могъ перейти ему дорогу и не разстрѣлъ такимъ образомъ задуманное дѣло. Мордва вообще большое значеніе придаетъ первому встрѣчному и поперечному, по нимъ онъ расчитываетъ на успѣхъ и неуспѣхъ своему предпріятію. Хорошімъ признакомъ считается встрѣча съ какою нибудь ношкою (пекіш кедь=полная рука) и дурнымъ—встрѣча безъ всякой лишь (чаво кедь=пустая рука). Особенно тяжела и непріятна встрѣча, когда встрѣтившійся спросить: куда идешь, тогда хоть ворочайся назадъ,—все равно успѣха не будетъ. Многіе болѣе суевѣрные, чтобы посланный имѣль успѣхъ, при выходѣ его изъ дома бросаютъ въ слѣдъ ему старый, поношенный лапоть со словами: «какъ мягокъ и слабъ этотъ лапоть, пусть будутъ также мягки и слабы умы и сердце родителей избранной нами дѣвушки, выдали бы намъ свою dochь».

Въ домѣ дѣвицы посланный непремѣнно садится подъ матицу (местопребываніе домашняго бога) и первую свою молитву обращаетъ къ нему, затѣмъ начинаетъ разговоръ сначала о постороннемъ предметѣ, а потомъ постепенно переходитъ въ цѣли своего посыщенія. Родители невѣсты, какъ бы рады ни были такому предложенію, сначала отказываются отъ всякихъ переговоровъ, такъ что предварительные переговоры иногда продолжаются цѣлыми недѣлями. Иные родители это дѣлаютъ изъ-за одного обычая, но многіе затягиваютъ сватовство съ цѣлью, чтобы какъ можно больше разглаголилось сватовство ихъ дочери и чтобы дать такимъ образомъ возможность и другимъ

посвататься. Узнавъ объ упрямствѣ ихъ, всякий отецъ, имѣющій сына-жениха, подумаетъ, не подходитъ ли та дѣвушка его сыну и, послѣ обсужденія этого дѣла съ родными, вскорѣ посылаетъ своего хожалаго попытать счастье. Дѣло еще болѣе затягивается. Хожальные ни днемъ, ни ночью не даютъ покоя родителямъ невѣсты, каждый старается пересилить своего противника. При этомъ хожальные прибѣгаютъ ко всевозможнымъ сувѣрнымъ способамъ: стараются похитить мочальную судомойку изъ дома невѣсты, и спрятавъ ее за пазуху (женщина) или въ карманъ (мужчина), стараются во время переговоровъ скрытно спутать ее, полагая, что этимъ можно запутать умъ родителей невѣсты и легче будетъ уговорить ихъ.

Послѣ продолжительныхъ переговоровъ и совѣщаній съ родными и съ дочерью, отецъ невѣсты соглашается наконецъ пригласить отца жениха для окончательныхъ переговоровъ о цѣнѣ и о подаркахъ. Отецъ жениха идеть къ невѣстѣ съ виномъ и колченными хлѣбомъ-солью, береть съ собою матерь жениха и нѣсколько родныхъ; если матери не будетъ, то ее замѣняетъ одна изъ близкихъ родственницъ. Цѣна, назначаемая за невѣсту, въ разныхъ мѣстахъ различна; она пропорциональна подаркамъ, которые невѣста должна сдѣлать родственникамъ жениха и одеждѣ, которую отецъ обѣщаетъ справить своей дочери. Въ Симбирской губерніи цѣна за невѣсту не превышаетъ 50 рублей; въ Уфимской и Нижегородской губерніяхъ она доходитъ до 200 руб. (Въ Нижегородской губерніи у Терюшевской Мордовы высоко цѣнится «вѣнецъ» — женскій головной уборъ, украшенный серебряными монетами). При сватовствѣ вовсе не упоминается о приданомъ изъ скота, которое каждый отецъ даетъ своей дочери безъ уговора, по мѣрѣ своего достатка, именно изъ каждой породы скота даетъ дочери по молодой маткѣ; если имѣть ичель, то изъ нихъ даетъ одну колоду.

По удачномъ окончаніи ряды (бывають случаи, что сваты не сходятся въ цѣнѣ и подаркахъ, и свадьба разстроивается), сваты надѣваютъ рукавицы и бѣть по рукамъ. Отецъ невѣсты собираетъ своихъ родныхъ, и начинаютъ молиться. Моленіе совершаются такъ же, какъ и въ домѣ жениха — просить счастья молодымъ. Молитвенныи хлѣбъ жениха оставляется на столѣ, а вѣсто него берется хлѣбъ и соль изъ дома невѣсты. Всѣ родные приходятъ на пропой съ караваемъ хлѣба; во время ухода изъ домой хозяинъ также даетъ имъ по караваю своего хлѣба. Хозяева и приглашенные ими родственники сидѣть какъ гости, ихъ угождаютъ сваты принесеннымъ виномъ. Во время этого угожденія невѣста съ подругами сидѣть въ чуланѣ, покрывъ голову фатой.

По достаточномъ угожденіи, отецъ жениха и всѣ пришедши съ нимъ помощники отправляются въ чуланѣ искать свою будущую сноху, осмотрѣть ее хорошенько и поставить на ней свою мѣтку. Но имъ всюду загораживаютъ дорогу: при входѣ въ чуланѣ, въ дверяхъ по обѣимъ сторонамъ стоять двѣ женщины — «урвала аватъ» — они останавливаютъ ихъ и требуютъ плату за пропускъ. Каждый изъ жениховой родни наливаетъ имъ по стакану вина и, опустивъ въ него какую нибудь монету, подаетъ женщинамъ. Женщины выпиваютъ вино, вынимаютъ монету и пропускаютъ сватовъ. Въ чуланѣ невѣсту загораживаютъ собою подруги ея. Отецъ жениха просить дѣвушекъ указать ему купленную имъ невѣсту. Дѣвушки даромъ не соглашаются сдѣлать это и уступаютъ просьбѣ лишь по обѣщаніи имъ награды. Свекровь и свекровь, если они первый разъ видѣть свою сноху, начинаютъ внимательно разматривать ее. Потомъ, похваливъ ее, ставятъ на ней мѣтку: отецъ наливаетъ стаканъ водки или веду, опускаетъ въ него серебряную монету въ рубль или полтинникъ, смотря по состоянию и подноситъ снохѣ. Она выпиваетъ глотокъ вина, а остальное даетъ доливать подругамъ, вынимаетъ монету и стаканъ возвращаетъ свекру. Затѣмъ свекровь такимъ же образомъ дарить всѣхъ подругъ невѣсты. Свекровь или замѣняющая ее родственница дарить невѣстѣ: платокъ, серьги, кольцо и браслетъ. Платокъ накидываетъ на голову, серьги вѣваетъ въ уши, кольцо — на палецъ; при этомъ свекровь поетъ передъ снохой:

Вана казанъ тенть патся
Ультъ моненъ тоиъ эйкашоксъ;
Шилезэть путанъ пилекстъ
Кулсонится ультая;
Сурозотъ тонганъ монъ сурксь
Кедъ челькевне ультая;
Кедеазтъ тонганъ кедксь—
Кедъ віевне ультая.

Тутъ же матъ передъ своей снохой
Охъ, урьвинемъ, зедньнемъ!
Тсёранъ кувалъ какаматъ.
Сайдянъ монъ тонть, зедньнемъ,
Чекшиэ куваться аштитсяксъ,
Валске толонъ пувитсяксъ,
Кудось пеньгень кандытьсяксъ,
Начко ведранъ кирдитсяксъ,
Ванькстъ кудонъ тентсяксъ,
Чевте тарканъ атытсяксъ,
Серей прялконы пүттисяксъ,
Равужо палянъ сантсяксъ,
Ашо палянъ максытсяксъ,
Калгодо мушконъ томбитсяксъ
Кувака кодстонъ кодытьсяксъ
Кучть кіява молитсяксъ,
Эрва козонъ кундытьсяксъ,
Якини пакинъ вастытьсяксъ,
Тусь ломаненъ пльтитсяксъ.

Вотъ дарю я тебѣ платокъ—
Будь ты инѣ дитя;
Въ уши твои надѣваю я серги—
Слушливая ты будь;
На палецъ твой надѣваю я кольцо—
Рукодѣльница ты будь;
На руку твою надѣваю браслетъ—
Будь сильна ты руками (работающая).

высказываетъ, зачѣмъ она береть ее:
О, сношенька, дитятко!
По сыну ты инѣ дитя.
Беру я тебя, дитятко,
Чтобы ты по вечерамъ долго сидѣла,
Утромъ (рано) огонь вздувала,
Въ избу дрова носила,
Ведро мокрымъ держала,
Избу чистомъ дѣлала,
Мягкую постель стлала,
Высокое изголовье клала,
Черную рубашку брала,
Чистую рубашку давала,
Жесткую конооплю мала,
Длинные холсты ткала.
Чтобы ты шла, куда посылаютъ тебя,
Чтобы ты все дѣлала.
Приходящаго человѣка встрѣчала,
Уходящаго—проводила.

Выйдя изъ чулана, свекровь предъ матерью невѣсты поетъ:

Ияхъ, пахъ, ияхъ }
Иѣ ваѣхъ ваѣхъ } припѣвъ.

Охъ, свахинька-матушка!
Чешкстазъ каданъ умарина,
Кружазъ каданъ умаръ чувто,
Сыть кучозенъ мельганзо,
Сырнесэ сынъ сывтасызъ,
Масторонъ желесь корѣнзо,
Сіясо сынъ сырғавтсызъ,
Менеленъ желесь тарадзо.
Илякъ сорновть тонъ, свахай,
Равужо човали модазо,
Илякъ синъде тонъ, свахай,
Мазыстѣ сѣти тарадзо,
Кода кадса шумбрасто,
Иста максыкъ вадрясто.

О, свахинька матушка!
Отиѣченную яблоню оставляю тебѣ,
Закруженную яблоню оставляю тебѣ.
Пріѣдуть посланные за ней,
Золотомъ они выкопаютъ
По всей землѣ (распространившися) корни ея.
Серебромъ они выроютъ
По всему небу вѣтви ея.
Ты не стряжни, свахинька,
Черно-бисерную землю ея,
Ты не сломай, свахинька,
Красиво-цѣѣтущую вѣтвь ея,
Какъ оставляю здорововою,
Такъ и отдаи хорошею.

Мотивъ этихъ стиховъ состоять изъ слѣдующихъ двухъ колѣнъ:
Медленно. № 1.

И яхъ и яхъ и я яхъ и ё ва ехъ ва я ехъ

Мотивъ этот называется «голосомъ свахи»—сваханъ вадгель. На этот мотивъ на свадьбѣ поетъ сваха и всѣ женщины изъ рода женихова. Какъ свадьба мордовская представляетъ борьбу двухъ враждебныхъ партій—рода жениха и невѣсты, такъ сообразно съ этимъ и все пѣніе на свадьбѣ раздѣляется на два мотива. Одинъ мотивъ громогласный и торжественный; имъ поетъ сваха, какъ предводительница партіи побѣдителей и весь родъ жениха. Это — сейчасъ приведенный мотивъ. На совершенно другой мотивъ причитаетъ невѣста и ея сторонницы—«урьнимъ вальгей»—голосъ причитаний или «тейтерькъ чинъ вальгей»—дѣвический голосъ. На этотъ мотивъ невѣста причитается до тѣхъ поръ, пока она не разстается со своимъ дѣвичествомъ, т. е. пока не отпустить дѣвичество въ Божій садъ (въ день отъѣзда изъ дома родителей). После же этого «урьвали-авать» (женщины) подаютъ невѣстѣ женскій голосъ—«уре вальгей». «Уре вальгей» отличается отъ «тейтерькъ чинъ вальгей» только губностью голоса и болѣе низкими нотами; на немъ невѣста причитается до конца свадьбы.

Мотивы эти, какъ и всѣ другие, какие встрѣчается, будуть приведены въ свою очередь.

Послѣ получения даровъ, всѣ девушки отправляются къ жениху на домъ прощать лошадей кататься по селу. Если сваты пріѣзжіе—въ тотъ день, гдѣ они остановились. Во время катанья теперь у извѣстной мнѣ Мордовы поются русскія пѣсни. По возвращенію съ катанья, всѣ девушки становятся въ рядъ передъ сватомъ и въ проклонѣ пѣнія благодарятъ его за лошадей:

Иагъ, иахъ паяхъ |
Не ваехъ ваяхъ | Пригѣвъ не переводится.

Пасиба, сватъ, пасиба.
Стройть-бурайть ракиазотъ,
Перелетнотъ нурдозотъ,
Тарганъ усыкеть ождиазотъ
Пасиба ломанъкъ ловмозотъ
Пасиба ломанъкъ таймезетъ.

Спасибо, сватъ, спасибо
За твоихъ сѣрыхъ-бурыхъ лошадей,
За твои перелетныя сани,
За твои вытянутыя какъ проволока, возжи,
Спасибо, за людей насть счель,
Спасибо, какъ людей насть почтиль.

Мотивъ этихъ стиховъ:

Проклонно. № 2.

И ахъ и яхъ п я яхъ и е ваяхъ в а я ехъ.

По окончаніи этого пѣнія, всѣ девушки кланиются въ ноги свату и уходятъ въ чуланъ къ невѣстѣ.

Невѣста приготовляетъ дары жениху и родственникамъ его: жениху французскій платокъ съ рисункомъ, въ одинъ уголъ этого платка завязываетъ серебряную монету (20 коп.—15 коп.), въ другой по диагонали кольцо серебряное или медное; свекру—штаны, свекрови—вышитую рубашку, крестной матери—вышитый кокошникъ; сестрамъ и братьямъ жениха—платки, прочимъ родственникамъ—портиканы и кольца. Сначала выносить изъ чулана дары родственникамъ; выносить ихъ женщины-родственницы невѣсты и держа дары въ рукахъ предъ сватами покутъ на мотивъ № 1.

Охъ, сватушка, батюшка,
Охъ, свахине, матушка,
Цы-дмы пенята
Седе покшике казининесь

Охъ, сватушка, батюшка,
Охъ, свахинка, матушка,
Ужъ не пеняйте-ка вы,
Что небольшие вамъ дары:

Иже дугамъ парыжъ (или сазоромъ)
Эзъ содакши аштеме
Тынекъ казнетъ аноектасъ
Чекши куватсь аштекшинесъ
Валске рана стяжношисъ
Эзъ чайекши ультсава
Эзъ якескишъ кужова

Моя голубушка-золовушка
Не знала и отдыха,
Все вамъ дары готовила, —
Вечеромъ долго сиживала,
Утромъ рано вставала,
Не бѣгала по улицамъ
Не ходила въ хороводы.

По окончаніи этого пѣнія, всѣмъ присутствующимъ сватамъ кладутъ назначенный ему дарь на правую руку, а дары остальнымъ родственникамъ отдаются свату для передачи своимъ родственникамъ. Всѣ получившіе дары отдариваются невѣсту деньгами. Деньги эти кладутся на приготовленную для этого тарелку. Кроме того свать отдариваетъ невѣсту и за тѣ дары, которые вручили ей для передачи другимъ родственникамъ.

Подарокъ жениху—платокъ—выносятъ изъ чулана дѣвушки, — подруги невѣсты. Онѣ, взявши этотъ платокъ за четыре угла, становятся передъ сватомъ и въ пѣніи на мотивъ № 2 просятъ свата выкупить его для своего сына:

Иахъ, ияхъ ияхъ }
Иё ваѣхъ ваяинъ } припѣвъ.

Идика, свать, идика,
Рамика, свать, рамика,
Каяка, свать, каяка
Ниле певанзо, свать
Нидень,nidень вай алтотъ
Кунчакозо веттесе.
Тесэ оянокъ тусозо
Тесэ ялганокъ чамазо
Гостинетсекъ кучсынекъ
Гостинетсекъ исекесынекъ
Радошнасто саессеэ
Вечкезъ—кельгезъ улезъ.

Выручай-ка, свать, выручай,
Покупай-ка, свать, покупай;
Положь-ка, свать, положь
По четыремъ его угламъ, свать,
По четыре алтына
А въ средину его—пятый.
Здѣсь черы нашей подруженьки,
Здѣсь лицо нашей голубушки,
Въ гостинецъ мы его посыаемъ,
Въ гостинецъ мы его отдаемъ.
Пусть съ радостью онъ его приметъ
Пусть онъ его полюбить.

Сватъ выкупаетъ этотъ платокъ, положивъ на него денегъ отъ 50 к. до 1 р. Деньги эти отдаются невѣстѣ.

Послѣ этого сваты доливаютъ принесенное вино, оставивъ лишь немного на дѣбоченка, чтобы не съ пустыми руками вернуться домой и отправляются домой. Всѣ женщины и дѣвушки, присутствовавшія на пропоѣ, съ пѣніемъ провожаютъ сватовъ до дома или до квартиры ихъ. Въ домѣ свата отдаютъ платокъ жениху, если онъ тутъ будетъ, доливаютъ остатки вина и расходятся по домамъ. Врученія платокъ жениху, женщины поютъ на мотивъ № 1.

Иже дугай, а Сёма!
Мазы дугай а Сёма!
Минъ тунекъ гостинецъ
Лится мазы патсязо;
Тесэ сэрзэ рунгозо
Тесэ туссо-поизо.
Туи а туи мелезэзъ,
Туи а туи превезэзъ.

Голубчикъ ты напѣ, Семент! (имя жениха)
Красавецъ ты напѣ, Семент!
Мы принесли тебѣ гостинецъ,
Красоту ея лица—платокъ ея,
Здѣсь ея ростъ и станъ,
Здѣсь ея лицо и цветъ;
Понравится или нѣтъ тебѣ?
Придется тебѣ по мысли или нѣтъ.

II.

Приготовлениј къ свадьбѣ.

Послѣ пропоя, невѣста начинаетъ готовиться къ свадьбѣ: приготавлять дары и учиться причитывать. Изъ этихъ приготовлений болѣе всего озабочиваетъ невѣсту приготовленіе даровъ, которыхъ требуется съ нею немало и которые должны быть всѣ своей работы. Такъ, чтобы сыграть посредственную мордовскую свадьбу, невѣстѣ необходимо имѣть: 3—5 вышитыхъ женскихъ рубахъ, столько же приблизительно мужскихъ рубахъ и значительное количество вышитыхъ кокошниковъ, полотенцевъ, плащочекъ съ вышитыми каемочками и т. п. Такое множество даровъ нельзя конечно приготавливать въ короткое время между пропоемъ и свадьбой—недѣли 2—3. Поэтому свадебные дары приготавливаются постепенно, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. Но у мордовской дѣвушки очень мало времени для работы лично на себя: зиму и лѣто она заравнѣ съ семьей работаетъ на семью, на хозяйство, только въ маѣ и юнѣ мѣсяцахъ, которые и называются по мордовски „аштима ковъ ланго“ т. е. мѣсяцы стоянія, т. е. мѣсяцы безработный, дѣвушка можетъ немного поработать на себя. Безъ достаточнаго же количества холста и даровъ, ни сама дѣвушка, ни ея родители не согласятся играть свадьбу—не срамить же себя передъ всѣмъ народомъ. Купить свадебные дары нельзя,—мордовскіе костюмы на базарахъ не продаются. Поэтому мордовская дѣвушка весьма заботится о приготовлениіи даровъ: весьма часто онѣ цѣлыми осенними ночами просиживаютъ и, при лунномъ свѣтѣ, вышиваютъ немудреные узоры на кокошникахъ и рубашкахъ; въ большиіе же праздники онѣ по цѣлымъ днямъ скрываютъ на сѣновалахъ или въ огородахъ и тамъ работаютъ. Послѣ пропоя, къ невѣстѣ собираются на помощь подруги ея—додѣлывать дары. Обычай этотъ такъ установился у Мордовы, что подруги невѣсты считаютъ это своимъ долгомъ, и за весь свой продолжительный трудъ въ это время онѣ ничего не требуютъ отъ невѣсты, а довольствуются тѣмъ, что она подарить имъ по окончаніи всѣхъ работъ, передъ своимъ отъездомъ въ домъ жениха. Невѣста же обыкновенно дарить каждую изъ своихъ подругъ голубой лентой аршина въ $1\frac{1}{3}$ длиною. Впрочемъ дѣвушки еще получаютъ отъ подругъ за величаніе ихъ пѣснями и за украшеніе ихъ шапокъ разноцвѣтными лоскутками.

Не менѣе также озабочиваютъ невѣсту и свадебныя причитанія; но они приобрѣтаются гораздо легче и скорѣе, чѣмъ дары, и пѣзъ-за нихъ свадьба не можетъ остановиться.

Свадебныя причитанія Мордовы сочинены вѣкамъ и непремѣнно устно передаются изъ одного поколѣнія въ другое. Къ нимъ мордовскія дѣвушки начинаютъ прислушиваться съ малолѣтства,—какъ только дѣвушкѣ исполнится лѣтъ 7—8, она уже начинаетъ исправно посвѣщать всѣ свадебные вечерки съ причитаніями и внимательно прислушивается къ нимъ, а потомъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, упражняется въ нихъ: остается ли дома одна, нянчить ли своего маленькаго брата—непремѣнно причитываетъ. Большую пользу въ этомъ отношеніи приносятъ дѣвушкамъ и куклы. На куклахъ у Мордовы играется только свадьба. Здѣсь дѣвушка, назначивъ каждой куклѣ извѣстную роль, причитываетъ за невѣсту, поетъ за сваху, угощаетъ гостей за хозяйку,—однимъ словомъ дѣлаетъ все, что бываетъ на свадьбѣ. Наконецъ мордовскія дѣти весьма часто играютъ въ свадьбу: собираются нѣсколько дѣвушекъ и парней, обыкновенно въ весеннеіе праздники, выбираютъ изъ своей среды жениха, невѣсту и весь свадебный персональ и удаляются въ луга или за гумны играть свадьбу. Но свадебныхъ причитаній такъ много, что невѣстѣ, не смотря на долголѣтнюю подготовку, передъ свадьбой еще многое приходится вновь заучивать. Учителями и репетиторами въ этомъ случаѣ являются свои снохи и недавно вышедшия замужъ молодыя женщины, которые хорошо еще помнить свою свадьбу и всегда охотно дѣлятся своими знаніями.

Въ домѣ жениха въ это время также идутъ приготовления: ростить солодъ, варятъ пиво, убираютъ дворъ, запасаютъ сѣна побольше, такъ какъ на свадьбу наѣдетъ много гостей и лошадей, ихъ придется кормить почти цѣлую недѣлю и проч.

Рассчитавши къ какому времени все это можно приготовить, отецъ жениха и матъ вмѣстѣ съ другими двумя — близкими родственниками отправляются къ своему новому свату назначать день свадьбы, — день пріѣзда свадебнаго поѣзда за невѣстой (чињ путно — назначеніе дня). Теперь они пріѣзжаютъ иржимо къ свату, какъ уже къ знакомому и родному. Въ этотъ пріѣздъ привозятъ все уговоренное: винс, дѣнги и медъ, который обязательно требуется, при всякой свадьбѣ, для помазанія усопшихъ; отъ уговоренной платы за невѣсту оставляется лишь нѣсколько копеекъ, которая привозить съ собой свадебный поѣздъ. По пріѣздѣ сватовъ, отецъ невѣсты приглашаетъ всѣхъ своихъ родныхъ покоровать съ новой родней и уговориться о дѣлѣ свадьбы. При этомъ невѣста опять даритъ всѣхъ своимъ будущимъ родственникамъ.

III.

Начало причитаній (уринеме серыгедьма).

Послѣ назначенія дня свадьбы, невѣста начинаетъ по вечерамъ причитывать — оплакивать свое девичество. Въ первый разъ она начинаетъ причитывать на срединѣ двора въ глухую полночь. Выходить она на дворъ одна, тихонько отъ всѣхъ семейныхъ. По общему заявлению женщинъ — эта ночь, избранная для начала причитаній, проводится невѣстою въ самыхъ тяжелыхъ размышленіяхъ и душевныхъ волненіяхъ. Сонъ ни на минуту не смыкаетъ глазъ, невѣста ежеминутно вскакиваетъ съ постели и прислушивается къ завыванію вѣтра, боясь какъ бы не пролежать первое пѣние пѣтуховъ: время, когда ей начинаѣтъ причитывать. Съ этого времени невѣста какъ-бы уже вполнѣ убѣждается, что ее действительно выдаютъ замужъ, и что она должна перейти въ новую, для нея неизвѣстную жизнь, въ новую семью, къ чужому отцу, матери, которыхъ замужняя женщина въ причитаніяхъ на вопросъ невѣсты: разскажи-ка мнѣ, споненька, замужняя жизнь какова, каковы чужіе отецъ съ матерью, опи-сываешь ей въ весьма непривлекательныхъ краскахъ.

Какъ только пѣтухи пропѣли, невѣста встаетъ и тихонько отъ всѣхъ семейныхъ выходитъ на дворъ. Кругомъ пусто и темно, ею овладѣваетъ страхъ, она машинально становится на преднамѣченное мѣсто, но не можетъ начать причитывать, — языкъ какъ бы отнимается и невѣста, задыхаясь въ слезахъ, падаетъ на землю и начинаетъ рыдать. Облегчивъ нѣсколько такимъ образомъ душу, невѣста встаетъ и начинаетъ уже причитывать; сначала слабо, тихо, а потомъ все болѣе и болѣе одушевляясь и усиливая голосъ. Сосѣди со вздохомъ просыпаются и прислушиваются къ плачу невѣсты: всѣми невольно овладѣваютъ тяжелыя мысли, каждому припоминается своя молодость и все прошлое... Эта ночь настолько тяжела для невѣсты, что съ ними иногда случаются первые припадки: онѣ иногда до того расплачутся, что не могутъ начать причитаній. Для избѣженія этого слабия невѣсты берутъ съ собою подругъ, но и это не всегда помогаетъ, такъ что инымъ невѣстамъ приходится нѣсколько разъ откладывать начало причитаній.

Мотивъ причитаній невѣсты.

«Уринима вайгель, — тебѣ терѣксъ чињ вайгель».

Невѣста из срединѣ двора, обращившись къ востоку, — начинать таны:

Вере, вере, вере насть!
Вере шен насть сінка!
Илае ёновъ скукунакъ,
Илае наизъ икядай,
Кона наэосъ иксыманъ,
Сене наэосъ чантхамъ
Чись сариненъ лажанъ,
Чись сариненъ кальяно.

Выший, выший, выший багъ!
Выший багъ, хранитель серебрный!
На четыре стороны поклонясь я,
Четыреъ богамъ поклонясь,
Богорый изъ бегона выдадъ меня,
Пусть тотъ же багъ благословитъ меня
Заживо оплакивать тѣло мое,
Заживо причитывать тѣло мое.

Послѣ этого невѣста кланяется къ землю и съ этого же мѣста обращается къ боту двора:

Тетинъ юртоны кирдизъ,
Тетинъ кардо саркозо!
Иля тандатъ шумизденъ,
Сэръ ёмамо вайгельденъ,
Аволь тонть монъ тандавтланъ,
Аволь тонть тормошанъ.
Эсь сариненъ монъ лажанъ,
Эсь сариненъ коволанъ.

Хранитель двора батюшкина!
«Кардо сарко»¹⁾ родительское!
Не пугайся ты моего шума,
Моего голоса раздирающаго:
Не тебя я такъ пугаю,
Не тебя я страшлю,
Свое тѣло я оплакиваю,
Свое тѣло причитаю.

Потомъ невѣста подходитъ къ колодцу, обходить его три раза посолонь, послѣ каждого круга кланяется колодцу въ землю и въ это время причитывается:

Лисыманъ кирди тайтеръ-эй!
Лисыманъ кирди кастраго!
Иля тандатъ шумизденъ,
Сэръ ёмамо вайгельденъ:
Аволь тонть монъ тандавтланъ,
Аволь тонть тормошанъ, —
Монсиинъ сарень коволанъ,
Монсиинъ сарень монъ лажанъ.
Седь икеле эриисто,
Тайтеръкъ шиньгель петчиисто
Валсеке рана сакшимыленъ,
Чокшиэ позда сакшимыленъ.
Эзинъ саклию лангозотъ
Сэръ ёмамо шумъ маро,
Коль ёмамо крикъ маро.
Киштезъ моразъ сакшимыленъ
Нейдэзъ шутэзъ сакшимыленъ.
Валсеке рана самосто,
Чекшиэ позда самосто
Можотъ токалить тонъ удонисто
Можотъ токалить тонъ ой икисто
Можотъ чалгавкишины монъ
Виде иклей сареть лангстъ,

Владычница колодца, дѣвина!
Владычница колодца, красавица!
Не пугайся ты моего шума,
Моего голоса ужаснаго:
Не тебя я пугаю,
Не тебя я такъ страшлю, —
Свое тѣло причитаю,
Свою жизнь я оплакиваю.
До сего времени жива,
Дѣвичий вѣкъ провожая,
Я и утрой рано приходила,
И вечеромъ поздно приходила,
Но не приходила къ тебѣ
Съ шумомъ погибающаго,
Съ крикомъ умирающаго;
Плясучи, поючи, приходила я,
Смѣясь и шутя, приходила я.
Приходя утромъ рано,
Приходя вечеромъ поздно,
Можеть угождала ты спящему,
Можеть угождала ты отдыхающему,²⁾
Можеть наступала я
На твое, какъ береза, бѣлое тѣло,

¹⁾ «Кардо сарко» — багъ двора. Мѣсто прибываніе ого изъ срединѣ двора въ вырытой, покрытой доской ямочкѣ. Во времена праздниковъ въ эту ямочку кладутъ по маленькой чашечкѣ отъ всѣхъ имѣющихся кумашинъ и хлытъ вино и пиво. Въ настоящее время «Кардо сарко» утратило свое значение; приносящій ему никакихъ не дѣлаютъ; но ямочка во дворѣ двора хранится до настошаго времени, и кровь закалывасемаго животнаго во дворѣ всегда льется въ эту ямочку.

²⁾ Эти два стиха не совсѣмъ понятны. Вероятно слѣдуетъ искать въ «ты», а «тебя». Ред.

Мазы умаръ тусетъ лангъсъ,
Ченте царо аягсотъ лангъсъ,
Серей царо праликсотъ лангъсъ,
Можотъ чалгавкшнынъ
Котова таргазъ палять лангъсъ,
Кумажасъ путозъ рутсять лангъсъ,

Матразъ юдстъ ашкъ пильгеть лангъсъ,
Сія ведь на вазъ каръ прать лангъсъ,
Илламака осуда;
Седѣ икеле эрмисто,
Тейтеръксъ пиньгень печтамисто,
Кипшезъ аштиль монъ пильгень,
Шейдэзъ аштиль монъ кургомъ.

Отъ колодца невѣста отходитъ къ священному мѣсту („ваньксъ тарка“ — чистое мѣсто или „шуксъ пра“ — мѣсто моленія), которое прежде въ каждомъ дворѣ обязательно имѣлось и чтилось, но и теперь тщательно охраняется отъ нечистоты. Съ этого мѣста до настоящаго времени вызываютъ умершихъ предковъ и обращаются къ нимъ съ своими просьбами.

Здѣсь невѣста также сначала кланяется въ землю, а потомъ обращается къ своимъ прадѣдамъ и прабабушкамъ:

Покшть покштиненъ, бодиненъ!
Мода мазыть бабинетъ!
Сыркъ мерезъ, бодиненъ,
Матрасъ, оймасъ кисъкиненъ,
Кепстъ мерезъ, бабиненъ,
Равужо човоля модыненъ,
Покшть, покштиненъ бодиненъ!
Мода мазыть бабиненъ!
Аволь шкастонкъ порастонкъ,
Мазы леменкъ ушодсынь,
Мода челькенкъ явавтынь.
Аволь пси пачалкесъ
Бодиненъ, тердтя дызы,
Аволь писи яниэсъ,
Бабиненъ, туйдядызы.
Кува, кува, тердтядызы.
Кува, кува, туйдядызы.
Тердевледезъ покшъ кіява,
Покшъ кинъ ламо якпзъ,
Ламо каршо понгизъ,
Ламо мельга сасызъ
Пелянъ, бодиненъ, пелянъ,
Пелянъ, бабиненъ, пелянъ,
Берянъ ломанъ вастыде,
Берянъ валонъ тергиде
Тердевледезъ, бодиненъ,
Туевледезъ, бабиненъ,
Ошъ порядка юткова,
Московъ ультсянь кувалма,

На твоё, какъ ягода, красивое личико,
На твою мягкую, хорошую постель,
На высокое, хорошее изголовье;
Можетъ наступала я
На твою рубашку въ шесть полосъ вышитую,
На твою «рутсю»¹⁾ до колѣнь украшенную,
На твои ноги, какъ трубки холста круглые,
На твои носки лаптей — посеребреные,
Не осуди же ты меня:
До сего времени живы,
Дѣвичій вѣкъ провожая,
Ноги мои только плясали,
Уста мои только пѣли.

Великие дѣды мои, дѣдушки!
Красы земли мои, бабушки!
Да пошевелится, дѣдушки
Ваше осѣвшее, успокоившееся тѣльце.
Да приподнимется, бабушки,
Ваша чернобисерная землица.
Великие дѣды мои, дѣдушки!
Красы земли, бабушки!
Я не въ пору, не въ время
Ваши красивыя имена взываю
Вашу пыль земную страхиваю,
Не на горячие блины
Васъ, дѣдушки, призываю,
Не на горячия щи
Васъ, бабушки, привожу.
По какому же пути позову я васъ?
По какой дорогѣ приведу я васъ?
Привела бы по большой дорогѣ,
У большой дороги много проходящихъ,
Много на встрѣчу попадающихъ,
Много сзади догоняющихъ.
Боюсь, дѣдушки мои, боюсь,
Боюсь, бабушки мои, боюсь
Встрѣчи лихаго человѣка,
Дурнымъ словомъ обзывающаго.
Позвала бы васъ, дѣдушки,
Привела бы васъ, бабушки,
По городской улицѣ,
Вдоль Московской улицы —

1) Верхнее женское платье.

Ультсанъ ламо неизъ,
Ультсанъ ламо редизъ:
Пелянъ берянъ сельмеде,
Пелянъ а паро вачтавесто.
Тердевледезъ, бодинень,
Туваледезъ, бабинень,
Ташто тайной кіява,
Ташто, кадонъ кіява.
Пелянъ, бодинень, пелянъ,
Пелянъ, бабинень, пелянъ
Одранкъ, саванъ сезненить,
Тарадъ праива кадновитъ.
Тердевледезъ, бодинень,
Туваледезъ, бабинень,
Мода алга кіява,
Масторъ алга кіява
Хоть мода алга кисть
Арасъ кіякъ якизъ,
Арасъ кіякъ пакизъ,
Ламо мода пульнезъ,
Ламо мода челькезъ.
Пелянъ, бодинень, пелянъ
Пелянъ, бабинень, пелянъ
Кисеянь одранкъ, саванъ
Мода пульне сайсынзе,
Мода чельке мүйсынзе.
Садыя, боданъ, садыя
Садыя, бабанъ, садыя
Веленъ боданъ кснавъ рядга,
Туеде боданъ туеде
Туеде, бабанъ, туеде
Кеверить кснавъ сельведькетъ.
Садыя, боданъ, садыя,
Садыя, бабанъ, садыя,
Каль пулова кіява,
Пешкъ пулона кіява,
Туеде, боданъ, туеде
Чулгонъ пештькетъ валинэде.
Васия ливанъ, курисъ саянъ
Эрзянъ вѣранъ кулытиней,
Эрзянъ вѣранъ ёмитинъ,
Шоптомо калмастинъ,
Діаконтомо служастиней,
Тикше трукасо нурастинъ,
Сіанъ крѣстомо ливтестинъ.
Кува колданъ вальгееинъ?
Кува оргатианъ шуминенъ?
Мірской частой піравтка,
Чувонъ канава чирева,
Озивтленъ кылай юткова
Шачи сюро паксява,
Парсей ялавъ коренга,
Штатолкъ палы олгова,
Сырыне эрге эзынева,

У улицы много видящихъ,
У улицы много замѣчающихъ.
Боюсь дурного глаза,
Боюсь некорошаго взгляда.
Позвала-бы васъ, дѣдушки,
Позвала-бы васъ, бабушки,
По старой, тайной дорогѣ,
По старой, заброшенной дорогѣ,
Боюсь, дѣды мои, боюсь
Боюсь, бабушки мои, боюсь,
Ваши одры, саваны издерутся,
На вершинахъ вѣтвей останутся.
Позвала-бы васъ, дѣдушки,
Позвала-бы васъ, бабушки,
По подземной дорогѣ,
По подземному пути,
Хотя у подземной дороги
Нѣть никого проходящихъ,
Нѣть никого шествующихъ,
До много пыли земляной,
Много праху земляного.
Боюсь, дѣдушки мои, боюсь,
Боюсь, бабушки мои, боюсь,
Ваши кисеебные одры, саваны
Пыль земляная покроеть,
Прахъ земляной найдеть.
Приходите, дѣды мои, приходите,
Приходите, бабушки мои, приходите,
По гороховому полю сельскихъ дѣдовъ.
Принесите, дѣды мои, принесите,
Принесите, бабушки мои, принесите,
Какъ горохъ катящаяся слезы.
Приходите, дѣды мои, приходите,
Приходите, бабушки, приходите,
По орѣшникововой дорогѣ,
Принесите, дѣды мои, принесите
Слова, какъ орѣхи, гладкія.
Сперва я почту, помяну
Въ мордовской вѣрѣ умершихъ,
Въ мордовской вѣрѣ пропавшихъ,
Безъ поповъ похороненныхъ,
Безъ діяконовъ отслуженныхъ,
Крошками сѣна окуренныхъ,
Безъ серебряныхъ крестовъ вынесенныхъ
Откуда я пошлю (къ нимъ) свой голосъ?
Откуда я пущу свой шумъ?
По мірскому частому забору,
Вдоль вырытой канавы,
Между посаженными березами,
По плодородному полю.
По шелковыми кистями корней,
По свѣчкѣ горящей — соломѣ,
По золотой бусѣ — колѣницамъ (соломы).

Сееде кудря колозга
Золотакъ кольги зёрнава,
Оште ливанъ, куркъ саянъ
Рузонъ въранъ вирдитненъ,
Попъ маро калмасиенъ,
Діяконъ маро служастненъ,
Ладомъ качамсо юристненъ,
Кадиласо кадистиенъ,
Сиянь крѣсть маро ливтестненъ.
Кува кучанъ вальгейенъ?
Ки ва подданъ шуминенъ?
Тсеркуванъ крута уголга,
Ниленькеменъ крѣсть алга,
Колонькеменъ пазъ алга.
Вай, пувазо, пувазо
Сёксенъ кельме вармазо,
Вай кандозо, кандозо
Озасъ мода челькиненъ,
Явшевестъ кото лазыненъ,
Илиштвость одрыненъ,
Паниквъ глухой вальминенъ,
Кулсоникъ тайтерь вальгейенъ,
Езда туи превезэвкъ
А вальгейенъ маштомо,
А валозне пупырдыме.

По частныи кудрамъ колосе,
По золотомъ наливающемся зерну.
Еще я почту, помяну
Русскую вѣру держащихъ,
Съ пошами похороненныхъ,
Съ діаконами отслуженныхъ,
Дыномъ ладона окуренныхъ,
Кадиломъ окажденныхъ.
Съ серебряными крестами вынесенныхъ.
Откуда я пошлю голосъ свой?
Откуда я пущу шумокъ свой?
По крутымъ угламъ церкви,
Подъ сорока крестами,
Подъ тридцатью богами.
Пусть подуетъ, подуетъ
Осений холодный нѣтеръ,
Пусть снесётъ, снесётъ
Насѣвшую на вѣсъ пыль земли,
Пусть раздвинутся ваши шесть досокъ,
Развернутся ваши саваны,
Вы откроите ваше глухое окношечко,
Вы послушайте мой голосъ — дѣвичий.
Если онъ по мысли вамъ придется,
То голосу-бы моему не пропадать,
И въ словахъ-бы не заняться.

(собст. спотыкаться).

Отъ священного мѣста невѣста направляется къ дому. Къ этому времени обыкновенно начинаетъ зара заниматься; невѣста обращается къ зарѣ.

Зора пувасъ толонзо,
Сылксъ кувака чевензз,
Уськеть, уськеть сятконзо,
Рисметъ, рисметъ куловзо,
Масторонъ келесь валдозо,
Менеленъ келесь зэркезъ,
Ансякъ монъ диринъ кардайсъ,
Зора валдо вѣзъ токакъ,
Зорянъ шумнэ вѣзъ марявтъ:
Диринъ тетянъ кардайсъ
Монъ пайстомо ломанянъ
Пайстомо сарень монъ лажанъ,
Грѣшной сарень коволянъ.

Зара зажгла свой огонь,
Засвѣтила длинную лучину,
Проволокой падаютъ уголья ея,
Цѣпочкой падаетъ ея зола.
По всей землѣ свѣть ея,
По всему небу звукъ ея,
Только до двора моего родимаго
Свѣть зари не дошаль,
Шума зари не слыхать:
Во дворѣ батюшкиномъ
Я человѣкъ, богомъ оставленный
Бездожное тѣло оплакиваю,
Грѣшное тѣло причитаю.

Потомъ обращается ко всѣмъ жителямъ своей деревни:

Веленъ бодать, бодиненъ,
Веленъ бабать, бабиненъ,
Веленъ алять, алиненъ,
Веленъ урять, уриненъ,
Кона можотъ такати
Тантей паро удомсто;
Кона можотъ такати
Апакъ удокъ аштемсію.
Кона токати аштемсію,

Сельские дѣды, мои дѣдушки,
Сельские бабы, мои бабушки,
Сельские мужи, мои дяденки,
Сельские жены, мои сношенки,
Кто изъ васъ можетъ быть угодить
Спящимъ сладкимъ сномъ,
Но кто можетъ быть угодить
Безъ сна лежащимъ.
Кто угодить не спящимъ,

Се марясазо монъ шумомъ,
Серь ёмамо вальгееинъ.
Кона некшнесь беряненъ,
Кона марсесъ а паронъ,
Севате мери эрьгедезъ:
Коля вардо Охима (пма невѣсты)
Чисъ сэрэнэ коволи,
Чисъ сэрэнэ ней лажи
Ки эзъ некшнекъ беряненъ
Эзъ марсекъ берянъ валиненъ
Се мери монъ жалязъ:
Коля грѣшной Охима
Пайстомо сэрэнэ лажи,
Грѣшной сэрэнэ коволи.

Тотъ услышить мой шумъ,
Мой голосъ — ужасный.
Кто видѣлъ отъ меня худа,
Кто слышалъ отъ меня дурного,
Тотъ съ радостью скажетъ:
Чу, несносная Офимя
Заживо причитаетъ свое тѣло,
Заживо оплакиваетъ свой станъ.
Кто же не видаль отъ меня худа,
Не слыхалъ дурного слова,
Тотъ, меня жалѣя, скажетъ:
Чу, грѣшная Офимя
Свое безбожное тѣло оплакиваетъ,
Свое грѣшное тѣло причитаетъ.

Потомъ входить въ сѣни. Въ сѣняхъ обращается къ богу дома съ такими же словами, какъ и къ „Кардо сярко“ — къ богу двора. Изъ сїней входить въ избу и, остановившись у порога, причитаетъ; семейные, услыхавъ причитанія дочери еще со двора, встаютъ всѣ, зажигаютъ огонь и, молча, сидятъ по разнымъ угламъ избы, только слышатся всхлипыванья кого нибудь изъ семейныхъ. Какъ бы съ охотою ни отдавали свою дочь замужъ, а въ подобныя минуты она бываетъ жалка родителямъ и роднымъ. Особенно когда она плачетъ передъ ними и въ причитаніяхъ произносить слова упреки, — нужно имѣть каменное сердце родителямъ и всѣмъ семнадцати, чтобы при этомъ удержаться отъ слезъ. Невѣста какъ-бы все это не видитъ, не видить даже огня въ избѣ, а полагаетъ, что всѣ спать крѣпкимъ сномъ и причитываютъ:

Охъ, тетякай диринемъ!
Охъ, авакай ванышемъ!
Мезенъ удозъ сайдизъ,
Мезенъ оймазъ шуидизъ,
Эли тынъ пекъ кетсиде
Монъ ёмамо чинезанъ.
О, тетякай диринемъ!
Удокъ ней тетякай удокъ,
Удокъ ней дирикай, удокъ:
Мелявтлить, тетай, мелявтлить,
Ризнѣкшнить, дирий, ризнѣкшнить,
А ютынъ пижеть а юты
А солыкъ киветь а солы;
Ней майшъ, тетякай ризкэть,
Ней майшъ, тетякай мелявксотъ
А ютынъ пижеть — ютасъ,
А солыкъ киветь — соласъ:
Монъ ней, тетякай диринемъ,
Шкеденикъ пекъ штанъ,
Кинеде-никъ пекъ соланъ.
Охъ, тетякай диринемъ,
Охъ, тетякай ванынемъ
Мѣсь безардить эстеданъ?
Мѣсь ёкшатать монъ эсанъ?
Эли кудотъ вишкынъгадъ?
Эли кудотъ тоить эзъ шачть?

О, тятенъка родимый!
О, маменька родимая!
Что за сонъ напаль на васъ,
Что за покой нашель васъ,
Или вы очень обрадовались,
Что насталъ день моей погибели.
О, тятенъка родимый!
Спи теперь, тятенъка, спи;
Спи теперь, родимый, спи:
Тужиль, тяточка, тужиль,
Гореваль, родимый, гореваль,
Что твоя нерасходная мѣдь не расходуется,
Твой свинецъ не плавящійся не плавится.
Теперь кончилось, батюшка, твое горе,
Теперь кончилась, батюшка, твоя забота.
Нерасходная мѣдь — израсходована,
Неплавящійся свинецъ — расплавился.
Я теперь, батюшка родимый,
Сильнѣе мѣди расходуюсь
Сильнѣе свинца плавлюсь.
О, тятенъка, родимый!
О, тятенъка корнилещъ?
Чѣмъ я опротивѣла тебѣ?
Зачѣмъ ты губишь меня?
Или домъ твой уменьшился
Или хлѣбъ твой не уродился.

Потомъ обращается къ матери и причитываетъ:

Авай, авакай ванынемъ!
Авай, авакай диринемъ!
Маштокшынть, авай, маштокшынть,
Трамонъ, ванмонъ маштокшынть:
Кизэ чинень самосто
Шолке потсо тракшнымекъ;
Теле чинень самосто
Нухке потсо тракшнымекъ;
Монь трамостонъ, аванай
Эзить содакшино удомо,
Эзить содакшино аштеме...
Эзить машть, авакай, эзить машть
Ёмавтомонъ эзить машть.

О, мать моя, матушка родимая!
О, мать моя, матушка кормилица,
Умѣла ты, матушка, умѣла,
Всполнить, вскорить умѣла:
Съ наступленiemъ весеннихъ дней
Ты въ шелку меня водила;
Съ наступленiemъ зимнихъ дней
Ты въ пуху меня водила,
Во время моего воспитанія
Не знала ты и сна,
Не знала ты и покоя...
Не съумѣла ты, матушка, не съумѣла,
Не съумѣла ты, какъ погубить меня.

Въ Нижегородской губерніи невѣста, войдя въ избу, послѣ причитаній на дворѣ, будить своихъ родныхъ такъ:

Систякая, стякая,
Диринь, ванынъ тетинемъ,
Систякая, стякая,
Диринь, ванынъ авинемъ,
Меинъ удозъ муйидизъ
Меинъ васъказъ сайдизъ
Монь а удомнэ мукшнымемъ,
А васъкамнэ сайдшнымемъ,
Пси пачалго алкынемъ,
Дикой кевгѣ прялкынемъ,
Татаронъ палаксъ вельксынемъ;
А ульнинь тейтеръ васъклится,
Тейтеръ эйдъ ульнинь оймпится:
Ульнесъ тисовой краватемъ,
Атсазъ пуховой тѣшакомъ,
Ладынъ паршовой тодовомъ,
Вельтинь заячой тулуломъ,
Ставтонь ашо шарчавомъ.

Вставайка, вставайка,
Родимый кормилецъ мой, батюшка,
Вставайка, вставайка,
Родимая кормилица моя, матушка,
Что за сонъ напаль на васъ!
Что за нѣга взяла васъ!
Меня и сонъ не находиль,
Меня и нѣга не брала:
Горячая сковорода постель моя,
Дикій камень изголовье мое,
Татарская крапива одѣяло мое.
А была дѣвушка нѣжная,
Была дѣвица спокойная:
Была у меня тесовая кровать,
Пострана пуховая перина,
Положена парчевая подушка,
Покрытый заячий тулуль,
Поставленъ бѣлыи шатерь.

Вечернія причитанія невѣсты.

Послѣ полуночного причитанія невѣста начинаетъ причитывать по вечерамъ, передъ закатомъ солнца.

На причитанія собираются дѣвушки со всего села, такъ что домъ невѣсты во время причитаній бываетъ полонъ дѣвушками всѣхъ возрастовъ; взрослыхъ мужчинъ на вечернихъ причитаніяхъ не бываетъ, кромеъ своихъ семейныхъ, которые, однако, также стараются уйти куда-нибудь. Всѣ гости во время причитаній молча стоятъ кругомъ невѣсты и внимательно слушаютъ. Невѣста причитываетъ сидя на подушкѣ, на передней лавкѣ; въ рукахъ держитъ чистый платокъ, которымъ постоянно утираетъ слезы. Въ прежнія времена, когда въ памяти народа хранилось больше причитаній, невѣсты причитывали до 15 вечеровъ и болѣе. Нынѣ число причитаній сильно уменьшилось и ограничивается 2—4 вечерами.

Первый вечеръ.

1. Мень седей кирдезь саннемъ!
Мень седей обмазь муннемъ!
Кевикъ кеведињь седеемъ,
Повекъ поводињь сельведенъ.
5. Элк монъ пекъ эрьгединъ,—
Лужадузанъ,—урекъ чись,
Эли монъ пекъ кетсинъ,—
Лондузанъ,—вардокъ чись.
Моньдень икеле урекъ чи.
10. Эрьгедээ—кетсязо,
Моньдень икеле вардокъ чи
Радуванъ седсэ аштээ.
Промодо ялгаиъ промодо,
Промодо ояиъ промодо,
15. Сэрь лажамо тарказонъ,
Сэрь валькамо тарказонъ;
Умокъ марасынъ, ялгиненъ,
Мазы тсиповкатъ вальгеенъ,
(или Московъ баяга вальгеенъ)¹⁾.
20. Умокъ марасынъ, ялгиненъ,
Сахъянской котанкъ чикордьтъ
Пуховой тсюлканкъ каштордьтъ.
Лисикскеленъ каршозонкъ,
Лисикскеленъ вастомовкъ,
25. Диринь тетямъ икельганъ
Таргасъ тарганъ перестолъ,
Удалганъ пирясь кишниль ииравтъ.

Вить пелезэнъ сонъ нолдасъ
Келесте чуди чуди ведь;
30. Керчь пелезэнъ сонъ вачкась—
Серейсте палы—палы толь.
Ютыкселенъ столесть троксъ,
Пельви тетянъ мельнеде
Норовъ¹⁾ аваиль кежнеде.
35. Ютыкселенъ пирявштость троксъ—
Кедель вентиль эзть сатотъ,
Пильгенъ чалгины эзть пекстакъ.
Нечкикселенъ, ялгиненъ
Се чуди ведесть троксъ,
40. Псалтия монъ, ялгиненъ,—
Боярь аваксъ чимъ начни.
Ютыкселенъ, ялгиненъ,
Се палы—толсть велькска—
Псалтия монъ, ялгиненъ,—
45. Боярь аваксъ гимъ куртава.
Эрь эзинъ лисевтъ каршозонкъ,
Эрь эзинъ лисевтъ вастомонкъ:

Первый вечеръ.

1. Что-за терпѣніе взяло меня!
Что-за спокойствіе нашло меня!
Камнемъ окаменѣло сердце мое,
Какъ пуговки застыли слезы мои.
5. Или такъ сильно я обрадовалась,—
Провалиться бы мнѣ,—жизни замужней,
Или такъ сильно я обрадовалась,—
Прощать-бы мнѣ,—жизни супружеской,
Пусть супружество прежде меня
10. Радуется, веселится;
Пусть ранѣе меня замужество
Съ радостнымъ сердцемъ пребываетъ.
Собирайтесь, мои подруженьки, соби-
райтесь;
Собирайтесь, мои голубушки, собирай-
тесь,
15. На оплакиваніе моего тѣла,
На причитаніе моего стана.
Давно я слышу, подруженьки,
Ваши приятные бубенчики, голоса
(или Ваши московские колокола, голоса)
20. Давно я слышу, подруженьки,
Скрипъ вашихъ котовъ сафьяновыхъ,
Шурчаніе вашихъ чулковъ пуховыхъ.
Хотѣла я выйтти на встрѣчу вамъ,
Хотѣла я выйтти встрѣчать васъ.
25. Но родимый мой батюшка предо мной
Поставилъ столь, накрытый престоль;
За мной поставилъ онъ желѣзный за-
боръ
По правую сторону онъ пустилъ
Широко текущую—текущую воду;
30. По лѣвую сторону онъ развелъ
Высоко пылающій—горящій огонь.
Хотѣла я перейти черезъ столь:
Побоялась—воли—батюшки
Гитва—матери „Норова“¹⁾;
35. Хотѣла я пройти черезъ заборъ:
Протянула руку—не достала,
Наступила ногой—не утвердилась;
Хотѣла перейти, подруженьки,
Черезъ ту воду текущую—
40. Побоялась, подруженьки,
Что дѣвичество мое замокнетъ;
Хотѣла я перейти, подруженьки,
Черезъ тотъ—горящій огонь,
Побоялась я, подруженьки,
45. Что дѣвичество мое спалится.
Такъ не могла я выйти на встрѣчу вамъ,
Не могла выйти встрѣтить васъ,

¹⁾ «Норовъ ава» или «Норовъ пазъ»—богиня плодородія.

- Илядоя осудя,
Илядоя пенятся.
50. Аштеде ялганъ евтиса,
Кода манявинъ урексь чись,
Кода манявинъ вардоксь чись:
Теде ваде удыленъ,
Вере vere утомо.
55. Vere утомонъ тсюлансо
Тсюланъ мазы вальмало
Вальманъ сэрээ алксомоль
Лавеянъ сэрсэ прялксомоль.
Пелеведе икеле,
60. Атикшъ морамода мейле,
Сайтесь лембе вельксэмъ,
Калгодксомсь чвтэ алксомъ,
Алкинъгадсь сэрэй прялксомъ,
Штатотесь тантай удомомъ.
65. Чикоръ меръкишнес, ялгиненъ,
Диринь тетянь ортазо,
Лавузъякишность, ялгиненъ,
Диринь тетянь кисканзо.
Вачтынъ вальма чирева—
70. Урексь чи сась вальмаловъ
Диринь тетянь тускесэ:
Ве кедсэнэ сахъянской котать,
Омботсесэ—пуховой тсюлкать.
Маньчесь, маньчесь монъ эснэ,
75. Эзинъ манявть монъ тенээ:
Диринь тетянь вийсэнэ
Эзинъ пишлекъ котадо,
А пуховой тсюлкадо.
Мейле сакшинос, ялгиненъ,
80. Ваянъ аванъ тускесэ;
Стамедъ кесакъ кедсэнэ.
Манчесь, манчесь сенъ эснэ,
Эзинъ манявть монъ тенээ:
Ваянъ аванъ вийнесэ
85. Эзинъ пишлекъ суреде.
Оштё сакшинос, ялгиненъ,
Вечкима лельни тускесэ,
Мазыт семеричкаль кедсэнэ,
Сувтэмъ ленгень картъ кедсэнэ.
90. Манчесь, манчесь сынствъ эснэ,
Эзинъ манявть соненээ.
Вейкиме лелянъ вийнесэ
Эзинъ пишлекъ семеричке;—
Сувтэмъ ленгень карнеде.
95. Мейле сакшинос, ялгиненъ;
Вечкима ялганъ тускесэ.
Мазы ална кедсэнээ
Тровитсянъ каштазъ прясонзо:
„А ялгиненъ а, Охимъ!
- Не осудите же вы меня
И не пеняйте вы на меня
50. Постойте, подруженъки, рассказу,
Какъ обманулась я въ замужество,
Какъ обманулась я въ супружество.
Въ эту ночь я спала
Въ самомъ верхнемъ амбарѣ,
55. Въ чуланѣ верхняго амбара,
Подъ красными окнами чулана.
Въ вышину окна была постель моя,
Въ вышину полокъ было изголовье мое.
Немного ранѣе полуночи,
60. Послѣ пѣнія пѣтуховъ,
Снялось мое теплое одѣяло,
Сдѣлалась жесткою моя мягкая постель,
Понизилось мое высокое изголовье,
Отлетѣлъ мой сладкій сонъ.
65. Прокрипѣли, подруженъки,
Ворота роднаго батюшки,
Залаили, подруженъки,
Собаки роднаго батюшки;
Взглнула я въ край окна:
70. Подъ окно пришло замужество,
Въ лицѣ роднаго батюшки,
Въ одной рукѣ сафьяновые башмаки;
Въ другой—пуховые чулки.
Прельщало, прельщало меня
75. Не прельстилась имъ я:
При родномъ батюшкѣ
Не нуждалась я ни въ башмакахъ,
Ни въ пуховыхъ чулкахъ.
Потомъ приходило, подруженъки,
80. Въ лицѣ родной матушки,
Шелковый мотокъ въ рукахъ.
Прельщало, прельщало имъ
Не прельстилась я имъ:
При родной матушкѣ
85. Не нуждалась я въ ниткахъ.
Еще приходило, подруженъки,
Въ лицѣ братца любимаго:
Въ рукахъ красные семерички ;)—
Въ рукахъ рѣшетолычные лапти.
90. Прельщало, прельщало имъ
Не прельстилась имъ:
При любимомъ братцѣ
Не нуждалась я въ семеричкахъ,—
Въ рѣшетолычныхъ лаптяхъ.
95. Потомъ приходило, подруженъки,
Въ лицѣ любимой моей подруги:
Красивое личко въ рукахъ,
Троницынъ вѣнокъ на головѣ.
„О, подруженъки, Офиція! (пия пѣвѣсты)

100. А, оинемъ, а Охимъ!
Диринь тетянь вальмамо
Шачозъ мазы поляна,
Ниже лугаинъ поляна,
Ниле рядсо тикишезъ,
105. Ниле рядсо лукшозо.
Васенсе рядъ тикишезъ
Шильге лапава—ташто гавданзо;
Обмотсе рядъ тикишезъ
Карьксъ тапардамга—
110. Тантей тсяпоръ тикишезъ,
Колмотсе рядъ тикишезъ
Кумажава—жерасъ тикишезъ
Нилется рядъ тикишезъ
Карксамова—горни повъ тсетсязо.
115. Се полянастъ кунчкасо
Віевъ кужо налки
Се полянастъ кунчкасо
Віевъ кужо чары.
Весе ялгатъ киштить, морыть,
120. Весе ояты пеедить—шутить,
Ансякъ тонъ, ялтай, арасять,
Ансякъ тонъ, оямъ, арасять".
Содасынкъ, ялгинень,
Кужо вечки ульнекшинынъ,
125. Ялга вечки ульнекшинынъ.
Исты манавинъ урексь чисъ
Исты манавинъ вардоексь чисъ.

Провожая подругъ, невѣста причитываетъ:

- Аядо, ялгинень, аядо
Килей цулова якамо.
130. Тарадто тарадесь кунтсеме,
Лопадо лопась чалксеме.

у ворогъ причитываетъ:

Сакшинодо ялганъ сакшинодо

Сакшинодо, оянъ, сакшинодо
Серь лажамо тарказонъ.

135. Серъ вальмамо тарказонъ
Илядо безардть эстедень.
Иллянизъ кадъ тынъ скужнасъ,
Иллянизъ кадъ тынъ тошнасъ
Илядо пель, ялгинень,

140. Диринь тетянь мельнеде,
Илядо пель, оянень,
Ванинъ авань мельнеде,
Илядо пель, ялгинень,
Перекладонъ сивмеде,
145. Илядо пель, ялгинень,
Ало мостонъ меньмеде.

100. О, голубушка, Офимія!
Подъ окномъ твоего батюшки
Образовалась красная поляна,
Изъ зеленаго луга поляна.
Въ четыре ряда трава ея,
105. Въ четыре ряда зелень ея.
Первый рядъ травы,
Въ высоту ступни—отава ея;
Второй рядъ травы,
По обору лаптей,
110. Душистая трава богородская,
Третій рядъ травы,
По колѣни—пирей трава;
Четвертый рядъ травы,
По поясъ—цвѣты-колокольчики;
115. Посреди этой поляны
Большой хороводъ играть,
Посреди этой поляны
Большой хороводъ кружится.
Всѣ подруги твои пляшутъ—покуть,
120. Всѣ подруги твои шутятъ—смѣются,
Только тебя, подруженька, нѣть,
Только тебя, голубушка, нѣть".
Вы знаете, подруженьки,
Какъ я любила хороводъ,
125. Какъ я любила подругъ.
Такъ обманулась я въ замужество,
Такъ обманулась я въ супружество.

- Пойдемте, подруженьки, пойдемте
По березовой рощицѣ гулять,
130. Съ вѣтки за вѣтку хватать,
Съ листка на листокъ наступать.

Приходите мои, подруженьки, приходите,

Приходите мои, голубушки, приходите,
На оплакиваніе моего тѣла,

135. На причитанія моего тѣла.
Не гнушайтесь вы мною,
Не оставляйте меня въ скукѣ,
Не покидайте меня въ тоскѣ.
Вы не бойтесь, подруженьки,
140. Гиѣва батюшки родимаго,
Вы не бойтесь, подруженьки,
Гиѣва матушки родимой,
Вы не бойтесь, подруженьки,
Что сломаются перекладины,
145. Вы не бойтесь, подруженьки,
Что провалятся полы.

Второй вечеръ.

Во второй вечеръ невѣста начинаетъ причитывать такъ же, какъ и въ первый: «мень седей кирдезсанемъ» и пр. Потомъ обращается къ подругамъ, которыхъ въ этотъ день помогали ей въ приготовлѣніи даровъ, просить оставить работу и благодарить ихъ за помощь.

1. А, ялгинень, онненъ, Кадынка, ялганъ, кадынкъ, А төсвикстъ монъ тевень, А прядовикстъ монъ тевень;	1. О, подруженьки, голубушки, Оставьте вы, подруженьки, оставьте, Мои неисполнимыя дѣла, Мои нескончаемыя дѣла,
5. Стакіякъ ведь, ялгинень, Чи печтиде ёшшка, Шка печтиде кавтошка,	5. И такъ вѣдь, подруженьки, Вы день провели съ годь, Вы время провели съ двухъ годовъ,
8. Вай пасиба тенкъ пасиба.	8. О, спасибо вамъ, спасибо.

Потомъ обращается ко всѣмъ собравшимся подругамъ и причитываетъ:

Промодо, ялганъ, промодо и т. д. какъ въ Собирайтесь, подруженьки, собирайтесь и первый вечеръ.

10. Лисикскеленъ каршозонкъ, Лисикскеленъ вастамонкъ, Тейтерьксъ чимъ мароицъ арасель, Мазы чимъ маронъ арасель. Даринъ тетянъ сайнизе	т. д. 10. Хотѣла выйти на встрѣчу вамъ, Хотѣла я встрѣтить васъ, Не было со мной моего дввичества, Не было со мной моей красоты. Бралъ его родимый батюшка
15. Покшъ базарга якамо, Базарной одранъ рамамо. Весе рамамотъ рамаквишть Весе сайматъ саевкишнѣсть, Меельтсь рамамо сынъ рамастъ	15. По большому базару ходить, Базарные саваны ¹⁾ покупать. Всѣ покупки были закуплены, Все нужное было взято, Послѣднюю покупку они купили
20. Базаръ мазы кинигать. Столенъ келесъ келестъ, Столенъ серсэ сынеть эчкестъ. Диринь тетянъ, ялгинень, Икельганъ таргасъ тарганъ столь,	20. Красоту базара книгу. Въ ширину стола—ширина ея, Въ вышину стола—толщина ея. Родимый мой батюшка, подруженьки, Передо мной поставилъ накрытый столь.
25. Удалганъ ладясь сіянъ стуль. Васенъ листке кепединъ, Васенъ листке монъ штавтынъ. Ловнынъ, ловнынъ эснензэ Тсѣтынъ, тсѣтынъ эснензэ.	25. За мной поставилъ серебряный стуль. Первый листокъ я подняла, Первый листокъ я открыла; Читала, читала я его, Свѣрила, свѣрила я его:
30. Сесзвесе сѣрмадозъ, Кудо потсо семясь. Арасъ аньсякъ, ялгинень, Монъ пайстомо леминемъ	30. Тутъ всѣ записаны Нашего дома семейные, Только нѣть тутъ, подруженьки, Моего имени безбожного (оставленного богомъ).
Омботсе листке кепединъ, 35. Ловнынъ, ловнынъ эснензэ Тсѣтынъ, тсѣтынъ эснензэ— Весе роднать сѣрмадозъ, Весе раскѣтъ сѣрмадозъ. Сесэ—якъ арасъ сѣрмадозъ,	Второй листокъ я подняла. 35. Читала, читала я его, Свѣрила, свѣрила я его— Записаны всѣ родственники, Записаны всѣ близкіе, И тутъ не записано
40. Монъ пайстомо леминемъ.	40. Мое безбожное имя.

¹⁾ Наряды невѣстъ.

- Колмтссе листке кепединь—
Ловнынь, ловнынь эснэиз,
Тсётынь, тсётынь эснэиз,
Весе сесэ сёрмадозь.
45. Одть тсёратне-ялгатне.
Нилетссе листке кепединь—
Весе сесэ сёрмадозь
Бояръ авать ялгатне
Сесэ якъ арась сёрмадозь.
50. Монь кайстомо леминемь.
Вететссе листке кепединь—
Весе уреть сёрмадозь,—
Эры сессия, ялгинен,
Монгакъ леминь сёрмадозь.
55. Якинь-пакинь, ялгинен,
Дирми тетянь кардаага;
Лисинь-совинь, оинен,

Ванынь тетянь кардаага.
Кардаонъ вить пелене.
60. Шачовъ мазы поляна;
Се полянантъ күичкасо
Ашо мазы килея,
Кавтовъ аштий ширанзо.
Ве пирасонть калннатъ свѣтить,
65. Онбтсесэнтъ малинатъ памытъ.
Се килейстъ ало, ялгинен,
Монь тентерьксь чимъ озадо,
Котови таргазъ палясо,
Кунажась путозъ рутсясо,
70. Коморо тсетсять кедсэиз,
Трутитсянь камтазъ прясонзо.
Авардезъ ашти кургозо,
73. Сюмордезъ ашти кургозо.

По окончаніи этого невѣста встаетъ съ своего мѣста и съ причтаніями подходить къ любимой подругѣ, кладеть ей на плечо руку и проситъ помочь ей причитывать. И начинаютъ въ два голоса причитывать—высказывать, какъ онѣ имѣтель жили и веселились, а теперь должны разстаться. Вставая съ мѣста, невѣста причитываетъ:

- Аитеде молинъ, ялгинен,
75. Килей пулова якамо,
Кона, килейстъ ялгинен
Тарадонзо сееднеть,
Лопинеизъ пижинеть,
Се килейстень поводанъ,
80. Се килейстень нежеданъ.

- Третій листокъ я подняла,
Читала, читала его,
Свѣрила, свѣрила его.
Туть всѣ записаны
45. Молодые парни—товарищи.
Четвертый листокъ я подняла,
Туть всѣ записаны
Боярыши—мои подруги,
И туть не записано
50. Мое безбожное имя.
Пятый листокъ я подняла,
Туть всѣ замужнія записаны.
Вотъ туть-то, мои подруженьки,
И мое имя записано.
55. Ходила я, гуляла, подруженьки,
По двору родимаго батюшки,
Ходила я гуляла, голубушки (соб. я
вышла-вонла),
По двору корнильца батюшки.
На правой сторонѣ двора
60. Уродилась красная поляна.
На срединѣ этой поляны
Бѣлая красная береза,
Раздоена ея вершина.
Въ одной половинѣ—калина цвѣтеть,
65. Въ другой—малина горить.
Подъ этой березой, подруженьки,
Мое дѣвичество сидить.
Въ шесть рядовъ въ вышитой рубашкѣ,
До колѣнъ украшенной въ „рутсѣ“,
70. Въ рукахъ—горсть цвѣтовъ,
На голоеѣ ея троицынъ вѣночъ.
Лицо ея плачущее
73. Лицо ея рыдающее.

- Подождите пойду, подруженьки,
75. По березовой рощѣ ходить,
У которой березы, подруженьки,
Вѣтви почаше,
Листочки нозеленѣ,
Къ той березѣ я повисну,
80. Къ той березѣ я прислонюсь.

(При этомъ кладеть руку на плечо подруги и продолжаетъ причитывать):

- Вечниминекъ, ялгинен,
Кельдиминемь, оинен,
Поладыкъ вайгелемъ,
Ледстлить-ка-якъ, ялгинен,
85. А нувикъ валинен;

- О, любная моя, подруженька,
О, милая, моя голубушка,
Поддержи-ка ты мой голосъ,
Напомни-ка миѣ, подруженька,
85. Слова, иною забыты.

- Марясакъ чай, ялгинемъ,
Вельть пекъ ёмсети,
87. Вельть пекъ превень машлеть.
- Слышишь чай, подруженька,
Какъ сильно умъ мой теряется,
87. Какъ сильно мысли мои кончаются.

Послѣ этихъ словъ начинаетъ и подруга причитывать (смотри ниже), а невѣста продолжаетъ:

- Седѣ икеле вримсто
Вельть ладнойстѣ эрсинекъ,—
90. Ве кужосо налксильнекъ,
Ве моросо морсильнекъ,
Ве превнесо артсильнекъ,
94. Ве валинѣсэ кортыльнекъ.
Ве таркасо утсильнекъ.

- Въ прежнюю нашу жизнь,
Очень дружно мы съ тобой жили,
90. Въ одномъ хороводѣ играли,
Одну пѣсню пѣвали,
Одной думой думали,
Однимъ словомъ разговаривали,
На одной постели спали и т. п.

Въ отвѣтъ на это подруга причитываетъ.

95. Кода полатса, ялгинемъ!
Московъ баяга вайгелеть.
Кода ледстя сынь, синемъ,
А мувикисть валинетъ,
А маштанъ, ялгай, а маштанъ,
100. Тонть валигеть поладмо.
Тонть валинетъ ледстямо.
Умокъ маряса, ялгинемъ,
Вельть пекъ ёнотъ ёмсети
Вельть пекъ праветь машлеть
105. Кенавксъ кеверить сельведеть
Молевелень ваксозотъ
Вай а смиянъ, а смиянъ,
Тонть ваксозотъ мольмединъ:
Ней а карматъ, ялгинемъ,
110. Минекъ марто якамо,
Ве кужосо налксеме,
112. Ве моросо морамо.

95. Какъ я поддержу, подруженька,
Московскій колоколь твой голосъ,
Какъ напомню я, голубушка,
Тебѣ неизвѣстныя слова,
Не умѣю, подруженька, не умѣю,
100. Твой голосъ поддержать,
Твои слова напоминать.
Давно слышу, подруженька,
Какъ умъ твой теряется,
Какъ мысли твои кончаются,
105. Какъ горохъ катятся слезы твои,
Подошла-бы я къ тебѣ,
Но не смѣю я, не смѣю,
Подойти къ тебѣ (не смѣю).
Теперь не станешь ты, подруженька,
110. Вѣстѣ съ нами ходить,
Въ одномъ хороводѣ играть,
112. Одну пѣсню (съ нами) пѣть и т. п.

По окончаніи этого начинаетъ провожать своихъ подругъ, — направляется къ двери и причитываетъ:

- Аштеде, ялганъ, аштеде,
Илядо листъ икелевъ
115. Аштеде, оянъ, аштеде,
Відѣть кеденъ рикстедянъ,
Сіянъ кеоркехнъ рикстеданъ
Сѣянъ тынекъ сіянъ сѣдъ.
Керчъ кеденъ монъ рикстедянъ,
120. Сыренъ сурксонъ рикстедянъ,
Тарганъ сырненъ балясать.
Аштеде, ялганъ, аштеде,
Сія ютанъ монъ васия,
Талертъ, талертъ монъ каренъ,
125. Талертъ сѣрматъ монъ слѣданъ;
Талеръ каремъ чалгаса,

- Подождите, подруженьки, подождите,
Не выходите раньше меня.
115. Подождите, подруженьки, подождите,
Размахнусь я правой рукой,
Сброшу я серебряный браслетъ,
Вымошу вами серебряный мость.
Размахнусь я лѣвой рукой,
120. Сброшу я золотое кольцо,—
Вытяну золотыя перила.
Подождите, подруженьки, подождите.
Туть я пройду сначала.—
У меня какъ «талеры» ¹⁾ лапти,
125 Письмена талеровъ—слѣды мои;
Талеръ—лаптѣмъ наступлю,

¹⁾ Серебряная монета—талеръ.

Талеръ печать моиъ тянь,
Талеръ слѣдстенъ чалгадо,
Баласатненъ кундадо.

Талеровую печать сдѣлаю.
Въ слѣдъ талера наступайте,
За перила держитесь.

У воротъ причитываетъ:

130. Сакшиодо, ялганть, сакшиодо,
Илминь кадъ моиъ скушнась
Илминь кадъ моиъ тошнась;
Содасынъкъ ведь, ялгинень,
Пижедеякъ пекъ ютанъ,
135. Киведе якъ пекъ соланъ.

130. Приходите, подруженьки, приходите,
Не оставляйте меня въ скукѣ,
Не оставляйте меня въ тоскѣ;
Знаете, ведь, подруженьки,
Сильнѣе мѣди я расходуюсь,
135. Сильнѣе свинца я плавлюсь.

M. E. Евсевьев,

Учитель начальной при Казанской Учительской Семинарии Мордовской школы.

Приимѣчаніе. «Прилагаемая свадьба записана въ селѣ Кормалахъ Буинскаго уѣзда Симбирской губерніи; за тѣмъ провѣрена въ селѣ Атратѣ Алатырскаго уѣзда той же губерніи, при чемъ обряды и пѣсни оказались тождественными. Варианты записаны въ с. Волжскѣй Оврагѣ Луковинскаго уѣзда Нижегородской губерніи.

Лѣтъ десять назадъ Евсевьевъ явился 15 лѣтнимъ юношемъ въ Семинарию изъ захолустья Симбирской губерніи, почти незная вовсе по русски. Выдающіяся способности дали ему возможности скоро занять первое мѣсто въ классѣ. По окончаніи курса Евсевьевъ былъ назначенъ учителемъ въ училищѣ при Семинарии. Во время своего ученичества и до настоящаго времени Евсевьевъ—по педагогическимъ идеямъ Н. И. Ильминского—не прерывалъ своихъ связей съ деревней и каждую вакацию уѣзжалъ въ свою деревню и тамъ работалъ наравнѣ съ своими родными, работая не только по необходимости, но и по сердечной любви къ сельской жизни: за долго до вакаций Евсевьевъ начинаетъ мечтать какъ онъ будетъ косить траву, возить снопы и проч. Происхожденіе и дальнѣйшая жизнь поставили Евсевьевъ такимъ образомъ въ возможность близко знать мордовскій бытъ. Когда возникла потребность въ изданіи религиозныхъ и богослужебныхъ книгъ на мордовскомъ языкѣ, Евсевьевъ нѣсколько разъ посыпался въ различные мордовскія мѣстности для ознакомленія съ разнорѣбными языками. Нынѣшнее лѣто Евсевьевъ командированъ для ознакомленія съ Мордвой въ Харьковскомъ Учебномъ Округѣ и, разумѣется, привезетъ оттуда не мало интересныхъ вещей¹⁾. (Изъ письма пр. Б—ва, которому Ж. Ст. обязана этимъ сообщеніемъ).

¹⁾ Редакція очень благодарна почтенному М. Е. Евсевьеву за его любопытную статью и усердѣйше просить ого о дальнѣйшихъ обѣщанныхъ сообщеніяхъ Живой Старины, о продолженіи свадьбы мордовской, о мордовскомъ погребеніи, о свадьбѣ чувашской. Такими изученіями и трудами образованные наши инородцы приносятъ честь и пользу своей народности, вносятъ цѣнныес вклады въ русскую литературу, науку, образованность. О важнѣиѣ началь разнообразія въ просвѣщеніи редакторъ Ж. С. еще недавно имѣлъ случай высказаться въ ст. своей (Три мѣса въ апр. кн. Слав. Обозр. 1892). При этомъ нельзя не помянуть съ глубокимъ почтениемъ и благодарностью замѣчательные труды и заслуги покойнаго Н. И. Ильминского. Его здравые, просвѣщенные взгляды на образованіе инородцевъ, на наши отношенія къ нимъ должны бы быть усвоены не одною нашей школы, но и всему русской администраціей.

ОТДѢЛЪ III.

Критика и библіографія.

О типѣ Ильи Муромца.

«Экскурсы въ область русского народного эпоса» профессора Вс. Ф. Миллера. (М. 1892).

„Экскурсы“ профессора Миллера принадлежать къ числу тѣхъ трудовъ, которые могутъ быть всакимъ прочитаны съ удовольствиемъ и пользою, благодаря свѣжести своего научного материала и новизнѣ выводовъ. Главная часть ихъ посвящена былинамъ обь Ильи Муромцѣ, и мы считаемъ неизлишнимъ познакомить читателей съ тѣмъ, что въ нихъ говорится о типѣ Ильи, и кстати представить свои замѣчанія.

Профессоръ Миллеръ ставить рядъ вопросовъ обь историческомъ генезисѣ типа Ильи. Каковъ, спрашивается онъ, былъ основной, первичный типъ Ильи? Какъ примѣрить крестьянское происхождение Ильи съ тѣмъ, что въ былинахъ онъ не является крестьяниномъ, а исключительно казакомъ? Дѣйствительно ли Илья—Муромецъ? Имѣлся ли типъ Ильи какую-нибудь историческую подкладку? Не есть ли это типъ—русская перелицовка типа иранского Рустема?

I. „Илья, такъ отвѣчаетъ авторъ на первый вопросъ, не могъ быть искони крестьянскимъ сыномъ изъ села Каракарова, а былъ личностью гораздо болѣе значительной по своему общественному положенію. Можно сколько угодно любоваться исключительно принадлежащимъ русскому эпосу типомъ богатыря-крестьянина, стоятеля за интересы народа, нерѣко въ оппозиціи съ княжескою властію, но трудно доказать, что Илья съ самаго начала былъ идеальнымъ представителемъ крестьянства“ (стр. 176).

Древнѣйшія упоминанія обь Ильѣ, такъ доказываетъ свое мнѣніе нашъ ученый, находящіяся въ германской поэмѣ Ортнитѣ, начала XIII вѣка, и въ норвежской Тидрекъ-сагѣ, половины XIII вѣка, говорятъ о немъ то какъ о дядѣ короля Ортнита, то какъ о незаконномъ (отъ наложницы) сыне короля Гертнита и братѣ короля Владимира; слѣдовательно, „до нѣмецкихъ сказителей дошли слухи о национальномъ русскомъ богатырѣ, какъ о личности близкой къ Владимиру по происходенію, хотя и уступавшей ему по роду матери. И этотъ русскій богатырь-дружиинникъ (ярль) уже былъ такъ громко извѣстенъ въ русскихъ сказаніяхъ XIII вѣка, что имя его проникло изъ Руси далеко на западъ и сѣверъ“ (стр. 178).

Итакъ, профессоръ Миллеръ прежде всего опирается на свидѣтельства германской поэмы и норвежской саги. Дѣйствительно, въ сагѣ называются Руслъ, Новгородъ (Holmgard), Полоцкъ (Palteskia), король Владимиръ; по сага, и поэма говорятъ также, при томъ много, о Греции и о томъ, что не имѣть къ Руси ни малѣйшаго отношенія. Герой, котораго проф. Миллеръ отожествляетъ съ нашимъ Ильею, носить имя въ поэмѣ—Ilias von Riuzen, въ сагѣ—Ilias af Greka, имя, которое, конечно, близко по звукамъ къ имени нашего богатыря, но отнюдь съ нимъ нетожественно. Это нѣмецкое Ilias XIII вѣка не можетъ быть передачею русскаго Ильи; его конечное з,

отсутствующее въ русскомъ имени, не могло явиться на нѣмецкой почвѣ; оно указываетъ на греческій оригиналъ: Ἰλίας. Послѣднее заставляетъ насъ признать, что въ германской поэзіѣ и находящейся въ нею въ тѣсной связи норвежской сагѣ мы имѣемъ дѣло не съ русскимъ, а съ греческимъ именемъ, съ однимъ изъ отзвуковъ не древнерусскихъ былинъ, а какихъ-то византійскихъ сказаний, что Піас въ сагѣ не даромъ называется аѣ Грека, „греческимъ“, что изъ основанія данныхъ объ Ilias'ѣ нельзѧ дѣлать никакихъ заключеній относительно Ильи Муромца.

Въ самыхъ былинахъ, продолжаетъ свои доказательства проф. Миллеръ, можно найти указания на то, что Илья только впослѣдствіи омужичился, когда нашъ эпосъ перешелъ въ крестьянскую среду. „Придавь ему крестьянское происхожденіе, съвернорусские скавители не создали ни одной былины, где бы Илья являлся настоящимъ крестьяниномъ съ союзомъ, какъ другой представитель крестьянства—Микула Селяниновичъ. Всѣ свои подвиги онъ совершаетъ какъ богатырь-дружинникъ на службѣ Владимира, либо какъ вольный старый казакъ. На сколько механически крестьянство привлечено къ старому казаку, видно, напримѣръ, изъ такихъ былинъ, где Илья уже сейчасъ по исцѣленію и выѣздѣ изъ родительского дома успѣваетъ преобразиться въ старого казака, или изъ такихъ, где онъ прямо называется старымъ казакомъ города Мурома, села Карабачева, какъ-будто существовали какіе-то муромскіе казаки“ (стр. 179).

Здѣсь проф. Миллеръ главнымъ образомъ ссылается на постоянный эпитетъ Ильи въ былинахъ—„старый казакъ“. Дѣйствительно, этотъ эпитетъ придается ему въ былинахъ, записанныхъ въ разное время въ разныхъ гѣстахъ, что свидѣтельствуетъ объ его древности. Но какъ понимать этотъ эпитетъ? Если бы слово казакъ въ былинахъ употреблялось въ его современномъ значеніи, какъ полагаетъ проф. Миллеръ, то безъ сомнѣнія, оно примѣнялось бы въ нихъ не къ одному Ильѣ, а къ его молодымъ товарищамъ по стоянію на заставѣ—къ Добрынѣ, Алешѣ: они были бы тоже казаки; между тѣмъ они казаками никогда не называются. Въ виду этого мы считаемъ необходимо понимать слово казакъ не въ современномъ его значеніи, а въ старомъ великорусскомъ¹⁾). Наші предки, съ XIV по XVII вѣкъ, называли казакомъ работника, батрака, по преимуществу сельскаго²⁾). И такъ, эпитетъ „старый казакъ“ вполнѣ подтверждаетъ указаніе былинъ на крестьянское происхожденіе нашего богатыря.

Наконецъ, читаемъ мы далѣе у проф. Миллера, быть можетъ, слѣды древнего, не простонароднаго происхожденія Ильи сохранились въ извѣстныхъ трехъ былинахъ Ефименка, которыя постоянно сопровождаются имя Ильи титуломъ „осударь нашъ“ и въ одной былинѣ Рыбникова, где Илья не называется крестьянинъ сыномъ, хотя и живеть въ Муромѣ, и, собираясьѣхать въ Киевъ-градъ,

Приходилъ на свой широкій дворъ,
Говорилъ-то своимъ слугамъ вѣрины:
Сѣдлайте-ко, уздайте добра коня, и проч.

Изслѣдователи нашего эпоса такъ много говорили о наслогеніяхъ въ былинахъ, о перенесеніи подробностей изъ однихъ былинъ въ другія, что мы не видимъ возможности придавать какое-либо значеніе приведеннымъ у проф. Миллера даннымъ. Можемъ заявить, что название государемъ, сударемъ почтенныхъ лицъ крестьянскаго происхожденія—вещь вполнѣ обычна въ народныхъ пѣсняхъ (въ свадебныхъ, въ прічитаніяхъ).

1) Старшій изъ извѣстныхъ намъ памятниковъ, где употреблено это слово,—развѣзжалъ Кириллова Бѣлоеърского монастыря 1395 года (Акты Калачова, I, 244). О великорусскомъ значеніи его смотри, между прочимъ, у Чечулина, Города московскаго государства въ XVI вѣкѣ, стр. 46. Оно сохраняется до нынѣ въ Вологодской губ.

2) О значеніи татарскаго оригинала нашего казакъ можно судить по современному значенію алжатайскаго казакъ: Wegelagerer, Landstreicher, Abenteurer, Kossak, leicht bewaffneter Soldat (Miklosich, Die türkischen Elemente, I, 94), и по значенію половецкаго cosa съ: vigil, excubiae (Кипп, Codex Cumanicus, 118).

II. Достоуважаемый ученый держится того мнѣнія, что древній Илья—южно-русскій богатырь, что прозваніе Муромецъ и сѣверно-русское мѣстное прикрученіе Ильи—факты его позднѣйшой эпической исторіи, что название Муромецъ—не что иное, какъ позднѣе осмысленіе ничего не говорящей сѣверной Руси старой формы прозвища Ильи, которая дошла до насъ въ нѣсколькоихъ вариантахъ (стр. 182). Въ доказательство проф. Миллеръ ссылается на упоминаніе Чернигова въ значительномъ числѣ былинъ о первой поѣздкѣ Ильи въ Киевъ, какъ на дату для прикрученія Ильи къ сѣверской (черниговской) Руси, и на странность пути, черезъ Черниговъ, которымъ ёдетъ Илья изъ Мурома въ Киевъ.

Мы не видимъ возможности придавать какое-либо значеніе старымъ (южно-русскимъ по преимуществу) прозваніямъ Ильи: Муробецъ, Моробецъ, такъ какъ на югѣ Руси (гдѣ нѣсколько мѣстныхъ названій звучали: Мороѣскъ, Муробецъ, Мураѣскій шляхъ) сѣверный городъ Муромъ былъ называемъ: Муроѣѣ¹), и сѣверное прозваніе Муромецъ легко могло превратиться въ Муробецъ, Моробецъ, подобно тому, какъ въ средней Руси (гдѣ было общеизвѣстно мѣстное название Муромъ) южно-русскій городъ Мороѣскъ или Моробескъ былъ именуемъ Муромескъ²), а южно-русскій Мураѣскій шляхъ—Муромскій³.

Иное дѣло путь Ильи. Богатырь ёдетъ изъ Мурома къ Киеву черезъ „лѣса Брынскіе“ и черезъ Черниговъ, минуя рѣку Смородину или Самородину. Название лѣсовъ „Брынскіе“ находится въ нѣсколькоихъ въ разныхъ мѣстахъ записанныхъ пересказахъ былины (между прочими у Гильфердина № 56). Если бы эта путь Ильи представляла что-нибудь странное, если бы Илья действительно дѣжалъ значительный крюкъ, то, конечно, можно бы усомниться въ правильности названія города отправленія: дорога къ матери городовъ русскихъ, какъ вполнѣ основательно замѣчаетъ напр. ученый, къ кievскимъ святынямъ, столь много посещаемымъ населеніемъ всѣхъ концовъ Руси, должна была бытъ также хорошо извѣстна всюду на Руси въ средніе вѣка, какъ и въ наше время (стр. 185). Но стоитъ намъ взглянуть на карту Россіи, чтобы убѣдиться, что путь Ильи могъ быть „дорогою прямойзжею“ изъ Мурома въ Киевъ, т. е. не окольною, обычною въ древнєе время. Онъ идетъ отъ Мурома вдоль Оки до впаденій въ нее Угры, затѣмъ вдоль Угры, затѣмъ поворачиваетъ на югъ черезъ Брынскіе (по рѣчкѣ Брыни, въ вынѣшней Калужской губерніи) лѣса, на Брянскъ или Каравечъ, къ Чернигову; по выходѣ изъ Брынскихъ лѣсовъ онъ встречается съ вынѣшнюю рѣчкою Смородинкою (близъ Каравчева, въ сѣверной части Орловской губерніи⁴). Но стоитъ намъ взглянуть въ лѣтописи, чтобы увидѣть, что въ древности ёздили изъ средней Руси въ Киевъ и обратно приблизительно тѣмъ путемъ, какимъ ёдетъ Илья. Киевская лѣтопись по Ипатскому списку подъ 1152 годомъ разсказываетъ о походѣ на Киевъ Юрия Суздальскаго съ муромо-разанскими князьями. Они пошли сначала „на Вятчи“, т. е. на западъ, затѣмъ „поминули“ (т. е. оставили въ сторонѣ) смоленскую волость и поворотили на югъ, наконецъ прошли черезъ Мценскъ и Глуховъ къ Чернигову. Новгородская лѣтопись (первая) подъ 1331 годомъ говоритъ о пути архиепископа Василия изъ Владимира Волынскаго въ Новгородъ. Василий ёхалъ черезъ Черниговъ, Брянскъ, Торжокъ.

Эта естественность рисуемаго былиною пути изъ Мурома въ Киевъ, вмѣстѣ съ несомнѣнною древностью его топографическихъ названій (особенно „Брынскіе“ лѣса),

¹⁾ См. нашу замѣтку въ Этнографич. Обозрѣніи 1890 года № 3.

²⁾ Въ Книгѣ Большаго Чертежа 1626 года (по печатному изданію): «Отъ Чернигова внизъ по Деснѣ 60 верстъ градъ Муромескъ» (стр. 86).

³⁾ Между прочими, въ «росписи», изданной въ «Лѣтописи зан. Археограф. Ком.», I, 64—65.

⁴⁾ Илья ёдетъ еще черезъ «грязи», которыхъ въ нѣкоторыхъ пересказахъ былины называются «смоленскими». Средняя Русь нѣкогда была хорошо знакома съ «смоленскими грязями»: единственнымъ воднымъ путь (а дровами Русь, даже въ XVII вѣкѣ, предпочитала водные пути сухими) изъ Муромской области въ Киевъ шелъ по Оке, Угрѣ, затѣмъ волокомъ по этимъ «смоленскимъ грязямъ» къ Днѣпру.

не позволяет намъ сомнѣваться въ томъ, что уже древніе пересказы былины говорили о Муромѣ, какъ пунктѣ отправленія Ильи, а не о Моровскѣ или Моровейскѣ. Послѣдній, какъ видно изъ лѣтописей и изъ приведенной выше цитаты изъ Книги Большаго Чертежа, находился между Черниговомъ и Киевомъ, на пути изъ Чернигова въ Киевъ, во всякомъ случаѣ очень недалеко отъ Киева¹⁾), и чтобы попасть изъ него въ Киевъ черезъ лѣса Брынские и Черниговъ, да еще черезъ рѣчку Смородину, нужно бы сдѣлать не большой, а огромный и ничѣмъ не вызванный крюкъ.

Проф. Миллеръ признаетъ Илью уроженцемъ черниговскаго княжества. Это не подлежитъ сомнѣнію: Муромъ, вмѣстѣ съ Рязанью, въ теченіе всего до-монгольского периода или принадлежалъ къ волости черниговскаго князя, или управлялся младшими родственниками черниговскихъ князей. Впрочемъ былины обѣ Ильѣ на это нигдѣ не намекаютъ, такъ какъ эпитеты Чернигова, въ нихъ находящіеся: „славный“ (чаще), „столпный“ (рѣже), на которые ссылается проф. Миллеръ, не могутъ считаться несомнѣнно древними, да сверхъ того, эпитетъ „славный“ придается въ былинахъ почти что всякому изъ упоминаемыхъ ими городовъ.

Ш. „Быль ли Илья Муромецъ лицомъ историческимъ?“ спрашиваетъ далѣе нашъ ученый и затѣмъ отвѣчаетъ: „что ничего исторического искони не было въ Ильѣ, что все историческое было имъ пріобрѣтено лишь впослѣдствіи, какъ позднѣйшая окраска,—видно изъ того, что и его эпический предшественникъ, также какъ и онъ, вышелъ изъ области фантазіи, но не успѣлъ пріобрѣтиться къ кievскому циклу. Мы говоримъ о Святогорѣ“ (стр. 193). „Если Илья уже по происхожденію своей силы отъ великана искони не имѣлъ никакого отношенія къ русской истории и даже русской мочѣ, то, во-первыхъ, становится возможнымъ предположеніе, что его первоначальный типъ не былъ самостоятельнымъ продуктомъ русского народнаго творчества, а лишь впослѣдствіи обнародился; во-вторыхъ, что этотъ богатырскій типъ вошелъ позже въ некоторые другихъ богатырей въ эпической южно-русскій циклъ, напримѣръ, позже Добрыни Никитича“ (стр. 194). „Типъ Ильи Муромца и основы я сказанія о немъ искони не имѣли ничего исторического и пріобрѣли историческую окраску въ теченіе времени“ (стр. 197).

Намъ кажется, проф. Миллеръ даетъ слишкомъ мало послылокъ и слишкомъ много заключеній. Былины обѣ отношеніяхъ Ильи къ Святогору, на которыхъ на одинъ онъ опирается, не связаны органически съ другими былинами обѣ Ильѣ и ничего не объясняютъ намъ въ послѣднихъ; почему не можетъ быть, что въ нихъ имя Ильи лишь ведавно не замѣнило какого-нибудь другаго богатырскаго имени? Сверхъ того, даже эти былины по степени фантастичности ничѣмъ существеннымъ не отличаются отъ эпическихъ пѣсень о Маркѣ Кралевичѣ, побратимѣ вилы, владѣльцѣ крылатаго коня, о Илошѣ Обиличѣ, котораго „кобыла родила“, вообще отъ эпическихъ пѣсень о личностяхъ несомнѣнно историческихъ.

По нашему убѣждѣнію, мы не имѣемъ рѣшительно никакихъ данныхъ утверждать, чтобы лицо съ именемъ Ильи Муромца никогда не существовало. Это могъ быть герой „чистаго поля“ въ древнемъ смыслѣ этого слова, воинъ, стоявшій на „заставѣ“ передъ степью²⁾), производившій раззѣзы по степи и бившійся съ одиночными „нахальщиками“ Тюрками и съ мелкими грабительскими партиями Тюрокъ. Подвиги Ильи, слишкомъ маловажные для того, чтобы имъ попасть въ лѣтопись³⁾), были воспѣты восхищеннымъ ими народомъ, при чѣмъ къ нимъ, какъ это бываетъ зачастую, были

¹⁾ Былина нигдѣ не говоритъ о длинѣ пути Ильи, но все таки даетъ ясно понять, что онъ былъ дальний и трудный, что совершить его въ короткій срокъ могъ только великий богатырь.

²⁾ О «заставахъ» въ южной Руси мы знаемъ отъ Брунона, современника св. Владимира; сходныя заставы въ древности должны были существовать и въ муромо-рязанской землѣ, также граничившей со степью.

³⁾ Если бы какая-либо лѣтопись въ Муромѣ или Рязани въ до-монгольское время или даже послѣ велась.

стъ течениемъ времени присоединены еще такие, которые въ разное время, раньше и позже, приписывались другимъ богатырямъ, съ другими именами, и которыхъ даже подобныхъ Илья никогда не совершалъ. Однимъ и вѣтъ основныхъ изъ тѣхъ подвиговъ, которые могли принадлежать историческому Ильѣ, должно было быть побеніе имъ на поединкѣ какого-то страшного степнаго врага.

IV. Главная мысль проф. Миллера, проходящая чрезъ всѣ «Экскурсы»,—мысль о вѣяніи вообще на русскій былинный эпосъ иранскаго эпоса и въ частности — на былины обь Ильѣ пѣсень о Рустемѣ. Почтенный ученый „предполагаетъ“, что „личность Рустема значительна повлияла на образование эпического типа Ильи“ (стр. 55), иначе—что Илья — русская перелицовка Рустема, и перечисляетъ десять подробностей общихъ обонь типамъ, не оставляющихъ, на его взглядъ, сомнѣнія въ томъ, что сходство между ними значительно. Но намъ кажется, сходные подробности—или сходство одного общаго свойства Ильи и Рустема—того, что они первые изъ богатырей, или совсѣмъ ничтожны и случайны. Профессоръ Миллеръ указываетъ какъ на общее Ильѣ и Рустему—на маханіе въ битвѣ Туркомъ или Татариномъ (стр. 72). Конечно, маханіе героя въ битвѣ однинъ изъ враговъ вмѣсто дѣйствованія оружіемъ теперь кажется намъ страннымъ, но въ древности въ рукоашной свалкѣ едва ли оно никогда не бывало въ ходу, такъ что передъ нами, быть можетъ, фактъ не изъ иранской или древне-русской, а изъ обще-человѣческой дѣйствительности сѣдой старинѣ. Мы можемъ сть нимъ сопоставить маханіе былинаго героя, вмѣсто оружія,—осью телѣжномъ, тоже странное, но несомнѣнно основанное на дѣйствительныхъ фактахъ. Вотъ что мы читаемъ въ документѣ 1655 года: „(Русскіе) государскіи счастіемъ Татарь побили многое множества, а побивали все такъ: изъ саней вывертывали оглобли и Татарь все оглоблями били“¹⁾ Проф. Миллеръ указываетъ еще на общее Ильѣ и Рустему, что они „оба отличаются продолжительностью жизни и совершаютъ подвиги уже въ преклонномъ возрастѣ“. Но представление и Ильи и Рустема стариками, по нашему мнѣнію,—необходимый выводъ изъ связанныхъ съ ихъ именами пѣсень обь боѣ съ сыномъ. Если ихъ сыновья представлялись въ пѣсняхъ такими богатырями, сть которыми приходилось считаться, то они сами должны были представляться не иначе какъ стариками.

Затѣмъ нашъ ученый сопоставляетъ подвиги Ильи и Рустема и находить между ними чрезвычайно много сходнаго. Къ сожалѣнію, мы здѣсь не можемъ следовать за нимъ въ частностяхъ (которымъ впрочемъ онъ самъ не придаетъ большаго значенія) и должны остановиться лишь на главномъ подвигѣ—на боѣ богатырей съ своими сыновьями. Мы признаемъ большое сходство подвига Ильи съ подвигомъ Рустема, но также признаемъ не малое сходство подвига Рустема съ подвигами нѣмецкаго Гильдебранда и кельтскаго Клизамора. Если проф. Миллеръ не находить возможности видѣть въ Гильдебрандѣ и Клизаморѣ „перелицовки“ Рустема,—почему онъ считаетъ себя въ правѣ видѣть въ Ильѣ „перелицовку“ Рустема? Почему онъ думаетъ, что у Нѣмцевъ и Кельтовъ могло быть свое, независимое отъ иранскаго, но къ нему близкое сказаніе о боѣ богатыря съ сыномъ, а у Славянъ не могло?

A. Соболевский.

Словарь русскаго языка, составленный вторымъ отдѣленіемъ Императорской Академіи Наукъ. Выпускъ первый. А—Втас. Спб. 1891.

«Настоящее изданіе имѣть предметомъ собственно общеупотребительный въ Россіи литературный и дѣловой языкъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался со временемъ Ломоносова.... Назначеніе словаря быть истолкователемъ живаго языка не исключаетъ изъ него такихъ словъ, которыхъ хотя и вышли изъ

¹⁾ Акты Археогр. Эксп., IV, стр. 128.

употребления, но встречаются въ сочиненияхъ, относящихся къ обнимаемому словарю перводу.

Такъ опредѣляетъ Академія Наукъ объемъ нового словаря. Сколько мы понимаемъ это опредѣление (изложенное, по нашему мнѣнію, не совсѣмъ удачно), Академія желала бы дать словарь современаго литературнаго и дѣловаго языка не простой, а историческій, въ которомъ современный словарный матеріалъ быль бы прослѣженъ по произведениямъ писателей и ученыхъ XVIII и XIX вѣковъ, начиная съ Ломоносова.

Обратимся къ самому словарю. Достаточно развернуть его, чтобы увидѣть, что передъ нами отнюдь не историческій словарь: скудство примѣровъ изъ сочиненій и переводовъ XVIII и первой четверти XIX вѣковъ (особенно прозаическихъ) столь велико, что прямо бросается въ глаза¹⁾, да и примѣры изъ сочиненій новѣйшаго времени на столько малоочислены, что читатель не можетъ прослѣдить даже новѣйшей исторіи ни одного русскаго слова. Итакъ, передъ нами простой словарь русскаго языка нашихъ дней, но съ значительной примѣсью словъ, не находящихся теперь въ общемъ употребленіи. Тутъ мы находимъ и бабичай, и басалькъ, и башловка, и безвытий, и борла, и вабій, и вапленіе, и виталище,²⁾ и многія другія подобныя слова, которыхъ отиѣчены какъ старинныя и принадлежность которыхъ новому литературному языку подлежитъ сомнѣнію; во всякомъ случаѣ со стороны Академіи она не доказана никакими бы то ни было цитатами. Тутъ намъ встречаются и слова поэтическія, изъ произведеній Ломоносова, Державина, Гнѣдича, въ родѣ быстропарный, веселоправный, веселорѣзывый, ветхоструйный, волоковая, воспящать, и слова обычныя въ сравнительно недавніе годы, встречающіяся въ произведеніяхъ, напримѣръ, Пушкина, но теперь уже исчезнувшіе изъ языка, въ родѣ альмавива, боливаръ, васисдасъ³⁾, и слова принадлежащи разными русскимъ говорамъ, которыхъ чужды нашему литературному языку (принадлежность ихъ ему со стороны Академіи ничѣмъ не доказана), въ родѣ аба, абаза, бакулий, балахна, балобой, басаринка, бахта, бензека, белегъ, бережничать, беряя, бирчить, боговщина, бодяничать, буйще, бѣшава, вачега, взводенья, видкій, влаги, воловикъ, всподния, всторобаниться, и наконецъ, слова какъ будто иигдѣ, ни въ какихъ говорахъ русскаго языка не существующія (хотя иѣкоторые и находятся у Даля), въ родѣ безковарство, блазнияться, блудоносный, быстротокъ, вертепистый, вздорливость, иконка⁴⁾....

Рядомъ съ этимъ примѣсью словарь имѣть еще другую, тоже значительную. Это—слова не русскія, русскому языку не принадлежащи и никогда не принадлежавши. Мы, какъ извѣстно, первѣдо вставляемъ въ русскую рѣчь иностранныя слова и пишемъ ихъ русскими буквами; послѣднее обстоятельство, конечно, не дѣлаетъ ихъ русскими. Академія Наукъ воздержалась отъ введенія въ словарь однихъ изъ нихъ (въ немъ нѣть: бонжуръ, атташе, бонвианъ, бильеду, аживруверъ, аляфушеръ, бѣфъ бризе, сунь бискъ, архонтъ басплевсь, буле, вигъ, ассагай), но за то ввела многія другія, въ родѣ абулія, агасима, адінамія, адюльтеръ, акосимъ, актинометрія, альтиметрія, амфиболія, аспицітота, адажіо, ажуръ, алагрекъ, алиби, аллегретто, альпари, альфresco, анданте, анимозо, арпеджіо, бандо, безе, бидз, биль-

¹⁾ Мы не замѣтили примѣровъ даже изъ прозаическихъ переводовъ Карамзина и Жуковскаго.

²⁾ Между прочимъ, въ словарѣ приведено слово видокъ съ ссылкою на извѣстное посланіе о земномъ раѣ, причемъ авторъ этого памятника названъ архиепископомъ Васіаномъ.

³⁾ Отмѣтимъ еще слово барыша. Оно найдено Академіею у Аблесимова и вставлено въ словарь, не смотря на то, что значеніе его Академія не удалось определить (однако она нашла возможнымъ поставить въ немъ удареніе!).

⁴⁾ Словарь приводить выражение: ванны песчаныя. Едва ли оно существуетъ (мы знаемъ лишь ванны песочини).

бокъ, бланиаже, бонмо, буриме, вето, альдерманъ, альгавиль, арбалетъ, бакшишъ, баллиста, беглербей, берсеркъ, вали, веттурий.

Изъ нихъ часть можетъ быть склоняема по-русски, но часть употребляется нами въ своей иностранной формѣ, даже безъ русскихъ окончаній.

Словарь снабженъ объясненіями. Одни содержать въ себѣ толкованіе словъ; другія посвящены этимологіи словъ, указанію ихъ иностранныхъ предковъ и т. п.

Первая вообще удовлетворительны. Мы не останавливаемся на мелочахъ (въ родѣ археологъ—занимающійся изслѣдованіемъ ионументальныхъ древностей) и ограничиваемся болѣе крупнымъ. А збуковникъ—не сборникъ словъ съ толкованіями и не толковый словарь, какъ говорить Академія, а сборникъ разнообразныхъ статей (между прочимъ по грамматикѣ и истории); бусы—корабли—не бусы, т. е. тѣнны голубостѣрые корабли, а корабли особаго типа (буса, женск. р.,—одно изъ обычныхъ словъ старого русскаго языка XIV—XVII вв.; смотри Срезневскаго, Материалы для словаря); возникъ (въ старомъ языке)—не возчикъ (и не ломовая лошадь, какъ у Даля), а экипажная, въ частности каретная лошадь (повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ и др.); березозоль (березозоль, стоящее въ словарѣ, едва ли когда нибудь существовало)—древнее название не марта и апрѣля, а одного апрѣля (смотр. Срезневскаго); благодарствовать никогда не значить: оказывать добро, благотворить (былинное благодарствуешь=спасибо); боялка—не жена бояля, а баба живущая одиноко; вербнякъ—не вербовая роща, а кусты вербы (въ большемъ или меньшемъ количествѣ); возлизастый голубь—не имѣющій бѣлыхъ или черныхъ пятна по обѣимъ сторонамъ лба, а имѣющій на краяхъ сѣрыхъ крыльевъ большее, чѣмъ обыкновенно, количество бѣлыхъ перьевъ. Значеніе нѣкоторыхъ областныхъ словъ, данное Академіей (по Далю), возбуждаетъ большія сомнѣнія; такъ, бабица едва ли гдѣ нибудь въ Россіи значить или значило: бабѣ, а воеvodша—сборъ въ пользу воеводы.

Что до вторыхъ, то между ними не мало сомнительныхъ и недостаточно обоснованныхъ. Мы не останавливаемся на тѣхъ изъ нихъ, которыхъ находятся въ академическомъ «Русскомъ Правописаніи» (ветчина—корень въ яд, вишь изъ виши, бишь изъ баешь, безиѣнь отъ батманъ и т. п.). Передъ нами слово въ языка. Оно является въ словарѣ въ видѣ вязига, съ и, на основаніи польск. wuz бѣлага и родственныхъ ино-славянскихъ словъ. Но польск. wuz имѣть и въ кориѣ и потому родство его съ вязига подлежитъ величайшему сомнѣнію; сверхъ того, если на основаніи пол. wuz исправлять правописаніе нашего слова, надо писать послѣднее въязига; и въ вязига, на нашъ взглядъ, не имѣть за себя никакихъ данныхъ¹⁾. Въ словѣ берлога, по словарю, его вторая часть лога—одного корня съ глаголомъ лежать. Въ этомъ вполнѣ познательно сомнѣваться въ виду польск. berło. Слово бляха, польск. blacha, по словарю, восходить къ франц. plaque. По нашему мнѣнію, скорѣе къ нѣмъ blech. Слово вѣкша, по словарю, происходить отъ персидскаго вешак. Мы думаемъ, что это издревле русское название ствѣрнаго животнаго не можетъ быть заимствованымъ съ востока и что заимствованымъ должно быть персидское слово (если эти слова необходимо ставить между собою въ связь). Особенно сомнительны тѣ объясненія Академіи, гдѣ она приводить данныхъ церковно-славянского и древне-руssкаго языковъ. Такъ, мы читаемъ: баринъ, ц.-сл. бояринъ. Церковно-славянскій языкъ не имѣть этого слова (въ немъ болляринъ). Или: бессаконныи, ц.-сл.—языческій. Церковно-славянскій языкъ не имѣть для этого слова приведенного значенія. Или: вдовѣ—отъ ц.-сл. прилагательнаго вдовъ.

¹⁾ Если бы Академія въ своихъ этимологическихъ изысканіяхъ обращала сколько нибудь вниманія на произношеніе интересующихъ ее словъ въ разныхъ русскихъ говорахъ, она, конечно, не упустила бы случая отмѣтить, что вязига во всѣхъ говорахъ, сохранившихъ древніе гласные, звучитъ съ я, ветчина—съ е, что рядомъ съ бишь слышится пѣшь.

Въ церковно-славянскомъ языке не было такого прилагательного. Или: вѣкша, ц.-сл. вѣкша. Церковно-славянский языкъ не зналъ этого слова, а если бы звалъ, оно бы въ немъ звучало вѣкша. Или: в незапу—отъ ц.-сл. запу, вин. пад. отъ запа ожиданіе, подозрѣніе. Въ церковно-славянскихъ памятникахъ не встрѣчается слова запа (форма вин. ед. которого была бы, конечно, запж), а известно лишь слово запъ, мужск. рода,—подозрѣніе, съ которымъ наше в незапу едва ли можетъ быть родственно, такъ какъ оно пишется въ древнихъ текстахъ не только вънезапж, но и вънезапж, вънезапж (см. Срезневскаго, Материалы).

Академія Наукъ нашла нужнымъ дать грамматическое опредѣленіе приводимымъ въ словарѣ словамъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ кое-что очень сомнительное, иногда старое, иногда новое. Между прочимъ бывало («бывало, онъ еще въ постель»)¹⁾, по мнѣнію Академіи,—нарѣчіе, бы («не тебѣ бы говорить»)—сокузъ, вольно («вольно ему было не беречься»)—глаголъ, видно («онъ, видно, не прѣдѣтъ»)—нарѣчіе, бацъ, бухъ, бултыхъ («бацъ его по головѣ»)—глагольные частицы, в слѣдъ («удары вслѣдъ звучать удары»), в слѣдствіе («вслѣдствіе неосторожности онъ занемогъ»), впереди («впереди войска»), вопреки («вопреки законамъ»)—предлоги, азъ, созъ—тоже предлоги, въ догоинку, въ началѣ, во вѣки, во истину, волею, въ перевалку, въ перенежку, въ правду, въ прахъ и др.—нарѣчія.

О степени полноты словаря мы пока можемъ сказать только то, что бросающіеся въ глаза пробѣловъ изъ современного нашего литературного языка въ немъ не видно (мы отмѣтили лишь отсутствіе слова велегорка—пишеница).

A. С—скій.

Памятная книжка Воронежской губерніи на 1892 годъ. Издание Воронежскаго Губернскаго Статистического Комитета. Выпускъ второй. Воронежъ, 1892.

«Памятная книжка», издаваемая разными статистическими комитетами, обыкновенно такъ скучны интересны въ какомъ-нибудь отношеніи материјalomъ, что настоящая «книжка» можетъ быть признана счастливымъ исключениемъ. Обнародованный въ ней разнообразный данныи представляютъ много любопытнаго, особенно «списки населенныхъ мѣсть», заключающіе въ себѣ указанія не только на число дворовъ, жителей, церквей, не только на количество общественной земли, но также—что у насъ въ подобныхъ трудахъ рѣдкость—на «народность населения». Помѣщенный въ ней затѣмъ „Очеркъ воронежскаго мѣщанскаго говора сравнительно съ украино-русскимъ нарѣчіемъ“ г. Дикарева тоже былъ бы любопытенъ, если бы авторъ постарался подробнѣе описать и характеризовать говоръ воронежскаго мѣщанства и его отношенія къ языку образованного общества съ одной стороны и къ ближайшимъ народнымъ говорамъ съ другой (онъ, какъ почти все мѣщанские говоры большихъ городовъ,—смѣшанный) и не пускался бы въ длинныя статистическія исчисленія звуковъ сомнительной цѣнности. Даю въ томъ, что г. Дикаревъ не потрудился сказать, какъ произносится въ воронежскомъ говорѣ буква з, какъ лат. g, или какъ лат. h, есть ли въ немъ є вместо у и наоборотъ и т. п., каковы въ немъ особенности формъ склоненія и спряженія, а взамѣнъ этого въ „статистикѣ вокализма“ опредѣлилъ, сколь часто употребляются тотъ или другой звуки въ разныхъ говорахъ и языкахъ (между прочимъ сколь часто слышатся въ болгарскомъ языке звуки ѿ, звуки є, звукъ ѹ, звукъ Ѹ, звукъ ж и т. д...). Впрочемъ недостатки статьи г. Дикарева до известной степени выкапаются довольно большими, сборникомъ воронежскихъ, великорусскихъ и малорусскихъ пословицъ, поговорокъ и т. п., записанныхъ имъ недурно, но съ излишнею графической тонкостью (мыльгу вместо мылью, абойэ вместо абоэ, вѣлизъ вместо вѣлисъ) и едва ли особенно точно. Такъ,

¹⁾ Этотъ и слѣдующіе примѣры—изъ числа приведенныхъ Академіею.

мы сомневаемся, чтобы въ Воронежѣ говорили: забрали живо, съ ј; а скусахъ ни спорють, пидъдисять карманасть, съ ѿ; забаходжесъси, съ жож.

Сверхъ того, въ настоящей книжкѣ изданы описание малорусской свадьбы и нѣсколько малорусскихъ пѣсень изъ Острогожскаго уѣзда.

A. С—скій.

Харьковский Сборникъ. Подъ редакціей члена-секретаря В. И. Касперова. Литературно-научное приложение къ „Харьковскому Календарю“ на 1891 годъ. Выпускъ 5-й. Харьковъ, 1891.

Здѣсь мы находимъ, кроме материаловъ для біографій Н. И. Костомарова (г. Руссова) и архіепископа Филарета (харьковскаго), еще слѣдующія статьи:

„Церковно-судебная практика по дѣламъ брачнымъ въ Бѣлогородской епархіи (1721—1799 гг.)“, г. Демидова;

„Дневникъ путешествія по Слободско-Украинской губерніи академика Гильденштедта, въ 1774 г.“, въ переводѣ съ нѣмецкаго;

„Современное состояніе вопроса о происхожденіи слободско-украинской степи“, г. Краснова.

Въ концѣ Сборника помѣщено „извѣщеніе“, что 12 членовъ Харьковскаго Губ. Статистического Комитета задумали составить описание Харьковской губ. въ естественно- и культурно-исторической отнosiеніяхъ, на основаніи какъ пособій, такъ и новыхъ данныхъ. Послѣднія имѣютъ быть собраны отчасти самими членами посредствомъ ученыхъ экскурсій по губерніи, отчасти мѣстными знатоками при помощи программъ по этнографіи, быту, исторической географіи съ археологіей и языку. Программы напечатаны при „извѣщеніи“.

A. С—скій.

Календарь Вятской губерніи на 1892 годъ. Издание Губернского Статистического Комитета. Вятка, 1891.

„Календарь“ на 1892 годъ содержитъ въ себѣ, между прочимъ, слѣдующія статьи:

„Объ историко-этнографическомъ изученіи вятского края“, проф. И. Н. Смирнова. Въ ней авторъ излагаетъ программу занятій для мѣстныхъ археологовъ и этнографовъ и рекомендуетъ имъ 1) собирать и изучать мѣстные названія (рѣкъ, горъ и т. п.) и 2) изслѣдовывать процессъ обрученія инородцевъ и взаимные отношенія этихъ послѣднихъ и ихъ русскихъ сестрѣй. Программа И. Н. Смирнова, по которой можно собрать цѣнныя данные, годится для изслѣдователей не одного вятского края, а также и другихъ инородческихъ мѣстностей европейской Россіи, а отчасти и Сибири;

„Загадки Слободского уѣзда Вятской губерніи“, записанныя съ сохраненіемъ особенностей мѣстного говора (889 №);

„Материалы для объяснительного областнаго словаря вятского говора“ (съ замѣткою о звуковыхъ особенностяхъ этого говора), г. Васнецова.

Сверхъ того, въ этой книжкѣ „Календаря“ помѣщено окончаніе указателя статей „Вятскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, начатое въ предыдущей книжкѣ.

A. С—скій.

Zbiór wiadomości do antropologii Krajowej. T. XIII.

Въ прошломъ № «Ж. Ст.», давая отчетъ о книгѣ, заглавіе которой выписано здесь, мы отложили до слѣдующихъ №№ отчетъ о самой главной статьѣ отдѣла: «Этнографическихъ матеріаловъ». Это «этнографический очеркъ» теперь уже покойного проф. д-ра И. Коперницкаго «O g 6 galach Ruskich w Galicyi», составленный на основаніи наблюдений, произведенныхъ во время путешествія автора по Карпатамъ въ концѣ лѣта 1888 г.

Отправившись въ свою поѣзду, Коперницкій имѣть въ виду «лично познакомиться съ отдельными родами русскихъ горцевъ на мѣстѣ и собрать возможный запасъ матеріаловъ для ихъ характеристики физической и этнографической». Съ этой цѣлью авторъ рѣшилъ въ продолженіи 4—5 бывшихъ въ его распороженіи недѣль посѣтить главнѣйшія мѣста осѣдлости русскихъ горцевъ между Попрадомъ и Черемошемъ, т. е. въ предѣлахъ племенъ Лемковъ, Бойковъ, Тухольцевъ и Гуцловъ. Въ важнѣйшихъ селеніяхъ онъ оставался по 1—3 дн., подгоняя время такъ, что эти дни остановокъ приходились въ воскресенье, какой-нибудь праздничный или базарный день, чтобъ давало ему возможность видѣть больше народу и прислушаться къ говору людей, какъ мѣстныхъ, такъ и изъ сосѣднихъ селеній.

Для легчайшаго ознакомленія съ народомъ Коперницкій прибѣгалъ къ такимъ средствамъ. Прежде всего, перебираясь изъ одного мѣста въ другое, онъ бѣжалъ не ближайшей дорогой, а черезъ наиболѣе людныя деревни, за тѣмъ съ тѣлѣгою для своихъ перебѣзовъ возницу выбиралъ непремѣнно русскаго, притомъ мѣстнаго уроженца, хорошо во всѣхъ отношеніяхъ знакомаго съ окрестностями. По дорогѣ онъ распрашивалъ возницу о мѣстности, по которой они проѣзжали, о житељахъ, ихъ хозяйствѣ, нарядахъ и т. д., и при этомъ внимательно прислушивался ко всѣмъ особенностямъ его говора. Вѣдь съ тѣмъ авторъ считалъ свою обязанностью въ каждомъ селеніи зайти подъ какимъ-нибудь предлогомъ, по крайней мѣрѣ, въ дѣвъ хаты, принадлежащія, по видимому, хозяевамъ, одна среднаго достатка и одна наиболѣе зажиточному. Конфетка, данная ребенку, или папироза, предложенная хозяину, располагали въ его пользу владѣльцевъ, и ему охотно показывали хозяйство и давали различныя объясненія.

Большое содѣйствіе оказывали изслѣдователю русскія духовныя лица, принимавшія его радушно и сбиравшія къ себѣ въ домъ мѣстныхъ жителей для его антропометрическихъ изслѣдованій, водившія его по хатамъ селенія и объяснявшія ему особенности и отличія въ одеждахъ данного селенія отъ сосѣднихъ съ нимъ, близкихъ и дальнихъ.

Такимъ образомъ Коперницкому удалось собрать довольно большой запасъ свѣдѣній и матеріаловъ этнографическихъ, на основаніи которого онъ составилъ этотъ краткий «этнографический очеркъ», оставляя болѣе подробную обработку матеріала на будущее время, чтобъ едва-ли ему удалось за посѣтовавшую въ 1889 году смертью.

Первымъ горнымъ русскимъ племенемъ, которое увидѣло автора разбираемаго очерка, были Лемки, получившіе отъ В. Поля название Спишаковъ и Куртаковъ или Чуондевъ и занимающіе въ западной, или польской Галиціи верховья почти всѣхъ притоковъ Вислы и Вислоки (прав. притокъ Вислы). Даѣте надѣ Ославой и всѣми лѣвыми притоками Саны вплоть до рѣчекъ Дверника и Ступосянки живеть племя, во многихъ отношеніяхъ, по наблюденіямъ Коперницкаго, отличающееся отъ Лемковъ. Авторъ по этому говорить о немъ отдельно, хотя В. Поль считаетъ его за одно племя съ Лемками.

«Лемковщина» представляетъ собой горную мѣстность съ широкими и открытыми по течению рѣкъ и болѣе значительныхъ потоковъ долинами и съ лишенными лѣса горами, по которымъ лежать бесплодныя поля, покрыты рядами огромныхъ кучъ камня. Въ виду такого устройства поверхности жители принуждены селиться у воды, гдѣ можно найти клочокъ земли подъ пашню и огородъ. Деревня тянется по берегу потока, причемъ верхній конецъ занимаютъ церковь и школа.

Строится здѣсь такимъ образомъ, что всѣ постройки одного хозяина (т. е. жилище и всѣ хозяйственныя постройки) находятся подъ одной крышей, образуя какъ бы одно очень длинное зданіе, обращенное лицевой стороной на дорогу. Жилища здѣсь глядѣть везде не казисго: стѣны только изнутри бываютъ обтесаны немногим старательнѣй, пазы между бревенъ замазываются сѣрою глиной и изрѣдка бѣлятся. Все другое остается неотесаннымъ и почернѣлымъ. Избы все курмы, только нѣкоторые наиболѣе зажиточные строятъ черезъ сѣни противъ жилой избы свѣтлицу, отапливаемую изъ сѣней, со стекольчатыми окнами, которыхъ однако почти никогда не отворяются.

Внутри избы, тотчасъ у входа, на лѣво или направо цѣлый уголь занять огромную 4-угольную печью съ припечкомъ спереди и лавкой съ боку; около нея всегда—1—2 бочки съ водой. У лицевой стѣны подъ окнами тянется широкая неподвижная лавка, продолжаясь изъ краснаго угла по другой стѣнѣ, а въ образуемомъ ею углу стоять высокий, на четырехъ ножкахъ столъ. Между концемъ этой скамьи и печью, у задней стѣны, стоять деревянная кровать съ вязкою соломы и какой нибудь покрышкой, а надъ нею нерѣдко висить люлька (колоска). Въ промежуткѣ между кроватью и печью придѣланъ къ стѣнѣ шкафчикъ съ тремя узенькими полочками для глиняной посуды (называемый «подышоръ» (rodyszog)). Въ послѣднемъ углу, у самыхъ дверей, противъ печи, въ нѣкоторыхъ избахъ приготавляется мѣсто съ подстилкою изъ соломы для помѣщенія зимою телятъ. Въ избѣ—дынь, мусоръ, грязь.

Пища Лемковъ скудна. Вѣсто хлѣба ржанаго и пшеничнаго, который какъ лакомство покупаютъ въ городѣ, здѣсь покупать такъ называемыя «соцники» (oszczurki), т. е. лепешки изъ овсяной муки и тертаго варенаго картофеля. Картофель же, съ прибавленіемъ еще кое-какихъ овощей, составляетъ и главное средство пропитанія Лемковъ. Плодовъ потребляютъ мало: немногого сливъ, да дикия груши и яблоки, єдьть ихъ и недозрѣлыми и сушеными на печи.

Такъ какъ земледѣліе не даетъ Лемку достаточно средства для содержанія семьи и уплаты податей, то онъ занимается откармливаніемъ рогатаго скота (крупнаго и овецъ), который по веснѣ закупаетъ въ Венгріи, а осенью продаётъ, получая до 40—60% прибыли, не считая остиженной шерсти. Промысла—никакого, если не считать заготовленія досокъ для бочекъ за дешевую цѣну для Евреевъ. Женщины ткуть сукно и полотно, но то и другое грубо и годно лишь для домашнаго обихода.

Все увеличивающееся размноженіе населенія и это отсутствіе промышленности заставляетъ въ послѣднее время Лемковъ отправляться на заработки въ Америку, и только скончивши нѣсколько сотъ гульденовъ возвращаться на родину. На заработки уходятъ обыкновенно молодые неженатые парни и изрѣдка дѣвушки.

Росту Лемки обыкновенно бываютъ средняго или выше средняго, по цвѣту волосъ, которые отпускаютъ чуть не до плечъ, Лемки преимущественно шатены и темно-шатены, съ примѣсью больше брюнетовъ, чѣмъ блондиновъ, женщины же обыкновенно блондинки пополамъ съ шатenkами, брюнетки встрѣчаются рѣдко. Глаза какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ бываютъ одинаково и свѣтлые, и темные. Лицо, совершенно выбритое, бываетъ нерѣдко продолговатое, обыкновенно овальное и изрѣдка—круглое, послѣднее чаще всего у женщинъ. Носъ у мужчинъ обыкновенно прямой, но встрѣчается и болѣе или менѣе вздернутый, представляющій вмѣстѣ съ тѣмъ обычное явленіе у женщинъ.

Выраженіе лица у Лемка спокойное, ровное, иногда какъ бы апатичное; движения не такъ тяжелы и болѣе свободны, чѣмъ у другихъ Русскихъ.

Наиболѣе характерною частью въ нарядѣ Лемка является «чуха» (czuha) изъ грубаго, обыкновенно сѣраго, иногда буро-чернаго сукна, длиною ниже колѣнь, безъ воротника, съ пришитою около ворота «галеріей» (четырехугольнымъ кускомъ того же сукна), спускающейся отъ шеи и плечъ до лопатокъ; изъ подъ этой «галеріи» висятъ длинные, почти до колѣнь рукава, спищты на концахъ и украшенные, такъ же какъ и галерія, бахромой. Рукава эти служатъ обыкновенно вмѣсто кармановъ; во зимой или въ иенастыѣ ихъ одѣваютъ и на руки, чтобы удобнѣе было запахнуть всю чуху, тогда и галерія одѣвается на голову. Чуху носить только путники да пастухи.

Рядомъ съ чухой, но чаще ся, носять гунио (*gunia*) суконную съ узеньими воротниками, длиною до половины бедра. Гунио въ рукава одѣваютъ только въ межгоду: обыкновенно же ее только застегиваютъ подъ подбородкомъ и оставляютъ часть за спиной или сбоку. За гунией слѣдуетъ сердакъ (*serdak*) — кафтанъ безъ рукавовъ изъ тонкаго сукна для праздниковъ, изъ толстаго — для повседневнаго употребленія. Рубашки носятъ короткія, до пояса и безъ всякихъ украшений и нашивокъ. Штаны — изъ бѣлого или чернаго сукна — имѣютъ спереди венгерскій фартучекъ, обшитый во краямы шнурковъ, такъ же какъ и швы по ногавицамъ; стягиваются они у косы узеньими ремешками. Шапки носятъ черныя, широкія съ большими воротничками по венгерски поляки.

Женщины носятъ рубашки полотняные, по праздникамъ перкальные безъ всякихъ украшений и нашивокъ; юбка — по буднямъ синяя полотняная, по праздникамъ перкальная разныхъ цветовъ — не доходить до подола рубашки; поверхъ юбки бѣлый или черный передникъ (*«запаска»*) безъ всякихъ украшений. Поверхъ рубашки «горесть» яркораскрасный или синий. Ожерелье носятъ мало: нѣсколько шнурковъ изъ самой шеи. На плечи накладывается покрывало (*rantuch*) безъ украшений.

Волосы девушки заплетаются въ одну косу, въ конецъ которой вплетается ленточка, а женщины заплетаются въ двѣ косы и укладываются гладкими кругами на затылкѣ, а сверху одѣваютъ маленький плотно прилегающій къ головѣ чепчикъ. Поверхъ чепца платокъ бѣлый или цветной, концы которого скрещиваются подъ подбородкомъ и завязываются на шеѣ.

Рѣчь Лемковъ отличается прежде всего очень частными употребленіями частицы *иень*¹⁾ (*iésh*), отъ которой они и свое название получили; затѣмъ идеть вольско-словенская акцентовка: *jicháty, wérba, stóit, rgujiatélu, wóda, mołoko, téklo*.

Другую особенность представляетъ окончаніе прошедшаго времени (собственно причастія прошедшаго времени) *l=ть*, заимствованное, по мнѣнию Конерницкаго, отъ Польскаго или Словакскаго, вѣсто общерусскаго *w* (*e* или *ü*)²⁾, напр. *ležal* — лежалъ, *chodyl* — ходилъ. Далѣе, послѣ гортанныхъ, въ особенности послѣ *k, ch* и *h* употребляется *u* (*ы*)³⁾ вм. *i*: *hrichy, shuky, wełyky, chuya, gohy* и т. д. Согласный *t* (*т*) на концѣ бываетъ обыкновенно твердымъ, напр. въ словахъ *riat* (пять вм. пять) и *dwendcat* (двадцать вм. двадцать), *stoit*, *sedyt*, *wodyt* и т. д. (здесь *t* (*т*) твердое какъ и въ русской языкѣ (великорусскомъ) въ противоположность малорусскому *тарчю*), хотя не исчезло и мягкое, напр.: путь, *starist'* (старость), *taast'* (часть) и т. д.

Кромѣ того, въ языкѣ Лемковъ слышится довольно много словъ и выражений, не встрѣчающихся въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ, напр. *szumnyj* и *szuwnyj* (шумный и шумный) — красный, *hudba* — музыка, *zem* и *hein* — здѣсь, *otkal* — откуда, *pe-je* и *dazbi* (*dast Biñ* — дѣсть Богъ) въ значеніи иѣтъ (малорусское *нема*), Богъ подастъ. Такоже въ большомъ ходу сокращенія, неупотребительныя въ другихъ нарѣчіяхъ, напр.: *ró-le* вм. *rod' iésh* — ну, иди же! *sztochu-je* — смотри же! *smo-le-smo* — смотри жь ты: пой-е-по не можетъ быть! не возможно!

Отъ Лемковъ Конерницкій перешелъ къ другому русскому племени, которое, при большомъ сходствѣ съ предыдущимъ, представляетъ однако и свои особенные отличительныя черты. Уже самъ видъ жилищъ показываетъ, что здѣсь живутъ другіе люди. Хотя жилое помѣщеніе и стоитъ подъ одной кровлей съ хозяйственными постройками, какъ и у Лемковъ, но зданія расположены иначе, сдѣланы тщательнѣе и содержатся опрятнѣе. Самая изба внутри обтесана и выбѣлена, съ большими широкими окнами

¹⁾ Испорченное словенское *len=* — только, вѣсто южнорусск. языка и тильки.

²⁾ Конерницкій Великоруссовъ считаетъ, конечно, российскимъ и языкъ ихъ — российский, а не русский, и потому, говоря о южнорусскихъ нарѣчіяхъ, не считаетъ нужнымъ привлекать къ сравненію русскій языкъ (языкъ образованной части народа) и великорусскія нарѣчія. *l=ть* у Лемковъ есть лишь исконное общеславянское, а стало быть и русское, окончаніе, въ сравнительномъ мѣдленнѣе времени прошедшего у малоруссовъ и бѣлоруссовъ и *e=ü*, а у Сербовъ въ о.

³⁾ Тоже сохранилось изъ дравнерусского языка.

Убранство избы почти такое же, какъ у Лемковъ, но столь въ большомъ углу устроенъ иначе: здѣсь онъ представляетъ собой длинный глубокій ящикъ на низенькихъ ножкахъ, отодвижная крышка котораго замѣняетъ верхнюю плоскость стола.

Отличаются Полонинцы оть Лемковъ и своимъ бытомъ. Земля у нихъ болѣе удобна для обработки, и трудъ земледѣльца вознаграждается лучше. Поэтому они уже менѣе занимаются скотоводствомъ и овецъ держать только для своего пользованія, а не для продажи, но крупный рогатый скотъ откармливаютъ и для продажи.

Пища Полонинцевъ лучше, чѣмъ у Лемковъ, вслѣдствіе большаго употребленія молочныхъ продуктовъ и овоцей: кромѣ картофеля и капусты здѣсь растеть морковь и брюква, а чеснокъ родится въ такомъ изобиліи, что его сбываются даже въ Венгрию.

Въ физическомъ отношеніи Полонинцы менѣе отличаются оть Лемковъ: такъ же преимущественно средніго роста, хотя малорослые здѣсь чаще встрѣчаются, чѣмъ у Лемковъ; такъ же преимущественно шатены (темно-русы), но блондиновъ менѣе, чѣмъ у Лемковъ, свѣтлые глаза чаще темныхъ; лица больше овальные, чѣмъ продолговатыя, но встрѣчаются и круглые; точно также и носы больше прямые, но встрѣчаются изрѣдка и горбатые, чего у Лемковъ, по наблюденіямъ Коперницкаго, не встрѣчается.

Но главное отличіе Полонинцевъ оть Лемковъ заключается въ одѣждѣ. Тутъ прежде всего приходится отмѣтить, что и мужскіе и женскіе наряды Полонинцевъ обыкновенно бываютъ богаты различными украшеніями и вышивками въ противоположность Лемкамъ, у которыхъ не бываетъ на одѣждѣ никакихъ украшеній. Рубашка, которую здѣсь шьютъ длиннѣе, вышита по вороту, рукавамъ и груди различными гарусами, и кромѣ завязки около шеи застегивается по серединѣ груди особою запонкою; подъ каftаномъ безъ рукавовъ («лайбикъ») и гуней («сиракъ»), красиво вышитыми бѣлыми и красными шнурками, носить черезъ плечо гладкую кожанную торбу (кобукѣ) или полотняную (цидло). Носить также и чуху, которую здѣсь называютъ «сзаріw» (чапивъ), но «галерія» у ней совсѣмъ иного покрова и съ различными украшеніями. Еще болѣе отличается оть Лемковскихъ костюмовъ женскій нарядъ. Праздничный нарядъ здѣшней женщины состоить изъ юбки («фагтич») изъ домаш资料的 полотна, не очень длинной, бѣлаго передника («запаска»), бѣлаго платка, наброшенного на голову (у Лемокъ—только на плечи) и спускающагося сзади ниже колѣнь, обвитыхъ черными шерстяными шнуркомъ («волосокъ»). Уборъ девушки оть убора женщины отличается только тѣмъ, что волосы девушки заплетаются въ одну косу, спускающуюся на спину, и платокъ не покрываетъ голову, а набрасывается только на плечи. Корсетовъ здѣсь не носить, замѣняя ихъ «лайбиками» изъ тонкаго сукна въ родѣ мужскихъ, и вместо чепчиковъ носить разноцѣпѣтные платочки (закіки).

Говорь Полонинцевъ, хотя вообще и близкій къ Лемковскому, имѣть однако и свои отличія. Прежде всего характерное лемковское лѣмъ у Полонинцевъ почти не употребительно; затѣмъ удареніе въ словахъ ставится почти всегда правильно, какъ и въ другихъ русскихъ нарѣчіяхъ, напр. держу, голова и т. д. И въ лексическомъ отношеніи говорь Полонинцевъ отличается оть лемковскаго употребленіемъ особыхъ названий для вещей, общихъ обоимъ племенамъ, напр. здѣсь говорять сзаріw вм. сцина, sїrak вм. gunia, lajvuk вм. serdak, paleucusia и opalanok вм. oszczupok и т. д.

Отъ Полонинцевъ, переправившихся черезъ р. Сянъ, Коперницкій попалъ къ новому племени русскихъ горцевъ, Бойкамъ. Внѣшний видъ ихъ поселковъ мало чѣмъ отличается оть селеній Полонинцевъ; только строенія еще болѣе разбросаны да избы снаружи обмазаны глиной и на оконныхъ рамахъ видны бѣлые кресты, которые хозяйки ежегодно въ день Богоявленія чертятъ ржаной разведенной въ водѣ мукою¹⁾. Болѣе всего поразило ученаго путешественника въ поселкахъ Бойковъ обилие здѣсь Евреевъ: чуть ли не каждая пятая или шестая изба принадлежитъ Еврею. Въ одной деревнѣ Либухорѣ, надъ р. Стыремъ, говорить, живетъ евреевъ до 250 чел.

¹⁾ Обычай, употребительный и въ Россіи. У настъ чертятъ ихъ, чтобы освятить домъ на цѣлый годъ и отогнать злого духа.

Свой бытъ Бойки могли бы устроить гораздо лучше, еслибы не легкомысле и пристрастие къ водкѣ, которыми и пользуются ихъ односельцы израильского племени. Бойки предиричливѣ и подвижнѣ Лемковъ и Полонинцевъ, земля здѣсь плодороднѣе, есть хорошие луга для пастбищъ. Кроме того Бойки торгуютъ и скотомъ.

Характеръ Бойковъ, по словамъ Коперницкаго, «живой и даже огненно-страстный», чѣмъ они сильно отличаются отъ своихъ соѣдей по ту сторону Сиана. Въ гнѣвѣ они жестоки и за обиду, особенно если мотивы или выполненіе ея низки и подлы, искать ужасно, избивая виновнаго, «щобы горы знали, якихъ маютъ хлопцівъ».

Въ физическомъ отношеніи Бойки отличаются отъ Лемковъ и Полонинцевъ тѣмъ, что при такомъ же среднемъ или выше средняго ростѣ (высокій ростъ встрѣчается чаще низкаго) они построены крѣпче и пропорциональнѣе, въ движеніяхъ живѣе и ловче. Лица здѣсь часто бываютъ круглымъ съ болѣе или менѣе вздернутымъ носомъ, но встрѣчаются носы и горбатые.

Нарядъ Бойковъ, какъ мужской, такъ и женскій сильно отличается отъ нарядовъ Лемковъ. Прежде всего Бойки вѣсто чухи съ галерей носить сиракъ въ родѣ спаекъ Полонинцевъ, но только гораздо длиннѣе и съ карманами съ обонь боковъ. Подъ спаакъ поверхъ лайбика безъ рукавовъ носить «куртакъ» изъ толстаго сукна, доходящій до бедеръ. Рубашки носить изъ толстаго полотна, но богато вышитыя, какъ и остальные части наряда, шелкомъ и шерстью разныхъ цветовъ.

Въ женскомъ нарядѣ еще больше отличий, начиная съ прически. Здѣсь дѣвушки и женщины чешутъ волосы на двѣ косы и, вплетши въ нихъ особыя плетенки изъ краснаго гаруса, оканчивающіяся такими же кистями, спускаются по спинѣ до крестца, а здѣсь онъ прикрѣпляются при помощи особаго пояска изъ шерсти («попружка»), такъ что кисточки плетенокъ высываются изъ подъ пояска на самой серединѣ лопатокъ. Дѣвушки же повязываютъ эту «попружку» такъ, что концы ея приходятся по обѣ стороны кисточекъ плетенокъ и вѣстѣ съ ними образуютъ на крестцѣ бараму, раздѣленную на четыре кисти.

Женщины и дѣвушки носятъ бѣлый полотняный юбки, собранныя наверху въ мелкія складки, а на подолѣ расшитыя цветными или черными шелкомъ. Рубашки точно такъ же расшиты уборами и сверху, и снизу.

Голову женщины повязываютъ крѣпко небольшій шелковыи платочкомъ, подложивши подъ него надѣ лбомъ небольшой твердый кружекъ, а сверху накидываются бѣлый тонкій, полотняный или шелковый платокъ, концы которого завязываются подъ подбородкомъ. Чепчиковъ и такихъ головныхъ платковъ, какъ у Лемковъ и Полонинцевъ, здѣсь не носять.

Языкъ Бойковъ, по словамъ Коперницкаго, болѣе всѣхъ другихъ горскихъ пѣрчай, приближается къ малорусскому («украинскому», какъ онъ выражается) по своей свободѣ акцентовки и по фонетическимъ особенностямъ. Но есть въ немъ и мѣстныя слова и выраженія, и невѣдомо, по мнѣнию Коперницкаго, откуда и какъ зашедшія и образовавшіяся, напр. *ciati* и *ciamka*—иеннего, пуков—ничто, *wal* и *anesz*¹)—иу, же (напр. *chody-wal*, *anesz chody*—иди же, иу ступай!), *raf*—потомъ, послѣ (*ja tu rak prunesu*), *horj*, *doli*—вверхъ, впизъ (ср. горѣ, долу, дат. над.), *gupok*—дворъ, *margha*²)—скотъ, *Bohojko*—уменышен. *Bojty*, *Bojenika* (а *dal* *Bohojko terlo*). Коперницкому удалось встрѣтить въ старорусскія выраженія: *дань*, *руку*, *кнець* — важный богатый человѣкъ.

Коперницкій отмѣчаетъ интересное явленіе, что въ мѣстностяхъ надѣ Сирнамъ, уже лѣтъ двѣстѣ заселенныхъ преимущественно мелкою «загоновою» шляхтою, языкъ Бойковъ не подвергся измѣненіямъ и, напротивъ, шляхтичи, принесши обрядъ и языкъ русскій, даже и между собою не говорятъ по польски, хотя и по сближенію съ «*slavjanami i undianami*»: не заключаютъ съ ними браковъ, не отличаются отъ мужиковъ стригутъ голову, отпускаютъ усы и бакенбарды, носятъ пилью и спортуки изъ домашнаго

¹) *Anesz* изъ словенскаго языка?

²) Ср. хорват. *margha* и *margva* съ тѣмъ же значеніемъ.

сукна и шею повязывают платкомъ. Отличаются «шляхтичи» и своими постройками, который иногда стоять даже не подъ одною кровлею съ жилымъ помѣщеніемъ, а въ этихъ послѣднихъ бывають иногда камни, большія окна и у входа крылечки на столбахъ.

Въ заключеніе надо сказать, что Бойки сами себя называют «Верховинцами», а название «Бойковъ» считаютъ браннымъ.

Отъ Бойковъ, перейдя черезъ верховья р. Стрыя въ долину р. Оравы, Коперницкій попадъ къ Тухольцамъ. Здѣсь ему представились и страна и жилища и люди совсѣмъ иные. Больше густые лѣса, старательно оберегаемые; деревня, не сбившаяся въ кучку у рѣкъ или потока, а разбросанная по горамъ на большомъ пространствѣ; не только дворы съ огородами, но даже и поля огорожены низкими загородями изъ жердей.

Хозяйственные постройки уже не тѣснятся подъ одною кровлею съ хатою, а стоять особо, обыкновенно позади ея. Самая хата построена старательно съ различными украшеніями и пристройками; внутри изба обмазана глиной и зачастую выбѣлена. Около оконъ и на стѣнахъ, какъ избы, такъ и другихъ построекъ видны также кресты, какъ и у Бойковъ. Внутренность избы, которая и здѣсь курная, все таки гораздо пріятнѣе, чѣмъ у Лемковъ и Бойковъ. Для теплить въ избѣ мѣста уже нѣть. Обстановка избы такова же и такъ же расположена, какъ у Бойковъ, только все сдѣлано почище, покрасивѣй и съ различными рѣзными украшеніями. Самою драгоцѣнною вещью въ хатѣ считается столъ въ видѣ большаго ящика съ большой и толстой, нерѣдко яворовой, столешницею, зачастую изъ одного куска дерева: столы эти переходятъ по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтамъ и нерѣдко бывають старѣе самой хаты.

Плодородная нива и богатыя пастващи щедро вознаграждаютъ трудъ работника, и Тухольцы поэтому довольно зажиточны. Въ затруднительныхъ случаяхъ богатые помогаютъ менѣе зажиточнымъ, и Евреямъ здѣсь не удается хорошенко поживиться.

Зажиточность Тухольцевъ сказывается и въ пищѣ, которая здѣсь гораздо разнообразнѣе и питательнѣе, чѣмъ у Бойковъ: кромѣ молочныхъ продуктовъ и зелени, бѣль и мясо довольно часто, осенью—баранину, а въ праздники Рождества и Пасхи—свинину. Людь здѣсь все здоровый и рослый: низкій ростъ встречается очень рѣдко, а высокій—довольно часто. Лица больше овальныхъ или продолговатыхъ, чѣмъ круглыхъ; носы—прямые, но вздернутые и горбатые тоже нерѣдки. уссы совсѣмъ не брѣютъ, а только до половины подбираютъ сверху подъ носомъ. Тухольцы преимущественно шатены (темнорусые), а блондини и брюнеты между ними встрѣчаются рѣдко. Глазъ больше темныхъ, чѣмъ свѣтлыхъ.

Нарядъ Тухольцевъ въ мелочахъ сильно разнится отъ наряда Бойковъ. Шляпу здѣсь носятъ невысокую съ плоскимъ дномъ и довольно широкими слегка приподнятыми съ боковъ полями; для красы обшиваютъ цвѣтной ленточкой съ пуговкой и павлининъ перомъ съ одной стороны. Рубашки носятъ длинныя, ниже колѣнъ, на выпускъ, опоясываясь широкимъ ремнемъ съ тремя пряжками. Передъ рубашки собраны въ складки и расшить. Остальная части мужскаго наряда такія же, какъ у Бойковъ.

Женщины, убирая голову, заплетаютъ волосы въ двѣ косы съ такими же плетенками, какъ у Бойковъ, и спускаютъ на плечи, а поверхъ надѣваютъ маленький чепчикъ изъ цвѣтной шелковой матеріи, туго натянутый на тонкій деревянный кружекъ; чепчикъ украшается родомъ большихъ шпилекъ съ блестящими головками. Отъ чепца внизъ между косъ спускаются длинныя красныя ленты («ушки»). Поверхъ чепца надѣваются бѣлый платокъ, который завязывается на шею «по венгерски», т. е. поверхъ двухъ другихъ вмѣстѣ сложенныхъ концовъ. Рубашки длинныя, на груди и рукавахъ собранныя въ складки.

Юбка изъ грубаго небѣленаго полотна собирается наверху сзади въ складки и по складкамъ вышивается; такъ же вышита по подолу. Передникъ (рѣйка), короче юбки, изъ того же полотна и такъ же украшенный складками и нашивками. Шею охватываетъ узкая плетенка изъ мелкихъ разноцвѣтныхъ бусъ, а подъ нею, спадая на грудь, нѣсколько шнурковъ крупныхъ стеклянныхъ бусъ.

Длинный кирпич тяжелъ и уменьшь, которую в жареномъ одѣаютъ только по праздникамъ. Въ будни женщины гадко поклоняютъ голову, цѣгельницу, а дѣвушки—бѣлье.

Рѣчь Тухальцевъ мало отличается отъ рѣчи Бойковъ и еще болѣе приближается къ «украинской», но вѣтѣ съ рѣчи Бойковъ удерживаютъ галицко-русские ѹ и Ѵ (иъ): напр. «chótejko tobi ridnejka felupsjko». Кромѣ того извѣсть своеобразную акцентовку некоторыхъ словъ, напр.: wesilja и матерь, пац на ошу (оши); wołowy, žydowy и т. д. Слѣдуетъ отмѣтить также и некоторые иѣстивы слова и выражения, напр. gira¹⁾—картофель, rohag—поле, получившее послѣ сожженія заса, braszen и bració—братья, братики, sekla и setoschniai—bielaczyško, szegendia—да, piszuj wiz—есть на земле, piszia или ſoza—жена его жена, piszow wozem и, pojichaw wozem—нѣкогда на землю, запрѣженность земли, bodaj wikuwaly или bodaj im wiśdok—дай Богъ долгіе годы и т. д.

* * *

Наконецъ Коневицкий посадъ и къ Гуцуламъ, живущимъ по берегамъ р. Прута и первыхъ его горныхъ притокъ Лучки, Пистыки, Рыбница и Черемоша. Это, по словамъ ученаго путешественника, самое оригинальное изъ горно-русскихъ племенъ: «Гуцулы въ особенности представляютъ наѣть не только въ своей наружности, но и въ особенностяхъ своего быта столько нетронутой оригинальности, что, съ любопытствомъ наблюдая ихъ, каждую минуту долженъ какъ бы напоминать себѣ, что находишься среди русского люда».

Уже самъ видъ деревни не похожъ на все, видѣнное нами до сего времени. То, что здѣсь называется деревней, состоитъ изъ построенной на пригоркѣ надъ рѣбкою церкви, пѣбаний, и деревенской школы вблизи церкви, изъ гмиинаго прииска, корчмы немного подальше и нѣсколькоихъ разбросанныхъ по горамъ вдоль потока и большой дороги домовъ съ окружающими ихъ огородами и «царапинами». Если домовъ этихъ сравнительно много, то большая часть ихъ принадлежитъ Еирониму, такъ какъ значительная часть населенія одной и той же деревни или прихода живетъ разсѣянно по горамъ во всѣ стороны, зачастую въ разстояніи 1—1½ мили отъ церкви.

Каждая семья живетъ отдѣльно, и при томъ на значительномъ расстояніи одинъ отъ другой, посреди своихъ обнесенныхъ изгородями садовъ, огородовъ, полей. Воротъ или вѣжітка въ этихъ загородкахъ не имѣются: пѣшоходъ, дошедшій по тропинки до загородки, перелѣзаетъ черезъ нее, всадникъ—снимаетъ 1—2 жерди сверху, чтобы конь могъ перешагнуть черезъ оставшіяся, а для телѣги приходится разбирать цѣловъ звено изгороди.

Оригинально устройство хозяйственныхъ постройокъ у Гуцуловъ: всѣ они пристраиваются къ жилищу, такъ что одну стѣну каждой изъ нихъ, напр. конюшни, снара представляется наружная стѣна избы, въ краину служить продолженію крыши избы. Такимъ образомъ вицѣшій видъ гуцульской избы вынужденъ быть стесненъ земельной хозяина: у бѣднаго пристройки сдѣланы только съ одной стороны, у бѣднаго зажиточнаго—съ двухъ и даже съ трехъ.

Изы у Гуцуловъ уже не курины: дымъ изъ печи черезъ особую трубу выходитъ въ сѣни, а оттуда черезъ два небольшихъ оконца въ крыше, на воздухъ. Сѣни внутри избы не бѣлены, а только гладко побелѣнуты. Внутреннее убранство избы такое же, какъ и другихъ русскихъ горницъ, и отличается только темъ, что сѣни для выставки муравленой и красиво расписанной посуды; такая же посуда, какъ украшенія, ставится и на верхнюю полку открытия избы (упирающейся въ пристройку къ стѣнѣ надъ лавкой около двери).

Печь, стоящая, какъ и у насъ, Русскаго, у самой двери, всегда чиста и обожжена, а у богатыхъ даже сапоги каложены розовыми и красными. Во внутреннихъ уро-

стоить столъ, а надъ нимъ нѣсколько образовъ (писанныхъ на бумагѣ), украшенныхъ рядомъ пасхальныхъ «писанокъ», расписанныхъ яицъ.

Столъ состоять изъ большой и толстой, нерѣдко яворовой доски, положенный вмѣсто ножекъ на двѣ такія же доски; эти доски въ свою очередь связаны для крѣпости поперечинами двумя посрединѣ и двумя внизу.—Широкая кровать, на обычномъ мѣстѣ, сдѣлана гораздо старательнѣе и украшена рѣзьбой; постель состоять изъ толстыхъ и мягкихъ суконныхъ покрывалъ¹⁾ мѣстного производства. Вообще изба у Гуцула содержится въ несравненно большемъ порядкѣ и чистотѣ, чѣмъ у другихъ русскихъ горцевъ.

Плодородная почва, рождающая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже кукурузу, богатыя пастбища изъ полонинахъ, позволяющія держать огромныя стада овецъ, рубка и сплавка по Черемошу строеваго лѣса обезпечиваютъ Гуцулу безбѣдную живность; но кромѣ того здѣсь процѣтываютъ и нѣкоторые виды промышленности обрабатывающей: дѣлается овечий сырь (брывза), ткутся сукна и упомянутыя выше покрывала (кос), приготавляются деревянныя издѣлія, сѣдельныя луки, а въ послѣднее время стали получать распространеніе красивыя токарныя издѣлія, и шерстяныя ткани.

Вслѣдствіе всего этого Гуцулы и пищу могутъ имѣть и имѣть гоаздо питательнѣе и лучше, чѣмъ другіе русскіе горцы. Кромѣ картофеля, по здѣшнему вичка или bureszka, и кукурузы—своей или покупной, ѓдѣль вдоволь молочного и брынзы, разныхъ овощи, въ особенности бобы, и даже мясо—баранину, обыкновенно конченую осенью, и свинину—въ Рождество, Пасху и Зеленыя Святки (Троицынъ и Духовъ дни).

Коперницкій замѣчаетъ, между прочимъ, что у Гуцоловъ нѣтъ нищихъ: кромѣ нѣсколькихъ калѣкъ на одной ярмаркѣ, ему не попадалось ни около церкви въ праздники, ни по дорогѣ.

Въ физическомъ отношеніи Гуцулы отличаются замѣчательно крѣпкимъ и красивымъ тѣлосложеніемъ и необыкновенно энергичными и свободными осанкою и движениями. По большей части высокаго роста, Гуцулы волосы имѣютъ преимущественно темнорусые, хотя много и черноволосыхъ (на 3 шатена 1 брюнетъ, по словамъ Коперницкаго), но глаза очень часто бывають свѣтлые; лица преимущественно овальная съ прямыми, а нерѣдко и горбатыми носами. Волосы носять длинные съ проборомъ по серединѣ; усовъ не брѣютъ, нѣкоторые только подстригаютъ; носять обыкновенно опущенными внизъ, но нѣкоторые даже фабрять ихъ и закручиваютъ вверхъ по венгерски.

Женщины при такомъ же сильномъ и крѣпкомъ тѣлосложеніи отличаются, въ молодости, необыкновенно красотою («piękna uroda») и чаще, чѣмъ мужчины, бывають брюнетками, а глаза имѣютъ темные.

Еще разъче становится отличие Гуцоловъ отъ ихъ сродичей вслѣдствіе оригинальнаго и живописнаго наряда.

Главною отличительною чертою нарядовъ гуцульскихъ можетъ служить обилие искусственныхъ украшеній яркихъ цветовъ и различныхъ блестокъ.

Мужчины носятъ шляпы почти такія же, какъ и Тухольцы, только даже и въ будній день опоясанную золотымъ галуномъ, а въ праздникъ къ этому прибавляются страусовы перья и другія украшенія. Зимою вмѣсто шляпъ носятъ шѣховыя шапки трехъ покрововъ, называемыя здѣсь džumetja, szlyk и klepania.

Рубашки длиною до колѣнъ—полотняныя въ будни и бѣлыя бумажныя въ праздникъ—носятъ на выпускъ; украшеній на нихъ обыкновенно не бываетъ никакихъ, только у кисти рукава собираются въ складки. Шею поверхъ воротника рубашки повязываютъ цветнымъ фуляромъ.

Поверхъ рубашки и въ праздникъ и въ будни носятъ keptag, похожій па куртку или тулупчикъ безъ рукавовъ, замысловато изукрашенный шкірками и шерстяными шнурками различныхъ цветовъ. Черезъ плечо виситъ неизбѣжная «tajstra», кожаная сумка

¹⁾ У автора—«z kosców». «Кос—толстое, косматое съ обѣихъ сторонъ сукно, покрывало». См. Словарь Дубровского.

съ узорами изъ маленькихъ мѣдныхъ гвоздочекъ или колечекъ. За недостаткомъ тай-
стры носить и «таки», т. е. сумки изъ шерсти. За ременнымъ поясомъ видныются
трубка въ жестаной оправѣ, складной ножъ въ мѣдной оправѣ и на мѣдной цѣпочкѣ
(retez) и «кошечка» для денегъ, сдѣланная изъ бѣлой шкурки и собирающаяся на
длинномъ ремешкѣ; она, изукрашенная разноцвѣтными шкурками, кожанными кисточ-
ками и изѣльемъ, выѣсть съ цѣпочкой отъ ножа виситъ на поясномъ ремнѣ спереди и
составляетъ главнѣйшее украшеніе въ нарядѣ Гуцулъ. Однако еще больше вниманія
въ костюмѣ гуцульскомъ обращается на сердаки и штаны.

Сердакъ—короткий, всего до бедеръ кафтанъ съ рукавами изъ толстаго домаш-
наго сукна, дѣлается по мѣстамъ краснаго или темновишневаго цвѣта и бѣлаго, но
всегда богато и замысловато вышитъ разноцвѣтными гарусомъ и убранъ по поламъ
множествомъ кисточекъ и шариковъ; носится на распашку, завязанный у шеи, и
только въ дождь и холодъ надѣвается въ рукава.

Штаны—также изъ домашнаго сукна обыкновенно ярко-краснаго («kraszenyci»),
иногда чернаго («chołosznice»), другіе цвѣта какъ исключеніе—дѣлаются гораздо длин-
нѣе, чѣмъ нужно, и завертываются снизу до половины голени и даже до самаго ко-
лѣна и въ этомъ мѣстѣ обведены богатою каймой въ пажецъ шириной. Отъ этой каймы вверхъ
по ноговицамъ сзади тянется такая же, только нѣсколько уже кайма до самого верху
штановъ. Разрѣзъ въ штанахъ дѣлается надъ правымъ пахомъ; носится онъ на ре-
менномъ поясѣ.

На ногахъ носить «chodaky» изъ свѣтлой кожи; подъ нихъ одѣваются или
шерстяные вязаные чулки, или суконные чулки и онучи; и тѣ и другіе краснаго
цвѣта. «Ходаки» стягиваются черными шерстяными шнуркомъ (wołok); такими
шнуркомъ обвязываются чулки или онучи выше «ходаковъ».

Поверхъ всего этого наряда въ худую погоду одѣваются «сираки», длинные
кафтаны, обыкновенно безо всякихъ украшеній, а зимой—длинныя бараны шубы, кра-
сиво расшитыя.

По праздникамъ и старые и малые носить въ рукахъ ясеневыя палки, красиво
украшенныя мѣдью, на подобіе топорковъ.

Въ женской нарядѣ прежде всего бросается въ глаза уборъ головы, не похо-
жій на уборы женщинъ другихъ русскихъ племенъ: волосы не спускаются за плечи
одной или двумя косами, какъ у другихъ, а разчесанные на двѣ косы укладываются
вѣнцомъ на темени; дѣвшіеся по всей длини косы вплетаются красный гарусъ, а въ
нѣкоторыхъ мѣстахъ усаживаются косы мѣдными пуговками. Пожилыя женщины въ
праздникъ повязываютъ головы бѣлыми бумажными «перемитками» домашней работы
съ концами, протканными красными разноцвѣтными уборами, молодыя замужнія пови-
зываются большими красными платкомъ, концы которого съ баҳромъ падаютъ на
лобъ спереди и на шею съ обоихъ боковъ.

Другую особенность наряда Гуцулокъ составляетъ множество бусъ, покрываю-
щихъ всю шею и даже грудь до половины.

Рубашки носить полотнянныя въ будни и перкалевыя въ праздникъ, вышитыя
на рукавахъ гарусомъ или бумагой красной, желтою и черной. Вместо цѣлыхъ юбокъ
носить двѣ шерстяныя запаски—одну сзади, другую спереди, стянутыя шерстянымъ
же поясомъ («попружка»). Затѣмъ и у нихъ, какъ и у мужчинъ, идетъ кептаръ,
сердакъ и ташка, а поверхъ всего этого въ грязную погоду надѣвается гугля,
широкій плащъ изъ бѣлага сукна безъ рукавовъ. Обувь такая же, какъ и у мужчинъ,
только у дѣвушекъ праздничные «ходаки» украшены мѣдными пуговками. Зимою, а
иногда и лѣтомъ, для верховой Ѣзы женщины одѣваютъ поверхъ чулокъ ногавицы
изъ бѣлаго сукна (chołosznie), доходящія выше колѣнъ и прикрѣпляемыя черными
шелковыми шнурками.

Говорятъ Гуцулы всегда, по привычкѣ, крикливо. Въ фонетическойшеин
рѣчи Гуцуловъ отличается употребленіемъ мягкихъ k и g (k', g') вм. t' и d', напр.
smerk' вм. smart', g'iekujem вм. d'ekujem и т. д.; затѣмъ я во многихъ случаяхъ
звукить какъ e (je), напр. jejœ вм. jaſe, jégtmagok вм. jármagok, swietuj вм.

światyj, teliè ви. telà, porosié ви. porosiá и т. д. Вместо *и* въ нѣкоторыя случаиъ произносять и (i), напр. wibrau, powikiehalu, wisoko ви. wybran, powytiahalu, wysoko, и наоборотъ і часто произносять твердо какъ у, напр. uhià, ydè, у tak, у win skazau. Слѣдуетъ отмѣтить еще мягкое произношеніе гласнаго е безъ видимой на то причины, напр.: oreged něho, děsiètoho, do těbe, rik hostěwyj, djetě, Paně nasz, młoděnkij и т. д. Интересно также смягченіе твердаго *и* (?) исключительно передъ у, которое здесь произносится средне между *и* и *ы*, такъ что и самое *и* тогда звучитъ средне между *и* и *ы* (i и l), какъ и въ сербской, напр. въ слѣдующей колядкѣ:

«Božiaja matka si uweselyła,
oj szo Chrysta ta porodyła.

Něwirny żyđe i tudá piszły
trawù kosyły, trawu mykalý,
Chrysta szukaly, tam ho ně naszły.

Изъ грамматическихъ особенностей встрѣчается окончаніе 3 л. мн. ч. наст. вр. *iè* съ удареніемъ ви. at или at', напр. boliè ви. bolat, blyszczíè ви. blyszczát, но рѣдко. Затѣмъ, какъ слѣдъ аориста, сохранилось окончаніе с h, повидимому, какъ замѣчаетъ авторъ, для обоихъ числъ и всѣхъ лицъ, напр.: a ja si pidpysà szto-bu ch, widdai; jek b uch si zhodyly, to ja wam prodam¹⁾.

Форма будущаго времени отличается отъ южнорусской употребленіемъ вспомогательного яти (*jaty*) не послѣ главнаго глагола, а передъ нимъ, напр. mi-szukaty ви. szukaty-mi, mesz-pysaty ви. pysati-mesz и т. д. Наконецъ обращаетъ на себя вниманіе образованіе формы превосходной степени прилагательныхъ посредствомъ волошской (румынской) частицы *taj*²⁾, принятой по созвучію съ русск. *най*, напр. *taj* bilszyj, *taj* hirsze.

Въ лексическомъ отношеніи рѣчи Гуцуловъ богата особенностями. По словамъ г. Коперницкаго, уже было изданъ довольно подробный сборникъ особенныхъ словъ, но автору удалось и самому порядочно записать словъ, не вошедшихъ въ тотъ сборникъ. Въ числѣ чисто-гуцульскихъ словъ и выражений находится много и старорусскихъ, напр. j e h d a—когда, w e g z u—брось и и w e g h l a u lis с h o g o t u, шуг—людъ, народъ, szlyk. Затѣмъ, въ обращеніи находится довольно много словъ и выражений волошскихъ, напр.: bukát—кусокъ, fijuka—крестная дочь, flakéй—паробокъ, foja, gálagan, gražda и т. д. Наконецъ, встрѣчаются и сербскія слова, напр. súposz—вчера вечеромъ, pobratym и posestra, и т. д.. Кроме того, авторъ думаетъ, что при большемъ знакомствѣ съ языками въ рѣчи Гуцуловъ можно найти не мало словъ, заимствованныхъ непосредственно или посредствено и изъ другихъ языковъ.

* * *

Свою характеристику Гуцуловъ Коперницкій заканчиваетъ сообщеніемъ, что племя это отличается «ото всего русского люда недостаткомъ склонности и способности къ пѣнію и музыке». То, что ему удалось слышать въ шинкахъ, можно было назвать скорѣе крикомъ, чѣмъ пѣснею; даже молодежь при своихъ танцахъ можетъ обходиться безъ пѣнія. Въ подтвержденіе своихъ наблюдений авторъ «слышалъ отъ достовѣрныхъ людей, что Гуцулы вообще поютъ мало, даже на свадьбахъ, и что мелодіи ихъ пѣсень чрезвычайно бѣдны и совсѣмъ не разнообразны».

Эту черту, отсутствіе пѣнія и музыки Коперницкій считаетъ общей характерной чертой для всѣхъ русскихъ горцевъ въ Галиціи, такъ какъ во время своихъ путеш-

¹⁾ Изъ приведенныхъ г. Коперницкіимъ примѣровъ видно, что сохранилась собственно форма *uuch* и употребляется для выражения желательного наклоненія, а стало быть вполнѣ равносильна нашему *бы*, разница же только въ лице: у Гуцуловъ—первое *бы* хъ, у насъ—третье—*бы*. Г. Коперницкій на это, конечно, не обращаетъ вниманія.

²⁾ Рум. *taj* изъ лат. *magis*. Ир. П.

шестнадцать и сорок п'ять пісень «ви въ поїзд на работѣ, ии въ лісъ на пасгбищѣ, ии въ деревнѣ по огородамъ». Разъ только, по словамъ автора, ему удалось слышать русскія пѣсни въ Лібукорѣ надъ Стременемъ (среди Бойковъ), гдѣ танцы сопровождались распѣваніемъ «козачьихъ», а девушки, по просьбѣ автора, спѣли ему нѣсколько обрядныхъ свадебныхъ пісень на мотивъ украинскихъ.

Представимъ такія характеристики карпаторусскихъ племенъ, г. Коперницкій дѣлаетъ изъ нихъ слѣдующій выводъ:

Галицкіе карпаторусы во всѣхъ отношеніяхъ, т. е. въ отношеніи жилища, быта, гаюсложенія и рѣчи представляются народомъ совершение отличныхъ отъ русского наслажденія разинъ, какъ всей прикарпатской Червоной Руси, такъ и Украины, Подолья и Волини. Затѣмъ, и между племенами выдѣляются двѣ наиболѣе характерныя группы—Лемки на западѣ, по притокамъ Вислы, и Гуцулы на юго-востокѣ, по верховьямъ Прута, которая имѣютъ общаго только вѣронеповѣданіе и языкъ (да и то со значительными особенностями), а во всѣхъ остальныхъ представляютъ не только отличие, но даже «такія этнографическія противоположности, что большаго различія нельзя было бы указать даже между двумя народностями одной вѣтви, напр. между Словаками и Чехами». На равномъ въ этнографическомъ отношеніи разстояніи находятся Тухольцы и Бойки, представляющіе хотя и въ мелочахъ, но все таки довольно значительные отличія одинъ отъ другихъ. Наконецъ, между этими послѣдними стоять Половиницы, представляя собою какъ бы переходную ступень отъ Лемковъ къ Бойкамъ...

Этимъ собственно и оканчивается этнографической очеркъ Коперницкаго, такъ какъ далѣе онъ только говорить о неотлагательной необходимости болѣе продолжительныхъ и на большемъ пространствѣ производимыхъ изслѣдований и наконецъ просить содѣйствія людей знающихъ: просить исправлять, дополнять и объяснять добытые имъ данныя и присыпать ему различные этнографические материалы...

Listy k českych dějin kulturních. Sepsal d-r Сепčек Zibrt. V Praze. 1891. II—123 стр. Книга г. Зиберта весьма любопытна. Она состоитъ изъ 9-ти отдѣльныхъ небольшихъ статей, содержание которыхъ мы постараемся передать въ томъ объемѣ, какой можетъ быть оправданіе вниманіемъ къ ней съ точки зренія этнографіи русской. Эти 9 статей легко могутъ быть объединены въ три группы. Первая группа заключаетъ въ себѣ три очерка, касающіеся виѣшии культурно-бытовой истории Чеховъ: объ употреблениіи въ старину румянъ и бѣлынъ (стр. 1—21), о символическомъ значеніи цвѣтовъ (стр. 49—64), объ употреблениіи табаку (стр. 81—93). Во второй группѣ—четыре этюда по истории обрядовъ въ связи съ народной поэзіей: остатки старинныхъ жертвенныхъ обрядовъ (стр. 22—48), одна изъ предсвадебныхъ церемоній (стр. 75—78), пятьте св. Яна на свадьбѣ (стр. 79—80), свадьба уносомъ (стр. 102—117). Наконецъ къ третьей группѣ относятся двѣ замѣтки изъ области книжныхъ сказаний, получившихъ въ народѣ распространеніе и принявшихъ на себя колоритъ народной легенды: повѣсть о Мелизинѣ въ народномъ пересказѣ (стр. 65—74) и повѣсть о кожѣ Жижки (стр. 94—101).

Древнѣйшее свидѣтельство объ обычаяхъ румянить лицо у Чеховъ относится къ XIII столѣтію; затѣмъ вплоть до самаго конца XVIII-го вѣка (до куда доводить свое обозрѣніе авторъ) имѣются на существование и развитіе этого обычая указанія самыхъ разнообразныхъ памятниковъ, начиная съ лѣчебныхъ книгъ (какъ дѣлать румяна и бѣлынъ, составлять снадобья для того, чтобы сдѣлать кожу лица чистой и т. п.) я кончая нападками, иногда очень энергичными, писателей и проповѣдниковъ на этотъ обычай, неугодный Богу, такъ какъ, слѣдя ему, человѣкъ старается дать себѣ другой видъ, нежели тотъ, который получилъ по волѣ Божіей отъ природы. Выраженіе, доводы враговъ этого искусственного украшенія съ теченіемъ времени измѣнялись: если въ раннюю пору достаточно было угрожать Божіимъ гнѣвомъ и вообще пользоваться увещаніями характера нравственно-религиозного, то позднѣе, въ XVII вѣкѣ, указывали

на то, что краска портить кожу, что искусственный румянец легко отличить отъ природнаго, и что вообще разумные люди смыются надъ подобными средствами приврьтія красоты. Однако оба рода увѣщаній практиковались еще въ XVIII вѣкѣ; такъ Либертина (De educatione iuventutis, 1713) говорить: «Долженъ ли молодой человѣкъ красить свое лицо? Конечно, нѣтъ, потому что отъ этого не только портится природный цвѣтъ лица, но и возбуждается гнѣвъ Божій» (стр. 17). Изъ этого, между прочимъ, видно, что разбираемому обычаю слѣдовали оба пола. Въ XVIII вѣкѣ перешла къ Чехамъ французская мода лѣпить на лицо звѣздочки, мушки, цвѣты и др. украшения, нашедшая себѣ также своихъ обличителей.

Символика цвѣтовъ у старыхъ Чеховъ имѣть много общаго съ символикой ихъ у другихъ народовъ, въ томъ числѣ и народа русскаго, что совершенно естественно въ виду ея общеевропейского и даже еще болѣе широкаго источника. Бѣлый цвѣтъ издавна означалъ у нихъ невинность, чистоту, святость; кромѣ того, онъ же служилъ для выраженія радости; съ другой стороны этотъ же цвѣтъ употреблялся какъ символъ траура, несчастія; въ параллель къ этому авторъ припоминаетъ чешское свидѣтельство изъ второй половины XVI вѣка объ обычѣ у Русскихъ, по которому вдова оплакиваетъ покойнаго своего мужа накрывши голову бѣлымъ покрываломъ, и такое же значеніе бѣлого цвѣта у современныхъ Сербовъ. Красный цвѣтъ служилъ у Чеховъ для выраженія страстной привязанности, а видѣть его во снѣ означало побѣду надъ врагами и радость. Близкій къ ярко-красному цвѣтъ темно-красный предвѣщалъ во снѣ, напротивъ, несчастіе. Рыжій цвѣтъ волосъ отличалъ, по народному понятію, человѣка фальшиваго, хитраго. Голубой цвѣтъ—знакъ вѣрности, постоянства, а иногда надежды, также терпѣливаго страданія, нравственной чистоты. Зеленый цвѣтъ—надежда, радость, веселье. Желтый цвѣтъ издавна служилъ печатью поношенія, стыда; его предписывалось носить, между прочимъ, женщинамъ дурного поведенія; по свидѣтельству г. З., желтый цвѣтъ и въ настоящее время является нелюбимымъ въ чешскомъ народѣ. Эту невыгодную репутацію желтаго цвѣта отчасти раздѣляетъ съ нимъ и цвѣтъ сѣрый, который, впрочемъ, съ другой стороны служить символомъ тихой покорности. Пепельный цвѣтъ указываетъ на злую волю. Черный—означаетъ печаль, несчастіе, но въ иныхъ случаяхъ, наоборотъ,—счастіе, радость.

Въ статьѣ о табакѣ г. З. передается сначала вкратцѣ свѣдѣнія о первомъ появленіи его въ Европѣ: извѣстность его для Европы почти совпадаетъ съ открытиемъ Америки, откуда онъ былъ въ XVI вѣкѣ вывезенъ и привезъ къ европейской почѣ, такъ что во второй половинѣ этого столѣтія онъ является въ Чехіи довольно распространеннымъ. Употребление его на первыхъ порахъ вызывало мнѣніе, что это—дьявольское дѣло; оно поддерживаемо было и тогдашними проповѣдниками, которые предсказывали курцамъ въ будущемъ муки ада; въ 1624 г. противъ табака издана была папская булла; но не смотря на все это, куреніе табаку быстро распространялось. Въ первой половинѣ XVII столѣтія стало распространяться въ Европѣ нюханіе табаку, и во второй половинѣ его этотъ видъ употребленія нового зелья сильно практиковался и въ Чехіи, вызывая противъ себя также упрекъ проповѣдниковъ и воздействиѣ церковной власти. Дальнѣйшіе успѣхи табака сдѣлали окончательно безполезными такого рода мѣры, мѣсто которыхъ, въ дѣлѣ протеста распространенію табака, заняли въ настоящее время специально посвященные этому периодическія изданія и основанныя съ этой цѣлью общества (напр. французское Soci  te contre l'abus du tabac).

Изъ остатковъ старинныхъ жертвенныхъ обрядовъ г. З. разсмотрѣны, на основаніи памятниковъ письменныхъ и устныхъ, слѣдующіе: снятіе съ пѣтуха головы косой (соединяемое съ особой игрой, при чемъ исполняющей это старается убѣжать, чтобы не быть пойманнымъ другими участниками игры; это имѣло мѣсто на свадьбахъ, при окончаніи житва, на разныхъ сельскихъ празднествахъ; обычай этотъ наблюдалъ былъ около половины прошлаго столѣтія, но теперь уже повсемѣстно вымираетъ) убіеніе дрѣянной саблей гуся или утки, закапываемыхъ по шею въ землю (при чемъ исполняющей это завязывала глаза), убіеніе годовалаго ягненка, сбрасываніе съ крыши или другого высокаго мѣста козла, отрываніе головы гусямъ, повѣшенніемъ на веревкѣ,

все это при однородныхъ условіяхъ съ первымъ упомянутымъ обычаемъ съ пѣтухомъ, объ этомъ послѣднемъ авторъ замѣчаетъ, что онъ не извѣстенъ ни Русскимъ, ни Полякамъ; это стоило бы прроверки, такъ какъ историко-обрядовая важность описаннаго тутъ обычая не подлежитъ сомнѣнію.

Первая изъ трехъ замѣтокъ, посвященныхъ свадебнымъ обрядамъ, указываетъ на обычай устраивать нѣчто въ родѣ кошачьаго концерта наканунѣ вѣнчанія парыль, помоль жевика или невѣсты, если кто-нибудь изъ нихъ вступасть въ бракъ во второй разъ; обычай этотъ находить себѣ параллели и у другихъ народовъ (Французы, Нѣмцы); во второй говорится о «пятьѣ св. Яна, т. е. винѣ, которое сиятъ иль день св. Иоанна Евангелиста и дается тотчасъ же послѣ вѣнчанья молодыхъ, иль первки, а также и нѣкоторымъ изъ присутствующихъ—въ видѣ выраженія добрыхъ пожеланій вступающимъ въ новую жизнь; въ третьей замѣткѣ трактуется широко распространенный въ старину у разныхъ народовъ обычай похищенія невѣсты (ст. ся согласія или безъ него), слабые остатки котораго, по крайней мѣрѣ въ соблюденіи типическихъ виѣнчаныхъ формъ, и при томъ какъ единичные факты, можно замѣтить у Чехонѣ, ажже въ нынѣшнемъ столѣтіи.

Наконецъ, въ одномъ очеркѣ послѣдней группы г. З., указанной на переходу къ Чехамъ общераспротраннаго сюжета о Мелюзинѣ изъ французскаго источника透过 посредство нѣмецкаго пересказа, сообщается при этомъ краткую исторію сианнинго съ именемъ Мелюзина народного обычая—въ вѣтряную зимнюю ночь бросать изъ окна муку или соль, съ приговариваніемъ, что пусть возмѣстъ это Мелюзина для снохѣ дѣтокъ, такъ какъ она, вслѣдствіе несчастнаго любопытства своего супруга, отужила на вѣчное летаніе въ воздухѣ. Такимъ образомъ Мелюзина тутъ явится какимъ-либо воздушнымъ существомъ, которому приносится жертва. Въ другомъ очеркѣ авторъ касается легенды, уже гораздо болѣе специальной въ приложеніи къ чешскому народу и то известный разсказъ о знаменитомъ Жижкѣ, который будто бы, умирая, вынѣжалъ бросить свое тѣло на сѣденіе птицамъ, а кожу солдатъ и пастипутъ на барабанъ, чтобы звуки этого барабана возбуждали къ битиѣ будущихъ борцовъ изъ отечества. Письменная передача этой легенды находится въ Чешской исторіи Оникса Нильсія (послѣдствіи папы Пія II, 1405—1464), который, можетъ быть, самъ заимствовалъ ее изъ народныхъ усть. Авторъ указываетъ на существованіе этого же сюжета (ибо одинъ его основѣ, въ приложеніи къ другимъ имѣлъ) у другихъ народовъ, напр. у дужанъ и Сербовъ.

Таково въ общихъ чертахъ содержаніе Оборника г. Ильина, написанаго по избраннымъ вопросамъ, написанаго съ основательной специальной группой и съ уѣз-
ніемъ говорить о дѣлѣ безъ ненужныхъ отступлений. Къ книжкѣ приложенъ искрѣ заслу-
женый указатель предметовъ.

B. H. MAYER.

Изъ старыхъ книгъ (Энциклопедія и Матеріалы для изученія античнаго языка и литературы). Въ качестве главныхъ античнодревнѣйшихъ книжекъ я беру въ некоторыеъ заглавіиъ фасадъ журавль и курица въ книжѣ бывшемъ отъѣ — выбрана книга въступающая въ книгу въ упомянутомъ выше вѣнѣй: благодаря ейъ можноъ изъ неї изучить античнѣйшую исторію языка, а также некоторыеъ безъ этого поганыя книжки изъ того же вѣнѣя и бывшіе въ книжѣ гнѣвъ наскѣбѣватель. Книжка эта, конечно, должна быть изъ античнаго языка и истории русской литературы, но, разумѣется, можноъ и книжку изъ античнаго языка и истории языка и литературы, а также книжку изъ античнаго языка и истории языка и литературы.

І.

«Исторія Россійская съ самыхъ древнѣйшихъ временъ неусыпными трудами черезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная Татищевымъ. Книга первая. Часть первая». Москва. 1768.

1) Глава 4-я: о исторії Іоакима Новгородскаго епископа, стр. 32—3: «По смерти Владимира (сына Вандала) и матери его Адвінды княжили сынове его и внуки до Буриоя, иже девятый бѣ по Владимирѣ, имена же сихъ осми невѣдомы, на дѣль ихъ, развѣ въ пѣснѣхъ древнихъ воспоминаются». Стр. 44—5: «Пѣсни древни хъ, хотя они не такимъ порядкомъ складываны, чтобы за исторію принять было можно, однакожъ много можно въ недостаткѣ исторіи изъ оныхъ нѣчто къ изъясненію и въ дополнку употребить, какъ видимъ Омера пѣснями нѣчто въ память оставившаго. Стрыковскій въ недостаткѣ исторіи Литовской сказывалъ, что изъ пѣсенъ бралъ. Я прежде у скомороховъ пѣсни старинныя о князѣ Владимирѣ слыхалъ, въ которыхъ жень его именали, такожъ о славныхъ людѣхъ Ильѣ Муромцѣ, Алексѣ Поповичѣ, Соловѣ разбойникѣ, Долкѣ (sic) Стефановичѣ и проч. упоминаютъ, и дѣла ихъ прославляютъ, и въ исторіи весьма мало или ничего; въ примѣръ сему о Путятѣ п. 45 (въ прімѣчаніи) я изъ пѣсни изъяснилъ, но я жалѣю, что нынѣ такихъ пѣсень списать не досталъ».

2) Стр. 39: «Тысяцкій Владимировъ Путятъ... мужъ смысленный и храбрый». Стр. 40: «люде поносить Новгородцевъ: Путата крести мечемъ, а Добрыня огнемъ». Стр. 50: «О Путятѣ нигдѣ Несторъ не упомянулъ, но есть Путять, токмо иной, въ пѣснѣхъ старинныхъ о веселеніяхъ Владимира тако покутъ: противъ двора Путятина противъ терема Зыбатина, старого Путяти темной лѣсь; изъ чего можно видѣть, что знатный мужъ былъ».

3) Стр. 46—7: Юродивые и предсказатели.

4) Стр. 99: «Черемисы слово исотони толковали, господа рыбные, или богатые рыбами; они же всѣхъ купцовъ богатыхъ господами именуютъ, какъ то и у насъ въ простонародіи въ обычѣ».

5) Стр. 105: «Мордва, Чуваша, Черемиса и пр. вся одного Сарматскаго рода и языка, хотя въ варѣгахъ не малую разность имѣютъ, однакожъ единъ другаго легко речеи разумѣются».

6) Стр. 92: «Перешедъ за сіи горы (Ураль), якобы народъ спить шесть мѣсяцевъ». Стр. 105—6: «Спящіе 6 мѣсяцевъ: сія басня мною отъ того сложена, что для трудности прохода, .. мало въ ту сторону ходили, а особливо зимою для множества снѣговъ проходить кромѣ лыжей былъ неудобенъ; ибо сіи горы поперегъ всходу не менше 50 верстъ, а индѣ до 100. И какъ люди тамошніе въ то время не выходили, то сложили, якобы они все то время спать».

7) Стр. 106: «Около Понта народъ глупѣйши: мню разумѣеть (Геродотъ) Колхисъ, нынѣ Мингреліа или Милетія, можетъ тогда сей народъ таковъ былъ, правда и нынѣ не очень въ нихъ много мудрыхъ, однакожъ лестію, коварствомъ и лицемѣствомъ не скучны, но и въ томъ Грузинцы ихъ превосходятъ».

8) Стр. 109—110: «Мартиньере въ лекс. геогр. сказуетъ, что они (Маэирсы) назались синею краскою и что ширѣ, то честнѣе, отъ чего пишти (малеванные) названы, и якобы они въ Британію, потомъ во Францію перешли. Страненбергъ стр. 166. Сіе о Якутахъ и Тунгусахъ въ Сибири разумѣеть, ибо оные начерная витку на дѣвѣ котла иглою, по за кожи по лицу, на груди и рукахъ протягиваютъ, и разные узоры изображаютъ; оная сажа сквозь кожу видится синя, у нихъ кто болѣе такихъ узоровъ имѣеть, тѣмъ болѣе похваляется, какъ я самъ такихъ довольно видалъ».

9) Стр. 110: «Татарской безымянной писатель о родословіи Чингизовомъ сказуетъ по преданію древнихъ, что эмиг златоглавы, пришедъ въ Болгарію великой вредъ учинили, и многіе отъ оныхъ къ ѿверу и за горы (т. е. въ Сибирь) ушли; но сіе аллегорично о Персахъ сказуется, которое и по Персидской исторіи доказательно, что Персы около Рождества Христова на Козаръ и Болгаръ воинюю хода много по-

иже инили, а Кизылбашъ званіе Персіанъ значить златоглавы, по злобѣ же ихъ зміями именовали».

10) Стр. 110—1: «Превращение въ звѣрей и тицъ во многихъ народѣхъ и недавно въ Германії несмысленные вѣрили, но Геродотъ (превращеніе невровъ въ великовъ) благоразсудно почитаетъ (sc. вѣрить этимъ слухамъ); у насъ многіе и не весьма глупые, но отъ неученія суевѣрствомъ обладанные, сему твердо вѣрять. Я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразсуднаго дворянинна слышалъ, яко бы онъ самъ нѣсколько времени въ мѣдѣя превращалась, что слышащіе довольно вѣрили; но какъ я неудобности къ тому представиль, то принуждены умолчать, однакожъ между подлостю весьма твердо вѣрять». Въ 1714 году ѿдучи я изъ Германії чрезъ Польшу въ Українѣ заѣхалъ въ Лубны къ фелдмаршалу (sic) Графу Шереметеву, и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращаласъ, и она съ пыткы въ томъ винилася. Я хотя много представляль, что то не правда, и баба на себя лжеть, но фелдмаршаль никако не внималъ, я просилъ его, чтобы позволилъ мнѣ ту бабу видѣть, и ея къ покаянію увѣщасть, по которому послаль онъ со мною адъютантовъ своихъ Лаврова и Дубасова. Пришедъ мы къ оной бабѣ, спрашивалъ я ея прилежно, чтобы она истинну сказала, на что она тоже что и въ распросѣхъ утверждала. Я требовалъ у ней въ утвержденіе онаго, чтобы изъ трехъ вещей учинила одну: книгу, которую я въ рукахъ держаль, чтобы не дотрогиваясь вельяла бѣ порваться, или свѣчѣ горѣвшей погаснуть, или бѣ въ окошко, которое я открылъ, вельяла воробью влетѣть, обѣщаю ей за то не токмо свободу, но и награжденіе; но она отъ всего отреклась. Потомъ я ея увѣщаль, чтобы покаялась и правду сказала, на оное она сказала, что лучше хотеть умереть, нежели отпервшись еще пытанной быть, и какъ я твердо увѣрилъ, что не токмо сожжена, но и пытана не будетъ, тогда она сказала, что ничего не знаетъ, а чарованье ея состояло въ знаніи нѣкоторыхъ травъ и обманахъ, что и достовѣрно утвердила, по которому она въ монастырь подъ началъ со слана. Нѣкоторые на Финовъ сіе превращеніе переносятъ» (ссылка на гл. 17, прим. 38).

11) Стр. 129: «Обычай изъ головъ сосуды дѣлать былъ у многихъ восточныхъ народовъ».

12) Стр. 132: «Волскіе Калмыки, именуемые Торготы, имѣютъ обычай весною по равноденствіи выходить изъ зимовья къ Волгѣ и въ послѣднихъ числахъ марта или въ апрѣлѣ переходятъ за Волгу на восточную сторону, и по оной идутъ въ верхъ до Саратова, а прежде какъ ихъ весьма много было, то и до Самары, въ августѣ пойдутъ назадъ, и въ сентябрѣ или октябрѣ паки чрезъ Волгу ниже Царицына перевѣзясь идутъ къ Каспійскому морю и къ Кумѣ по берегамъ въ тростникахъ зимовать, переходя для кормовъ скота неподалеку, какъ которому владѣльцу или роду отъ Хана назначено будетъ: ибо имъ камышъ или тростникъ награждаетъ недостатокъ дерева на дрова».

13) Стр. 133: «Лошадиное молоко, татарскій кумысъ, калмыцкое чиганъ, есть ихъ лучшее питіе, и подлинно сильно тучить, а напаче для горячаго желудка весьма полезно, и кто привыкнетъ, непротивно, но холодному желудку для кислоты вредительно, противно тому сыръ, а особливо къ чахоткѣ склонныхъ прѣское молоко много пользуетъ, что я довольно испыталъ».

14) Стр. 149: «Пигмеи или Карлы съ журавлями воевавшиеся; сущая баснь... Подобную сему басню у Кабардинцовъ нахожу. Въ горахъ тѣхъ есть родъ журавлей гораздо меньше ростомъ, но первьемъ иного красивѣе нашихъ, и голосъ отиѣненъ, кабардинской знатной Уздѣнъ разговаривая сказывалъ, яко бы въ древности они были велики, и хохлы золотые имѣли, но такъ много вредили жителямъ на поляхъ, что не могли болѣе жить получить, и по многихъ съ ними битвахъ принуждены многіе оставя города иуда преселиться, но изъ Египта пришедшій волхвъ ихъ заклялъ хохлы, а другие красоты первья отнялъ, ихъ учинилъ вполнѣ меньше, и въ горы загналъ, что на поля летать съ того времени перестали, но сему и Кабардинцы другое не вѣрять. Сія

басня не изъ тоголь произошла, что журавли малыхъ робать не любягъ, и нападая бьють, какъ то я многихъ имъя довольно примѣтиль».

15) Стр. 142: «Обыватели (о-ва Базилій)... съ лошадиими ногами ро-дятся, и Иппоподи именуемыя». Стр. 157: «мно разумѣть бѣзящихъ на конѣхъ, когда переводчикъ не уразумѣль речеи, что не на своихъ, но на конскихъ ногахъ перехо-дить, то за конскія ноги у людей разумѣль».

16) Стр. 218: «Мордва никогда ниже Суры по Волгѣ не жили».

B. Каллаиз.

Библіографические этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. I. Ленора (женихъ—или братъ—мертвецъ). II. Шемякинъ судь. Вся кому, занимавшемуся сравнительно-исторической разработкой такъ называемыхъ «бродичныхъ сказаний» и повѣрій, приходилось считаться при своихъ работахъ съ очень крупной помѣхой—отсутствиемъ библіографическихъ указателей, которые помогали бы изслѣдователю разобраться въ массѣ разѣянаго по тысячамъ изданій матеріала по фольклѣру, съ меньшимъ трудомъ подыскивать необходимыя данные. Составленіе такихъ указателей, конечно, не подъ силу одному человѣку, потому что оно требуетъ слишкомъ разностороннихъ знаній и почти невозможной эрудиціи; они могутъ составляться только путемъ постепенного накопленія данныхъ, только совместными усилиями многихъ представителей фольклѣра и смежныхъ научныхъ областей,— и, если они достигнутъ возможной полноты, будуть цѣннымы подспорьемъ для изслѣдователей: благодаря имъ можно будетъ безъ особеннаго труда охватить и привлечь къ сравненію весь наличный матеріаль по данному вопросу, что и можетъ только дать наибольшую устойчивость и прочность выводовъ. Чтобы обратить вниманіе на этотъ крайне важный для развитія и научнаго процвѣтанія фольклеристики вопросъ, я задумалъ напечатать нѣсколько библіографическихъ этюдовъ по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. Конечно, они далеки будутъ отъ желательной полноты; я надѣюсь, что допущенные мною пробѣлы и проахи будутъ пополнены и исправлены другими фольклеристами и историками литературы — такимъ образомъ подготовится нѣсколько страницъ для будущаго общефольклеристскаго словаря, которая не будутъ, думаю, бесполезны и въ настоящее время.

Въ каждомъ этюдѣ матеріаль будетъ расположень по двумъ отдѣламъ А и В— 1) изслѣдованія и библіографическій указанія, 2) изданія памятниковъ. Краткое содержаніе сказаний будетъ приводиться только тогда, когда они малоизвѣстны. Если рѣчь будетъ идти о памятникахъ общеизвѣстныхъ и неоднократно издававшихся, изданія не будутъ указаны, за немногими исключеніями. Въ приложеніяхъ къ этюдамъ будутъ приводиться иногда выдержки изъ наиболѣе рѣдкихъ и малодоступныхъ изданій.

I. Ленора (Женихъ—или братъ—мертвецъ)¹⁾.

A. 1) Monthly Magazine, 1796, сент.; 2) Neue Berlinische Monatschrift, 1799, II, 389; 3) Bleibtreu, Geschichte der englischen Litteratur in der Renaissance und Klassicität, Leipzig, 1887, I, 256; 4) W. Grimm, Altdänische Heldenlieder, Balladen und Märchen, Heidelberg, 1821, 505; 5) Lach Szugha, Uwagi nad Ballada, Bürgers-Leonora, Pamiętnik Naukowy, 1819, II, 275—282; 6) Fauriel, Chants populaires de la Grèce Moderne, Paris, 1825, II, 405; 7) W. Müller, Bürger's Lenore und ein neu-

¹⁾ При составленіи этого этюда я пользовался главнымъ образомъ указаніями, которыхъ даютъ въ своихъ работахъ гг. Созоновичъ и Bugiel.

griechisches Volkslied, Morgenblatt, 1825, №№ 125, 126; 8) W. Wackerl Nagel, Einladungsschrift zur Promotionsfeier des Pädagogiums und zur Eröffnung des Jahrescursus 1835 in Basel; 9) idem, Altdeutsche Blätter, 1836, I, 174—202 (zur Erklärung und Beurtheilung von Bürgers Lenore съ дополнением Г. фон Фаллерслебена); 10) idem, Kleinere Schriften, Leipzig, 1873, II, 399—427; 11) Pröhle, G. A. Bürger, Sein Leben und seine Dichtungen, Leipzig, 1856; 12) Wollner, Der Lenorenstoff in der slavischen. Volkspoesie, Archiv für slavische Philologie, 1882, VI, 2, стр. 939—969; 13) Holzhausen, Die Ballade und Romanze von ihren ersten Auftreten in der deutschen Kunstdichtung bis zu ihrer Ausbildung durch Bürger, Zeitschrift für deutsche Philologie, 1883, XV, 2, стр. 129—194 и 3, стр. 297—345; 14) Psichari, La ballade de Léonore en Grèce, Revue de l’Histoire des religions, 1884, IX, стр. 27—64; 15) Πολίτης, Τὸ δημοτικόν ἄσμα περὶ τοῦ νεκροῦ ἀδελφοῦ, Δελτίον τῆς ἱστορικῆς καὶ ἐθνολογικῆς ἑταῖρίας τῆς Ἐλλάδος ἐν Ἀθήναις, 1885, II, 193—261; 16) Biegeleisen, Tło ludowe ballady A. Mickiewicza p. t. «Ucieczka», Świt, 1885, II, №№ 10—16; 17) А. Н. Веселовский. Къ народнымъ мотивамъ баллады о Лепорѣ, Журн. Мин. Нар. Просв. 1885, XI, 71—9; 18) Дестутиль, Сказание о братѣ-мертвецѣ или женихѣ-мертвецѣ, ib. 1886, III, 76—100; 19) Cadicamo, La leggenda di Garentina. L’adolescenza, 1884, II, 65; 20) Созоновичъ, Пѣсни и сказки о женихѣ-мертвецѣ, этюдъ по сравнительному изученію народной поэзіи, Варшава, 1890, оттискъ изъ Варшав. Универ. Извѣстій (рец. въ Бюл. отд. «Русской Мысли» 1892, январь); 21) Bugiel, Eine kleinrussische Version der Lenorensage, Archiv f. Slav. Phil. 1891, XIV, 146—8; 22) Schmidt, Burgers Lenore (Charakteristiken); 23) Boeckel, Zur Lenorensage, Germania, XXXI, 1886, 117 f; 24) Liebrecht, Zur Volkskunde, Heilbronn, 1879, 195—7 и Germania, XXXV, 1890, 208; 25) Büchmann, Geflügelte Worte (12 A.), Berlin, 1880, 77 f; 26) Meyer, Abergläuben des Mittelalters etc. Basel, 1884, 357; 27) Meyer, Der Protesilaos des Euripides, Hermes, XX, 1885, 101—143; 28) Wallmeister, Denkmäler des klassischen Alterthums, III, 1888, 1422; 29) Ждановъ, Къ литер. ист. рус. бытовой поэзіи, Киевъ, 1881, 230; 30) Revue des deux Mondes, 1866, LXIII, 407—9; 31) Аѳанасьевъ, Нар. русск. сказки, IV, Москва, 1873, 491; 32) Strodtmann. Briefe von und an Bürger, Berlin, 1874, I, 101; 33) Schlegel, Neuer teutscher Merkur, I, 394, 34) Herder, Werke, 1830, Zur schönen Literatur und Kunst, XX, 405; 35) Wagner, Deutsches Museum, 1852, 802 ff.

Б. а) Русские варианты: 1) Созоновичъ, Русские варианты сказки «о женитѣ—мертвецѣ», «Рус. Филолог. Вѣстникъ», 1890, IV, № I, II, VII, VIII, IX; 2) Жуковскій, «Ленора» и «Людмила».

б) Малорусские: 1) Bugiel, I. c.; 2) Головацкій, Нар. пѣсни Галиц. и Угор. Руси, 1878, I, 83, № 40; 3) Созоновичъ, Рус. варианты etc № IV, V, VI; 4) Lach Szugta, I. c.; 5) Драгомановъ, Малор. нар. пред. и разж., 392—3; 6) Чубинскій, Труды этик. стат. эксп. въ Зап. Рус. край, II, 411—416; 7) Л. М. Старницкая, «Живая могила» (малорусская легенда, «Кievская Старина», 1889, X, 70—102; 8) Żegota Pauli, Pieśni, II, 37.

с) Бѣлорусские: 1) Созоновичъ, Рус. варианты etc., № III; 2) Добровольскій, Смоленскій Этнографический Сборникъ, I, СПБ., 1891, стр. 126—7.

д) Польские: 1) Lach Szugta, Kamilla i Leon, Pamiętnik Naukowy, 1819, I, 358—366; 2) Kolberg, Lud, XIV, стр. 181—2, № 41 и VIII, 160; 3) Gołębiewski, Lud Polski, jego Zwyczaje, Zabobouy, Warszawa, 1830, 171; 4) Wagner, Deutsches Museum, 1862, 802 ff; 5) Zeitschrift für Volkskunde, II, 144; 6) Mickiewicz, Ucieczka; 7) Zamarski, Podania i basni ludu w Mazowszu, w Wrocławiu, 1852, 121—132; 7) Chmielowski. Ballady Tomasza Zana, Studya i Szkica, II, 202; 8) Zawiliński, Utamek polskiej «Leuory», Wista, 1891, 4, стр. 790—1.

- e) Чешские: 1) Erben, Prostonárodní české písňe a říkadla, v Praze, 1864, 472—3; 2) Sumlork (Krolmus), Staročeské pověsti, zpěvy, hry, obyčeje, slavnosti a nápěvy, I, v Praze, 1845, 608—610; 3) Kytice z básni Karla Jaromira Erbena, v Praze, 1874, 23.
- f) Моравские: Sušil, Morawské narodni písně, v Brně, 1860, № 112, str. 111.
- g) Лужицкие: 1) Schulenburg, Vendische Volkssagen und Gebränche aus dem Spreewald, Leipzig, 1880, 137, 138; 2) idem, Wendisches Volksthum, 64.
- h) Сербские 1) Krauss, Powrót umarłych na świat, Wisła, IV, 1890, zes. 3, 667 — 671; 2) Карапић, Српске Народне пјесме, II, у Ечу, 1875, 38—42.
- i) Словинские: 1) Valjavec, Narodne pripovjedke u Varaždinu, 1858, 239; 2) Hanusch, Mannhardt's Zts. f. deutsch. Myth. u. Sittenkunde, IV, 224 ff.
- k) Литовские: 1) Schleicher, Lituische Märchen, Weimar, 1857, 34; 2) Leskien und Brugmann, Lituische Volkslieder und Märchen, Strassburg, 1882, 497.
- l) Венгерские: 1) Hermann's Ethnologische Mittheilungen aus Uugarn, III, 341; 2) Aigner, Gegenwart, 1875, № 12; 3) Pap, Paloc nép költemények, 1865.
- m) Цыганские: Wlisłocki, Volksdichtnngen der transylvanischen Zigenner, 104—6, 983—5.
- n) Болгарские: 1) Младниовци. Бълг. нар. пѣсни, Загребъ, 1861, № 200; 2) Dozon, Chans popul. bulg., Paris, 1875, 319—321, 327.
- o) Албанские: Rapsodie d'un poema albanese, tradotto e messo in luce da Gir de Puda, Firenze, 1866, canto XVII, 29.
- p) Древне и ново-греческие: 1) Lucianus, Dial. mort. 23, I; 2) Hyginus, Tab. 103, 104; 3) Ovidius, Metam. II, 67; Heroid. XIII; 4) Propertius, I, 19, 7; 5) Philostr. Heroic. I, 4; 6) Eustathius (Ilias), p. 325, 24; 7) Passow, Τραγούδια Ῥώμαιων, popul. carm. Graeciae recentioris. Leipzig, 1860. №№ 517—9; 8) Kind, Anthologie neugr. Volkslieder, Lpz; 1861, 96; 9) Fauriel, Chants populaires de la Grèce moderne, II, Paris, 1825, 405—9; 10) Τραγούδια ἑθνικά συναγμένα καὶ διασαφημένα ὑπὸ Ἀντωνίου Μανούσου, Κέρκυρα, 1850, II' 73—6; 11) Sathas et Legrand, Les exploits de Digénis Akritas etc. Paris, 1875, introduction, 50—2 annotations, 276—8; 12) Ζαρπελίου, Άσκατα δημοτικά τῆς Ἐλλάδος, Κέρκυρα, 1852, 713—5; 13) Lagarde, Neugriechisches aus Kleinasiens, Abh. der k. Ges. der Wiss. zu Göttingen, 1886, XXXIX, № 15, 25, 36; 14) Ἰωαννίδου Ἱστορία καὶ στατιστικὴ Τραπεζούντος, Κωνστ., 1870, 283—4, № 15;
- q) Древне-германские: 1) Vigfusson, Corpus poeticum boreale, I, 502—507; 2) Rasemann, Die deutsche Helden sage und ihre Heimat, 1863, I, 72—89; 3) Calaminus, Die Liebe des Königs Helgi und der Walkyrie Sigrun, Archiv f. das Studium der neueren Sprachen u. Litteraturen, 1883, LXIX, 37—63; 4) Семундова Эда.
- r) Шведские и норвежские: 1) Mohnike, Volkslieder der Schweden, Berlin, 1830, I, 39; 2) Geijer och Afzelius, Svenska Folk-Wisor, Stockholm, 1816, I, 29—30, III, 204; 3) Idunna, 1812, 60; 4) Warrens, Schwedische Volkslieder der Vorzeit, 302; 5) idem, Norwegische Lieder der Vorzeit, 405.
- s) Датские: 1) Grundtvig, Dankmars Gamle Folkeviser, Kjöbenhavn, 1853, II, 492 ff, 871; 2) Grimm, Altdänische Heldenlieder, Balladen und Märchen, Heidelberg, 1811, 73; 3) Warrens, Dänische Lieder der Vorzeit, 232; 4) Sandvig, Levninger af Mettelalderens Digtekunst, Kjöbenhavn, 1780;

5) Rahbeck, Kjembe Visebog, Kjöbenhavn, 1810; 6) Nyerup, Udvalgte danske Viser, I, 210—217; 7) Uhland, Schriften zur Geschichte der Dichtung und Sage, 1868, VII, 416.

т) Исландские: 1) Maurer, Isländische Volkssagen der Gegenwart, Lpz, 1850, 73; 2) Arnason, Islenzkar Thjódhlsögur og Aesintýri, I, 280 (Lpz. 1864).

у) Голландские: 1) Grimm, Märchen, III, 75; 2) Pol de Mont, De Volkskunde, Tijdschrift voor Nederlandsche Folklore, II, 1889, 129—135; 3) Correspondenzblatt des Vereins f. niederländische Sprachforschung, 1883, № 6, p. 82.

х) средне, южно и восточно-немецкие: 1) Lahm, Volkssagen aus Pommern, 404; 2) Peter, Volkstümliches aus Oesterreich—Schlesien, Troppau; 3) Schröder, Ein Ausflug nach Gottschee, Sitzungsber. der Phil. Hist. Classe d. k. Akademie d. Wiss., LX, 1868, 165—292; 4) Müllerhoff, Sagen, Märchen und Lieder der Herzogthümer Schleswig Holstein und Lauenburg, Kiel, 1845, 164; 5) Rochholz, Deutsch. Glaube und Brauch, Berlin, 1867, I, 207—8; 6) Bürger, Lenore.

у) Английские: 1) Child, The english and scottish popular ballads, Boston, 1885, III, 226; 2) Collection of old Ballads, London, 1723; 3) Motherwell, Minstrelsy Ancient and Modern, Llasgow, 1827.

з) Шотландские: Warrens, Schottische Volkslieder der Vorzeit, 189.

а) Бретонские: 1) Villemarqué, Barzaz Breiz, Chants populaires de la Bretagne, Paris, 1825, I, 271; 2) Elissen, Polygl. der europ. Poesie, 61; 3) Sébillot, Litt. orale de Haute Bretagne, 197.

б) Корсические: Ortoli, Contes populaires de la Corse, 373—6.

;) Провансальские: 1) Bérenger—Férand, Légendes de la Provence, 363. 2 La Tradition, I).

б) Волыцкие: Верещагинъ, Волыки Сарапульского уѣзда (Зап. Ипп. Рус. Геогр. Общ. по Отд. Этн. XIV, вып. III, 180—1.

е) Американские: 1) Grinnell, Pawnee Hero Stories. 2) Revue des traditions populaires, V, 314.

II. Шемякинъ судь.

Къ обстоятельно составленной г. Ольденбургомъ (Живая Старина, III, 183—5) библиографіи этого сюжета я могу прибавить пока очень мало.

1) Галаковъ, Ист. рус. словесности (А. Н. Веселовскій), I², 432—3; 2) Льдовъ, Шемякинъ судъ по рукописи XVII в., стихотв. переложеніе, Истор. Вѣст. 1890. I; 3) Чубинскій, Труды, II, 657; 4) Романовъ, Бѣлорусскій Сборникъ, III, 396—400; 5) еще неизданный разсказъ, записанный Н. А. Янчукомъ въ Корнице (Констант. у. Сѣл. губ.) и 6) Kosiński, Materyjały do etnografii Hórali Bieskidowszych, Zbiór wiadomości do antropologii krajowej, Kraków, 1881, V. Materyjaly etnologiczne, № 4, стр. 197—8.

Москва, 31 января 1892 г.

Владимиръ Каллаиз.

Обзоръ трудовъ по чешской этнографіи за послѣднее десятилѣтіе (1880—90).

Фр. Бартошъ издалъ въ 1888 г. книжку «Naše děti, jejich život v rodiče-
ství sebou a vobci, jejich poezie, zábavy a hry i práce společné popisuje Fr. B... V Brně. 1888. str. 310 въ и. 8°. Здѣсь описана жизнь дѣтей только моравскихъ, собранъ большой материалъ пѣсень, поговорокъ, загадокъ, игры дѣтскихъ обыкновен-
ныхъ и въ извѣстные праздники, рождественские, пасхальные и др. Любопытно, что авторъ считалъ нужнымъ въ предисловіи своей книги какъ бы извиниться, что въ книгѣ описана настоящая жизнь дѣтей, какъ она есть, а не какой должна быть, что въ книгѣ встрѣчается то, чему опытный и осторожный педагогъ не станетъ учить дѣтей. Замѣчательнѣе другой, болѣе ранній трудъ нашего этнографа «Lid a národ», изданный въ двухъ томикахъ «моравской библіотеки» Ve velkém Meziříčí I т. 1883, II. 1885. Тутъ собраны нѣкоторыя этнографическія статьи издателя изъ разныхъ чешскихъ журналовъ, Osvětъ и др. Въ I т. (стр. 238) помѣщены статьи: 1) Bývalé panství Zlínske (стр. 1—154) въ югоизѣмной Моравіи; здѣсь описаны и изложены сельскій бытъ, стары соціальные отношенія за времена крѣпостного права и пр., жизнь дѣтей, свадьбы, церковный годъ, календарь простолюдина, суевѣrie, обычай; этнографическія границы, сосѣди, характеръ народа, торговцы и пр. 2) Moravské Valašsko, kraj i lid (стр. 155—238): въ этой статьѣ между прочимъ указано, что въ населеніи этого края была значительная доля румынскій народности (стр. 161) и приведены вообще очень любопытныя замѣтки о колонизаціи этого края, изъ кое-какихъ семейныхъ записей нач. XVIII в.; само собой тутъ обстоятельно описанъ народный бытъ этого края. Во II т. (стр. 337) помѣщены два этнографическихъ очерка, изъ жизни моравскихъ Словаковъ: 1) Podluží a Podlužáci. Národopisný obrázek z jižní Moravy (стр. 1—99) 2) Moravští Koraničáři. Národopisný obrázek z jihovýchodní Moravy (стр. 101—194) на границахъ моравско-венгерскихъ. Слѣдующая затѣмъ статья O naší poezii kramářské (стр. 195—293) отчасти касается вопроса объ упадкѣ народной поэзіи и условіяхъ его; о лубочныхъ или лучше рыночныхъ пѣсняхъ, распространяемыхъ книгоношами и печатаемыхъ уже съ конца прошлаго столѣтія предпринимчивыми издателями. Тутъ перепечатаны и народныя пѣсни, разными способомъ переработанныя и конечно не къ лучшему измѣненныя, перепечатаны тоже нѣкоторыя стихотворенія новѣйшихъ чешскихъ поэтовъ, Челяковскаго и др. Наконецъ въ этомъ томикѣ находятся еще «Tři filologicke humoresky» (стр. 295—337), въ первой «гуморескѣ» подъ названіемъ «Kapitola z prostonárodní geografie a ethnografie moravské» приведены примѣры взаимнаго осмыслинія сосѣднихъ племенъ; не безъинтересна и другая «гумореска»: «Pes v zrcadle našich příslovi a pořekadel».

Наконецъ еще упомянуть о сборникѣ, который Фр. Бартошъ составилъ съ моравскимъ композиторомъ Л. Яначкомъ: Kytice z národních písni moravských. Telč 1890 стр. XII 216.

Фр. Бартошъ кроме того печатаетъ въ разныхъ чешскихъ журналахъ статьи по этнографіи моравской въ Cašopisѣ Matice moravské, въ пражскомъ журнале «Osvěta», въ еженедѣльномъ журнале «Obzor» (въ Бернѣ), въ литературномъ ежемѣсячномъ журнале моравскомъ «Hlídka literář.» и др. Большая часть этихъ статей или вошли въ упомянутые сборники Бартоша, или явились въ переработанномъ видѣ въ его изслѣдованіи, приложенномъ къ сборнику моравскихъ пѣсень. Поэтому всѣхъ этихъ статей Бартоша перечислять не станемъ. Назовемъ лишь нѣкоторыя: «Prostonárodní kalendář» (Obzor 1888), Sbírečka moravsko-slezských příslovi (Obzor 1891) «Divženy dle dosavadních pověr lidu moravského» (Premiéře Umělecké Besedy v Praze 1888: по его мнѣнию, повѣсти эти принадлежать какому-то кочевому народу, жившему въ славянскихъ земляхъ до Славянъ и вытѣсненному ими въ горы. Въ статьяхъ: «Příspěvky praktické politice» (Hlídka literářní 1889—90) Бартошъ разобралъ нѣкоторыя моравскія народныя пѣсни съ эстетической точки зрѣнія; вопроса о подлинности ихъ

мотивовъ, о влінні народной поэзіи соѣдѣй онъ не касается. Но важнѣе и любопытнѣе всѣхъ этихъ статей статья «O domácím lekařství lidu moravského», которую недавно Бартошъ сталъ печатать въ Casopis'ѣ Matice moravské 1891 г.

Фр. Бартонъ теперь первый этнографъ чешскій. Онъ добросовѣстный, тщательный, усердный собиратель и издатель. Въ этомъ отношеніи Бартошъ имѣетъ громадныя заслуги, умалить ихъ никто не посмѣть. Есть и другіе собиратели и издатели, но ихъ значеніе, по крайности понынѣ, гораздо менѣшее. Въ чешской части Силезіи затѣяно было на шѣдни деньги прекрасное изданіе. Говоримъ о широкозадуманномъ сборникѣ г. В. Праска (Прасекъ) въ маленькихъ выпускахъ: «Vlastivěda slezská» (Отчизно-вѣдѣніе силезское). Въ 1888—89 г. изданъ первый томикъ «Podání lidu» (стр. 240). Тутъ вошло все, кажется, доселѣ известное и собраное по народной словесности и народныхъ повѣрьямъ; но это материалъ скучный, гораздо менѣшій, чѣмъ можно было ожидалъ, судя по огромному сборнику Ант. Петера Volksthümliches aus Oesterreich... Schlesien (II т. Трорра 1864, оба почти по 300 стр.), где собранъ материалъ среди пѣмецкаго населенія австрійской Силезіи и то лишь западной, Опавской части, и не весь еще собранный материалъ вошелъ въ этотъ очень цѣнныи сборникъ (см. рецензію Р. Кѣлера въ Gött. Gel. Anz. 1867, стр. 137 сл.). Издатель въ предисловіи II-го тома замѣчаетъ, что много сказокъ, знакомыхъ изъ другихъ пѣмецкихъ сборниковъ хорошо, отъ выбросилъ, хотя иногда попадаются большія разнорѣчія. Мы должны были ожидать большаго собранія материала, и по объему и по содержанію, отъ наблюдателей чешского населенія Силезіи, надѣемся, что въ настоящемъ сборникѣ онъ далеко не исчерпаетъ. Въ II т. сборника «Vlastivěda slezská» напечатана «Historická topografie země Opavské; въ III т. I части «Učtiny Opavska až do roku 1318».

Изъ другихъ сборниковъ по народной словесности припомнимъ во первыхъ, какъ сравнительно лучшія изданія общества «Slavia»; имъ изданы въ послѣднее десятилѣtie: 1) Písne slovenské. V. Praze 1880 стр. 410; при всякой пѣснѣ указано, где и кѣмъ она записана, характеръ говоровъ словацкихъ вѣрно сохраненъ; 2) Pohádky i pověsti našeho lidu. V Praze 1882 стр. 181: сказки чешскія изъ Чехіи и Моравіи.

Другіе сборники сказокъ чешскихъ: 1) Národní pohádky a pověsti. V ургавує Václav Beneš-Třebízký. V Praze 1887, стр. 160. 2) Národní pohádky i báje. Vypravuje Josef Kalenský. V Praze I, стр. 181. II, стр. 172: рассказчикъ передаетъ сказки, слышанные имъ въ отрочествѣ на родинѣ, въ юго-западной Моравіи. 3) Pohádky i pověsti z moravského Valašska. Napsal Matouš Václavek. Nové Město nad Metují вып. I. 1888, стр. 48, II. 1888, стр. 40, вып. III. 1889, стр. 48; некоторые повѣсти сообщены тѣмъ же авторомъ въ книгѣ Moravské Valašsko. V Třebíči 1887. 4) Z chatek moravské Slovače. Pohádky a pověsti z okolí Uher-sko-Brodského. Sepsal Jos. B. Kolář-Kochovský. Ve Velkém Meziříčí. 1888, стр. 112. 5) Рядъ народныхъ сказокъ издалъ Я. К. Граше; изъ нихъ припомнимъ новѣйшій его сборничекъ «Z vypravování našeho lidu. Vínek z českých pohádek a pověsti. V Praze 1886. Всѣ эти сборнички предназначены для дѣтскаго чтенія, и изданы даже въ разныхъ «библиотекахъ» для юношества; понятно дѣло, что эти сборнички не представляютъ вполнѣ надежного материала. Составители этихъ сборничковъ не записывали сказокъ прямо со словъ народныхъ сказочниковъ: они записаны въ кабинетѣ на память и вѣроятно даже подъ влініемъ книжныхъ; тутъ часто были иная соображенія, чѣмъ заботы о вѣрномъ сохраненіи подлиннаго характера народнаго разсказа.

Въ статьѣ «Národní píseň na Chodsku, ukázka z kulturnich studií o Chodcích (Квѣты 1891) авторъ И. Ф. Грушка обѣщалъ сообщить нѣсколько сотъ народныхъ пѣсень, собранныхъ имъ у ходского племени на чешскомъ западѣ; но критика замѣтила, что дѣйствительно новыхъ пѣсень очень мало (Čas 1891 № 24).

Гораздо вѣрнѣе всѣхъ этихъ сборниковъ, указанныхъ нами болѣе полноты ради, «Prostonárodné slovenské povesti. Usporiadal a vydáva Pavol Dobšinský вып. 1—8 небольшикъ въ 8°. V Turč. Sv. Martině 1880—83. Но и это изданіе не вполнѣ отвѣчаетъ требованіямъ; материалъ здѣсь не всегда надежный; главный недостатокъ изданія въ томъ, что издатель по разнымъ сообщеннымъ ему отъ разныхъ

собирателей версиямъ составляль, записываль сказки и при этомъ не могъ нѣкоторымъ образомъ не сочинять сказокъ, и такъ иной разъ сказка не могла не явиться какъ бы поддѣльною. На счетъ вѣрности народнаго языка тоже были высказаны сомнѣнія, си. книгу *Příspěvky k dejinám jazyka slovenského*. Napisal D. S. Čzambel. V Budapešti 1887; въ этой книгѣ указывается на явные русизмы, встрѣчаемые въ сказкахъ Добшинскаго (стр. 76, 86, 90, 97, 99).

Наконецъ упомянемъ еще книжку Пр. Соботки: *Kratochvílná historie měst a měst v zemích koruny Svatováclavské*. V Praze 1885, стр. 297, интересную для характеристики чешскаго народнаго юмора.

Для исторіи народной поэзіи очень важны начала пѣсенъ народныхъ, которыи Иречекъ собралъ изъ древне-чешскихъ рукописей и печатныхъ изданій Cas. česk. Musea 1879 и 1881; это собрание дополнилъ еще Ченекъ Зибертъ въ Cas. česk. Mus. 1888. Приступаемъ къ обозрѣнію материаловъ, собранныхъ въ разныхъ книжкахъ и журнальныхъ статьяхъ и замѣткахъ по народнымъ обычаямъ, повѣрьямъ и другимъ примѣтамъ духовной жизни простолюдина.

Первымъ собирателемъ и изслѣдователемъ на этомъ полѣ является теперь Ченекъ Зибертъ. Онъ съ болѣшою тщательностью собираетъ изъ старыхъ книгъ чешскихъ всѣ данныя, всѣ самыя мелкія замѣтки касательно народныхъ обычаевъ, сувѣрій и т. д. и на ихъ основаніи старается представить картину древне-чешской жизни народной. Его дѣятельность касается такимъ образомъ этнографіи, и такихъ, даже отдельовъ культурной исторіи, какіе уже мы не относимъ къ области этнографіи. Главное его сочиненіе, *Staročeské výroční obyčeje, pověry, slavnosti i zábavy prostonárodní, pokud o nich vypravují pisemné památky až po naš věk*. V Praze 1889 (стр. 294) доставило автору почетное мѣсто между славянскими этнографами. Другія его позднѣйшия сочиненія: *Myslivecké pověry a čáry ze starých časů v Čechách* v. Pískn. 1889.

Z her a zábav staročeských. V Velkém Meziříčí 1889.—*Poctivé mravy a společenské řady při jídle a pití po rozumu starých Čechů*. V Praze 1890.—*Dějiny kroje v zemích českých z doby nejstarší až po války husitské*. V Praze 1891.—*Listy z českých dějin kulturních*. V Praze 1891, не всѣ касаются равнымъ образомъ этнографіи. Въ послѣдней книжкѣ собрано нѣсколько статей; изъ нихъ назовемъ, какъ болѣе интересныя: *Přežitky starodávných obětních obřadů* (Stínání kohouta, Mlácení kačera, Stínání beránka, Shazování kozla, Trhání hlavy husím, na provaze pověšeným), *Pověst o Meluzině* v českém podání lidovém, *Svatba unosem* i starých Čechů. Въ послѣднихъ сочиненіяхъ своихъ пользуется Зибертъ еще болѣе иностранною литературою, не только нѣмецкою, для изслѣдователя чешской старины, чешскихъ обычаевъ и обрядовъ едва ли не самую важную, разъ онъ хочетъ строго различить подлинно чешское отъ пришлыхъ элементовъ нѣмецкихъ, но и особенно славянскими литературами, гораздо больше, чѣмъ въ первой книжкѣ.

Г. Зибертъ кромѣ того печаталъ въ газетахъ и журналахъ чешскихъ множество статеекъ и замѣтокъ. Онѣ главнымъ образомъ вошли въ книжки его, потому считаемъ и ненужнымъ въ настоящемъ библиографическомъ очеркѣ приводить ихъ; упомянемъ лишь нѣкоторыя большія статьи, болѣе или менѣе важныя для этнографа: *Kukačka v národním podání slovanském*. Čas. čes. Mus. 1887.—*Čarodějnici v staročeské pověře*. Zlata Praha 1887.—*Kouzla a čáry starých Čechů*. Památky archaeolog. 1887.—*O staročeských hrách dětských*. Vesna 1889.—*Lidové zábavy, obyčeje a pověry na den sv. Jana Křtitele*. Čas. čes. Mus. 1891.—Наконецъ еще припомнимъ, что онъ перепечаталъ старую чешскую поваренную книжку съ сохраненiemъ старого правописанія «*Kuchařství*», въ первые изданную въ половинѣ XVI в.

Остальные чешские изслѣдователи быта народнаго конечно уступаютъ г. Зиберту въ начитанности и эрудиціи. Они болѣшою частью ограничиваются только или даже исключительно чешскими материалами, не сличаютъ ни родственныхъ славянскихъ, ни близкихъ нѣмецкихъ. Много мелкихъ статей написалъ Йос. Коштязъ: *Chléb v*

повѣрѣахъ а звѣчихъ lidu českého (въ сбѣрѣ гравюръ Немо-Балтіковской Типи 1), Diví lidé vъ názorechъ, повѣрѣахъ а звѣчихъ českého lidu (тамъ же 1890), Hlavytka (=bludičky) а žhavý muž. Přispѣвекъ къ názoremъ, povědání u výkumu naseho lidu (тамъ же 1890). Sudičky (Zlata Praha 1889), Smrt vъ povѣdѣахъ а звѣчихъ lidu českého (Učitelskѣ noviny 1888). Oben vъ názorechъ, povѣdѣахъ а звѣчихъ lidu českého (Česká domácnost 1890), Zmek, plivník, prašlivce a dyma (Zlata Praha 1890), Můra vъ podání prostonárodnimъ (Časop. čes. Muzik 1891) и др. Множество нового матеріала приводитъ, но больше внимания обращается на давнишнюю историю Ф. Въ коукаль въ своихъ статьяхъ, разбросанныхъ по различнымъ журналькамъ, Собѣ posviciení (Zlata Praha 1885), Jarni slavnosti Pražského lidu (тамъ же 1885), Velikonoční týden na našem venkově (Světozor 1887), Štodry dom na našem venkově (тамъ же 1889), Koleda u nás a jindo (Květy 1884, II 1), Máj na našem venkově (тамъ же 1885, I), Lidové slavnosti o sv. Janě Křtitele (тамъ же 1885, II 1) днѣch neštastnýchъ а štastnýchъ (Zlata Praha 1888), Vítání jara vъ podâru naseho lidu (тамъ же 1889), Čert vъ naší narodní tradici (Světozor 1889), O kosteleckých mimořádných našeho lidu (тамже 1890), Symbolika vъ povѣrѣахъ našeho lidu (Zlata Praha 1889), Uhráncívost a uhrenutí (Světozor 1889) и др. Конъ что для научныхъ симп. въ Линце Ходовъ на чешскомъ западѣ даетъ статья Фр. Вильдмана «Chudobný deník», «Etnologicko-kulturní nástin» (Vlast 1888, IV, str. 417 сл.).

~~Interrogator~~ 25. 11. 1964. 1964-11-25

Other: *Leucosia* *leucostoma* *leucostoma*
host: *Zizaniopsis miliacea*
parasite: *Leucania* *leucostoma*

щаются въ Časopis'ѣ Muz. Olomúckého, хотя въ этомъ журнальѣ статьи археологического содержания преобладаютъ. Здѣсь напечатаны напр. статья Эд. Пека: Jména a význam některých rostlin v národním podání lidu valašského (V t., 1888), Мат. Вацлавка: Z pověr lidu valašského (т. VIII, 1891, о кладахъ), тоже есть и о Словакахъ, наприм. Bylinky v poezii a praxi slovenského lidu (VII т., 1890).

Главный трудъ о словацкихъ обычаяхъ, повѣрахъ и вообще о народномъ бытѣ словацкому сочиненіе П. Добшина скаго Prostonárodnie obyseaje, pověru a hry slovenské. Turč. Sv. Martin 1880, стр. 179. Кроме того есть нѣсколько мелкихъ статей въ Slov. Pohl'ad'achъ. J. L. Holuby: O mandragore (III, 1883), Voda a vosk v poverach a čarach ludu slovenského IV (1884), Magické rostliny VI, (1886), Žaby v reči a poverach ludu VIII, (1888); далѣе С. Грабона: Narodnie hry v Selnici IV (1884); Голубы напечаталъ еще статью Aus der Hexenapotheke des slovakischen Volkes (Zeitschrift des österr. Apotheker Vereines 1883). — Этнографический материалъ содержитъ еще книга Рудольфа Покорного Z potulek po Slovensku 1883—85, I—II т., (стр. 375 и 332).

Сознательное стремленіе къ освобожденію отъ преобладающей нѣмецкой культуры и къ созданію своей самобытной чешской вызывало къ усердному всестороннему изученію жизни простаго народа, въ коемъ надѣялись еще найти остатки древней славянской самобытности, и изъ этого чистаго источника черпать помощь для ослажденія быта интеллигентныхъ слоевъ, культурно онѣмѣвшихъ, слившихся вообще съ западною Европою. Поэтому изучали и народные танцы, стараясь вводить ихъ въ общество (сл. еженедѣльный журналъ Čas 1891, № 3 сл.); такъ напр., занимались изученіемъ танца называемаго «Краловнички», и Власта Гавелкова, одинъ изъ главныхъ дѣятелей оломоцкаго музейнаго общества, написала о «краловничкахъ» статьи въ Časop. muz. Olom. (т. IV) и въ Obzor'ѣ (XII, 1889), придавая имъ рѣшительно мифологическое значеніе. См. еще статью И. Дебернова: O písničkách a tancích národních (Osvěta 1887, № 8).

Гораздо усерднѣе, глубже и съ большимъ успѣхомъ изучали народную одежду, народное убранство, вышиваніе, писанки и пр. Центромъ этихъ изученій опять было оломоцкое музейное общество; въ музѣ оломоцкому хранится и прекрасное собраніе одеждъ, вышивокъ и пр. Въ Časopis'ѣ muz. Olom. (т. V — VI), явилось объ этомъ много статей. Стараніемъ и иждивеніемъ общества роскошно изданы Moravské ornamenty въ трехъ выпускахъ: I) Moravské kraslice z tabul barvotiskových a 1 kreslená. Na kámen kreslila Madlena Wanklova. S vysvětlujícím textem D-ra Jindřicha Wankla, Fr. Stránecké a Vlasty Havelkové. Seš. II. Vzory vyšívané 6 tabul barvotiskových. Na kámen kreslila Madlenka Wanklova. Text napsala Vlasta Havelkova, s úvodem a douškem V. H(oudka). Seš. III. Ornamenti kapcionálů. Z tabul barvotiskových. 4º. Na kámen kreslila Madl. Wanklova. Text (стр. 102) napsali V. Houdek i J. Klvaňa 1890: здѣсь издана вся орнаментальная часть канціонала, т. е. книги, содержащей церковныя пѣсни, иллюстрированной въ 1717—33 гг. учителемъ въ деревнѣ Боршицѣ; орнаменты эти тѣмъ важны, что вполнѣ сходны съ орнаментами, встрѣчающимися на вышивкахъ, и что въ нихъ нѣть никакого вліянія современного стиля барокко; позже нашлось еще нѣсколько такихъ рукописныхъ иллюстрированныхъ канціоналовъ, но эти поможе Боршицкаго и уже не такъ своеобразны и типичны: о Боршицкомъ канціоналѣ писали оба издателя въ Časop. muz. Olom. т. V, VI и VII.

Кроме того есть еще слѣдующія изданія: Národní vyšívání lidu moravského, sebráno a vydáno od Antonie Valtrové a Hermíny Tiché, učitelek při c. k. čes. ústavě ku vzděl. učitelek v Brně 1888. I—VI вып. 1889—90. Промышленныи музей въ Бернѣ изданы въ 1885 г. Proben weiblicher Handarbeiten mährisch-ländlicher Hausindustrie. 26 табл. фототипическихъ.—Sojkova B.: Vzory vyšívání lidu slovenského na Moravě. V Olomouci. 1887. См. еще статьи Фр. Странецкой: Křestní vínek a úvodnice na Moravě. (Květy 1885). Národní ornament moravský

(тамъже 1886, II). См. также статьи И. Колвани въ журналахъ *Světozor* 1887, *Zlatá Praha* 1887 (съ иллюстрациями) и пр. О чешской народной одеждѣ, вышиваніи и пр. написано еще весьма немного, хотя есть прекрасное собрание напр. въ промышленномъ музѣ г. Войты Наперстка въ Прагѣ и на земской выставкѣ чешской нынѣшняго года было представлено большое собрание вышивокъ и проч.

Недавно въ Оломоуцѣ издана книжка Терезія Новаковой о народной одеждѣ въ краѣ Литомышльскомъ подъ иеточнымъ названіемъ: *Příspěvek k poznání kultury lidu českého*. О словацкой народной одеждѣ тоже немного: *Vzory slovenského vyšívání* sesbiral a vydal P. B. Socháň 1890, сл. журна. *Ruch*. 1888. № 23, *Národní listy* 1889. № 288. Издали И. Коулы: *Výšivání lidu slovenského*. *Výbor nejkrásnějších prací z výstavy národního vyšívání v Turč. Sv. Martině* 1877, 1889. не пущено въ продажу.

Въ новѣйшее время стали обращать вниманіе еще на изученіе другихъ сторонъ крестьянскаго быта, на постройки крестьянскихъ избъ: *Ceské chalupy a stará stavění světská* Ал. Ираска съ иллюстрациями (*Květy* 1887, т. II), *Ceská chalupa* (*Čas. muz. Olom. VII*). На чешской земской выставкѣ была представлена крестьянская чешская изба по типу обыкновенныхъ крестьянскихъ избъ въ сѣверной Чехіи, въ околице Турнова. Архитекторъ А. Wiehl, выстроившій ее, издалъ по этому поводу брошюру *Ceská chalupa na zemské jubilejní výstavě*. V Praze 1891. Критика однако замѣтила, что въ ней не былъ сохраненъ чистый типъ настоящей чешской крестьянской избы (Янъ Пейскерь въ чешскомъ *Athenaeum* VIII. № 9). Стали также заниматься изслѣдованіемъ постройки деревень вообще и различій чешскихъ деревень есть вѣмецкихъ (V. Houdek: *O způsobu stavby dědin moravských*. (*Čas. muz. Olom. VI*). Наконецъ стали изучать аграрную исторію въ чешскихъ земляхъ—припомнить статейку О чём svědčí rozdělení parcel ve tratích polních (*Čas. muz. Olom. VIII*). Очень усердно изучаетъ эти вопросы Янъ Пейскерь. Этотъ ученый напечаталъ два изслѣдованія: 1) *Zádržna na Prachensku. Příspěvky ke srovnavacímu dějezprudu agragapitu a selského práva dědického* въ чешскомъ *Athenaeum* V и VI (1888, 1889) и въ отдѣльныхъ оттискахъ. 2) *Die Knechtschaft in Böhmen. Eine Streitfrage der böhmischen Socialgeschichte*. Gegen J. Lippert. Prag 1890. (См. рец. Мейцена въ *Deutsche Litteraturzeitung* 1891, и *Mittheilungen des Vereins für die Geschichte der Deutschen in Böhmen* 1891). Онъ на основаніи катаstralныхъ картъ указываетъ, где были самыя старыя свободныя усадьбы славянскія и какія деревни моложе, новѣйшія; деревни, о которыхъ говорится въ старыхъ грамотахъ, именно такія новѣйшія, закрѣпощенные, о деревняхъ задолжныхъ въ грамотахъ не говорится, потому что онъ не продавались и не дарились. Пейскерь изучилъ такимъ образомъ только южную часть Чехіи и надѣется, что когда также изучена будетъ вся Чехія, тогда можно будетъ вѣрно опредѣлить, где была первая колонизація славянская, сколько племенъ и какъ эти племена слились наконецъ въ одинъ народъ.

Научныыкъ изслѣдований народной поэзіи чешской еще весьма не много. Изъ ученыхъ старшаго поколѣнія мы прежде всего должны назвать Пр. Соботку, автора извѣстной книги «*Rostlinstvo v národním podání slovanském*» (1879); по этому самому плану онъ составилъ статьи *Plastvo v bárodní poesii slovanské* (*Světozor* 1880, 1881 и 1885). Беллетристическая безъ научного значенія книжка И. Духновскаго «*Žena v písni lidu slovanského*». Praha 1883 (стр. 175). Ближе къ новѣйшей теоріи заимствованія И. Чернý О národních pohádkách i pověstech (*Světozor* 1880). Припомнить еще статью рано умершаго поэта Ioásc. Якубца *Některé formální stránky národních písni slovanských* (*Světozor* 1883). Я. В. Новакъ тоже держится еще возвратнѣй старшой школы; въ предисловіи его къ упомянутой уже нами книжкѣ К. Граше «*Z výravování našeho lidu*»; онъ предполагаетъ, что сказки славянскія плоды духа вароднаго, остатки отъ стародавнихъ временъ, что народный духъ—единственный ихъ источникъ и т. д. Этому же автору принадлежитъ статья *Báje zvířecí u českoslov. písniček národnich* (*Vlast III*, 1887); онъ не сомнѣвается въ древности этихъ сказокъ. Наконецъ надо упомянуть и напис. основательнымъ молодымъ ученымъ

В. Тилле разборъ известного сборника Коссена *Contes populaires de Lorraine* въ List'ахъ filolog. 1889, (XVI т., стр. 375 сл.). Здѣсь приведены чешскія параллели къ сказкамъ Коссена. Для знакомства съ возврѣнными на народную литературу, преобладающими еще въ Чехіи, характерна статья молодаго литератора чешскаго Льва Шольца о моравской повѣсти Král Ječmenek (Zlatá Praha 1891, № 4 — 9); эта повѣсть принадлежитъ въ циклу повѣстей о спящихъ рыцаряхъ. Авторъ признается, что моравская повѣсть того же типа, что чешская о св. Вячеславѣ и его рыцаряхъ, спящихъ въ горѣ Бланикѣ, нѣмецкая о бѣ императорѣ Фридрихѣ въ Кифгейсерѣ и пр.; могъ бы потому авторъ разбирать вопросъ о возможной сродности моравской повѣсти съ другими, и. б., и о заимствованіи и пр., но такіе вопросы для автора совсѣмъ линии; онъ доказываетъ, что моравская повѣсть въ основѣ историческая, что Ечминекъ, спящій досель и будущій избавитель народа дѣйствительно есть Святополкъ, что наконецъ Ечминекъ — Святополкъ даже есть воплощеніе какого то большаго божества языческихъ Моравянъ.

Странно, даже прискорбно появленіе такихъ статей, совсѣмъ отсталыхъ отъ современной науки въ чешской литературѣ и къ тому же еще изъ подъ пера молодаго писателя съ университетскимъ образованіемъ.

Короткій библиографический очеркъ народной поэзіи чешской написалъ Tiestrunk: O r  sn  ch n  rodn  ch (въ отчетѣ гимназіи въ Прагѣ на Житной улицѣ 1888). Библиографический списокъ статей по «властивѣдѣ» Чехіи, Моравіи и Силезіи, помѣщенныхъ въ журналахъ въ гг. 1801—1885 азбучнымъ порядкомъ составленъ Кл. Шпенцингровою и напечатанъ въ журналѣ *Zem  episn   Sborník* 1887.

Остаётся сказать еще нѣсколько словъ обѣ изученіи миѳологии. Сюда принадлежитъ сборникъ мелкихъ статей Пр. Соботки «V  klady proston  rodn   z oboru jazykozpruty, b  ajeslov   a psychologie n  rodn  . 1882, (стр. 124), написанныхъ вполнѣ еще въ духѣ старой школы (ср. статью «Perun na nebi a P  remysl na zemi»). Янъ Пейскерь изъ мѣстныхъ названий старался доказать существование Сварога у древнихъ Чеховъ и дуализмъ въ древнечешской миѳологии (*Slovn  k historick   I*, 1882). Новѣшаго, современного направленія держится другой молодой миѳологъ чешскій Ганукъ Махаль; его статьи разбросаны по журналамъ: Bohyn   Lada u pohansk  ch Čech  . Zlat   Praha 1884 («paní Lida» у Эрбена стр. 76), O ct  ni d  du u Slovan   (тамъ же 1884), O dom  cích bu  zcích u Slovan   (тамъ же 1886), Slunce v b  ajich slovan  sk  ch. Slovansk   sborn  k 1887, № 7 сл., O bohynich sudby u Slovan   (Kv  etu 1887, № 12), Rusalky a rusk  ne slavnost   Zlat   Praha 1889 (указываются слѣды этого праздника у Чеховъ). Г. Махаль, по собственному признанію (Zlat   Praha 1884, № 42), хочетъ въ своихъ миѳологическихъ изслѣдованіяхъ слѣдоватъ тому же пути, какъ и проф. Ягичъ, но, надо признаться, это не всегда ему дается, и иногда, вопреки добромъ своему желанію, онъ не можетъ воздержаться отъ манеръ старой школы.

Только что мы кончили нашу библиографическую замѣтку, вышелъ первый выпускъ этнографического сборника «Česk   lid» съ цѣлью рядомъ статей по разнымъ сторонамъ чешской этнографіи. Нѣть, здѣсь не мѣсто входить въ его разборъ, но по этому первому выпуску можно судить, что новый органъ сдѣлаетъ много полезнаго для изученія чешской этнографіи. Подъ впечатлѣніемъ громаднаго успѣха всеобщей земской выставки въ Прагѣ не такъ давно образовался комитетъ, взявший на себя устройство въ 1883 г. этнографической выставки всего чешскаго народа Чехіи, Моравіи и Силезіи, даже угорскихъ Словаковъ. Мы можемъ кончить это обозрѣніе чешскихъ этнографическихъ изученій за послѣднее дѣсятилѣтіе, полные надеждъ на раззвѣтъ этнографіи у чешскаго народа. Въ виду новыхъ предпріятій мы въ правѣ ожидать, что будущій библиографъ наступающаго десятилѣтія дастъ лучшую картину успѣховъ нашей науки, чѣмъ могъ я сдѣлать въ настоящее время.

Прага чешская. Сентябрь 1891.

Ю. Поливка.

ОТДѢЛЪ IV.

Вопросы и Отвѣты.

Не дѣлали ли Вы какихъ-нибудь наблюденій надъ жизнью народнаго языка? Не случалось ли Вамъ замѣтить, что старшее поколѣніе деревенскихъ жителей произносить какіе-либо звуки иначе, чѣмъ младшее (например, говорить Ванька, старушка, въ то время какъ у младшаго поколѣнія слышится Ваньтя, старуштя)? Не знаете ли Вы, когда появилась разница между произношеніемъ двухъ поколѣній (например, съ какого возраста младшее поколѣніе, съ дѣтства, лѣтъ съ 6—7, или позже, стало говорить Ваньтя)? Не замѣтили ли вліянія произношенія старшихъ на произношеніе младшихъ (например, не говорить ли младшее поколѣніе, рядомъ съ Ваньтя, также и Ванька, болѣе или менѣе часто, или хотя изрѣдка)? Если младшее поколѣніе деревни уже имѣеть подростковъ-дѣтей, чьему произношенію слѣдуютъ эти послѣдніе, отцовскому или дѣдовскому, или смѣшиваютъ и то, и другое (напр., говорятъ безразлично и Ваньтя, и Ванька, или чаще Ваньтя, рѣже Ванька, или наоборотъ)?

Если у Васъ нѣтъ готовыхъ наблюденій, не возьмете ли Вы на себя труда сдѣлать ихъ и сообщить редакціи «Ж. Ст.»?

A. Соболевскій.

Какія косметическія средства употребляются въ народѣ и какъ часто? Предоставляется ли всякой женщинѣ на еяволю румяниться, бѣлиться, сурьмиться, или же общественное мнѣніе (деревни, города) требуетъ, чтобы женщина въ известныхъ случаяхъ (напр., на свадьбѣ) непремѣнно была нарумянена и т. д.?

A. Соболевскій.

ОТДѢЛЪ V.

СМѢСЬ.

Расколъ въ Еаргопольскомъ краѣ.

«Ты гуди-ко, мой звученье голосъ!
«Позвончье ты вызыванивай!..
«Погромчко выговаривай!..»

(Народная поэзия. Причеты).

Велика была бѣда каргопольскому населенію въ началѣ XVII вѣка (1612—1619 гг.) отъ нахлынувшихъ на край его разбойниковъ, которые, обирая животы (имущество), не щадили жизни обывателей, ругаясь надъ всѣмъ, что было дорого и свято сердцу Русскаго... Но та бѣда была вещественная, такъ сказать тѣлесная... Она не отнимала у темнаго народа его не многихъ вѣрованій, перемѣшанныхъ съ суевѣріемъ, освященныхъ вѣкамъ да ть мой невѣжества... И, какъ ни надругались надъ нимъ и некрещеная «Татарва», и папистская Литва, и не только надъ народомъ, но и надъ Св. храмами и иконами¹), все таки не посягали они отнять у него вѣру «крестьянскую», — а навязать свою «басурманскую», иль римскую-латинскую... по крайней мѣрѣ, не встрѣчается тому доказательствъ...

Прошло съ тѣхъ порь почти полъ вѣка: позажили раны нестерпимыя, поизгладились изъ памяти раздирающія картины прошлаго, какъ вдругъ—нежданно, негаданно понагрянула бѣда новая, несравненно больше прежнія, изъ той ли Москвы да бѣлокаменной, вмѣстѣ съ сильнымъ Павломъ Коломенскимъ (сосланнымъ въ Олонію, послѣ собора 1654 г.)... Первая бѣда продолжалась 3 года, по мѣстамъ затянувшись лѣтъ на 9, когда были мучили, убивали и грабили безнаказанно, но и безъ согласія и вѣдома Московскихъ властей²); вторая же бѣда продолжилась повсемѣстно почти на цѣлую сотню лѣтъ, также ни щадя ни пола, ни возраста... но уже съ приказа Москвы бѣлокаменной... Какъ огненная рѣка бурнымъ потокомъ, мгновенно пронеслась она изъ края въ край; и вдалъ, и въ ширь—во всѣ стороны, съ трескомъ, шумомъ лютостью зельного зажгла—запалила,—не лѣса, дома и селенія, а чуткія сердца человѣческия, забралась она и въ хоромы богатыя и въ хижинъ убогія, извела печаль, изсушила мозгъ, ввела въ думушку тяжелую... Не было, кажется, такой хоромины, гдѣ бы не думали да думы крѣпкія, о новой яко бы вѣрѣ и книгахъ Никона—того санаго, что недавно шелъ отъ моря, съ мощами Филиппа угодника (въ 1652 г.)... Они сами его видѣли... Всѣ были заняты такими мыслями печальными—чернецы и настоятели, попы, крестьяне и купечество...—Между тѣмъ Соловецкіе бѣлые инохи не звали: ловили рыбку въ мутной водѣ, подливая масла въ огонь—распространяя

^{1—2)} См. мою «Исторію Челмонской пустыни», въ «Христіанс. Чтеніи». 1889 г. № 7—8, стр. 229—230.

всюду пожарище... Своими вкрадчивыми речами и доводами они всѣхъ сводили съ разума,—чemu служить доказательствомъ и члобитныя ихъ соловецкихъ собратовъ... Стара вѣра, говорять, перемѣнена; новы книги, говорятъ, перепорчены... Но бѣда иныхъ въ действительныхъ нововведеній была еще тѣмъ болѣе невыносимою и ужасною, что шествовала со всѣми ужасами мученій, казней, ссылокъ... Вдругъ отнимали у человека все, не только его имущество, родину, но даже—жизнь, а съ нею вѣстѣ и вѣрованія, чего не было и при лже-димитріяхъ!..—Не имѣя ни малѣшаго понятія отличить важное отъ ничтожнаго: догматъ отъ обряда, обязательность заповѣди Евангелія отъ какого либо хожденія по-солонь предки наши и, даже лучшіе изъ нихъ пришли въ ужасъ отъ бросающихся въ глаза якобы новшествъ... Болѣе шести съ половиною вѣковъ—думали и говорили они—благочестивые Россіянине читали, пѣли—мозгались по книгамъ—письменнымъ, не подозрѣвая искаженій... и, вдругъ такая новость ужасная: тѣ книги, говорять, перепорчены... Да и новые, оказывались съ изъянцемъ... (Даже современные каноники кіевской печати разногласяты, въ нѣкоторыхъ словахъ, съ московскими... Это мы можемъ доказать)... Ничѣмъ необъяснимая и неоправдывающаяся послѣдність печатанія новыхъ, при Никонѣ, книгъ, съ различными разночтеніями, не согласными съ тѣми же Никоновыми книгами, вышедшими раньше или послѣ—невольно наводила на размышенія самыхъ разсудительныхъ людей, что въ свое время было указано знаменитыми поморскими отвѣтами, и повторено, въ послѣднее время, въ нѣкоторыхъ духовныхъ изданіяхъ... А тутъ, какъ нарочно, тѣ немногіе пастыри, знаящіе суть дѣла, не хотѣли съ христіанскою кротостю объяснять пасомыть эти разности... При этомъ замѣчательно, что почти всѣ обличители раскола, дѣвнѣшіе, начиная съ составителей «Жезла»—этого первого обличительного акта, и позднѣйшіе (за исключеніемъ, конечно, новѣйшихъ), какъ бы говоривши, въ обличеніяхъ своихъ противъ такъ называемыхъ «старообрядцевъ», употребляли ругательные слова,—что служило только къ большему ожесточенію послѣднихъ, а уже ни какъ не къ вразумленію... Нѣкоторые же изъ пастырей такъ и ругались то не по церковному, а чисто по плошадному... Чтобы не обвинили насъ въ голословности указываемъ «Обличеніе неправды раскольническія» («Поморскихъ отвѣтствъ») Феофилакта Тверского, во коемъ встрѣчаются между прочими, слѣдующія слова: «на прельщеніе русскаго, варварскаго грубаго народа»... ¹⁾ Да и во многихъ мѣстахъ тяжело обзвывается русскій народъ, въ родѣ: «дураки, русаки небѣжды, русакъ», что весьма оскорбительно для народнаго чувства!.. Епископъ, какъ истый малороссъ, ко всему великорусскому дышаль ненавистью и презрѣніемъ, находя, вѣроятно, уиницами латинянъ, Хохловъ, да лукавыхъ Грековъ и, не хотя вникнуть въ ширь и глубь отеческихъ писаній, ограничивался верхоглядствомъ да выходками, въ родѣ: «Пропади, плугъ»!.. ²⁾ О старонарѣчныхъ книгахъ выразился: «то отъ русскихъ старогадскихъ и старопечатыхъ книгъ взято»... ³⁾ Возмутительнѣе сего обличенія мы не встрѣчали. Почти первыи изъ русскихъ пастырей заговорилъ съ заблуждающими языккомъ кротости Платонъ, митронолитъ московскій, въ своеемъ «Увѣщаніи къ Раскольникамъ», 1765 г., т. е. почти ровно 100 спустя послѣ возникновенія раскола... Хотя—раньше его и говорилъ нѣсколько смѣченіемъ тономъ Питиримъ, епископъ Нижегородскій, въ своей «Пращицѣ», какъ

¹⁾ Листъ 18, на оборотѣ.

²⁾ Листъ 23 на обор.

³⁾ Листъ 33 на обор. Или вотъ еще цѣльочки: Въ разсужденіи 5-мъ «О св. Иконахъ», ст. 20, показаніи 1-мъ поморцы ссылаются на Патріарха Іоакима, запрещающаго латинскихъ переводовъ иконы писать: Богородицу съ испокровленною главою. Феофилактъ на 21-мъ листѣ отвѣчаетъ: «Іоакимъ патріархъ московскій, буде онъ таковый завѣть написалъ, явно сея показалъ ревнителемъ русскихъ деревенскихъ мужичінъ азбобоновъ, по которымъ женѣ мужатой но возможно ни къ кому явится испокровленною главою, и тѣмъ не доволенъ, захотѣть еще и Божію Матерь тому же деревенскому мужичію закону подчинити и писать ея образъ по подобию русскихъ бабицъ. Разѣтъ но вѣдалъ, что Богородица по россійскія породы была»... Но и Феофилактъ въ запальчивости своей забылъ, что эти «азбобоны» уставили по «дураки русаки», а сїе апостолъ Павель и вѣроятно на основаніи обычая, существовавшаго у Евреевъ...

самъ вышедшій изъ раскольническаго заблужденія... И такъ пастыри—меньшинство—не хотѣло съ христіанской кротостю объяснять пасомыиъ книжныхъ разностей, большинство же и само ничего въ нихъ не смыслило и, почти всѣ они, какъ истые наемники вмѣсто слова увѣщанія, схватились — конечно посредствомъ гражданской власти—за цѣпи, винты и мученія, ссылки, казни; срубы огнены... и этими противо - христіанскими, варварскими, безчеловѣчными мѣбрами мечтали прекратить отпаденіе отъ Церкви... Опять безъ причины потокомъ полилась кровь русская христіанская отъ своихъ же собратовъ и пастырей, обязанныхъ душу полагать за овецъ своихъ, и обагрила стогны градскія и дремучіе лѣса непроходимыя... «О немилостиваго ліянія крове!—говорить одонецкій раскольническій писатель—не къ тому проповѣдашеся восточный законъ благодатный, но западный—ратный. Всюду бо мучительства мечь, обагренный кровью исповѣднической повседневно омочахуся. Проповѣдницы Никоновыихъ новинъ яростю и гнѣвомъ и мучительствомъ, вмѣсто кроткаго духа, дыхаху: блѣнемъ и ранами, а не благодатию Христовою увѣщеваху, лукавствомъ и коварствомъ злобнымъ, а не апостольскимъ смиреніемъ къ вѣрѣ своей привождаху. И отъ такового насильствованаго лютаго мучительства обліахуся вся гради кровью, утопаху въ слезахъ села и веся, покрывахуся въ плачи и въ стонаніи пустыни и дебри... Ови мечи уськаеми, ови же огнемъ сожигаеми, и инія иначе скончаваеми, чесо ради?» вопрошаетъ «старообрядецъ».—Да ради обрядовъ—отвѣчаемъ мы—маловажность и измѣняемость которыхъ сознавали сами гонители—по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ—однако не хотѣли уступить... «Новое убо есть учение Никоново—говорить въ другомъ мѣстѣ Ив. Филипповъ—сего ради и правъ учителей новый, не словомъ бо, солю растворенными по Апостолу, поучаютъ, но мечемъ острымъ и блещащимъ... И бысть тогда лютое гоненіе и не милостивое неповинныхъ мучительство. Всюду плачь, воуль и, стонаніе слышашеся и на всякой души страхъ и колебаніе, и ужасъ. Отъ лютаго гоненія и мучительства инози люде, domы свои покидающе, бѣгаху...¹⁾ Изъ бѣгавшихъ каргопольцевъ извѣстны: посадскій человѣкъ Василій Быковъ, въ раскольническомъ иночествѣ—Варлаамъ, изъ поселянъ: Ловзунскаго прих., чернецъ Іосифъ²⁾, Кенорецкаго,—д. Кузминской Григорій Андреевъ...³⁾ Конечно, это только одна капля того необъятнаго моря, которое «побѣже»...

За то въ настоящее время являются у насъ такие проповѣдники, кои не стыдятся утверждать не на единѣ, а во всеуслышаніе,—что у насъ «были только» будто бы однѣ «попытки» (а не самыя гоненія) вразумленія карательными мѣбрами... «попытки», когда замучивали въ пыткахъ, живѣмъ сжигали въ срубахъ, отрѣзали языки, гноили въ земляныхъ тюрьмахъ... а о ссылкахъ, и не говоримъ... Не даромъ же выразился знаменитый Аввакумъ: «не по што намъ ходить въ Персиду мучиться... дома Вавилонъ нажили!..».

Однако, не смотря на всѣ ужасы мученій казней, не было, кажется, на всемъ сѣверѣ обители иноческой, гдѣ бы явно или тайно не сочувствовали такъ называемому—одними—«расколу», другими—«благочестію»... Мы уже не упоминаемъ о Соловецкомъ монастырѣ, какъ не входившемъ въ уѣздъ Каргопольскій, скажемъ только, что Каргопольского Спасскаго монастыря игуменъ Евфимій (1663—1671 гг.), служа тогда поповскимъ старостою, благочиннымъ по нынѣшнему, былъ оборонителемъ и пристанодержателемъ бѣглыхъ соловецкихъ чернечовъ, разсыпавшихся по всему свѣту: «Любиль же старое благочестіе—говорится о немъ въ житіи раскольническаго иноха Корнилія выговскаго—и служилъ по старому все. У него же Евфимія крѣахуся соловецкіе старцы Игнатій да Германъ, иже въ Палеостровѣ сожжены быша, да старецъ Іосифъ

¹⁾ Исторія Выговской пустыни, Ив. Филип. стр. 25, 26, 36.

²⁾ Тамъ-же стр. 124—126, 67—70, 74—76.

³⁾ «Олонецкія Губернскія Вѣдомости» 1878 года № 57.

ожженъ въ Пудоги; и иныхъ человѣкъ съ восемь, всѣ жили у Евфимія игумена, въ коварной келіи не мало время пребыща»¹⁾). Эти расколоучители, конечно, знали почти всѣ разночтенія въ книгахъ до—Никоновскихъ (разумѣется, печатныхъ) и Никоновскихъ и потому не опускали случая сѣять свои плевелы во всей странѣ сѣверной, которая прозабыла, выросла и принесла сторичные плоды, продолжая свои урожаи и до настоящаго времени... Такъ, напримѣръ, о названномъ Игнатіи говорили будто бы его противники: «Игнатій Соловецкій — сосудъ полный мудрости и нагнѣтенъ есть». Онъ утверждалъ стоять въ расколѣ всѣ Олонецкія и Каргопольскія страны и населилъ жителями непроходимыя пустынныя выгорѣцкія лебри...»²⁾ Одинъ такой расколоучитель могъ сдѣлать болѣе цѣлой сотни поповъ, великороссийскихъ, ничего по этому предмету не знаяшихъ и не дѣлавшихъ... Въ другихъ иноческихъ Каргопольскихъ обителяхъ, напримѣръ, Кодзозерской монахи по прежнему продолжали отправлять службу по старонарѣчнымъ же книгамъ...³⁾ Коозерскій же настоятель такъ понравился расколю, что они, подобно Соловецкимъ ионкамъ, нашли удобнымъ и возможнымъ ослушаться грамоты даже самого собора Московскаго, относительно высылки чернецца Боголѣбна...⁴⁾ «Не найдутъ, моль, насы въ гѣсной глупи», вѣроятно думали они. А строитель Елгомской пустыни, монахъ Гавріашъ съ 15 человѣками мѣрянъ подвергъ себя самосожжению...⁵⁾ Но и попы также не отставали отъ чернечовъ, тайно и явно сочувствуя расколу: въ XVII вѣкѣ напримеръ Троицкой волости попъ Ив. Акимовъ доносилъ на поповъ — Архангельской волости Григорія Самойлова и Ошевенской (Огненского-Богоявленского) — Василья Федорова, что они, попы, укрывали раскольника Сергушку...⁶⁾ При Олонецкомъ архіереѣ Игнатіи, некоторые попы явно сочувствовали — расколу, даже ходили въ раскольнические скиты мѣриться, за что и ссылаемы были въ монастырь, подъ пачаль⁷⁾... Что же касается мѣрянъ, то можно безошибочно сказать, что почти всѣ они, за немногими исключеніями, были на сторонѣ раскола...⁸⁾ Скажемъ только, что въ XVII вѣкѣ весьма сочувствовали расколу граждане Каргопольскіе... Въ томъ же житіи Корнилія Выговскаго упоминается одинъ изъ нихъ богач Урываевъ, защитникъ этого чернечца... «Слухъ о покровительствѣ раскола въ Каргополѣ — говорится въ житіи — дошелъ до Москвы. Въ Каргополь посланы были монахи Филоѳей и Сергій», — т. е. что-то въ родѣ нынѣшнихъ миссионеровъ, разница развѣ въ томъ, что тогдашніе миссионеры тысячи жалованья не получали и, по всей вѣроятности, ложныхъ отчетовъ о миномъ «слабленіи раскола» не составляли... Филоѳей и Сергій, вѣроятно Кожеозерскіе постриженники, тѣ самые, что провожали Никона съ мощами митрополита Филиппа (въ

¹⁾ Разсказы изъ Исторіи старообрядчества, изданіе Кожанчикова, С.-Петербургъ, 1861 г. стр. 23—24.

²⁾ «Разсказы изъ исторіи Старообрядчества», стр. 146, 149. Исторія Выговской пустыни, стр. 27.

³⁾ См. мое описание этой пустыни въ «Христіанскомъ чтеніи», 1885 г., № 9—10.

⁴⁾ См. мое же описание «Кожеозерскаго монастыря», въ «Христіанск. чтеніи» за 1886 годъ № 1—2.

⁵⁾ «Исторія Выговской пуст.», стр. 76. Этотъ строитель былъ настоятелемъ въ 1727 г. См. мое описание Елгомской пуст. въ «Христ. чтеніи» за 1866 г., № 5—6.

⁶⁾ Доношеніе 1678—1683 г. находится въ архивѣ Каргопольскаго-Спасскаго монастыря.

⁷⁾ Тамъ же указъ Олонецк. консисторіи, отъ 8 марта 1834 года.

⁸⁾ Да и подумаетъ читатель, что мы обобщаемъ единичный случай или преувеличиваемъ события... Доказательствомъ нашихъ доводовъ служить свидѣтели, на этотъ разъ, достовѣрные—греки православные, даже если хотите—сами восточные патріархи, бывшіе на Соборѣ 1667 г., которые выразились въ своей грамотѣ, между прочимъ, и о нашихъ архіереяхъ, такъ: «Обаче, за еже во здѣшнихъ странахъ великороссійскаю государству не быкоша архіереи... исправляти священическія распри и прочая, учинишиася тоики раскольники и матрежники, и возмутиша все государство, и многія души погубиша, и вмалъ было не весь народъ прельстили и отъ православия вѣры возвратили...» Послѣдніе слова «и вмалъ было не весь народъ... отъ Православия вѣры возвратили», и говорить краснорѣчиво и конечно въ нашу пользу». (Матер. для Истор. раск. Ч, стр. 247).

1652 г.¹), и потомъ жили въ Челменской пустынѣ (въ 50 верстахъ отъ Каргополя)²). Итакъ въ Каргополь посланы были два монаха Филоеф и Сергій, для увѣщанія не-покорныхъ. Корнилій держаль съ ними споръ. Даль бо ему Богъ свободенъ языкъ ко глаголанію о вѣрѣ. «Молчи! будто бы говорили ему посланные, хотя наша не права вѣра да быть тому времени такъ»... Понятно, что такие и подобные имъ миссионеры не многихъ могли вразумить... «Оскорбить же злобно (Корнилія) ничемъ не смѣя, понеже обороняли и защищали его посадскіе, да пгумень въ Каргополи же»³).

Теперь посмотримъ, какой получился выводъ отъ вышеупомянутыхъ гоненій—мученій раскольниковъ, боялись ли они мученій и, убоявшись, обратились ли въ православіе?.. Крайность всегда порождаетъ другую крайность...

«Къ новинамъ мучительное обращеніе людіе видяще — говорить раскольническій бытописатель—больши тѣхъ удалятися начаша, не могуще камо крытися, въ руцѣ же мучителемъ вдатися трепетаху.. и того ради овіи гладомъ поміраху, а овые въ водахъ утопиаху, отъ лютого того гоненія и грознаго мучительства... Мнози же... собирахуся... при нашествії мучителей и отъ нихъ сожигахуся, а овые, отъ ихъ наѣзду со оружіемъ и съ пушками, боящеся ихъ мучительства, сами сожигахуся...»⁴).

Да, въ эти ужасныя времена гоненій доводили несчастныхъ до изстущенія, хуже того—до самоубийства: самопотопленія, самосожиганія, и надъ ими же потомъ глумились и увѣряли, что самосожиганіе есть плодъ ученія старообрядцевъ... Конечно, есть немногіе намеки какъ бы на самовольное самосожженіе заблудшихъ, но эти самосожженія предпринимались уже никакъ не вслѣдствіе измышенаго и навязанаго имъ ученія, а по обольщенію нѣкоторыхъ проходимцевъ изъ корыстныхъ видовъ, которые, обобравъ имущество простодушныхъ, не имѣвшихъ добра гнастыя овецъ, сами всегда успѣвали бѣжать отъ самосожженія... Но и эти немногіе самосожиганія были тогда уже, когда иступились мечи мучителей, устали руки кнутодержателей, именно вѣрьше царствованія Елизаветы, давшей нѣкоторую отраду заблуждавшимъ... Но до нея положеніе притѣсняемыхъ, по причинѣ разныхъ настраиваній со стороны слишкомъ ужъ усердныхъ проповѣдниковъ, орудующихъ, вместо слова увѣщанія — разъясненія, петлями, кнутами, срубами, дыбами и хомутами, было совершенно безъисходное, что они и сами хорошо сознавали и что потрясало все существо ихъ, наводя на нихъ страхъ и ужасъ предъ дальнѣйшимъ продолженіемъ жизни ихъ въ этомъ мірѣ, въ коемъ нѣть ни «истини», ни правды, ни спасенія отъ порабощенія минимум антихристу и тѣлесныхъ ваказаній... Впереди больному, напряженому ихъ воображенію, представлялись разныя муки, нѣкоторыми изъ нихъ уже испытанныя, и все-таки ужасныя, при одной мысли о которыхъ волось становился дыбомъ, эти муки могли не только поколебать ихъ твердость, но даже принудить отказаться отъ своей вѣры, значитъ, по ихъ мнѣнию, лишиться отрады въ будущей жизни... А въ ней-то и все назначение человѣка! Не дождаться же, въ такомъ случаѣ, смерти отъ антихриста, послѣ предварительныхъ, притомъ тяжкихъ мученій отъ ревнителей не по разуму?!

И несчастный, невѣжественный народъ жегся въ Каргопольскомъ уѣздѣ цѣлыми десятками и сотнями (а въ Палеостровскомъ монастырѣ и Пудожѣ—тогда Олонецк. у.—даже тысячами)... жегся съ пѣнѣемъ псалмовъ, въ бѣлыхъ погребальныхъ одѣждахъ, со свѣчами воска яраго, сами яко свѣти сожигалися (<...—Дыма и смрада исполнился земля русская отъ тѣлесъ человѣческихъ>, говоритъ раскольнический писатель. Се не вѣсь и монастырямъ токмо адамантъ бѣ отъ страдальцевъ, но и дебри возликоваху о праведницѣхъ, послужившихъ Господу...⁵) Болѣе совершилось самосожженій въ теперешнемъ Повѣнцкомъ уѣздѣ, но мы обязаны перечислить тѣ изъ происходившихъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ, которыхъ намъ извѣстны.

¹⁾ Христіанское чтеніе 1885 г. № 34 ст. прот. Николаевскаго о перенесеніи мощей св. Филиппа, стр. 299.

²⁾ Христіанское чтеніе 1889 г. № 7—8, стр. 236—237.

³⁾ Разсказы изъ истории Старообрядчества, стр. 23—24.

⁴⁾ Исторія Выговской пустыни Ивана Филиппова, стр. 25—26.

⁵⁾ Тамъ-же.

Первое самосожжение, описанное Выговским историкомъ Ив. Филипповимъ, было съ борагъ, на Поры (двѣ рѣчки сего имени: одна малая, другая большая Поры, впадаютъ въ рѣку Воложку; послѣдняя впадаетъ въ р. Онегу, съ правой стороны) въ пустыни. Быть въ собраніи старець Нижегородскій Андроникъ, «чернецъ» Іосифъ Соловецкій, Михаилъ и Ioannъ—нѣкоторые мужи ревностные; съ иими много народа; всѣ около полугода были «въ запорѣ...» «Отъ города прѣѣхало нѣсколько стрѣльцовъ со оружіемъ воинскими и со огненными снастями, яко же на пожарахъ... съ понятими многолюдствомъ и съ Каргопольскими солдаты и съ подьячими и обступя часовню, хотище всѣхъ живыхъ взяти... Іосифъ и... Андроникъ... бояся расхищенія и отъ благочестія отлученія... овые же зажгашася и отъ дыму падоша все ницъ...» «Гонители... два или три бревна выбиша (у часовни) воинъ... Изъ огня вачаша людей котами волочити воинъ, и коихъ выволочатъ—водой отливаху, и овіи оживаху. И изъ водочи изъ огня числомъ 80 человѣкъ; двухъ старцевъ—Адроника и Іосифа, да... золотыхъ мужиковъ и дѣвокъ, а достальные сгорѣли—Михаилъ и Ioannъ еще со многими». Андроникъ же вскорѣ былъ замученъ въ Холмогорахъ, а Іосифъ былъ застрѣленъ 12 августа 1693 года при новомъ самосожжениі съ тысячною толпою, въ Пудогѣ...—Второе: «Въ борахъ, на Поры же—говорить выговскій историкъ—жили старовѣрцы, отъ Чаженъги, отъ монастырскаго Выговскаго завода за тридесять поприщъ, овые и написаны въ подушной окладѣ нѣсколько душъ и платили въ Каргопольскую канцелярію; а подъ двойной окладѣ за старовѣрство не положены: И за то обнесено въ Каргопольскую канцелярію и изъ канцеляріи посланы на нихъ посыщики съ указомъ и съ понятими—вѣлько всѣхъ взять скованыхъ въ Каргополь. И эти пустыножители, убоясь, собралися въ часовню и заперлисѧ ко страданію. И посыщики пришли, указъ прочитали и стали говорить: «дайте намъ лучшихъ людей послать въ Каргополь, къ оправданію, а вы не горите». И оные, по совѣту и по уговору, дали изъ запору числомъ осмь человѣкъ и взявши ихъ скоро и послали за карауломъ въ Каргополь; а сами около запорныхъ поставили карауль. И въ запорѣ иночъ Кирилъ да бѣлецъ Григорій, видѣвшіе оныхъ лукавство: еже дождавши привавочной посылки хотять восхитити ихъ всѣхъ и свести въ Каргополь, отъ нихъ не отступають. И оные въ запорѣ, бояся расхищенія и муки и отъ благочестія отступленія, храня древнее благочестіе, зажгоша огнемъ, и скончашася съ иими мужска и женска пола до двухъ сотъ душъ, въ 1:34 г. «А которыхъ свезли—поясняетъ Филипповъ—и тѣхъ принуждали къ новинамъ своей всякими страхами и муками, и разспрашивали сбитіемъ и послали въ Новгородской разрядъ за карауломъ, и въ Новѣ градѣ вельми ихъ жестоко истязали допросами и битіемъ, и два человѣка преставилося, а третій старикъ осльпъ, учаль не видѣти, и того держаша въ Богадѣльни за карауломъ. А пять человѣкъ свезли въ ссылку, въ дальние города, въ новостроенные, на рубежъ»¹⁾. Этотъ короткій разсказъ краснорѣчиво доказываетъ, почему именно заблуждавшіеся предпочитали самосожженіе всѣмъ прочимъ сдѣлкамъ съ властями... Они хорошо знали и видѣли, какіе ужасы ожидали ихъ, въ случаѣ сдачи въ руки гонителей, и потому предпочитали лучше разомъ покончить, чѣмъ страдать неопределеннное время, не надѣясь на лучшее будущее и, въ концѣ концовъ, пожалуй, еще отрѣчясь отъ вѣры, слѣдовательно идти на вѣчную муку.

«Вижди пашу бѣду, се бо обыдоша насъ лютии гонители, ищуть насъ всѣхъ погубити и отъ благочестія отлучити».

«Аще попустимъ въ руки ихъ—приводить въ другомъ мѣстѣ Филипповъ разсужденія самосожигавшихъ—на мукѣ сдатися, но боимся расхищенія собранного толика града да не будемъ сынове погибели, ибо руки вражія нучительства и томленія готовы на пролитіе крови, на поруганіе христіанства. Мы немощны и слабы, того ради и не сиѣмъ къ предлежащимъ мукамъ вдатися»²⁾. «Такъ же нослѣ того

¹⁾ Стр. 45, 65—66 «Первая гарь».

²⁾ Стр 74—75 «Въ Каргопольскомъ уѣздѣ на пустомъ лѣсу».

³⁾ Стр. 69.

подалъ, тамо близь Моши (Мошенская волость въ 120 верстахъ отъ Каргополя), въ лѣсу, въ году сожглись: 3) «Иванъ, порекломъ Соколь, въ поставленной отъ нихъ храмини съ тридесять шестю душами въ запорѣ, въ разговорахъ съ гонителями, единаго въ окнѣ, прозваниемъ Козлова, гонители пострѣлили и, обступя начали добиватися въ хоромы, прочіи же огнемъ скончашася за древнее благочестіе». 4) «Да въ 240 (1732 года), за Канакшой (сельскій приходъ, въ 141 верст. отъ г. Каргополя) нѣкто мужъ именемъ Григорій, за древнее благочестіе, въ лѣсу, въ состроеніи храминѣ, отъ нашествія жителей, съ седмидесяти съ пятю человѣки огнемъ окончашася». 5) Да тамо же, подалъ, въ пустыни, инокъ Гаврійль, первобытный нѣкотораго монастыря строитель»—по нашему мнѣнію—состѣдней съ Канакшой Елгомской пустыни, бывшій строителемъ въ 1727 г., ¹⁾—да Ив. Кириловъ, Алексій и Козьма, съ двѣнадцатю душами, за древнее благочестіе отъ нашествія гонителей огнемъ скончашася ²⁾). Конечно, подобныхъ ужасныхъ самосожженій въ Каргопольскомъ уѣзде было не мало; но исторіе Ив. Филипповъ, какъ жившій вдали отъ Каргополя, не могъ всѣхъ знать, особенно болѣе или менѣе незначительныхъ, по числу погибшихъ жертвъ, записывая только болѣе страшно—известныя—затѣмъ не могъ же онъ записывать самосожженій, бывшихъ послѣ его смерти... О нѣкоторыхъ же изъ другихъ самосожженій, память сохраняется только въ народномъ преданіи, надмогильныхъ холмахъ, въ раскольническихъ помянникахъ, или, наконецъ, въ кое-какихъ, случайно находимыхъ, служебныхъ письменныхъ памятникахъ... Но должно допустить, что нѣкоторыя самосожженія исчезли изъ памяти народной, погребены — такъ сказать — общимъ забвеніемъ, уцѣльвшіе еще не всѣ известны въ печати или собирателямъ народныхъ преданій, наконецъ свѣдѣнія о нѣкоторыхъ изъ нихъ должны же находиться въ нашихъ местныхъ архивахъ, какъ бы эти архивы мали ни были... Къ сожалѣнію, наши архивы свѣтскіе и монастырскіе мало доступны, какъ мы сами испытали, изслѣдователямъ... Однако передадимъ, что знаемъ. Въ старообрядческихъ помянникахъ записаны слѣдующія самосожженія, совершившіяся въ тогдашнемъ Каргопольскомъ уѣздѣ: «Іоанна и иже съ нимъ; Никифора и иже съ нимъ; Аверкія и иже съ нимъ, въ Янгорахъ» (теперь Кудожскаго уѣзда); «Евдокій, Зиновій, Агафій и прочихъ, подъ Каргополемъ, инока Филарета, Алексія, Леонія и прочихъ 40, за Кенозеромъ» (озеро и приходъ одного имени, теперь находятся въ двухъ уѣздахъ—Каргопольскомъ и Шудожскомъ); «Феодора, Васілія и прочихъ на Кучепалдѣ ³⁾ (деревня въ 20 верстахъ отъ Каргополя, Краснолажскаго прихода)...—И какъ просты эти «съ прочими» и «прочихъ», и «иже съ нимъ»; ни дать, ни взять помянники Грознаго, въ коихъ угрязаемый совѣствомъ царь записывалъ замученныхъ имъ безъ именъ, прибавляя: «ихъ имена ты, вѣси, Господи». А сколько въ этихъ простыхъ словахъ горя людскаго, слезъ, крови, страданій, сколько силь погублено, да и какихъ силъ!.. Сколько народа, съ женами и домочадцами погибло, особенно въ виду самихъ распространителей той самой вѣры, которая учить любить всѣхъ, не только собственныхъ враговъ, но и враговъ этой вѣры, — погибло того именно народа, который сожигалъ самъ себя безъ остатку и, при томъ къ видимому прискорбію начальниковъ, не дождавъ понимки»...

Вотъ, наконецъ, немногія свѣдѣнія о самосожженіяхъ заблудшихъ, проишедшихъ, повидимому, безъ вскихъ явныхъ мученій или поимокъ, а по обольщению нѣкоторыхъ изувѣровъ или проходимцевъ, которые, обобразивъ простодушныхъ, подговаривали ихъ къ самосожженію, съ тѣмъ, чтобы самимъ, при первомъ же возможномъ случаѣ, скрыться, что имъ, всегда или нѣть, и удавалось...

1) «Каргопольскаго уѣзда раскольники, изъ крестьянъ (какой волости и деревни—не сказано) Зайковъ и Климовъ, бѣжааъ, въ лѣсу построили избы и, подговаривая, увели мужска и женска полу 57 человѣкъ изъ крестьянъ же, которые... въ одной избѣ сожглись...» Это самосожженіе случилось не позже 1744 г. и стало из-

¹⁾ См. мое описание этой пуст. въ Христіанск. чтеніи за 1886 г. № 5—6.

²⁾ Истор. Выговской пуст., стр. 75—76.

³⁾ Памятная книжка Олонецкой губ. за 1868—69 г. ч. III, стр. 195.

вѣстнымъ даже сенату, который и предписалъ Новгородской губернскай канцеляріи, а эта, въ свою очередь, воеводскій уѣзденный канцеляріямъ 1) разыскивать бѣглыхъ раскольниковъ Зайкова и Пригодина, которыхъ предполагали не сгорѣвшими; 2) «раскольническимъ старостамъ и сборщикамъ подтвердить наикрѣпчайше указами, чтобы они... имѣли все прилежное стараніе, безъ отлагательства, а паче бѣ, дабы имѣющіеся раскольники сами себя не жгли (?!), въ томъ за иими имѣть все крѣпкое смотрѣніе и до того ихъ отнюдь не допускать...» 31 октября 1745 г. — 2) «Олонецкаго уѣзда, раскольникъ, изъ крестьянъ Ефимъ Ивановъ, бѣжавъ изъ Олонецка о... въ Каргопольскій уѣздъ (тогда эти уѣзды были смежны), въ Мошенской стань въ Лимскую волость (въ 138 верстахъ отъ Каргополя) и подговоря, увелъ крестьянъ съ женами и съ дѣтьми и тамо, отъ раскола (? sic.) въ избѣ прошедшаго іюня 11 дня, сгорѣлъ...» (Писано 23 ноября 1745 г.): Сколько здѣсь сгорѣло раскольниковъ — неизвѣстно, извѣстно только, что Ефимъ Ивановъ «до сгорѣнія оныхъ раскольниковъ дней за 10 ушелъ», сгорѣлъ его «товарищъ, раскольникъ же, Олонецкаго уѣзда Якимъ Матвеевъ... съ прочими...» Этимъ, за недостаткомъ свѣдѣній, и заканчивается лѣтопись самосожженій въ Каргопольскомъ уѣздѣ за XVIII и можно бы сказать даже за XIX вѣкъ, еслибы подобный несчастный случай, къ сожалѣнію, не повторился даже въ наши дни... «Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ...» Въ самомъ началѣ шестидесятыхъ годовъ текущаго столѣтія цѣлыхъ тридцать человѣкъ (по словамъ другихъ только 15) Волосовской волости (въ 37 верстахъ отъ Каргополя) подъ вліяніемъ одного скрытническаго наставника, преступности котораго однако никто не доказывалъ... сожглись въ лѣсной избушкѣ близъ уѣчки Чучексы¹⁾. Этотъ несчастный случай былъ въ лѣтнее время... Затѣмъ лѣтъ 15 назадъ горѣли опять въ той же Волосовской волости, на этотъ разъ уже тѣлеса скрытническія²⁾.. И въ этомъ видѣть иѣкоторые самосожженіе, но другіе утверждаютъ, что пожаръ учиненъ для скрытія убийства и, кто правъ изъ нихъ — не знаемъ, и потому въ счетъ сего не кладемъ... Такимъ образомъ совершилось въ Каргопольскомъ уѣздѣ, по крайней мѣрѣ, 14 самосожженій извѣстныхъ, погубившихъ многія сотни (а быть можетъ, и цѣлую тысячу) ни въ чемъ неповиннаго народа, вся вина котораго состояла лишь въ томъ, что онъ былъ неизвѣстеніе — не знали даже (какъ и современники крестьяне) — кто такой Богъ, не знали самыхъ необходимыхъ молитвъ... А сколько погибло народа въ самосожженіяхъ неизвѣстныхъ (которыхъ мы будемъ стараться разузнать), сколько было замучено во времена гоненій, сколько сослано, бѣжало, утонуло, умерло отъ голода и другихъ невзгодъ?.. А о томъ, чтобы вразумить, забыли и не подумали...

И такъ какую же пользу принесли гоненіями? Обратили заблуждавшихся? или по крайней мѣрѣ, сократили ихъ число? и запугали ли другихъ, чтобы бѣгали запретныхъ заблужденій?.. Ни то, ни другое, ни третье... (И теперь число чисто православныхъ приходовъ въ Каргопольскомъ уѣздѣ не болѣе 4-хъ, но и въ тѣхъ уже появляются одиночки раскольники...) Плодомъ всѣхъ этихъ гоненій было то, что появились у иныхъ старообрядцевъ свои преподобные мужи, даже (доказательство — цѣлый воловскій патерикъ Ив. Филиппова сочиненія Мышецкаго)... и мученицы, появились свои многочисленные скиты, монастыри и пустыни... Вслѣдствіе всѣхъ этихъ условій появился въ Каргопольскомъ уѣздѣ «свой» Филаретъ Милостивый, «своя» Великомученица Варвара» (дѣвушка, бѣжавшая отъ мучителей, или настигнутая и убитая въ лѣсной глухи Шожемскаго прихода, самаго їдаленного отъ мірскихъ жилищъ (въ 150 верстахъ), стоящаго за лѣсами дремучими, болотами непроходимыми...) Вся окрестность на 100, на полтораста верстъ во всѣ стороны усердно чествовала ихъ память; сюда стекались поклонники, особенно поклонницы, преимущественно въ весенне-лѣтненое, какъ болѣе свободное время, разомъ цѣлыми сотнями... Здѣсь была устроена даже «пустынь» для ихъ пристанища и долго существовала она... Знаменитый же Чахсенскій скитъ (въ 82 верстахъ отъ Каргополя) былъ основанъ Выговцами еще въ

¹⁾ «Истор. Выговск. пуст.», стр. 138.

²⁾ «Олонецк. Губерн. Вѣдомости», 1878 г., № 57.

1710 году... Въ концѣ концовъ получился такой выводъ: мучители, преслѣдую за отпаденіе отъ церкви, лишились на всегда этихъ отпадшихъ, лишились многихъ членовъ ся; заблуждающіе же, ревнива за обряды лишились даже самыхъ обрядовъ, напримѣръ безпоповцы—оставшись чуть ли не съ одиими семью поклонами, такъ называемыми «началомъ» по крайней мѣрѣ ихъ неграмотное большинство... Слѣдовательно обѣ стороны понесли убытки невознаградимые...

Карлъ А. Докучаевъ-Басковъ.

Игра «со выюномъ».

Записана въ Новг. г., Тихв. у., д. Зaborовье.

Какъ старыя пѣсни, такъ и игры нашего простаго народа, постепенно вытѣсняемыя новой, городской цивилизацией изъ большихъ сел и мѣстечекъ — остаются въ неизрѣко-веннности только развѣ въ самыхъ захолустныхъ уголкахъ, лежащихъ вдалекъ отъ почтовыхъ дорогъ и фабрикъ. Уже слишкомъ извѣстно всѣ, и обѣ этомъ не приходится распространяться, какъ хороводныя игры замѣщаются въ современной деревнѣ французской «ка-дилью» или «ланце», правда, исказженными до невозможности. Эти новшества коснулись также и бесѣдныхъ игръ.

Въ одномъ изъ глухихъ уголковъ Новгородской губерніи, въ Тихвинскомъ уѣздѣ, славящемся своими лѣсами, мнѣ удалось записать игру, которая, какъ мнѣ кажется, до сихъ поръ мало обращала на себя вниманіе собирателей пѣсенъ. Это—игра частая на посидкахъ, называемая «со выюномъ» (т. е.—ходить со выюномъ).

Мы имѣемъ варианты пѣкоторыхъ пѣсенъ, относящихся къ этой игрѣ, но записаны они не систематически и не точно. Отрывокъ одной изъ пѣсенъ записанъ покойнымъ М. А. Колосовымъ¹⁾, затѣмъ у Якушкина находимъ, нравда пѣсколько далѣкіе, варианты къ 2-мъ пѣснямъ. Затѣмъ у Шейна мы натыкаемся на нечто странное: въ этомъ богатомъ сборникѣ, или по небрежности редактора, или по личному незнаніству его съ игрой, или наконецъ по чисто мѣстнымъ условіямъ—запѣвъ цѣлаго ряда пѣсенъ игры «со выюномъ» помѣщены почему-то въ разрядъ хороводныхъ и игровыхъ пѣсенъ въ описаніи игры «занѣвка» (стр. 141 и сл. № 93, изд. 70 г.), тогда какъ надо замѣтить, что «занѣвка» играется часто въ хороводѣ, а «со выюномъ» ходятъ на бесѣдахъ, и спутать эти двѣ игры нельзя. Даѣте же въ томъ же сборникѣ уже подъ заглавиемъ «хороводные разводные» пѣсни мы находимъ пѣсколько вариантовъ къ тѣмъ же пѣснямъ об игрѣ «со выюномъ».

Такова история этихъ пѣсенъ у нашихъ собирателей. Здѣсь ниже постараюсь привести всѣ возможныя пѣсни этой игры, извѣстныя намъ.

Какъ сказано, пѣсни эти поются на бесѣдахъ. Обыкновенно въ зимніе долгіе вечера молодежь со всей деревни наливаетъ въ складчину избу, съ обязательствомъ за уступку имъ этого помѣщенія отдать опредѣленное количество ржи, овса или какого нибудь другого хлѣба. Парни покупаютъ свѣчи или керосинъ, если въ избѣ есть лампа. Всѣ участники собираются на посидку и когда уже значительно умаются «истелицей» или новымъ «ланце», то переходятъ къ играмъ, не требующимъ такъ много движения. Тутъ по большей части и играютъ «со выюномъ».

Всѣ разсаживаются по лавкамъ, девушки запѣваютъ обычныя въ этой игрѣ пѣсни; выходитъ на средину избы парень и вызываетъ въ половинѣ пѣсни девушку.

Всѣ поютъ:

¹⁾ Замѣтки о языкахъ и народной познѣ въ области сѣверно-волжского нарѣчія въ Сиб., 1877, стр. 163. Отрывокъ въ 6 стиховъ. Олон. губ.

1.

Со выном я хожу,
С молодым гуляю.
Миѣ куда вына дѣти,
Миѣ куда положити?
Положу я выночка,
Положу молодова
К князю в изголовье:

Во время пѣнія парень водит дѣвушку за руку посеред избы, а при послѣдних словах они цѣлются. К этой пѣснѣ поется еще слѣдующій вариант: послѣ слов «Чѣм молодова выручати»—

—Дам двѣ гривы золотыи
Да чѣтыри серебрены,
Да два инохода, два коня,

Когда допоют одну пѣснѣ,—то один из играющих уходит на свое мѣсто. Остающійся выбирает себѣ пару и также ходят они взявшись за руки. Даѣтъ поются слѣдующія пѣсни:

Сидит голуб на конички,
А голубка на колинах у нево.
Почему голуб голубушку держал?
А инѣ, грит, голубушка надобна,
А красна дѣвица спонадобилась:
Она хѣбцы-кокорочки²⁾ печёт,

Пошел мужик молотити,
Да жалко жонушку будити.
«Спи-ка, жонушка Аннушка,
«Вот те в головы подушка.
«Спи-ка, радось дорогая,
«Вот те в головы другая³⁾.

Лягал голуб, лятал сизой
Со голубушкой,
А удалой молодец—
С красной дѣвушкой.
Кабы эта голубушка—
Со голубом жила,
Кабы эта красна дѣвица
Со иной пожила:
Я бы золотом усыпал
И жемчугом унизал,
Я бы лятив порою
Во кареты катал,

Пушшай ему на здоровье!
Чѣм вына выкупати,
Чѣм молодова выручати?
—Дам я за молоды выночка
Два овса шѣлгуночка¹⁾,
Поцалую три разочки.

2.

Которы не ходя со двора,
Да двѣ дѣвицы, двѣ душечки,
Да чѣтыри молодушечки.

3.

Сухи корочки на полочки кладёт,
Мякки мякишки по лавочкам,
Сладки прянички по фартучкам.
Мой то миленькой гулять пойдёт,
Меня дѣвушку с собой возьмет,
На гуляныи поцалует-обоймет.

4.

Што за дура за такая—
Ничѣво не сказала:
Ни отвѣту, ни привѣту,
Вѣрю ей дома нѣту.
Отвѣрнуаси—поцалуйси.

5.

Я бы зимной порою—
Во казанских санях,
Во казанских санях—
На ямских лошадях.
Сажу голуба на ручку—
Он не тряхнется,
На другую посажу—
Не ворднется.
Скажу: шиш, голуб, долой,
Полетай⁴⁾, сизой, домой;
Полетай, сизой, домой:
Мы распростились с тобой⁵⁾.

¹⁾ Шѣлгуночка—мѣшочек. Пѣсни записаны здѣсь с сохраненіемъ особенностей говора. К. № 1 и 2 вар. у Якушкина. Собр. соч. изд. Михневичемъ. 1887 г. Спб.

²⁾ Пирожок изъ разжигающаго теста, круглый, открытый, съ начинкой изъ толченаго картофеля или овсянной разварной крупы.

³⁾ Вариант первыхъ 6-ти стихов записан в Арханг. губ. См. Якушкин, стр. 692, № 62.

⁴⁾ Полетай—лети, полети.

⁵⁾ К этой пѣснѣ имѣются варианты: 1) У Якушкина, болѣе распространенный, съ явно поэтическими чертами, записанный въ Вятской губ. Сарапульскаго у. въ селѣ Кыргаевѣ (стр. 695, № 67); у Шнейна также № 191, стр. 233 (по изд. 1870 г.).

6.

Я не думала севодни угорѣть;
Стала с вечера голоушка болѣть,
Расходилиси угary в головы
Раскипѣлись самовары на столи.

Чашки чайвы наливаются
Холости домой сбираются,
Поцалую дожидаются.

7.

Говорила старику:
Не ходи за рику,
Там погода велика,—
Занесет старику.
Накануни Рожества
Много кражи—вороства:

Дѣвка парня обокрала,
Всі карманы оборвала—
Всі карманы оборвала,
Всі конфеты унесла.
С кѣм гуляла молодая,—
Цаловала молодца. ¹⁾)

8.

Как онна гора высока,
А другая низка,—
Один миленькой далеко,
А другой-то близко.

Уж я дальново милова
В люди подарую,
А ближново милова
Сем раз поцалую ^{2).})

9.

Не хватайтесь, дѣвицы,
Замуж выходить,
Не глядите на робят,
Што робята говорят:

Оны божатся-кленутся,
А отойдут—засмѣются.
Три копейки с денежкой,
Цаловаться с дѣвушкой.

10.

Вы молодчики молденьки,
В вас поддевачки корѣтеньки;
Постой парень, не омманьвай меня,

Я маленько попроворнѣй тебя,
Попроворнѣй малѣшенько...
Цаловаться милѣшенько.

11.

Досочка, досочка,
Досочка дубовая;
Досочка дубовая,
Дѣвка черибровая.
Тут никто не хаживал,

Никово не важивал.
Шёл-прошёл дѣтинушка,
Провёл красну дѣвушку.
Эта парочка баскѣ—
Цаловаться три разка.

12.

Не соколики по полику летѣ,—
К нам Новъски на посидку катѣ ^{3).}—
Отважите-ка переднички,
Пришли новъскія бесѣднички.

Переднички розовы,
Наші молодцы не вѣжны,
Красны дѣвки не цаловали.

¹⁾ Очевидно эти послѣдніе стихи приставлены, так сказать, в интересах игры. Подобное случится и в других пѣснях.

²⁾ Вариант великорусской имѣем у Шейна, стр. 222, № 169. Считаю пѣсню замѣстованной от Малорусов. Такой оборот рѣчи не встрѣчается в великор. пѣснях и представляется искаженіе малор. Сравн. у Чубинск., У т., стр. 25, с той только разницей, что в этом есть у Чуб. говорит парубок. Вот это мѣсто:

Одна гора високая,
А другая низка—
Одна мила далекая,
А другая близька...

...Ой я тую далекую
Хлопцам подарую,
А до сеи близенъко!
Тай сам помандрую.

³⁾ Новъски—из Новой деревни (близ Зaborовья).

13.

Уж ты, верба, вербочка,
Золотая виточка,
Не рости, верба, во ржи,
А рости в поля на межи.
Верба ¹⁾ солнышком не гръб,
И погодой не несёт,

Пагодушкой не несёт—
Соловей гнѣзда не выёг.
Соловейко Ванюшка,
Кинарейка Ганюшка.
С кѣм гуляла модода,
Цаловала мододца.

14.

Обѣшишаси мѣшанин
Мѣшанинку брати,
А мѣшаника отвѣчала:—
Не умѣю жати.
В понедѣльник на вторник—
Снопичок нажала,
В середу садила,

В четверг молотила,
В пятницу вѣяла,
В суботу мѣряла,
В воскресенье продала—
Всѣ деньжонки пропила ²⁾...
С кѣм гуляла модода—
Цаловала мододца.

15.

Мы на печкѣ молотили,
На ошѣскѣ вяли, 2 (bis)
Рукомойкой мирили.
Мой то милой мёд мокал
Перекапался,

Он на дѣвушку гладѣл—
Сам расплакался.
Вот те гривна, вот те грош,
Поцалуй которую хошь.

16.

Двой нишишки больши,
Как телята прошашши:
Ноги зыблиются,

Куски сыплются,
Сухари-то говорѣ,
Цаловаться вѣлѣ ³⁾.

17.

Как Ивану то жениться пора
Ивановичу свататься,
Ему тесть то богатенькой,
Ему тёшша то ласковая,
Яишица масляная,

А невѣста хорошая.
Цаловаться им дюжину,
Штоб на цѣльную на ужину.
Цаловала во сахарными уста,
Почитала за любезново дружка

18.

Разсыпался сырой дуб
На четыре грани.
Кто полюби старых баб,
Тово новѣ драли.

Кто молодых вдов полюби—
Для души спасенія,
Красных дѣвушек полюби—
Для поцалованья.

¹⁾ «Верба солнышком не грѣ», вин. пад. имѣем сходн. случаи, напр.: постелька сталь, Кирѣевск., VII, 190; голова держать наклонная, и недѣлюшка недѣливать— Пермск. Сборн., I, стр. 43, № 26; душа спасті—в былинѣ о Васѣйкѣ Буслаевѣ.

²⁾ Сходный мотив имѣем и в малорусской народной поэзіи. Ср. Чуб. V, 685 стр., № 293, но там жена, привыкшая гулять, идет дальше—заставляет мужа для ея увеселенія писать трепака. Мотив этот разработан в массѣ вариантов. Кроме записанных мной трех указу ще у Варенцова стр. 77, № 25, у Якушкина—594, № 64; 633, № 147; 642, № 164; у Деволдана стр. 134—5; и еще многие другие стоящіе в связи с данной темой пѣсни.

³⁾ Пѣсня шуточная, поют в наимѣшку над полюбимъ компаніей.

19.

Уж как вам тетеревам
Не летать по деревам,
Маленьким тетёрочкам
Не скакать по ёлочкам ^{1),}
А жонатым мужикам
На бесёду не ходить, 2 (bis)

По двѣ, но три не держать 2
Холостых не обиждать.
Холосты—люди просты,
А женаты—прокляты.
С кѣм гуляла молоды
Паловала молодца.

20.

У моёво у милово
Нѣт колечка никаково,
Хоть и есть перстенек—
Позолоченой орёл, 2
Славной Грузинской маёр 2
Каширьску Машеньку увёл ^{2).}

А гдѣ Машенька шла—
Трава мурава росла,
Гдѣ Ефимовну вели—
Цвѣточки алые цвѣли.
Три копейки с донежкой,
Паловаться с девушкой.

21.

По полу хожу—
Мнѣ не находиться,
Я на милова гляжу—
Мнѣ не наглядиться.

Згляни, миленькой, разок,
А я на тобя дважды, 2
Поцалую тражды.

22.

Как у милово хоромы хороши:
На двори столбы точёны,
Уголочки позолочены,
Подворотенка серебряна,
Воротечки—нѣмецкого стекла;

Приду к милому скорѣшенько,
Шишишу милово легошенько;
Догадался поскорешенько,
Поцалуемся милѣшенько.

23.

Горѣ, горѣ што живёшь,
На ленин в казармы,
Горѣ, горѣ што жуешь—
Кирпичи да камни.
Кирпичу я не хочу,

Камушка не кушаю;
В табатирки нѣт запирки ^{3),}
Табаку то не пыльники,
Поцалуй пожалуста
Во тобашины уста.

24.

Водлѣ рѣчки, водлѣ мосту,
Водлѣ мочевинки ⁴⁾
Я не думал, я не чаял
Молодой дѣвчонки.
Хоть и думал, хоть и чаял—
Не буду казати.
Запрягу я кошку в дрожки,
А кота в пристяжку, 2

Поѣду кататься.
Стелю, стелю перинушку
Нову пуховую;
Ково знаю, ково знаю,
Тово подарю.
Ково люблю, ково люблю—
Тово поцалую.

¹⁾ Первые четыре стиха этой пѣсни я нынче лѣтом слышал и записал в Крестецком уѣздѣ—эти стихи потеряли связь с пѣсней и поются таки как всѣ другія припѣски или сбирашки без опредѣленного пріурочиванія к какому нибудь случаю.

²⁾ Кошира—деревня в Крестецком уѣзде на р. Мстѣ, Грудинно—село Новгор. губ. на рѣкѣ Волховѣ

³⁾ Нѣт крышки, запора.

⁴⁾ Моча, мочевинка—маленькое болотце, напр. около рѣчки или на заливных лугах.

Должно сказать, что многие из песен приведенных выше, особенно послѣднія носят въ себѣ слѣды ихъ недавнаго происхожденія или по крайней мѣрѣ перерожденія. Особенно характерна песня № 24, являющаяся, каким то странным конгломератомъ изъ обрывковъ другихъ песен. Запѣвъ ея принадлежит известной русской песнѣ, далѣе—слѣды заимствованія или, по крайней мѣрѣ, сильного влиянія малорусской песни; послѣдніе же стихи—изъ хороводной же песни или бесѣдной: «подушечка моя пуховая», помѣщаемой чуть ли не во всѣхъ сборникахъ и даже въ хрестоматіяхъ. Слѣды разложенія этихъ песен замѣтымы и съ другой стороны: метръ въ некоторыхъ изъ нихъ, напр. 7, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 20, 21, 23 и 24 сильно приближается къ метру притѣвокъ¹⁾ или сближушекъ, какъ ихъ называютъ въ Череповецкомъ у. Новг. губ., и къ метру южно и червонорусскихъ коломыекъ²⁾—этихъ продуктовъ новѣйшаго периода народнаго творчества. (Всѣ эти песни записаны со словъ крест. д. Зaborовье Палагеи Федоровой).

Къ игрѣ «со вѣнкомъ» относятся еще песни записанные мною на посидѣлѣ въ деревнѣ Малая Будагоща въ Тихвинскомъ уѣздѣ Новг. губ. Къ сожалѣнію, удалось записать только двѣ. Вотъ онѣ:

25.

Не ходи, не гуляй
Кругъ моёво саду,
Не пишиши, не ломай²⁾
Саду-винограду;

Вѣдь не я ево садила,
Не я поливала,
А тебя я, мой хорошой,
Три разъ цаловала.

26.

Огородомъ пава шла, 2
    Ой люли, пава шла 2
За павой паверь летїлъ 2
    Ой люли, летїлъ. 2
«Ой ты, пава моя 2

«Ой люли, моя. 2
—Нѣтъ я, судырь, не твоя 2 :
    Ой люли, не твоя 2
Я корнильца батюшка 2
    Ой люли, батюшка. 2

Далѣе девушка перечисляетъ, кому она принадлежитъ, но неотвязный парень всетаки не отступаетъ отъ нея и при словахъ:

«Нѣтъ, ты пава моя 2
    Ой люли, моя 2. ,

цѣлуєтъ девушки, изображающую собой паву.

Очевидно, къ этому сводится вся игра; такихъ игръ можно назвать еще нѣсколько: напримѣр—«коней сѣнить» или «Тетѣра» или малорусская игра—Нѣлюб (Новгр. Волыск. у.)³⁾.

Всѣ подобныя игры, какъ и заимствованная у горожанъ игра—«фанты», имѣютъ цѣлью сближеніе половъ и потому не скоро сравнительно выводятся изъ жизни народа; даже танцы не могутъ окончательно вытѣснить этихъ игръ.

¹⁾ Подобныхъ притѣвокъ—коротенькихъ песенокъ съ характернымъ метромъ—продуктомъ разложения большихъ песенъ съ основнымъ размѣромъ 10 сл. съ двумя удареніями—записано мною въ предѣлахъ Тихв. и Крестецкаго уѣздовъ до 600. Всѣ онѣ—представляютъ экспромты, по большей части лирическаго содержанія, стиховъ отъ 2—6, рѣдко больше. Ср. съ ними коломыки у Деволланъ стр. 213, 236 и pass. Головацкаго II, 335 и др.; у Чубинскаго IV т., стр. 72—83, 101, 126, 133 и сл.—саадебные притѣвки, и т. V, 1106 стр. шуточныхъ, и въ др. сборникахъ. См. и специально посвященный коломыкамъ сборникъ «Счастнаго Соломона», Коломыки и шутки, Львовъ. 1863 р. Подобныя песенки считаютъ отрыжками большихъ и А. Потебни. См. Приб. XXXVII т. Зап. Ак. Н. Отчетъ о присужд. Уваровской преміи, стр. 146.

²⁾ Ломать, щипать виноград—любить девушки; ломаніе винограду, какъ и потоптаніе травы—лишенію невинности. См. Потебна. Обычаи малор. и средн. нар. песен. Т. II, стр. 480 и сл., 487 и сл.

³⁾ «Тетѣра»—записана мною въ Тихв. у.; «Нѣлюб»—въ Тр. Энг. Ст. Эксп. Чубинск. т. III, стр. 90, № 33.

О. О. Первольфъ.

Славянская этнографія понесла крупную потерю въ лицѣ скончавшагося 21-го декабря 1891 г. въ Варшавѣ профессора Императорскаго Варшавскаго Университета по каѳедрѣ славянскихъ народовъ Осипа Осиповича Первольфа.

Родившись въ 1841 году въ Южной Чехіи, въ и. Чимелицахъ, близъ г. Писка и окончивъ курсъ въ честной гимназіи, О. О. Первольфъ завершилъ свое образованіе въ Пражскомъ университетѣ, ревностно занимаясь славистикой подъ руководствомъ Гаттала, Ганки и Палацкаго; съ особенною любовью онъ относился къ исторіи славянскихъ народовъ, славянскимъ древностямъ и исторической этнографіи. Выйдя изъ университета съ широкимъ кругомъ познаній по славяновѣдѣнію, онъ въ скоромъ времени заявилъ себя въ литературѣ рядомъ основательныхъ статей по исторіи славянскихъ народовъ, при чмъ особенное вниманіе удѣлено было имъ Россіи.

Не перечисляя многочисленныхъ (свыше 60) трудовъ и статей, написанныхъ О. О. Первольфомъ за время его полезной дѣятельности, такъ неожиданно прерванной смертью, мы здѣсь укажемъ лишь, что покойный славистъ со всегдашней любовью посвящалъ свои труды изысканіямъ въ области историческихъ, этнографическихъ и бытовыхъ древностей славянскихъ. Докторская диссертаций его: «Германизация Балтійскихъ славянъ», основанная на разработкѣ данныхъ быта и языка, является выдающемся работой его въ этой области, въ сильной мѣрѣ содѣйствовавшая установившейся репутаціи его, какъ солиднаго знатока славянства. Къ той же области принадлежать статьи его: «Варяги-русь и Балтійские славяне» (Журн. М. Н. Пр. 1877 г.), «Slavische Völkerstamme», «Polen, Liachen, Wenden» — (Arch. f. Sl. Phil.) «Staloslav. řady a Obyčeje» (Slov. Sborn. 1884.); сюда же нужно отнести и весьма интересную статью его: «Словенскій языкъ и его судьбы у народовъ славянскихъ», напечатанную въ «Мюнхенскомъ сборникѣ», изданномъ Варшавскимъ Университетомъ въ 1885 г. по поводу 1000-лѣтней годовщины смерти св. Мѣодія.

Съ живымъ интересомъ относился и къ славянской современности, О. О. Первольфъ былъ и дѣятелемъ, и знатокомъ современного славянства; главнѣйшей темой всѣхъ трудовъ Первольфа служилъ вопросъ о славянской взаимности; въ его капитальномъ сочиненіи: «Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи» объединены многолѣтнія изысканія его по этому вопросу; къ сожалѣнію, смерть помѣшила ему довести этотъ трудъ до конца: въ 1886 г. вышелъ его I томъ, въ 1888 г. т. II, въ 1890 г. III т.; въ рукописи осталась часть IV тома и далеко еще не обработанный томъ IV.

Въ 1871 г. О. О. Первольфъ былъ призванъ на каѳедру Варшавскаго Университета, которую и занималъ съ честію въ теченіе 20 лѣтъ, посвящая свои чтенія славянскимъ древностямъ и особенно древностямъ славянского быта, рядомъ съ исторической этнографіей славянъ и характеристикой славянскихъ народовъ.

Стран.

9. Библиографические этюды по литературѣ сказочныхъ схемъ и мотивовъ. И. Ленора (*женщина или братъ-мертвѣцъ*). П. Ше-
макинъ судъ. *В. Каллаша* . . . . . 142—145
10. Обзоръ трудовъ по чешской этиографіи за послѣднее десяти-
лѣтие (1880—90). Ю. Покровскіи . . . . . 146—152

Отдѣлъ IV.

- Вопросы и отвѣты. А. Соболевскаго. 153

Отдѣлъ V.

Стьесъ.

1. Расколъ въ Каргопольскомъ краѣ. К. А. Докучаева-Баскова. 154—162
2. Игра со юномъ . . . . . 162—167
3. О. О. Первомыфъ (изкрохотъ). Ф. И. 168